

Фердинанд де Соссюр

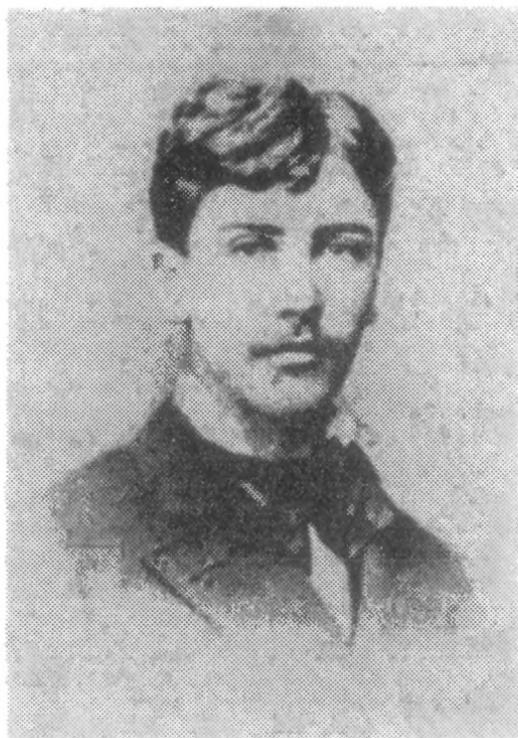

ЗАМЕТКИ
ПО ОБЩЕЙ
ЛИНГВИСТИКЕ

ФИЛОЛОГИ
МИРА

Ferd de Saussure

Фердинанд де Соссюр

ЗАМЕТКИ
ПО ОБЩЕЙ
ЛИНГВИСТИКЕ

Перевод с французского
кандидата филологических наук Б.П. Нарумова

Общая редакция,
вступительная статья и комментарии
доктора филологических наук
Н.А. Слюсаревой

2-е издание

Москва
Издательская группа «Прогресс»

УДК 80
ББК 81
С66

Редакционная коллегия серии «Филологи мира»
Толстой Н.И. (председатель)

*Авеличев А.К., Алпатов В.М., Баскаков Н.А., Гамкрелидзе Т.В., Дыбо В.А.,
Зализняк А.А., Иванов Вяч.Вс., Климов Г.А., Нерознак В.П. (отв. секретарь),
Оборина М.А., Слосарева Н.А., Степанов Ю.С., Шмелев Д.Н., Ярцева В.Н.*

Редактор В.Д. Мазо

Соссюр Ф. де

С66   Заметки по общей лингвистике: Пер. с фр./Общ. ред., вступ ст. и
коммент. Н.А. Слосаревой. — М.: Издательская группа «Прогресс»,
2001. — 280 с.

Издание личных заметок, воспоминаний и писем выдающегося швейцарского языковеда и философа Фердинанда де Соссюра знакомит советского читателя со становлением и развитием его творческой мысли. Теория Ф. де Соссюра была известна лишь по «Курсу общей лингвистики» (1916), который был составлен Ш. Балли и А. Сеше на основе студенческих записей курсов лекций, прочитанных им в Женеве с 1906 по 1911 г. Данное издание позволяет обратиться к подлинным идеям Соссюра, которые оказались ведущими для развития языкознания в XX в. Книга рассчитана на специалистов по общему языкознанию, лингвистов всех специальностей, студентов-филологов, философов.

Предлагаемый в данной книге материал опирается на публикацию Р. Энглером в 1974 г. личных рукописей Ф. де Соссюра, хранящихся в Женевском университете, и дополняет книг: Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977; Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М.: Логос, 1998.

УДК 80
ББК 81

© Вступительная статья, перевод на русский язык и
комментарии — «Прогресс», 1990
© Издательская группа «Прогресс», 2000, 2001

ISBN 5-01-004715-2

Часть первая

Фердинанд де Соссюр
Заметки по общей лингвистике

FERDINAND DE SAUSSURE
Cours de linguistique générale
Edition Critique

par
Rudolf Engler
tome 2, fascicule 4

1974

Otto Harrassowitz, Wiesbaden
© Otto Harrassowitz, Wiesbaden 1974

О ЗАМЕТКАХ Ф. ДЕ СОСЮРА ПО ОБЩЕМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

Предлагаемые вниманию читателя "Личные заметки Фердинанда де Соссюра по общему языкознанию" в качестве второго тома его трудов дополняют материалы, собранные в книге С о с с ю р 1977¹, но вместе с этим позволяют в несколько ином свете рассмотреть общетеоретические положения знаменитого женеvского языковеда.

С момента публикации в 1916 г. "Курса общей лингвистики" Ф. де Соссюра не утихают споры не только по тематике этой книги, но и по существу концепции автора, имя которого вынесено на титульный лист. Достаточно сказать, что и в наши дни выходят монографии, специально посвященные исследованиям этой концепции (напр., К о е r n e r 1988; H a g g i s 1987), не говоря о многочисленных статьях, анализирующих отдельные ее постулаты. Интересно заметить, что критики теории Соссюра избирали в качестве мишени для нападков различные компоненты, точно так же и ее сторонники объявляли главным, ведущим, центральным разные стороны его учения. Кроме того, как заметил итальянский ученый Туллио Де Мауро, критики "Курса" на протяжении полувека вместо того, чтобы рассмотреть концепцию в целом, "...предпочитали выдергивать из нее отдельные фрагменты, которые можно было использовать в качестве оружия либо защиты, либо нападения" (Д е М а у р о 1972, XV).

Оценка вклада Ф. де Соссюра в теоретическое языкознание менялась неоднократно, начиная с того времени, когда он еще в начале своей научной жизни был признан выдающимся индоевропеистом², а к столетию со дня выхода "Мемуара о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках" Е.Курилович написал, что "эффект, вызванный им, не перестает воздействовать на индоевропеистику наших дней"

Дальнейшие ссылки на "Курс общей лингвистики" безотносительно к его изданию помечаются "Курс" Все цитаты из "Курса" помечаются годом издания книги. Все французские издания начиная с 1922 г. (2-е изд.) имеют идентичную пагинацию, но мы ссылаемся на издание 1972 г., в которое включены "Введение", заметки и комментарии Т Де Мауро, S a u s s u r e 1972. Текстологическое издание "Курса", подготовленное Р. Энглером, помечается "Курс-Э", но его четвертая часть с отдельной пагинацией, которая послужила основой нашего издания, помечается "Э-IV"

¹ Правда, с его идеями соглашались не все (см. З а л и з н я к 1977; Т р о н с к и й 1977; Д ы б о 1977).

(Centenaire... 1978,7). Затем, когда сведения о читаемых в Женеве в 1906–1911 гг. лекциях стали появляться в научных публикациях, Ф. де Соссюра начали упоминать как теоретика языка (см., напр., Sechehaue 1916). Но все же в некрологах его памяти, вышедших сразу после его кончины в 1913 г., называются немногие из общезыковедческих проблем, разрабатывавшихся Соссюром; так, например, А. Мейе подчеркнул лишь то, что Соссюр ввел в "Мемуаре" понятие о языке как строгой системе, а позже определил рассмотрение языковых явлений в двух измерениях: в данный момент и в развитии сквозь времена (Meillet 1913).

По выходе в свет "Курса общей лингвистики" в 1916 г. Соссюр был провозглашен главой социологической школы в языкознании (см., напр., Шор 1927, Йордан 1971), однако следует подчеркнуть, что представление о социальном характере языка четко связано с французской научной традицией, достаточно назвать имена Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, Э. Кондильяка, О. Конта, а далее развивалось собственно социологами (Э. Дюркгейм, Г. Тард и др.) и лингвистами школы А. Мейе (см. Слюсарева 1974а, Лернер 1989). Бесспорно также и то, что Соссюр действительно определял язык как социальное явление, а это характеризовало ориентацию науки того времени и было модным, по словам А. Дожа (Dauzat 1912), наряду с психологизмом. Психологический социологизм (И. Тэн, Э. Ренан и др.) стал ведущим методологическим ориентиром во французской науке конца XIX в. Соссюр, будучи сыном своего времени, впитал эти идеи, а из философских течений был ближе всего к позитивизму, так как его структурный подход противостоял бергсопианскому интуитивизму, тоже достаточно влиятельному на рубеже веков.

Соссюр подобрал многие идеи, которые "витали в воздухе" в те годы, но, как истинный творец науки, он не просто аккумулировал их, а столь своеобразно их осмыслил и переработал, что заслужил сравнение с Кантом (Чикобава 1966), Коперником (Ульман 1962) и Декартом (Godel 1966).

На протяжении сорока лет после публикации "Курса" судьба этой книги не была однозначна, например во Франции, как свидетельствует А. Греймас, хотя имя Соссюра и не было неизвестно в 30-е гг., но в школе А. Мейе "соссюровская теория почти игнорировалась «французской филологией» — ревностным приверженцем в своих основах духу исторической грамматики XIX века" (Grimas 1965, 191). Воздействие "Курса" стало ощутимым позже в трудах Э. Бенвениста, А. Мартине, Ж. Мунена и др. В Америке, несмотря на благожелательный отклик со стороны Л. Блумфилда (Bloomfield 1924), идеи "Курса" стали распространяться лишь после перевода этой книги на английский язык в 1954 г., хотя этому предшествовала обстоятельная аналитическая статья Р. Уэлза (Wells 1947). В Англии после критических высказываний А. Гардинера по поводу "Курса" школа Дж. Р. Фёрса была фактически в

оппозиции к нему. В Германии (до второй мировой войны) были сильны младограмматические взгляды и ориентация на В.Гумбольдта. В СССР до 50-х гг. критика была направлена прежде всего против социологизма (см. Предисловие и комментарий к кн. С о с с ю р 1933). Таким образом, не будет преувеличением сказать, что лишь Пражский и Копенгагенский лингвистические кружки ориентировались еще в 30-е и 40-е гг. на постулаты "Курса": мы не упоминаем, разумеется, Женевскую лингвистическую школу – адепта соссюровской теории. Издатели "Курса" приложили немало усилий для популяризации книги; например, А.Сеше опубликовал в 1917 г. статью с многообещающим названием: "Проблемы языка в свете новой теории" (S e c h e h a u e 1917).

Прохладное отношение к "Курсу" могло объясняться и тем, что рецензии на первые два издания, написанные известными учеными – А.Мейе, К.Ябергом, О.Есперсеном, Г.Шухардтом и др., – были также достаточно сдержанными, лейтмотивом многих было высказывание, что ничего нового в книге нет и обо всем писалось ранее, оценка же синтеза "старого" и новизна идей внутренней лингвистики остались в стороне³. Лишь к середине XX в. значимость "Курса" стала вырисовываться более отчетливо.

Тематика, поднятая в "Курсе", определила во многом интересы языковедов середины XX в. и породила огромную литературу⁴, включающую не только издания, переиздания, переводы и критику "Курса", но и оригинальные труды лингвистов – теоретиков общих проблем языкознания. Стали сбываться пророческие слова А.Сеше, сказанные в 1940 г.: "Влияние «Курса общей лингвистики» на развитие науки о языке было столь могучим и плодотворным, что даже если бы он и устарел когда-нибудь во всем объеме, то остался бы навсегда в истории науки" (С е ш е 1965, 60). В 50 – 60-е гг. окрепло убеждение, что Соссюр является предшественником европейского структурализма, о чем писали многие, сошлемся лишь на название книги Ж.Мулена: "Соссюр, или Структуралист, сам того не осознавая" (М о u i n 1968). Правда, Р.Энглер в большой обзорной статье, освещающей роль Соссюра в становлении структурализма, оспаривает это мнение, полагая, что женевец вполне осознавал значимость своих идей (E n g l e r 1975). Книга Мулена вышла в серии "Философы всех времен", и это дает основания рассматривать теорию Соссюра также с позиций философии языка (см. С л ю с а р е в а 1977), об этом писал и Р. Гodel (G o d e l 1966, 85).

Следует подчеркнуть, что воздействие соссюровского структурализма сказалось и за пределами собственно лингвистики – в семиотике, – а имя Соссюра встало рядом с именем Ч.С.Пирса. Однако наибо-

³ Список рецензий приведен в кн. С о с с ю р 1977, 284–285.

⁴ Вышли отдельные библиографии: Кернера (K o e r n e r 1972a и 1972b рец. С л ю с а р е в а 1974b) и Энглера (E n g l e r 1976a; 1977; 1979; 1986).

лее стойким и последовательным было обращение к идеям "Курса" тех направлений в социологии и искусствоведении, которые ориентировались на семиотику и разрабатывали ее постулаты (К.Леви-Стросс, М.Мерло-Понти, Р.Барт и др.: см. Структурализм... 1975, Семиотика 1983, Барт 1989).

Вместе с тем и структурализм, вдохновленный Соссюром, в 60 – 70-е гг. начал уступать место новым веяниям, и, говоря его терминами, лингвистика языка начала уступать место лингвистике речи, возникли лингвистика текста и функционализм, генеративизм и интерпретационизм, стали просматриваться новые ветки психолингвиста и логицизма в лингвистике. Казалось бы, судьба соссюрского наследия в лингвистике была предопределена.

Однако через сорок лет после публикации "Курса" произошло примечательное событие, благодаря которому в обширной области соссюрской тематики выделилась еще одна линия, которую можно назвать соссюрведением и которую составляют изыскания, восстанавливающие подлинные идеи Женевского мыслителя. Возможность оформления этой линии была определена публикацией ранее не издававшихся и неизвестных материалов. До этого времени мысли Соссюра о проблемах общей теории языка были известны лишь в пересказе Ш.Балли и А.Сеше, которые сами не слушали его лекций по общему языкознанию, прочитанных в Женевском университете. Известно, что издатели ограничились некоторыми конспектами слушателей трех курсов (1906/07, 1908/09, 1910/11), о чем они сами написали (см. Балли, Сеше 1977, 36) в предисловии к книге и отметили, что попытка найти записи самого Соссюра окончилась неудачей, так как, по их мнению, "де Соссюр уничтожал, как только отпадала в том необходимость, наспех составленные черновики, в которых он фиксировал в общем виде те идеи, какие потом излагал в своих чтениях" (там же, 35).

И тем не менее один из учеников Ш.Балли, его преемник по кафедре Соссюра, то есть общей лингвистики, профессор Женевского университета, специалист по классическим и турецкому языкам и по общему языкознанию, Робер Годель (1902–1984) предпринял попытку найти дополнительные записи лекционных курсов Соссюра и просмотреть черновики его самого, хранящиеся в библиотеке Женевского университета. Эта попытка удалась, и в 1954 г. Годель опубликовал в непериодическом издании "Тетради Ф. де Соссюра"⁵ часть обнаруженного – "Неизданные заметки Ф. де Соссюра" (S a u s s u r e 1954) с небольшим предисловием, в котором говорится, что они представляют большой интерес, так как, написанные до 1900 г., эти заметки показывают, что общетеоретические проблемы лингвистики интересовали Соссюра задолго до чтения знаменитых лекций. Так, например, в заметках уже

⁵"Cahiers Ferdinand de Saussure", издаются Женевским лингвистическим обществом с 1941 г.; в дальнейшем ссылки даются как CFS.

содержится одна из фундаментальных идей Соссюра о том, что объекты лингвистики не являются данными, а формируются в зависимости от точки зрения (S a u s s u r e 1954, 58).

В 1957 г. Р.Годель выпустил большую книгу с анализом этих и ряда других соссюровских документов, а также студенческих записей, не использованных издателями "Курса" С этого времени все ссылки на знаменитый "Курс" стали корректироваться обращением к книге "Рукописные источники «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра" (G o d e l 1957)⁶. В дополнение к этой книге Годель опубликовал анализ записей третьего из прочитанных курсов (1910/11), наиболее подробных, которые были сделаны Э.Константеном, но которые не попали в руки издателей (SM, 158–59). Наконец, Годель издал и написанные собственноручно Соссюром "Воспоминания о молодости и о годах учения" (S a u s s u r e 1960; см. наст. изд.).

Эти "Воспоминания...", материалы, подобранные Годелем к биографии Соссюра, так же как и некрологи его памяти, изданные женой и сыновьями Соссюра (см. S a u s s u r e 1915/1962), включая некоторые сведения из архивов, позволили итальянскому переводчику "Курса", исследователю творчества Соссюра, крупному теоретику проблем семантики и семиотики, Туллио Де Мауро, составить и впервые представить полную научную биографию Соссюра (см. D e M a u r o 1967; 1972⁷ а также Х о л о д о в и ч 1977б).

Напомним вкратце некоторые моменты научной жизни Ф. де Соссюра, чтобы в дальнейшем стали более ясными ссылки на отдельные факты. Интерес к проблемам языка проявился у него весьма рано, в четырнадцать с половиной лет, когда он, вдохновленный разысканиями А.Пикте по лингвистической палеонтологии (см. P i c t e t 1859/63), преподнес этому старцу свой "Очерк о языках" (1872), где наметил общую схему языка (du langage)⁸ Конечно, сам Соссюр в своих

⁶ В дальнейшем ссылки на эту книгу даются как "SM"

⁷ Де Мауро написал большое предисловие к итальянскому изданию "Курса", снабдил книгу обширными комментариями и "Заметками к биографии и к критике Ф. де Соссюра" (D e M a u r o 1967). Эти "Заметки..." свидетельствуют о глубоком знании автором личной и научной жизни Соссюра, в них описана судьба его учения в разных странах, дан анализ его воздействия на разные научные тенденции, а также изложены вопросы о возможных предшественниках, включая В. фон Гумбольдта и Г. фон дер Габеленца, а в добавлениях проведено сопоставление идей Соссюра со взглядами А. Нурена, Б. Кроч и Н. Хомского. Итальянское издание оказалось столь значимым, что в 1972 г. при очередном переиздании "Курса" в Париже труды Т. Де Мауро были присоединены к нему во французском переводе, выполненном Л.-Ж. Кальве (см. S a u s s u r e 1972 рец. С л ю с а р е в а 1973).

⁸ Этот очерк под названием "Опыт приведения греческих, латинских и немецких слов к небольшому числу корней" (S a u s s u r e 1978) вместе с рядом других материалов хранится в библиотеке Гарвардского университета (США) (см. C a n d a u x 1974/75).

воспоминаниях назовет этот опус ребячеством (*enfantillage*), но американский ученый Б.Дэвис, опубликовавший это произведение, подчеркнул, что "в нем можно увидеть молодого Соссюра, интуитивно продвигающегося к тем направлениям, которые будут оформленно и систематически развиваться в его последующей работе" (цит. по Saussure 1978, 74). Дэвис обращает внимание также на противопоставление формы и значения (*signification*), формы и смысла (*sens*), к чему можно добавить безусловное провидение в оценке элементов звуковой матери (см. Jakobson 1969/71). Не затрагивая примеры на этимологии, нам хотелось бы обратить внимание на то, что размышляющий мальчик возразил против теории происхождения языка из подражания звукам природы и написал: "Я полагаю, напротив, что он (человек. — Н.С.) подошел к произношению всех возможных звуков посредством длительного обучения" (там же, 77), то есть в сознании будущего ученого уже начала формироваться идея социального характера языка.

Систематизирующий ум увлеченного молодого человека еще до получения регулярного лингвистического образования в Лейпциге и Берлине позволил ему сделать поразительные в то время наблюдения и выводы о судьбе индоевропейского [a], а позже развернуть в "Мемуаре" (1878/9) общую картину индоевропейского вокализма. Примечательно, что всего через год, в 1880 г., Н.В.Крушевский в рецензии на "Мемуар" отметил самое существенное: новый метод анализа фонетических явлений в слове в зависимости от его грамматической формы. Крушевский писал, что "де Соссюр воспользовался этим, чтобы сделать из морфологии путеводную нить при исследовании явлений фонетических" (Крушевский 1880, 5)⁹ Иными словами, казанский ученый подметил новое требование — изучать языковые явления в их взаимной связи во всем объеме системы языка.

Завершив занятия в Лейпциге и Берлине и защитив докторскую диссертацию в Лейпциге в 1880 г. (см. Холодович 1977б, 662), Соссюр осенью этого же года приезжает с целью совершенствования образования в Париж, где он уже был известен как автор "Мемуара" и как член Парижского лингвистического общества с 1876 г. Он прослушал ряд курсов, обратил на себя внимание Мишеля Бреалья, и в

⁹ Представляется ошибочным утверждение, сделанное в издании 1977 г., где написано: "Мы абсолютно уверены, что Соссюр ничего не знал тогда об этом отзыве" (Холодович 1977б, 657). Во-первых, в перечне книг личной библиотеки Соссюра, хранящемся в Женевском университете, есть оттиск этой и других работ Крушевского с дарственными надписями, так же как и работ И.А. Бодуэна де Куртенэ (Gambaгага 1972, 346), во-вторых, Соссюр мог читать (но не писать!) по-русски, чему свидетельствует ряд примеров в "Курсе" (напр. *говорит* — *говорить*, см. Saussure 1972, 165; в русском переводе не указано, что эти примеры даны по оригиналу — см. Соссюр 1977, 152). Кроме того, журнал "Русский Филологический Вестник", где была опубликована рецензия Н.В. Крушевского, печатался в Варшаве и был хорошо известен в научных кругах не только России.

1881 г. французский ученый, как об этом пишет Де Мауро, "передал ему (Соссюру. — Н.С.) свой курс в Высшей практической школе" (De Mauro 1972, 335). Однако надо уточнить, что Бреаль читал курс сравнительной грамматики индоевропейских языков в традиционном для Франции плане с опорой на идеи всеобщей грамматики, весьма популярной там. Соссюр же начал читать курс сравнительной грамматики германских языков и вел семинары по готскому и древневерхненемецкому языкам до 1887 г. Было вполне резонно поручить именно Соссюру вести эти курсы, поскольку он получил в Германии солидное индоевропейское, и именно германистическое, образование. Затем курс был расширен, в него была включена сравнительная грамматика греческого и латинского языков, позже добавлен и литовский язык, и курс обрел широкую индоевропейскую ориентацию.

Именно такие курсы Соссюр продолжал читать и в Женевском университете после переезда в Швейцарию в 1891 г., но, кроме того, был добавлен ряд других курсов, более частных, включая литературоведческие — о Нибелунгах, о французском и ведическом стихосложении и др. С 1891 по 1896 г. Соссюр исполнял обязанности экстраординарного профессора и заведующего кафедрой сравнительной грамматики индоевропейских языков, которая была учреждена для него, а с 1896 г. — ординарного профессора по индоевропейским языкам. С 1905 г., после ухода на пенсию бывшего главы кафедры лингвистики и филологии Ж.Вертгеймера (1833–1908)¹⁰, де Соссюр возглавил эту кафедру (см. De Mauro 1972, 324–353) и с 8 декабря 1906 г. официально начал читать курс общей лингвистики, а также истории и сравнения индоевропейских языков, хотя первые лекции состоялись в январе 1907 г.

Публикуемые в данном переводе "Заметки..." Соссюра показывают, что он и предыдущие курсы не считал рутинными и в каждом, начиная с 1891 г., доносил до своих слушателей те или другие общие соображения о проблемах языковой деятельности и языка, о подходе к анализу языковых фактов. Один из его учеников, Де Крю, вспоминал, что Соссюр учил не путать письменную речь с устной и старую филологию с лингвистикой, "этой новой наукой, имеющей свои законы, которые установил Соссюр" (S a u s s u r e 1915/62, 31)¹¹

Следует обратить внимание на то, что в докторской диссертации "Об использовании родительного абсолютного в санскрите" (1880 г.) Соссюр, во-первых, обратился к синтаксису, которым в те годы фактически не занимались, а во-вторых, определил ценность (*valeur*) этой конструкции по ее соотношению с местным абсолютным, то есть ее дистинктивную черту (*caractère distinctif*). "Соссюр, — подчеркивает

¹⁰ Следует внести эти уточнения в сведения, содержащиеся в русском издании "Курса" (см. Х о л о д о в и ч 1977б, 667).

¹¹ Термин *лингвистика* не использовался широко во времена Соссюра (см. К у к е н х е й м 1962, 3).

Т. Де Мауро, – ввел свою, новую точку зрения, согласно которой ценность языковой единицы реляционна и оппозитивна” (De Мауро 1972, 331), иными словами, уже тогда начала отрабатываться терминология. Все это позволяет сказать, что интерес к общим проблемам развивался на протяжении всей жизни Соссюра, а своеобразное их решение выделило его концепцию, поэтому вполне закономерно его ученики Ш.Балли и А.Сеше отважились представить ее на суд ученых.

Как известно, издатели сами не слушали курсы по общей лингвистике, но Балли занимался у Соссюра по ряду дисциплин с 1895 по 1905 г., а Сеше – с 1891 по 1893 г.; последний вспоминал в 1913 г., что ”это был прекрасно организованный показ некоторых принципов общей лингвистики” (S a u s s u r e 1915/62, 62). Общий курс в 1910/11 г. слушала супруга А.Сеше, записи которой были использованы, так же как и записи А.Ридлингера, при подготовке ”Курса” к печати (см. SM 25–31; De Мауро 1972, 344). В общих курсах Соссюр отводил много места иллюстрациям на обширном материале индоевропейских языков, однако это не нашло места в тексте ”Курса”, что лишило теории ее языковой опоры.

Все приведенные нами данные оказались доступны благодаря большой исследовательской работе Р.Годеля при подготовке книги ”Рукописные источники...”, а также других ученых, включившихся в сосюроведение, эту новую область изысканий не только в историографии лингвистики, но и в общей теории языка. Прежде всего эта пионерская работа способствовала пробуждению интереса к личности Соссюра и к его творчеству, о чем до этого имелись весьма скудные сведения, которые, как правило, содержались во вступительных статьях к переводам ”Курса” и в рецензиях на него¹²

Ознакомление с книгой Годеля позволяет составить более полное представление о взглядах Соссюра и в то же время поставить ряд дополнительных вопросов: когда Соссюр начал задумываться над проблемами общей теории языка? Какое место они занимали в его научных исканиях? Каковы были планы трех курсов и как они воплотились в прочитанных лекциях? Соответствует ли канонический текст (”Вульгата”, как его иногда называют) задуманной книге, если такая планировалась самим лектором? Какова была бы архитектоника соссюровской теории и как она складывалась? И наконец, в какой мере издатели внесли свою трактовку отдельных проблем и вопросов? Частично подсказка ответов была высказана выше, но еще многое остается открытым.

¹² Напомним, что первые переводы вышли в Японии (1928), Германии (1931), СССР (1933), Аргентине (1945) и др. странах (см. Х о л о д о в и ч 1977а, 28–29). В 70-е гг. вышли переводы на португальском (1971), вьетнамском (1973), корейском (1975), албанском (1977), турецком (1976/78) языках, а также новый английский перевод (1986).

Надо прямо сказать, что со страниц "Рукописных источников..." на нас смотрит несколько иной Соссюр, чем тот, которого мы привыкли видеть в каноническом тексте. Да и образ Соссюра-лектора вырисовывается более масштабным, обращенным не только к проблемам внутренней лингвистики, но и более широким областям филологии, где есть место не только общей проблематике и сравнительной грамматике индоевропейских языков, но и отдельным вопросам романистики (Engler 1976b) и германистики, включая литературоведческие работы и несколько загадочные (Godel 1966, Engler 1975) изыскания в области анаграмм (см. Иванов в Вяч. 1977).

Материалы книги Годеля дают четкий ответ на первых два вопроса. Правда, Соссюр в одном из писем к А.Мейе называет себя историком языка, но он тут же пишет: "Уже давно занимаясь прежде всего логической классификацией этих (языковых. — Н.С.) явлений (faits) и точек зрения, позволяющих их трактовать, я все более и более убеждаюсь и в огромных размерах работы, которая показала бы лингвисту, что же он делает, сводя каждую операцию к заранее предусмотренной категории, и в то же время в достаточно большом разнообразии того, что в конечном счете можно сделать в лингвистике" (цит. по SM, 31). Годель ссылается также на запись, сделанную А.Ридлингером в 1909 г., согласно которой Соссюр сказал, что занимается проблемами статической лингвистики уже лет пятнадцать (там же, 29). В беседе с Л.Готье в 1911 г. на вопрос, занимался ли Соссюр до 1906 г. темами, которые он включил в курсы по общей лингвистике, он ответил: "Наоборот, я почти ничего не добавил с тех пор. Именно эти темы весьма занимали меня еще до 1900 года" (там же, 30). Далее в этой беседе Соссюр выделил два положения: 1) "Общая лингвистика представляется мне в виде геометрической системы" и 2) "Первая истина: язык отличен от речи" (там же). Нелишне в этой связи напомнить и слова Балли и Сеше, которыми они начали свое предисловие к "Курсу": "Сколько раз нам приходилось слышать из уст Фердинанда де Соссюра сетования на недостаточность принципов и методов той лингвистики, в сфере которой развивалось его дарование. Всю свою жизнь он упорно искал те руководящие законы, которые могли бы ориентировать его мысли в этом хаосе" (Соссюр 1977, 35). Все эти свидетельства подтверждают то, что проблемы общей лингвистики занимали большое, точнее, даже центральное место в творческой лаборатории женевого мэтра.

Анализируя имеющийся в его распоряжении материал, Годель показал, что вопреки распространенному мнению существует преемственная органическая связь между автором "Мемуара" и лектором курсов по общему языкознанию в Женеве. Это положение подхватил Э.Бюиссенс в специальной статье "Происхождение синхронической лингвистики де Соссюра" (Buisson 1961) и доказал, что идея системности и алгебраического характера языка, а также вычленения знаков из звуковой цепи зародилась на материале исследования отношения подобия

и различий в фонетической системе древних языков. Интересно в этой связи отметить, что задолго до появления этих выводов аналогия "Курса" и "Мемуара" была отмечена Р.О.Шор, которая заключила, что "как первый, так и последний труд гениального ученого подводит итоги одной научной эпохе и открывает другую" (Шор 1927, 51).

Внимательное изучение рукописей, представленных Гodelем, выявляет постоянство Соссюра в использовании отдельных формулировок, к которым он постоянно возвращался, уточняя и закрепляя их. Своеобразие творчества Соссюра обнаружилось и в особом использовании старых терминов, и в особом способе конструирования новых терминов, что побудило Гodelя включить в свою книгу словарик, обильно снабженный цитатами (SM, 252—281).

В "Рукописных источниках..." дан также подробный анализ работы, сделанной Балли и Сеше. Отмечено не только то, что ими использовались не все материалы, особенно последних курсов, не все рукописи Соссюра, но и то, что в "Курс" были вставлены главы, материал которых он никогда не включал в лекции (например, глава "Фонема в речевой цепи"). Пометки на полях привлеченных рукописей свидетельствуют, что издателям многое было непонятно и трактовалось порой произвольно. Гodelь показывает, что в некоторых местах они развивали и даже видоизменяли текст рукописей, давая свою интерпретацию, хотя причины этих отступлений не всегда ясны (SM, 115—119). Иными словами, издатели предложили свой вариант теоретической мысли Соссюра.

Проведенное исследование утвердило Р.Гodelя в мысли, что многое в концепции Соссюра остается неразъясненным (например, проблема тождества в синхронии и диахронии, соотношение ценности /значимости и значения) или спорным (толкование аналогии и этимологии); сомнения вызывает различие между языком, речью и языковой (речевой) деятельностью; недостаточно раскрыто, что понимал Соссюр под механизмом языка, и т.д. Свой вывод Гodelь формулирует следующим образом: "Мысль Ф. де Соссюра, судя по его неизданным заметкам и записям курсов, блестяща, хотя улавливается с трудом. Она концентрируется вокруг нескольких основных положений, своего рода геометрических точек, наметивших систему линий, которые должны были в конце концов определить цельную фигуру. Но мы располагаем лишь некоторыми последовательными набросками и фрагментами этой фигуры, которые не дают возможности определить с точностью ее окончательные контуры" (SM, 249). Возможно, этот несколько пессимистический вывод как раз и вдохновил соссюрведов на поиски максимального приближения к идеям лектора женевских курсов.

Естественно, что выход в свет гodelевской книги привлек историков и теоретиков науки о языке. Вторая половина 50-х гг. была апогеем развития структурализма, многие положения которого возводились непосредственно к отдельным фразам из "Курса", а общая тематика соотносилась с его концовкой: "...единственным и истинным объек-

том лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя" (Соссюр 1977, 269), как выяснилось, не принадлежавшей Соссюру. Следовательно, был поставлен вопрос о единственности истоков структурализма, во всяком случае европейского. Достаточно напомнить, что Л.Ельмслев возводил свое учение к соссюровской фразе "язык есть форма, а не субстанция"

Затем стал вопрос об архитектонике "Курса", поскольку книга давала один из вариантов, предложенный Балли и Сеше, но не совпадающий ни с одним из прочитанных Соссюром курсов (ср. Engler 1959). Это породило многочисленные попытки "воссоздания" общего соссюровского учения, примером чего является вариант А.А.Холодовича (Холодович 1977а, 25–28), свои варианты предлагали Де Мауро, Энглер, Кёрнер и другие исследователи.

Возникла и проблема центрального постулата соссюровской теории, который связал бы воедино всю концепцию внутренней лингвистики, поскольку именно в ней содержится новизна, предопределившая развитие науки о языке в середине XX века.

Из массы книг и статей, составляющих фонд соссюроведения, следует выделить особый вклад в эту отрасль знания трудов Рудольфа Энглера, ученика Р.Годеля, которому последний посоветовал подготовить текстологическое издание "Курса" со всеми параллелями из имеющихся источников, как студенческих записей, так и заметок самого Соссюра. Начиная этот труд, Энглер охарактеризовал свою цель так: а) чтобы текст книги был представлен в своем обычном виде, б) чтобы источники были доступны для чтения, а каждая перемена текста была соотнесена с тем, что ей предшествует и что следует за ней, в) чтобы текст и его источники были легко обозримы и сравнимы (Engler 1959). Это уникальное текстологическое издание "Курса" было выпущено под именем Соссюра с традиционным заголовком тиражом всего в 880 экземпляров. Три части первого тома вышли в 1967–1968 гг. с единой пагинацией и представили весь канонический текст с соответствующими ему материалами (Saussure 1967; 1968). Второй том, представленный четвертой частью в общем издании, содержит лишь заметки самого Соссюра (именно эту часть мы представляем в русском переводе), хранящиеся в Женевском университете (см. Saussure 1974); заметки, хранящиеся в США, еще ждут издателя, хотя самый ранний опус уже увидел свет (см. Saussure 1978).

Энглер не восстанавливает некий новый текст и не предлагает исправить текст, созданный Балли и Сеше, так как, по его мнению, "ничто теперь не в силах восстановить подлинную мысль Соссюра" (Курс–Э, 7). Он расположил тексты (in folio) в шести колонках, в первой даны пронумерованными все предложения "Курса" (с указанием страниц изданий 1916 и 1922 гг.). Во второй, третьей и четвертой даны соответствующие каждому предложению первой колонки отрывки из записей студентов, использованных издателями, причем выделены жирным

ширифтом слова и фразы, которые попали в канонический текст. В пятой колонке помещены неизвестные издателям записи Э.Константена третьего из прочитанных курсов, наиболее полно представившего идеи Соссюра. В шестой колонке подобраны соответствующие места из записей самого Соссюра. Особо помечены те отрывки канонического текста, которые не были обнаружены, но не исключено, что они основывались на личных беседах издателей с их учителем. Из-за того что Соссюр в своих лекциях в разные годы не придерживался единой схемы (см. Х о л о д о в и ч 1977а, 12–18), а в книге дано расположение, созданное Балли и Сеше, Энглеру пришлось указать, где надо искать начало или конец фраз и отрывков в текстах второй шестой колонок.

Материалы, собранные в книгах Энглера, вносят некоторые уточнения в ход научной мысли Соссюра и позволяют ответить на часть недоуменных вопросов, неоднократно дискутировавшихся в критических статьях, так как они возникали при чтении канонического текста. Появилась возможность отделить мысль Соссюра от тех домыслов, которые были привнесены, с одной стороны, издателями книги, а с другой — ее многочисленными комментаторами. Обратим внимание на самые существенные моменты концепции внутренней лингвистики, определившей жизненность теории женевого языка-мыслителя.

Хорошо известна фраза Соссюра, что "у языковой деятельности есть сторона индивидуальная и сторона социальная, причем одну нельзя понять без другой" (Saussure 1972, 24)¹³ В записях же сказано более четко, что язык обладает двойной социально-индивидуальной природой, и обе его стороны — социальная и индивидуальная — соотносятся между собой, и, следовательно, язык живет и в той, и в другой, так как его формы и грамматика существуют лишь как социальный феномен, но их изменения происходят в индивиде (К у р с-Э, 28, кол. II). Из этого следует, что Соссюру была близка диалектика соотношения языка и речи, хотя в ряде работ акцентировалось то, что Соссюр "отрывал" язык от речи. На самом же деле, признавая их связь, он требовал их разграничения и отдельного изучения.

Связь языка и речи выявляется в рассуждениях Соссюра о вычлениении единиц языка при разграничении звуковой цепочки. Рассматривая эту методику, Соссюр говорил, что исследователя языка нельзя сравнивать с человеком, которому дали лист бумаги и ножницы и предложили разрезать этот лист на куски; языковед скорее решает задачу разрезания нитки, так как разграничение единиц языка приводит к тому, что мы получаем звенья одной цепи (т а м же, 236). Далее следует примечательная фраза о том, что наилучшим способом выделить единицы языка является именно анализ речи, выступающей в виде регистрации языка, поскольку мы не имеем возможности изучить то, что происхо-

¹³ В отдельных случаях мы даем цитаты из французского оригинала в нашем переводе. О термине *langage* и его эквивалентах см. с. 25–27 наст. изд.

дит в клеточках нашего мозга. В другом месте Соссюр еще раз возвращается к этой мысли и подчеркивает, что "язык не ограничивается только анализом определенного числа единиц, но обладает также и способом расположения их" (там же, 300), Соссюр указывает, что линейный порядок единиц точно так же абстрагируется разумом, как и сами единицы – слова, корни, суффиксы и т.п. (там же, 376).

Новым и своеобразным является у Соссюра объяснение социального как семиологического, в чем он опередил современное ему языкознание на добрых полвека. Он разъяснял, что характер появления системы знаков не представляет интереса, поскольку она создается лишь для коллектива и ни в коей мере не для индивида.

Определив место языка в ряду явлений языковой деятельности и подчеркнув, что язык – это важнейшая из знаковых систем (письмо, азбука для глухонемых, символические обряды, формы учтивости, военные сигналы и т.п.), Соссюр указал на две основные черты языка, характеризующие его в противовес другим социальным учреждениям: 1) то, что ни одно из этих учреждений не распространяется на всех индивидов в любой момент времени и никакое другое социальное явление не связано со всеми индивидами таким образом, что каждый принимает в нем участие и даже может оказать влияние на него; 2) то, что большинство социальных учреждений в какой-то период времени может быть подвержено замене, исправлению, преобразованию по чьей-то воле, в языке же не бывает ничего подобного, и даже академии никакими декретами не могут изменить тот курс, по которому следует учреждение, именуемое языком (там же, 45; во всех кол. со II по V). Лишь после этого Соссюр переходил к раскрытию сущности семиологических явлений (ср. С о с с ю р 1977, 53–55). В каноническом тексте эти подробности были опущены, и мысль Соссюра об особом месте языка среди знаковых систем и об отличии от них отошла на второй план.

Соссюр повсеместно подчеркивает системный характер языка. В этой связи обращает на себя внимание то, что во всех записях повторено предложение лектора назвать "Язык как система знаков" весь тот материал, который помещен в части I канонического текста и озаглавлен "Общие принципы" (С о с с ю р 1977, 98). Остается пожалеть, что издатели не сохранили соссюрское заглавие, наиболее точно передающее новизну его подхода к языку и охватывающее всю выдвинутую им совокупность проблем.

Весьма интересны отражающие влияние позитивизма и выпущенные в каноническом тексте рассуждения о сущности языка и о соотношении материального и идеального (часть II, глава III). Соссюр учил, что реальные сущности языка определимы с большим трудом, так как язык это явление внутреннее и чрезвычайно сложное, которое представляет собой ассоциацию понятия и акустического образа. В канонический текст вошла лишь последняя фраза, но в записях содержится примечательное завершение этих рассуждений: для выявления сущностей языка необ-

ходима операция позитивного характера и внимательный анализ, так как каждая единица определима по звуковому отрезку, неразрывно соединенному с понятием. Хорошо известно положение "Куреа" о том, что "языковая сущность определяется полностью лишь тогда, когда она отграничена, отделена от всего того, что ее окружает в речевой цепочке" (Соссюр, 1977, 136) и что именно это отграничение и создает единицы языка. Однако во всех записях тут же следует добавление: "Это отграничение представляет собой операцию не чисто материальную, но необходимую или, точнее, осуществляемую именно потому, что в ней наличествует материальный элемент" (Курс-Э, 233, кол. IV), и далее сказано, что только после отграничения мы можем заменить название "сущность" на "единица" Кроме того, Соссюр специально отмечал: "материальный – в смысле чувственный, т.е. полученный при помощи органов чувств (но не физический)" Сравнение с текстом "Курса" (Соссюр 1977,99) показывает, что в книге философское противопоставление идеального материальному оказалось снятым. Неточность формулировок в книге связана с тем, что издатели ввели в рассуждения о лингвистическом знаке фразу о сохранении параллелизма между двумя рядами различий – звуковыми и психическими. Ни в одной из записей этого нет, и нет, следовательно, оснований полагать, что Соссюр опирался на теорию психофизического параллелизма, как полагают некоторые. Подход Соссюра скорее приближается к трактовке материи у Ф.Энгельса, который писал: "Материя, как таковая, это – чистое создание мысли и абстракция. Мы отвлекаемся от качественных различий вещей, когда объединяем их, как телесно существующие, под понятием материи. Материя, как таковая, в отличие от определенных существующих материй, не является чем-то чувственно-существующим" (Энгельс 1966, 400–401).

К записям лекций о психическом характере двух сторон языкового знака Энглер присоединяет личные заметки Соссюра, в которых последний полемизирует с мнением о первичности объекта и вторичности имени. Однако в другом месте, возражая против сравнения языка с вуалью, которая набрасывается на мир, Соссюр говорит, что "язык скорее похож на стекла очков, через которые мы созерцаем предметы" (Курс Э, 242, кол. II и IV). Безусловно, соссюровское сравнение, выпущенное в изданном Балли и Сеше тексте, достойно занять место в лингвистике.

Для науки о языке весьма важен вопрос о единицах языка и о том, что же считать основной единицей языка. Крылатые фразы из книги, что "понимание слова несовместимо с нашим представлением о конкретной единице" (Соссюр 1977, 138) и "конкретную единицу следует искать не в слове" (там же), породили впечатление, что Соссюр рассматривает низшие единицы (под-единицы – *sous-unités* в его терминологии) в качестве основных единиц системы языка. Однако именно слова составляют подавляющее большинство примеров, которыми он оперирует, рассуждая о членах системы, хотя издатели включили в канонический

текст также рассуждения о единицах больших, чем слова (там же), не отраженные ни в одной из записей лекций. Изучение материалов Энглера позволяет сказать, что Соссюр рассматривал именно слово как "нечто центральное в механизме языка" и издатели не могли не отметить это положение (см. там же, 143), но важно то, что он подошел к определению и других единиц в системе языка и указал на своеобразное положение аффиксов и корней, т.е. морфем – в терминологии Бодуэна¹⁴. Ни в одной записи мы не находим формулировок, низводящих слово до единиц, равных под-единицам. Энглеровские материалы не подтверждают мнение Р.Годеля, что "для Соссюра вопрос единиц – это прежде всего и главным образом был вопрос под-единиц" (SM, 209). Соссюр лишь учил, что слова не являются единственным видом единиц (см. С о с с ю р 1977, 135–137), но выделение под-единиц основывается на разложении слов. Однако в одной из записей сохранены сомнения лектора, по-видимому, сказавшего: "Вопрос о под-единицах остается открытым" (К у р с–Э, 295, кол. II). Пафос соссюровских положений был в утверждении, что под-единицы тоже представляют собой конкретные единицы языка, а не являются плодом исследовательской фантазии грамматиста.

В золотой фонд языкознания вошла созданная Соссюром теория ценности (значимости, *valeur*) единиц языка как членов системы. До него эта проблема не затрагивалась, хотя у У.Д. Уитни намечился подход к ней. Сам Соссюр осознавал важность этого открытия и говорил, что до него исследователи не обращали внимания на зависимость понятия знака от понятия системы (там же, 261, кол. III). Он отмечал, что и в других науках, например в экономике, ценность устанавливается с трудом, так как она определяется извне, т.е. коллективом; он говорил: "Иными словами, ценность знака в самом себе определяется коллективом" (там же, 255, кол. II); немного ниже говорится: "Кажется даже, что есть два вида ценности – ценность в себе и ценность, притекающая от коллектива, но в сущности это одно и то же" (там же).

Наиболее сложной является проблема определения ценности в ее соотношении с содержательной стороной знака. Показательно, что Соссюр прямо называл ее *суть*, озаглавив эту часть лекций "Ценность членов и смысл слов" (там же, 257; кол. II, III, V), тогда как издатели предложили более неопределенную формулировку: "Языковая значи-

¹⁴ Изобретенный Бодуэном термин *морфема* был заимствован французскими языковедами в более узком значении носителя лишь грамматического значения, а для носителя лексического значения был использован термин *семантема* (см. В а н д р и е с 1934). Позже А. Мартине ввел термин А. Фрея *монема* для обозначения любого минимального носителя смысла, т.е. почти равный бодуэновской морфеме (см. М а р т и н е 1963). Не представляется удачным эквивалент соссюровской под-единицы в виде "единицы низшего уровня" (С о с с ю р 1977, 138), так как представлении об уровне характере системы языка еще не сформировалось (предпочтительнее перевод 1933 г., как *единицы низшего порядка* – С о с с ю р 1933, 107).

мость с ее концептуальной стороны” (С о с с ю р 1977, 146). Однако четкого решения мы все-таки не находим, и в записях содержатся противоречивые места, часть которых проистекает из-за нечеткого разграничения значения (signification) и смысла (sens). В одном месте сказано: “Ценность – это не значение” (К у р с – Э, 249 кол. II, III, IV, V), в другом: “Ценность – это, конечно, элемент смысла, но важно не рассматривать смысл иначе, чем как ценность” – и добавлено: “Наверное, в лингвистике наиболее тонкой операцией является рассмотрение того, в чем же смысл зависит и чем он в то же время отличается от ценности” (т а м же, 258; кол. V). Немного ниже несколько раз повторена мысль о том, что не только ценность определяется системой сосуществующих членов: “*Все, что есть в слове, детерминируется тем, что существует вокруг него в плане ассоциаций и синтагматических связей*” (т а м же; кол. II, III, V – выделено мной. – Н.С.). При одном из противоречивых мест: “Смысл любого члена зависит от наличия или отсутствия соседних членов. От понятия системы мы приходим к понятию ценности. Система приводит к члену, таким образом значение определяется тем, что его окружает” (т а м же, 261; кол. II) – на полях рукописи А.Сеше записал: “Очень бы хотелось правильно интерпретировать эту загадку: «значение и смысл» являются синонимами, а под тем, что их окружает, надо бы понимать случай, контекст, а не те отношения, которые, судя по всему сказанному, служат для установления ценности”, а Балли добавил: “Фактически Соссюр нигде не определил значение” (т а м же; кол. VI). Этот пример как нельзя лучше показывает, что и публикация новых материалов не позволяет полностью восстановить мысль Соссюра, которая непрерывно развивалась и обновлялась, “не вступая тем не менее в противоречие с самой собою”, как писали те же Балли и Сеше (С о с с ю р 1977, 36).

Проблема значения связывается у Соссюра с проблемой разграничения единиц, что вполне закономерно, но в начале века такое соотношение скорее подразумевалось, чем открыто определялось. Мы находим в записях ряд замечаний, позволяющих сделать важные выводы об истинных соображениях женеvского мэтра. Так, например, одно из замечаний: “Единицы существуют там (в речевой цепи. – Н.С.) не сами по себе для значения, а именно значение создает возможность для отграничения единиц” (К у р с – Э, 239; кол. IV) – опровергает распространенное убеждение в том, что Соссюр как предшественник крайних структурных методов отрицал обращение к значению. “То что значимо, учил Соссюр, – проявляется в разграничении единиц. Единица – это значение, которое ее создает” (т а м же, кол. V). И еще: “Лишь значение позволяет отграничивать единицы” (т а м же, 248; кол. IV). Говоря об алгебраическом характере языка, Соссюр добавляет не акцентированное в каноническом тексте (ср. С о с с ю р 1977, 120) положение: “Все в языке – отношения. Именно мысль отграничивает единицы...” (К у р с – Э, 275; кол. IV). Или: “Звук сам по себе ничего не отгра-

ничивает – всегда есть соотношение с мыслью” (там же, кол. II). Более того, Соссюр отмечал, что если одна из сторон знака и имеет какую-либо основу сама в себе, то это понятийная сторона, то есть “идея, как основа (base) знака” (там же, 178; кол. VI).

Весьма интересно в связи с этим определение синхронического поля (часть II, глава VII), отсутствующее в каноническом тексте: “Синхроническое поле состоит из совокупности значимых различий. Наука и занимается игрой этих значимых различий. Синхронические вещи значимые вещи... То, что существует, то и ощутимо; то, что существует синхронически, это именно то, что значимо. С другой стороны, значимо то, что обладает (синхроническим) различием для своего выражения. Существует полное тождество, синонимия двух терминов – «синхронический» и «значимый»” (там же, 307; кол. III) Добавим, что в качестве методического приема Соссюр довольно свободно использовал терминологию: “Для упрощения... можно не проводить коренного различия между пятью вещами: ценностью, тождеством, единицей, реальностью (в смысле – лингвистической) и конкретным лингвистическим элементом” (там же, 248; кол. II).

Своеобразие соссюровской терминологии побудило Р.Энглера во время текстологического издания “Курса” подготовить “Словарь” этих терминов (Engler 1968) по типу, предложенному Р. Голделем: каждый термин иллюстрируется всеми цитатами, в которых он появляется. В “Предисловии” отмечено, что инновации, вводимые Соссюром поэтапно, сосредоточены главным образом в материалах по общей лингвистике, а в прочих разделах терминология более или менее традиционна.

Вопросы терминологии при издании и комментировании “Курса” всегда стояли особо не только потому, что Соссюр, постигая и предлагая новый подход к языку, стремился подобрать соответствующие средства выражения. “Лексикон терминов становился лексиконом идей” (там же, 7), – кратко сформулировал Р.Энглер. Для достижения этого привлекались разные способы, создавались новообразования типа упомянутого выше термина *под-единицы* или термина *синтагма* для обозначения дискурсивной единицы, состоящей из двух или более единиц языка с неизменным порядком их расположения. Инновация знаменовала новизну вводимой идеи. Соссюр стремился к ясности изложения, он учил: “Самое важное состоит в том, чтобы понимать, о чем идет речь. Есть такие метафоры, избежать которых нельзя. Требование пользоваться лишь терминами, отвечающими реальным явлениям языка, равносильно претензии, будто в этих явлениях для нас уже ничего неизвестного нет” (Соссюр 1977, 43). Термин *сила общения* (*force d'intercourse*, см. Соссюр 1977, 241) интересен тем, что он представляет собой франко-английский гибрид (англ. *intercourse* ‘общение’), на что обратили внимание издатели (Sausse 1972, 281)

Термин *ценность* знака (*valeur*) заимствован из политэкономии, о

чем Соссюр сам говорит (С о с с ю р 1977, 113), опять-таки для выражения новой идеи. Сложность этого термина в том, что он многозначен, и это создало трудности при его переводе на другие языки. Как отметил А.М.Сухотин, в первом изданном переводе "Курса" в русских изложениях этот термин передавался двояко — *ценность, значимость* (см. С о с с ю р 1933, 87). В немецком переводе использованы Wert и Geltung (см. E n g l e r 1968, 57). Мы придерживаемся эквивалента *ценность* как наиболее близкого к сути передаваемого им соссюровского понятия. Надо учитывать также и то, что русским эквивалентом политэкономического термина является *стоимость*, термин более узкий, чем *ценность*, а такое сужение значения умаляет соссюровскую идею. Термин *значимость* тоже нежелателен, так как этимологически связан со словом *значение*, а Соссюр весьма тщательно подбирал термины, учитывая этимологические и смысловые ассоциации, и выделил термин *valeur* из ряда *signe, signifié, signifiant, signification* etc. Также и *ценность* не контаминируется с рядом *знак, означаемое, означающее, значение*, и используется для именованя свойства (*valeur*) лингвистического знака, которое было открыто Соссюром (см. С л ю с а р е в а 1975).

Желание подчеркнуть специфику языковой сущности выявилось и в использовании терминов *означаемое (signifié)* и *означающее (signifiant)* для именованя двух сторон лингвистического знака. Эти термины были взяты из "Грамматики Пор-Рояля" (G r a m m a i r e 1846) и введены лишь в конце третьего из прочитанных курсов (1910–1911) безусловно, для того, чтобы противопоставить их психологической ориентации *понятия* и *акустического образа*, т.е. выделить особенности языковых феноменов. Соссюр не сразу создал такое достаточно четкое терминологическое противопоставление. Заметки показывают его колебания, направленные на уяснение того, как соотносятся между собой план выражения и план содержания, говоря словами Л.Ельмслева. Это видно из того, что Соссюр вводит в терминологический ряд особые компоненты: *семиология, сема (sème), апосема, парасема, сома (sôme), парасома* и некоторые другие. *Сема* определяется как синоним знака (*signe*), конвенционального и зависящего от системы; *апосема* — вещь (*chose*), абстрагированная, отделенная от знака, то есть означающее, тело знака; *парасема* — знак как член (*terme*) взаимодействия с другими знаками в системе; кроме того, различаются *материальные* и *интеллектуальные апосемы*, последние, по-видимому, соответствуют акустическому образу, но психологический термин изымается в угоду особому характеру языкового знака. Однако такая терминология не удовлетворяла Соссюра, и он вводит для акустического образа, или для оболочки семы, другой термин — *сома (sôme)*, чтобы избежать смешения с целым, то есть со знаком (*signe*); *сома* эквивалентна означающему, а *парасома*, или *контрсома*, именуется означаемое, значение. Можно сделать вывод на основании такой асимметрии терминов, что Соссюр был близок к будущей концепции Л.Ельмслева о различении как формы и субстанции в плане выражения,

так и формы и субстанции в плане содержания. Однако слишком громоздкая схема побудила, видимо, в лекциях дать более компактный вариант соотношения означающего и означаемого. Это повлекло многочисленные разнонаправленные интерпретации взаимодействия двух сторон языкового знака, начиная с теории асимметрического дуализма, предложенной С.Карцевским, но подсказанной Соссюром.

Среди терминов, обозначающих особенности языкового знака, по мнению Р.Годеля, ключевое место в соссюрской лингвистике занимает слово *член* (*terme*), которое никогда не смешивается со словом *знак* (*signe*) (SM, 220) или со словом *элемент* (*élément*), *часть* (*membre*). Использование слова *член* связано с представлением о языке как математически строгой системе (ср. *члены* бинама, прогрессии, пропорции и т.п.), компоненты которой находятся в определенных отношениях. Соссюр неоднократно прибегал к высказываниям такого рода; например: "Отношение *Nacht Nächte* можно выразить алгебраической формулой $a \ b$, где a и b являются результатом совокупного ряда отношений, а не простыми членами данного отношения. Язык, — учил он, — это, так сказать, такая алгебра, где имеются лишь сложные члены системы" (С о с с ю р 1977, 154)¹⁵

При переводах и при толковании соссюрских идей наибольшие сложности возникают с французской триадой *langage — langue — parole*. Эти слова с годами приобрели терминологичность не только в теории Соссюра, но и далеко за ее пределами: сюжет "язык и речь" стал центром симпозиумов, конференций, статей и книг. Как кажется, ясен обобщающий характер слова *langage*, так же как и рассмотрение двух других в виде его составных частей (см. С о с с ю р 1977, 46 и сл.). Однако смысл *langage* является самым неопределенным, так как в рукописях это слово выступает как синоним по отношению к двум другим (SM, 142). Настаивая на необходимости раздельного изучения языка и речи, Соссюр тем не менее ощущал сложность подбора соответствий французской триаде в других языках. "Следует заметить, что мы занимаемся определением предметов, а не слов, — учил он, — поэтому установленные нами различия ничуть не страдают от некоторых двусмысленных терминов, не вполне соответствующих друг другу в различных языках. Так, нем. *Sprache* соответствует франц. *langue* 'язык' и *langage* 'речевая деятельность'; нем. *Rede* приблизительно соответствует франц. *parole* 'речь'; однако в нем. *Rede* содержится дополнительное значение: 'ораторская речь' (= франц. *discours*); лат. *sermo* означает скорее и *langage* 'речевая деятельность', и *parole* 'речь', тогда как *lingua* означает *langue* 'язык' и т.д. Ни для одного из определенных выше понятий невозможно указать точно соответствующее ему слово, поэтому-то определять слова абсо-

¹⁵ В издании 1933 г. А.М. Сухотин избрал эквивалент *термин* к ному французскому слову *terme*, чем снял своеобразие соссюрского

лютно бесполезно; плохо, когда при определении вещей исходят из слов" (Соссюр 1977, 52). Но несмотря на это авторитетное утверждение, Соссюр сам оказался в плену у французских слов, что подметил и Г.Кронассер (Kronasser 1952), а также А.М. Сухотин (см. Соссюр 1933, 38, сн.). Детальный анализ соответствий в целом ряде языков провел Т. Де Мауро (De Mauro 1972, 423–425) и показал, например, что при переводе на немецкий язык, имеющий диаду терминов, поступили иначе, так как термин Sprache колеблется между значимостями langue и language, а термин Rede – между langue, parole и discours, из-за чего при издании "Курса" Г.Ломмель ввел третий термин и уточнил два существующих, получив следующие соответствия: langue – Sprache, langage – Rede (menschliche Rede), parole – das Sprechen; правда, отдельные авторы используют и другие варианты, например Э. Отто дает: langue Sprachtum, parole Sprechakt, langage – Sprache (Otto 1954). Трудности возникли и при передаче французских слов в английском переводе "Курса"; В.Баскин узаконил соответствия: language – speech (human speech), langue – language, parole – speaking (Sausurre 1959).

Аналогичные трудности стояли и перед издателями "Курса" в СССР, поскольку русский язык также располагает двумя словами: *язык* и *речь*. До 1933 г., когда вышел в свет первый русский перевод, использовались разные возможности, чаще всего: langage – *речь*¹⁶, langue – язык, parole – говорение. С.И.Бернштейн, например, в реферате книги Соссюра, должном в 1923 г., перевел langage словом *речь*, имея в виду такое словоупотребление, как, например, "дар речи" (Бернштейн 1976, 444)¹⁷. По неясным причинам Р.О.Шор и Д.Н.Введенский в изданном тексте использовали словосочетание *речевая деятельность* для передачи соссюровского термина langage, что повлекло смещение акцентов у слова *речь* и сузило его использование до ориентации лишь на индивида. Это словоупотребление было сохранено и при втором издании "Курса" в 1977 г., хотя с оговоркой (Соссюр 1977, 23), а в отдельных местах был внесен ряд уточнений.

Несмотря на "привычку" наших лингвистов в качестве эквивалента соссюровскому langage использовать предложение издателей канонического русского текста, в данном издании "Заметок..." мы вводим иной вариант перевода: langage – *языковая деятельность*. В нем, во-первых,

¹⁶ Стоит обратить внимание на то, что психологи обычно пользуются словом *речь* в широком значении человеческой речи вообще как отличии homo sapiens и в противопоставлении речи и мышления, например в названии знаменитой работы Л.С. Выготского "Мышление и речь"

¹⁷ В начале 20-х гг. в Москве А.И. Роммом подготовился перевод "Курса", который, однако, не был напечатан. В процессе работы над ним переводчик также использовал триаду "речь – язык – говорение", отметив: "Что касается термина «речь», мне кажется, это слово удачнее всего выразит всеобщность говорения (ce tout global de la parole)" (цит. по Тоддес-Чудакова 1981, 233).

передается более широкое значение, ориентирующее не на индивидуальную (*речь*), а на коллективную (*язык*) принадлежность этого феномена, что в большей мере соответствует соссюрской концепции. Во-вторых, словосочетание *языковая деятельность* сохраняет этимологическую связь французской пары (*langage langue / языковая деятельность – язык*), а это было характерно для соссюрского терминоворчества.

Итак, в качестве эквивалента триаде *langage langue parole* мы используем триаду *языковая деятельность язык речь*. Правда, в отдельных случаях, когда в текстах Соссюра нет четкости в использовании терминов (Годель прав в этом), мы ориентируемся на контекст, указывая каждый раз в скобках избранный им вариант.

В результате анализа собранного Р.Энглером материала напрашивается вывод, сформулированный К.Кёрнером: "...издатели Ш.Балли и (особенно) А.Сеше ввели так много изменений в студенческие записи, которые были в их распоряжении, когда они компоновали текст, что ряд получившихся высказываний оказался в полном противоречии с позицией Соссюра" (К о е г н е r 1988, 129). Для проверки справедливости этого вывода и знакомства с истинными идеями женевского ученого мы предлагаем советскому читателю личные заметки Соссюра, чтобы можно было убедиться, что он не отрывал, как полагали многие, ни язык от речи, ни синхронию от диахронии¹⁸, ни внутреннюю лингвистику от внешней, он только требовал раздельного их изучения.

Р.Энглер, издав "Личные заметки", предупредил о возможной ошибке – "принять хронологическую последовательность рукописных текстов за генетическое развитие идей" (E n g l e r 1975, 837), – на что и мы хотим обратить внимание читателей. Тексты начинаются с подготовленных лекций, а затем представляют собой наброски к статье об У.Уитни, к предполагаемой книге по общей лингвистике, к рецензии на книгу А.Сеше "Программа и методы теоретической лингвистики" (1908), а также наброски к курсам лекций 1908/09 и 1910/11 гг. Особо следует отметить разделы "Афоризмы I и II", которые выделяются среди всех заметок тем, что именно в них сосредоточены самые сокровенные мысли Соссюра о сущности языка. Ш.Балли и А.Сеше специально поместили этот материал в центр изданной ими книги (части I и II), так как они верно ощутили в этом новизну и оригинальность теории их учителя и друга. Лекционные тексты, записанные студентами, давали возможность показать развитие мысли лектора, но личные записи афоризмы раскрыли ее более широкий объем. Тут мы находим размышления о структуре предложения в ее соотношении, с одной стороны, со структурой мысли, а с другой стороны – с использованием слов как частей речи, тут выделяются поиски характерных черт языкового знака, что видно из предпринимавшихся Соссюром поисков терминологии, тут продемонстрированы заблуждения предыдущих этапов раз-

¹⁸ См. например: Б у д а г о в 1988, 179.

вития науки о языке. Среди завершающих нашу публикацию "Заметок разных лет" обращают на себя внимание в высшей степени интересные рассуждения Соссюра о префиксах и предлогах и его вывод о трактовке этих групп слов как особой одиннадцатой части речи. Кроме того, необходимо принимать во внимание различие между заметками, обращенными к студенческой аудитории, к специалистам, к неопитам и к профессионалам.

Издатели "Курса" Балли и Сеше полагали, что старые наброски Соссюра непригодны для самостоятельного использования (см. Соссюр 1977, 35), однако Энглер издал их, доказав их самодовлеющую ценность, и подчеркнул, что "эта группа заметок является центральной для соссюровского структурализма" (Engler 1975, 832). Кроме того, они, как было сказано выше, позволяют ответить на ряд недоуменных вопросов, возникающих при работе с каноническим текстом, что на обширном материале показано Р.Хэррисом в книге "Читая Соссюра" (Harris 1987).

Мы надеемся, что русский перевод "Заметок Соссюра" позволит лингвистам нашей страны, когда они обращаются к трудам Соссюра, составить неискаженное представление о его идеях и цитировать подлинный текст, а не апокриф.

* * *

В заключение считаю своим приятным долгом выразить искреннюю признательность светлой памяти профессору Роберу Годелю, подарившему мне три книги "Курса-Э" и ряд других книг и статей.

Со словами глубокой благодарности обращаюсь к профессору Бернского университета Рудольфу Энглеру, от которого я получила текст "Э-IV" и все другие его работы и без которого данное издание не могло бы быть осуществлено.

Н.А.Слюсарева

Этот выпуск представляет собой первое приложение к синоптическому изданию "Курса" и его источников; в него включены все те материалы папок Ms. fr. 3951 и Ms. Cours univ. 435, хранящихся в Публичной и университетской библиотеке Женевы ("Заметки по общей лингвистике"), которые не могли быть изданы одновременно с текстом 1916 г. Позднее будут изданы другие дополнительные материалы: таблицы, неиспользованные отрывки курсов, заметки по семиологической фонетике (в Ms. fr. 266. 8 Хаутонской библиотеки в Гарварде)¹, предисловие к изданию 1916 г. и другие документы, критический аппарат, тематический, именной и терминологический указатели. В конце этого тома помещен критический аппарат в качестве пробного образца. Его цель — облегчить чтение "Заметок..."; что касается содержащихся в нем попыток конъектур, то мы с благодарностью примем любые предложения, которые могли бы нам помочь.

Материалы двух папок, объединенные под названием "Заметки по общей лингвистике," частично совпадают. Ms. cours univ. 435 представляет собой ряд копий, которые А.Сеше во время подготовки "Курса" к печати сделал с утерянного оригинала, а также с части той рукописи, которая затем стала обозначаться как Ms. fr. 3951; в последнем случае речь идет об автографе. Собрание "Отрывков" было опубликовано Р. Годелем в 1954 г.²

Ms. fr. 3951 состоит из двух частей: а) ряд заметок от рассуждений по физиологии и фонетике до набросков книги по общей и синхронической лингвистике, которые были широко использованы А.Сеше и Ш.Балли и из которых первый извлек "Отрывки"; б) ряд аналогичных текстов, несомненно хорошо известных Балли и Сеше³, которые, по видимому, слишком бегло ознакомились с ними и не заметили, что это

См. Jakobson R. Saussure's unpublished reflections on phonemes. — CFS, 26, 1969, p. 5—14.

² Notes inédites de F. de Saussure. — CFS, 12, 1954, p. 49—71.

³ «Издатели "Курса" видели эти заметки, на некоторых из них еще сохранились карандашные пометки, сделанные рукой Балли, в верхней левой части страницы; но, вероятно обескураженные невозможностью как-то расклассифицировать эти фрагменты, они вынуждены были отказаться от дальнейшей их разборки», — пишет Р. Годель, — CFS, 17, 1960, p. 5.

настоящие заготовки к курсу 1910/11 г.⁴ Первую часть проанализировал и прокомментировал Р.Годель в SM⁵; вторая часть, обнаруженная только в 1958 г., то есть после опубликования SM, еще основательно не изучена⁶ Полный список текстов, содержащихся в Ms. fr. 3951, дается в "Inventaire des manuscrits de F. de Saussure remis à la Bibliothèque publique et universitaire de Genève" (CFS, 17, 1960, p. 5–11). Читатели заметят, что место фрагмента, фигурирующего под № 22 в SM, пришлось изменить после открытия, сделанного в 1958 г., и он помещен под № 23. Фрагмент № 7 (*Морфология*) был опубликован в "A Geneva school reader"⁷; другие заметки, начиная с 1957 г., приводятся в SM и в основывающихся на этом издании публикациях⁸; все они были использованы с помощью той системы отсылок, которую мы применяем здесь, для составления нашего словаря "Lexique de la terminologie saussurienne" Utrecht–Anvers, 1968; таким образом, он может служить в качестве временного указателя к текстологическому изданию.

Наше издание текстов следует тем же принципам, что и синоптическое издание, однако пришлось отказаться от чрезмерной фрагментации; порядковые номера соответствуют частям текста, которые выделил Р.Годель. В начале каждого текста помещены отсылки к рукописям, к классификации в SM и в Inventaire и в случае надобности к более ранним публикациям. Фрагменты, помещенные в синоптическом издании, снабжены соответствующей ссылкой. Деление текста на абзацы нам показалось трудным; отказываясь от чрезмерного вмешательства в авторский текст, мы обозначили авторские деления в рукописи с помощью тире. Угловые скобки < > указывают на исправления в оригинале, заметки на полях, добавления между строк, а квадратные скобки с пробелом [ ] обозначают лакуны в тексте, которые мы постарались восполнить в критическом аппарате, оставив в самом тексте, также в квадратных скобках, только те добавления, которые не вы-

⁴ Это относится к заметке 3339 (№ 23. 6) *Неизбежность изменения знаков* и к части заметки 3334 *Разделы Курса и лингвистическая география* (2224–2967).

⁵ Godel R. Les sources manuscrites du Cours de linguistique générale de F. de Saussure. Genève–Paris, 1957

⁶ Мы даем описание этих текстов в нашей публикации в "Current trends in linguistics", vol. 13. The Hague–Paris.

⁷ A Geneva school reader in linguistics. Ed. by R. Godel. Bloomington London, 1969 (первый перевод на русский язык, выполненный Н.А. Слюсаревой, см. в кн: Методологические проблемы истории языкознания. Реферативный сборник. М.: ИНИОН АН СССР, 1974. Однако перевод в данном издании является более полным – *Прим. ред.*)

⁸ Engler R. Théorie et critique d'un principe saussurien: l'arbitraire du signe. CFS, 19, 1962, p. 5–65; Derossi G. Segno e struttura linguistici nel pensiero di Ferdinand de Saussure. Udine, 1965; Jakobson R. The world response to Whitney's principles of linguistics. In: Whitney on language. Ed. by M. Silverstein. Cambridge Mass. and London, 1971; Engler R. La linéarité du signifiant. In: Studi saussuriani dedicati a Robert Godel. Bologna: Il Mulino, 1974; Engler R. La dissociazione del segno. In: Teoria e storia degli studi linguistici. Roma: Bulzoni, 1975.

зывают никаких сомнений. Страницы рукописи обозначены косой чертой и номером в квадратных скобках. Отсылки и порядковые номера расшифровываются следующим образом:

3282.1	Текст № 1 заметки 3282
3283,2	страница 2 заметки 3283
3305.14,2	страница 2 текста 14 заметки 3305

Р. Энглер

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА РУССКОГО ПЕРЕВОДА

При издании русского перевода "Заметок..." Ф. де Соссюра пришлось несколько видоизменить способ подачи текста, так как книга предназначена для использования достаточно широким кругом читателей, тогда как издание Р.Энглера рассчитано скорее на лингвиста-текстолога или на историка науки о языке. Особенности текста "Э-IV" является то, что, во-первых, он идет сплошным массивом и выделены лишь фрагменты сохранившихся рукописей с пометами мест их хранения и публикации, если таковая была осуществлена. Во-вторых, часть заметок, наиболее важных по содержанию, не вошла в этот массив, а была включена в шестую колонку трех основных книг "Курса-Э" (Saussure 1967, 1968), что обеспечило параллельное прочтение "Курса" и соответствующих мест из заметок самого Соссюра. В-третьих, в приложенном к тексту "Э-IV" критическом аппарате даны разъяснения (как к этому тексту, так и к шестой колонке основного текста) большинства вычеркнутых и подразумеваемых слов в квадратных скобках. Надо иметь в виду, что все фрагменты, помеченные номерами выше № 3282, входят в основной текст "Э-IV", а все нижние номера взяты нами из текстов "Курса-Э"

В своем предисловии к "Э-IV" Р.Энгерл отметил, что при публикации "Заметок..." выделение абзацев в сплошном тексте было затруднительным, и он представил текст в том виде, как он сохранился от Соссюра. Однако мы предприняли именно такой шаг, чтобы облегчить восприятие текста, сохранив, разумеется, последовательность расположения материалов. Более того, мы разбили весь материал на главы в известной мере в соответствии с описанием всех опубликованных фрагментов, выполненным Энгерлом (Engler 1975). В пределах глав мы выделили параграфы, основываясь на содержании фрагментов. В некоторых рукописных фрагментах параграфы отмечены самим Соссюром, в них сохранен значок параграфа (§) при порядковом номере, хотя некоторые заголовочные фразы сконструированы нами. В параграфах, выделенных нами, значок параграфа при порядковом номере отсутствует.

Затем для сохранения цельности соссюрских идей мы включили в издаваемый текст перевода значительное количество фрагментов из шестой колонки основного текста "Курса-Э", сохранив последова-

тельность расположения всех фрагментов, которая была предусмотрена Энглером. Это представляется весьма существенным, так как публикация "Курса-Э" в переводе на иностранные языки вряд ли осуществима.

Наконец, в издаваемый нами текст были внесены все разъяснения из приложенного к тексту "Э-IV" критического аппарата, при этом были сохранены квадратные скобки, а также некоторые другие пометы типа (зачеркнуто). Вместе с этим был снят ряд скобочных помет, затрудняющих визуальное восприятие текста, но не искажающих содержание текста. Эти пометы важны лишь для текстолога, который при необходимости может обратиться непосредственно к тексту "Э-IV"

Таким образом, вместо сплошного массива текста мы предлагаем материал, чтение которого должно быть соединено с определенными удобствами для широкого читателя.

Разумеется, издание рукописей, не предназначавшихся автором для публикации, содержит ряд трудностей, с которыми читателю приходится считаться. Так, сохраняются незаконченные фразы, продолжение которых не представляется ясным, ряд идей лишь обозначен в виде тезисов или отдельных отрывков предложений, имеют место лакуны в тексте, иногда Соссюр нумеровал какие-то положения №1 или № 2, но соответствующие им номера в тексте ни до, ни после не отмечены. Некоторые отсылки и аллюзии автора текста почти вековой давности невозможны в наши дни и не на родине Соссюра, хотя мы надеемся, что частично нам это удастся сделать в комментариях. Мы рассчитываем на благожелательную оценку предлагаемой публикации со стороны языковедов нашей страны, получивших подлинного Соссюра в квалифицированном переводе Бориса Петровича Нарумова.

Н.А. Слюсарева

ТРИ ЛЕКЦИИ В ЖЕНЕВЕ, 1891 г.

Материал данных лекций является вступлением (вводной частью) к курсу сравнительной грамматики индоевропейских языков, который был прочитан первым после возвращения Ф. де Соссюра в Женеву, когда он приступил к работе в качестве экстраординарного профессора кафедры истории и сравнения индоевропейских языков на факультете гуманитарных и социальных наук. Дата – ноябрь 1891 г. – помечена им самим.

**Первая лекция:
МЕСТО ЛИНГВИСТИКИ СРЕДИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК,
ЕЕ ПРЕДМЕТ; СРАВНИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА
И ИСТОРИЯ ЯЗЫКОВ**

3283 = №1.1

[Первая лекция в Женевском университете (ноябрь 1891 г.)

Рукописи: BPU Женева, Ms. fr. 3951; Ms. Cours univ. 435 (Отрывок 17).

Публикации: 3283, 8–12 = Отрывок 17 в CFS 12, 1954, 65–67. Ср.: SM 13, 37–38; CFS 17, 1960, 6.]

а) Место лингвистики среди гуманитарных наук

Если бы с учреждением кафедры, которую я имею честь открывать сегодня*, вводился новый вид исследований в нашем Университете, если бы моя миссия или привилегия заключалась в настоящий момент в том, чтобы ввести вас в здание, которое наука о языковой деятельности строит уже в течение 70 лет, описать в общих чертах современное состояние этой науки, окинуть взглядом ее прошлое, которое не очень велико, или дать прогноз на будущее, определить ее цели, ее практическую пользу, указать на то место, которое она занимает в кругу гуманитарных дисциплин, и на ту пользу, которую она может принести на филологическом факультете, боюсь, я не смог бы вполне достойно справиться со своей задачей, но, бесспорно, не мог бы жаловаться на отсутствие слушателей.

Не превознося чрезмерно достоинств лингвистики, можно задать вопрос, какую выгоду способна извлечь из этих исследований, например, классическая филология, греческое, латинское и французское языкознание, даже если оно преследует чисто литературные цели, какой интерес могут представлять те же исследования для истории вообще или для / [2] истории данной цивилизации? Здесь следует упомянуть имя женева, которым мы гордимся также и по другим причинам, имя Адольфа Пикте*, того самого Адольфа Пикте, который первым четко представил себе, как можно использовать язык в качестве свидетеля доисторических эпох, и, хотя он, видимо, слишком полагался — что было неизбежно при первоначальном энтузиазме, вызванном неожиданным открытием мира, о существовании которого ранее не подозревали, — [на] истинность, абсолютную ценность данных, [извлекаемых] из языка, тем не менее он явился основателем важной отрасли исследований, которые вполне закономерно культивируются и в наше время целым рядом ученых.

Далее я хотел бы подчеркнуть совершенно определенное значение [лингвистики] для этнографии; ее значение таково, что языковые данные до получения более полных сведений являются основным доказательством для этнолога. Можно задаться вопросом, каким образом, не имея этих данных, этнолог мог бы утверждать, например (если привести один пример из тысячи возможных), что среди венгров цыгане представляют собой народ, совершенно отличный от мадьярского; что в пределах Австрийской империи мадьяры в свою очередь представляют собой / [3] народ, совершенно отличный от чехов и немцев; что, напротив, чехи и немцы, которые ненавидят друг друга всей душой, являются очень близкими родственниками; что в свою очередь мадьяры являются близкими родственниками проживающих в пределах Российской империи на берегах Балтийского моря финских народностей, о которых они никогда не слышали, а цыгане являются выходцами из Индии.

Затем я хотел бы перейти, и это еще более приблизило бы нас к истинному предмету исследования, ко всему тому, что психология, по всей вероятности, сможет в ближайшем будущем почерпнуть из изучения языка. Однако после этого или до этого я хотел бы задать вам один простой вопрос: думаете ли вы всерьез, что исследование языковой деятельности нуждается для <своего оправдания [зачеркнуто]> <или для оправдания своего существования> в доказательстве того, что оно полезно и для других наук? Оно в полной мере соответствует этому требованию, о чем я говорил в самом начале, / [4] и, может быть, намного больше, чем множество других наук, но, признаюсь, мне не кажется справедливым это требование.

Какой иной науке предъявляют подобное предварительное условие ее существования, заключающееся в том, чтобы она взяла на себя обязательство поставлять результаты, которые должны [обогащать] другие науки, имеющие другие предметы исследования? Это значит просто отказать лингвистике в своем собственном предмете. От каждой науки,

которая желает получить признание, можно требовать только того, чтобы ее предмет был достойным серьезного изучения, то есть чтобы он бесспорно играл важную роль в делах Вселенной, под которыми подразумевается прежде всего деятельность человечества; и ранг, который получит эта наука, будет пропорционален важности ее предмета в общей совокупности исследований.

Далее, можно ли считать, что языковая деятельность является в этой совокупности фактором, достойным внимания, или нулевым фактором, / [5] можно ли считать ее значительной величиной или совсем ничтожной? От этого (и только от этого) зависит справедливость и авторитетность суждения о значимости изучения языковой деятельности в общей совокупности знаний. Какими бы яркими ни были лучи света, которыми язык сможет неожиданно осветить другие предметы исследования, они будут иметь лишь совершенно эпизодическое и побочное значение для исследования самого языка, для внутреннего развития этого исследования и для целей, которые оно преследует.

Языковая деятельность сама по себе, независимо от важности изучения ее различных конкретных проявлений или общих закономерностей, выводимых только из ее частных форм, — вот совершенно ясная и определенная основа, на которой покоится в настоящее время наука о языковой деятельности. / [6] Итак, можно ли языковую деятельность, или язык, считать таким предметом, который сам по себе нуждается в исследовании? Так ставится вопрос. Но я не буду его даже рассматривать.

Надо вам сказать, господа, что бедному человеческому роду отказали во всем, что касается признаков, отличающих его от других видов животных, во всем, абсолютно во всем: в инстинкте трудолюбия, в религиозности, в морали, в здравом смысле и разуме, во всем, кроме языковой деятельности, или, как еще говорят, членораздельной речи; термин "членораздельный" на самом деле очень неясный и расплывчатый, и я отношусь к нему крайне сдержанно. Правда, в газетах появились сообщения о том, что в настоящее время несколько видов обезьян пытаются отнять у нас и это последнее наше достояние, [этот последний] цветок в нашем венце — членораздельную речь, и я не буду спорить по поводу законности их притязаний; вполне возможно, что их следует принять во внимание. Ясно одно, и об этом уже говорилось сотни раз, что человек без языка, / [7] может быть, и оставался бы *человеком*, но такое существо даже отдаленно не напоминало бы тех людей, которые нам известны и которыми являемся мы сами, потому что языковая деятельность оказалась замечательнейшим орудием коллективной деятельности, с одной стороны, и индивидуального воспитания, с другой, инструментом, без которого индивид или род в целом действительно никогда не смогли бы даже надеяться развить в том или ином направлении свои врожденные способности. / [8]

Здесь нам могут возразить следующим образом <в какой-то мере, по нашему мнению, обоснованно>: вы превращаете изучение языков в

изучение языковой деятельности, рассматриваемой как способность человека, как один из отличительных признаков человеческого рода, как антропологическую или, так сказать, зоологическую особенность. Мне потребовалось бы значительное время, чтобы изложить и обосновать свою точку зрения, которая ничем не отличается от точки зрения всех современных лингвистов: в действительности изучение языковой деятельности как деятельности человека целиком или почти целиком входит в изучение языков. Физиологи, психологи и логики могут сколь угодно долго рассуждать о языке, а после них философы могут использовать совокупность достижений логики, психологии и физиологии, но, позволю себе заметить, они никогда не смогут догадаться о самых элементарных проявлениях языковой деятельности или дать о них ясное представление, расклассифицировать и понять их, если они с самого начала и до конца не будут обращаться к исследованию языков.

Язык и языковая деятельность (langue et langage) суть то же самое*; одно является обобщением другого. Стремление изучать языковую деятельность, / [9] не пытаясь изучать ее различные манифестации, коими, очевидно, и являются языки, — предприятие совершенно тщетное и неосуществимое; с другой стороны, стремление изучать языки, забывая, что прежде всего эти языки управляются определенными принципами, которые обобщены в понятии *языковой деятельности*, представляет собой занятие, еще более лишенное всякого серьезного значения, всякой настоящей научной базы. / [10] Следовательно, обобщающее исследование языковой деятельности непрерывно подпитывается всякого рода наблюдениями, которые должны производиться на конкретном материале того или иного языка. Даже если предположить, что говорение является естественной функцией человека, а это совершенно ошибочная точка зрения, которой придерживаются некоторые школы в антропологии и лингвистике, то все равно придется безусловно констатировать, что наука может подойти к изучению этой функции только через язык или *через существующие языки*. Но в свою очередь изучение существующих языков было бы почти обречено на бесплодность, в любом случае было бы лишено метода и какого бы то ни было руководящего принципа, если бы оно не стремилось постоянно высвечивать общую проблему языковой деятельности, если бы оно не пыталось извлечь из каждого отдельно наблюдаемого факта некий смысл и несомненную пользу для нашего познания возможных форм инстинктивной человеческой деятельности, связанной с языком.

И значение этого факта нельзя назвать неясным и слишком общим: всякий, кто хоть немного сведущ в нашей науке, знает, с какой радостью и с каким ликованием любой исследователь извещает о / [11] каждом новом факте, представляющем интерес для теории, при этом неважно, где он его обнаружил, в самом небольшом из наших французских говоров или в самом крохотном полинезийском наречии. Тем самым он вносит в строительство здания свой вклад, который не будет отбро-

шен. В настоящее время в любой отрасли языкознания все исследователи постоянно озабочены прежде всего тем, чтобы выявить факты, представляющие интерес с точки зрения языковой деятельности вообще. Примечательно, что теоретические наблюдения тех исследователей, которые сосредоточили свои усилия на той или иной специальной отрасли, как, например, германские или романские языки, значительно более ценятся и учитываются, чем наблюдения лингвистов, занимающихся бóльшим числом языков.

Следует уяснить себе, что самые сокровенные подробности явлений как раз и заключают в себе их конечный смысл, поэтому лишь с помощью предельной специализации можно добиться предельных обобщений. Лингвисты, которые, подобно Фридриху Мюллеру* из Венского университета, занимаются почти всеми языками мира, никогда не продвигали вперед познание языковой деятельности. Зато следовало бы упомянуть в этой связи имена таких романистов, как Гастон Парис**, Поль Мейер***, Шухардт****; имена таких германистов, как Герман Пауль*****; имена представителей русской школы, которые занимаются прежде всего / [12] русским и славянскими языками, таких, как Н. Бодуэн-де-Куртенэ*****, Крушевский. Вывод, к которому мы пришли, господа, в действительности является тем положением, которым руководствуется языкознание во всех своих отраслях без исключения. Он свидетельствует со всей ясностью, что изучение языковой деятельности не может быть отделено от изучения языков либо от изучения того или иного конкретного языка или семьи языков. С другой стороны, каждый раздел и подраздел системы языка может дать нам новые факты, представляющие интерес, как и любые другие факты, для изучения языковой деятельности как универсального явления.

[Конец отрывка 17]

В Женевском университете с самого начала и вполне обоснованно старались уделить место науке о языковой деятельности. Это было достигнуто путем создания курса Лингвистики, и таким образом под совершенно правильным названием была объединена совокупность исследований, относящихся к человеческой речи. Вряд ли стоит говорить о том, что программа этого курса, который ведется уже в течение пятнадцати лет с такой эрудицией и с таким опытом, каких вы ни в коем случае не можете ожидать от меня, эта программа никогда не исключала частных исследований / [13] по романским, германским, индоевропейским или семитским и т.д. языкам. Напротив, она группирует вокруг себя подобные частные исследования, и самое авторитетное и в то же время самое приятное свидетельство этому, которое я могу привести, заключается в том, что новый курс индоевропейских языков, созданный Департаментом народного образования, был составлен в полном согласии со взглядами выдающегося лингвиста, возглавляющего эту кафедру лингвистики*****

Чем больше мы будем иметь в одном и том же учебном заведении лингвистических специальностей, относящихся к исследованиям определенной группы языков, тем бóльшая основательность будет характеризовать совокупность этих исследований в результате их взаимной поддержки и тем более заметными будут общие черты нашей науки, которые как бы дробятся и распадаются там, где вдруг прерывается поток информации, пропадает интерес к изучению языков и замирает научная жизнь по причине отсутствия учеников или учителей. Лингвисту, естественно, очень бы хотелось, чтобы кафедры языкознания развивались бесконечно (тем не менее я признаю, что подобное бесконечное развитие с течением времени доставило бы всем много хлопот и беспокойства). / [14]

Если главная и конечная цель научного изучения ряда языков или одного-единственного языка заключается в выявлении и проверке универсальных законов и способов выражения, то возникает вопрос: в какой мере эти исследования уместны на филологическом факультете и не были бы они в той же мере уместны на естественном факультете? Но это значило бы вновь заняться хорошо известной проблемой, которую подняли в свое время Макс Мюллер и Шлейхер*. Было время, и вам это известно, господа, когда языкознание убедило себя, что оно является естественной, чуть ли не физической наукой; я вовсе не собираюсь показывать, насколько глубоко было это заблуждение, напротив, я утверждаю, что этот спор завершен, завершен окончательно.

По мере того как все лучше стали понимать истинную природу фактов языковой деятельности, которые вроде бы так очевидны, но тем больше трудностей представляют для осмысления их сути, становилось все более ясным, что наука о языке является исторической, и только исторической, наукой. / [15] Именно на эту принадлежность к историческим наукам приходится ссылаться для того, чтобы обосновать уместность лингвистических исследований на филологическом факультете.

б) Непрерывность языка во времени

В частности, поскольку в названии моего курса также делается упор на историчность – в то время как более обычны другие названия, например *Сравнительная грамматика*, – я полагаю, что мне необходимо дать пояснение, по необходимости очень краткое и неполное, того смысла, который имеет слово *история* для лингвиста.

Как раз к этому вопросу я и хотел бы привлечь ваше внимание почти без всяких предисловий, поскольку вся моя мысль заключается в следующем: чем более изучаешь язык, тем более убеждаешься в том, что *все* в языке *есть история*, иными словами, язык является предметом исторического анализа, а не абстрактного, в нем содержатся *факты*, а не *законы*, и все, что кажется *органическим* в языковой деятельности,

на самом деле является только *возможным* и совершенно случайным. Положение о том, что лингвистика — это историческая наука, понимается, хотя и неглубоко, прежде всего в том смысле, что / [16] нельзя полностью познать народ, не зная его языка или не имея о нем хотя бы общего представления. Язык является важной частью духовного багажа наций и помогает охарактеризовать *определенную эпоху, определенное общество*. Бытование кельтских наречий в Галлии, например, и их постепенное исчезновение в результате господства римлян есть важный *исторический* факт. Такова точка зрения тех, кто рассматривает *Язык в Истории*, но не этой точки зрения придерживаются те, кто занимается *историей языка*. Совершенно очевидно, что историка должны интересовать многочисленные языковые факты, и добавлю даже, историки, быть может, не всегда достаточно интересуются ими. Очень мало найдется <во Франции> историков, у которых возникал бы вопрос, на каком языке говорили, например, при дворе Карла Великого, был ли этот язык романский или немецкий, и если немецкий, то был ли это какой-нибудь исчезнувший диалект или один из тех диалектов, которые сохраняются до сих пор. Мало кто из историков обращает внимание на то, что имена вождей гуннов, такие, как *Аттила**, имеют не гуннское, а германское происхождение, а ведь это свидетельствует об очень любопытном положении вещей; далее, эти германские имена нельзя отнести к любому диалекту, они не саксонские или скандинавские, а явно готские. Однако, повторяю, все эти факты, крупные и мелкие, / [17] посредством которых язык оказывается тесно связанным с жизнью народов, с их политической, общественной, литературной жизнью, не тождественны вовсе или лишь иногда тождественны тому, что можно назвать жизнью самого языка.

Следовательно, только с какой-то иной точки зрения наука о языковой деятельности может претендовать на звание исторической науки. Дело в том, что у всякого языка имеется своя собственная история, состоящая из бесконечной последовательности *языковых событий*, которые никогда не имеют резонанса вне языковой сферы и не заносятся в анналы славных исторических деяний; в свою очередь они в общем-то совершенно независимы от того, что происходит вне языка. Подобно тому как по краям ледников можно наблюдать морены, так и всякий язык являет собой некоторым образом картину поразительного скопления всяких предметов, которые он тащит за собой на протяжении веков, но это такие предметы, которые можно *датировать*, и *датировать совершенно различными эпохами*. Подобно тому как при изучении ледниковых отложений, с которыми я провожу сравнение, можно узнать, что такой-то кусок гранита прошел путь в несколько лье от самых высоких вершин горной цепи, а такой-то кусок <кварца [зачеркнуто]> восходит всего лишь к ближайшим уступам горы...

Итак, *язык имеет свою историю*, и это есть его постоянное свойство. Достаточно ли одного этого свойства, чтобы поставить науку о языке

в ряд исторических наук? Конечно, нет. Например, Земля тоже имеет свою историю, которая изучается геологией, однако из этого / [18] не следует, что геология является *исторической наукой*, по крайней мере в том узком и точном смысле, который мы придаем этому термину. Каково же второе условие, предполагаемое термином "историческая наука"? Дело в том, что объект, являющийся предметом изучения истории, — например, искусство, религия, костюм и т.д. — представляет собой в некотором смысле *человеческие действия*, направляемые волей и разумом человека, которые к тому же должны относиться не только к отдельному индивиду, но и ко всему человеческому коллективу.

Можно ли считать языковые факты результатом наших волевых актов? В этом заключается вопрос. Современная наука о языковой деятельности отвечает на него утвердительно. Но тут же следует добавить, что, как известно, имеется большое количество степеней осознанности или неосознанности волевых актов; так вот, из всех сопоставимых действий языковой акт, если его можно так назвать, имеет характер наименее осознанного, наименее обдуманного заранее действия и в то же время наиболее безличного из всех действий. Здесь наблюдается различие в степени, которое, однако, оказывается столь значительным, что долгое время производило впечатление существенного различия, в действительности же это только различие в степени. / [19]

Теперь, господа, рассмотрим подробнее значение слова "История" применительно к языку. Почти сразу же возникает необходимость распределить наши соображения по двум рубрикам. Язык варьирует во времени, и в то же время он варьирует, или различается, в пространстве. Язык, взятый в два разных момента времени, не тождествен самому себе. Взятый в двух более или менее отдаленных друг от друга пунктах на территории своего распространения, он также не тождествен самому себе. Два эти обстоятельства, если мы хотим иметь точное представление о фактах, должны всегда рассматриваться одновременно и непосредственно. Но в теории мы вынуждены разделять их, чтобы упорядочить свое исследование. — Поэтому сегодня я буду рассматривать движение языка только во времени, предположив, что географический фактор не может никоим образом интересовать нас.

В этой лекции я смогу рассмотреть лишь первый, главный пункт, это принцип *непрерывности* во времени. В следующей лекции во вторник мы поговорим о принципе, противоположном первому, а именно о принципе *изменения* во времени. / [20] Затем будут также рассмотрены принцип *непрерывности* в пространстве и принцип *дивергенции* в пространстве. После изложения этих принципов, которое имеет то преимущество, что дает нам совершенно четкую основу для изучения частных фактов, мы уже с большей уверенностью приступим к отдельной теме фонетики греческого и латинского языка, которая предоставляет бесконечные возможности применения этих общих принципов. / [21]

Первым аспектом, в котором должно рассматриваться понятие Ис-

тории, когда речь идет о языке, или первым обстоятельством, которое обуславливает наличие у языка своей истории, является фундаментальный факт *непрерывности языка во времени*; заметьте, что я говорю не о его *устойчивости*, о которой речь пойдет [позже], а о его *непрерывности*. Стоит немного остановиться на этом главном, элементарном и очевидном принципе *непрерывности*, или необходимого отсутствия *прерывистости*, которое является первейшим свойством или первейшим законом передачи человеческой речи, причем независимо от того, какие происходят вокруг языка всякого рода перевороты и потрясения, могущие полностью изменить условия его существования. Неважно, идет ли речь о каком-либо народе, мирно живущем в затерянной в горах долине, или о земледельцах, воинах или кочевниках; неважно, меняет ли неожиданно народ свою религию, идеи, общественный строй и культуру, меняет ли он родину и климатические условия, меняет ли он даже язык — ведь тогда, говоря на языке другого народа, он будет продолжать этот язык, — нигде и никогда в истории не наблюдаются разрывы в непрерывной нити языка, и невозможно логически и а priori представить себе, чтобы такой разрыв мог где-либо и когда-либо произойти.

Если мы будем рассматривать определенное состояние языка, например французский язык XIX в., и определенное предшествующее состояние языка, например латынь эпохи Августа*, нас сразу же удивит / [22] большое расстояние во времени, которое их разделяет, и я тут же хочу добавить, что еще более нас удивят разные названия, которые им дали, назвав второй язык *латынью*, а первый — *французским*.

В таком случае мы с готовностью вообразим, что имеются два объекта, один из которых является продолжением другого. Однако если наличие *преемственности* представляется несомненным и очевидным, то утверждение, что перед нами два объекта, неверно, совершенно неверно и опасно [из-за] всех тех выводов, которые могут из него следовать. Достаточно хоть немного поразмыслить над таким простым фактом, в котором заключено все существо дела: каждый человек пользуется сегодня тем же языком, что и накануне, и так было всегда. Следовательно, нельзя назвать день, который можно считать днем смерти латинского языка, и нельзя назвать день, который можно считать днем рождения французского языка. Никогда не было так, что / [23] жители Франции, однажды проснувшись, сказали друг другу bonjour ‘доброе утро’ по-французски, в то время как накануне они сказали друг другу на латыни [serō] ‘спокойной ночи’

Нельзя найти такого объекта, с которым можно было бы вполне сопоставить язык, представляющий собой очень сложное образование; по этой причине всякие сравнения и всякие образы, которыми мы постоянно пользуемся, обычно дают нам ложное в каком-либо отношении представление о языке. Именно подобные ловушки, таящиеся за каждым привычным оборотом речи, вероятно, более всего препятствовали [любой попытке создания метода в лингвистике].

Я искренне рад, что самый выдающийся романист нашего времени, бесспорный глава нашей науки, который вот уже двадцать лет направляет все развитие филологии, г-н Гастон Парис посчитал небесполезным объявить беспощадную войну двум из наших самых обычных и с виду невинных оборотов речи. Во-первых, это выражение *французский язык происходит от латыни*, или же: такое-то слово, например *chanter*, происходит от латинского *cantare*. / [24] Французский язык не *происходит* от латыни, он и *есть* латынь, на которой говорят в определенную эпоху и в определенных географических границах. Слово *chanter* не *происходит* от латинского *cantare*, оно и *есть* латинское *cantare*. Подобным же образом мы могли бы утверждать, что французский язык, на котором мы говорим, *происходит* от французского языка Монтескьё* или Корнеля или что он *происходит* от французского языка Монтеня или Фруассара* либо от французского языка "Песни о Роланде"* Это, конечно, [банально], но поскольку все говорят, что наш язык *есть* французский язык Монтескьё или "Песни о Роланде", то нет никаких оснований не говорить также, что он *есть* латынь Августа, латынь Плавта** и латынь – как способ говорения – той доисторической эпохи, которая предшествовала латинскому способу говорения. / [25] Другое же образное выражение, над которым мы собираемся устроить экзекуцию вместе с г-ном Гастоном Парисом, – это выражение *французский язык – сын латыни*, или *латынь – мать романских языков*. Среди языков нет ни сыновей, ни матерей, нет и никогда не было. В каждом регионе земного шара существуют языки, определенное состояние которых медленно изменяется каждую неделю, из месяца в месяц, из года в год и из века в век, в чем мы вскоре убедимся, но никогда предшествующий язык не производил на свет и не давал толчок к рождению нового языка; подобное находится за пределами наблюдаемого и воображаемого, если учитывать обычные условия, в которых каждый из нас говорит на своем родном языке. / [26]

Что после таких утверждений можно сказать о *рождении и смерти* языков, о которых так часто говорят у нас? – Начнем со смерти. Язык не может умереть естественной смертью, сам по себе. Он может умереть только насильственной смертью. Он может прекратить свое существование только одним способом, путем насильственного упразднения его в результате действия причин, которые являются совершенно внешними по отношению к фактам языковой деятельности. Например, в результате полного уничтожения народа, говорящего на данном языке, как это скоро произойдет с языками индейцев Северной Америки. Или же в результате навязывания языка более сильного шемени; обычно для этого необходимо не только политическое господство, но и превосходство культуры. Часто необходимо также наличие *письменного* языка, который навязывается Школой, Церковью, администрацией, то есть всеми сферами общественной и частной жизни. Подобные события десятки раз повторялись в истории: вытеснение галльского языка в Галлии латы-

ню; негры на Гаити, говорящие по-французски; египетские феллахи, говорящие по-арабски; жители Женевы, говорящие на диалекте Иль-де-Франс, а не на местном языке, которым они пользовались несколько веков тому назад. Но / [27] во всех этих случаях мы не видим действия лингвистических причин.

Никогда не бывает так, чтобы язык умер от внутреннего истощения, пройдя тот путь, который ему был предначертан. Сам по себе язык вечен, то есть передача его не может прерваться по причине, определяемой устройством самого языка. — Чуть ли не на первой странице одной из работ г-на Овелака*, посвященных лингвистике, можно прочитать следующее: "Язык рождается, растет, дряхлеет и умирает, как и всякий организм" Эта фраза совершенно типична для представителей столь распространенной даже среди лингвистов концепции, с которой приходится вести тяжкую борьбу и которая непосредственно привела к пониманию лингвистики как естественной науки. Нет, язык — это не организм, это не растение, существующее независимо от человека, он не имеет своей собственной жизни, своего рождения и смерти. Все неверно в той фразе, которую я только что привел. Язык не есть организм, он не умирает сам по себе, он не растет и не стареет, то есть у него нет ни детства, ни зрелого возраста, ни старости, и, наконец, язык не рождается, в чем мы сейчас убедимся.

Действительно, ни разу на нашей планете не было отмечено рождения нового языка. Можно наблюдать внезапное появление новых светил среди уже известных созвездий, / [28] наблюдалось также возникновение новой суши на поверхности морей, однако мы не знаем ни одного языка, на котором бы не говорили вчера или на котором бы не говорили в том же виде вчера. Могут привести в пример волапук**. Я как раз собирался сказать кое-что о нем. Ибо именно пример волапука и других [искусственных] языков позволяет понять, что препятствует рождению нового языка или что обеспечивает передачу существующих языков. Здесь действуют два фактора: первый — это отсутствие всякой инициативы, ибо любой народ вполне доволен своим родным языком; второй фактор заключается в том, что даже если бы и возникла какая-либо инициатива — а это предполагает наличие совокупности совершенно исключительных обстоятельств, и в частности употребление письма, — то эта инициатива натолкнулась бы на непреодолимое сопротивление массы говорящих, которые не захотят отказаться от своего привычного языка. Попытка введения волапука, которая не преследовала цели вытеснить какой-либо из существующих языков, не имела у нас успеха, несмотря на благоприятные условия, которые сопутствовали ей.

Кое-кто возразит, что утверждать, будто ни один язык не может родиться в указанном смысле, — значит играть словами и что достаточно определить, в каком смысле понимается слово *рождение*, чтобы невозможно было отрицать рождение или прогрессивное развитие такого языка, как немецкий и французский. / [29] На это я отвечаю, что в таком слу-

чае обыгрывается другое слово, слово *язык*. На самом же деле язык не является строго определенной и ограниченной во времени сущностью; поскольку мы различаем французский и латинский языки, современный немецкий язык и германский язык эпохи Арминиуса*, подобно тому как мы различаем [два предмета], значит, мы делаем допущение, что один язык должен иметь где-то начало, а другой – конец, а это уже произвол. — Однако у этого вопроса есть сторона, касающаяся географической дифференциации языков, которую я не затрагиваю.

Поскольку невозможно где-либо наблюдать рождение языка, возникает вопрос, какой же возраст приписывается каждому языку. И здесь следует договориться о словах. Когда говорят о языках, то происходит необычайная путаница в связи со словом *старый*. Один человек может быть *старше* другого в трех смыслах. В первом смысле, который не всегда приятен, это означает, что первый человек родился раньше второго. Во втором смысле, который еще менее приятен, это означает, что первый человек умер раньше, чем второй; говорят о старых, бывших друзьях, которых уже нет в живых. В третьем смысле, самом неприятном, это означает, как мы иногда фамильярно выражаемся, что один человек *сохранился не так хорошо*, как другой.

Так вот, из этих трех смыслов первый не применим к языкам. Все языки, на которых говорят в одну и ту же эпоху, имеют одинаковый возраст в том смысле, что у них одинаково долгое прошлое. Нет нужды определять длительность этого прошлого. Если угодно, можно отсчитывать его со времени возникновения языковой деятельности, но не углубляясь в недоступные для наблюдения периоды истории. / [30] Если оставаться в пределах доступного для наблюдения периода, станет ясно, что каждый современный индоевропейский язык имеет совершенно один и тот же возраст, исчисляемый с того времени, когда говорили на первоначальном общеиндоевропейском языке. — Я не буду останавливаться на втором смысле выражения "один язык старше другого", так как он не столь уж важен; существуют мертвые языки, которые, следовательно, можно назвать древними, например галльский, финикийский и т.д., подвергшиеся уничтожению. — Наконец, следует отметить, что, имея в виду третий смысл, действительно можно сказать, что один язык старше другого, но, странным образом, в отношении языков наблюдается обратное тому, что происходит с людьми, ибо старыми языками называют как раз те, которые лучше всего сохранились. В этом смысле греческий язык, например, является более древним, чем латинский язык той же эпохи. Греческий язык менее отошел от первоначального индоевропейского типа. Санскрит древнее и лучше сохранился, чем какой-либо иной язык. — В следующей лекции мы противопоставим принципу инерции, который [мы только что рассмотрели], принцип движения, и тогда мы будем иметь [целостное представление о языке].

[Продолжение во фрагменте 3284]

Вторая лекция:
ИЗМЕНЕНИЕ ЯЗЫКОВ ВО ВРЕМЕНИ –
ЗВУКИ И ФОРМЫ;
АНАЛОГИЯ И ПСИХИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

3284 = № 1.2

[Вторая лекция в Женевском университете (ноябрь 1891 г.)

Рукопись: ВПУ Женева, Ms. fr. 3951.

Ср. SM 13, 38--39; CFS 17, 1960, 6.]

а) Изменение языков во времени – звуки и формы

Если, как мы только что показали, невозможно себе представить никакого перерыва, никакого расщепления, никакого пробела в языковой традиции, если верно, что язык на следующий день всегда существует в том же виде, что и накануне, то возникает вопрос, почему мы не говорим сегодня на том же латинском языке, на котором разговаривал Юлий Цезарь, или почему Юлий Цезарь не разговаривал на индоевропейском языке своих далеких предков.

Но позвольте, ведь нечто подобное всегда происходит вокруг нас или внутри нас. Один чужак по фамилии Богуславский* недавно объявил об открытии в одном из городов России необычной выставки: она представляет собой не что иное, как 480 фотографических портретов одного и того же лица, а именно самого Богуславского, в одной и той же позе. В течение двадцати лет этот человек, [увлеченный своей затеей], с удивительной регулярностью отправлялся к фотографу первого и пятнадцатого числа каждого месяца, и вот он смог представить на обозрение публики плоды / [2] своих трудов. Без всяких объяснений ясно, что если из этого множества фотографий взять любые две фотографии, висящие на стене рядом, то это будет один и тот же Богуславский, но если взять номер 480 и номер 1, то перед нами будут два Богуславских.

Подобным же образом если бы мы могли каждый день не фотографировать, а производить звукозапись всего того, что с самого начала было выражено с помощью слова на всем земном шаре или на какой-либо его части, то мы бы получили такие изображения языка, которые всегда были бы сходными между собой при переходе от языка одного дня к языку следующего дня; но если бы мы брали изображения языка через каждые 500 лет или даже через каждые 100 лет, то они бы значительно различались между собой, а иногда были бы совершенно различными.

– Таким образом, мы подходим ко второму принципу, который обладает той же универсальной значимостью, что и первый, и который дает возможность понять, что такое история отдельных языков: это принцип рассмотрения языка *в его движении во времени*, причем в та-

ком движении, которое никогда, и в этом заключается вся суть дела, не противоречит единству языка во времени.

/ [3] Язык *изменяется*, всегда только *изменяется*, но никогда не происходит возникновения или создания новой языковой данности, которая в своем существовании отличалась бы от того, что ей предшествует, и от того, что за ней следует. Среди языков нет ни матерей, ни сыновей, но однажды возникший язык бесконечно развивается и разветвляется во времени без каких-либо заранее установленных пределов своего существования. Нельзя найти и в самом языке возможности прекращения его существования; только случайное событие, насилие или непреодолимая высшая сила внешнего характера могут уничтожить его.

Эти два принципа *непрерывности* и *изменчивости* языка вовсе не противоречат друг другу, их взаимосвязь настолько тесна и очевидна, что при попытке игнорировать один принцип мы тут же неизбежно нарушим и другой, даже не осознавая этого. Любой, кто поддастся иллюзии первого рода и будет представлять себе французский язык как нечто неподвижное в настоящий момент или в любой другой момент в прошлом, никогда не поймет, что произошло / [4] в период между 500 и 900 гг.; в таком случае ему придется предположить, что произошел скачок: [перескакивание] на новую строку, взмах волшебной палочки или необыкновенные роды, в результате которых один язык неожиданно дал жизнь другому языку. Также если кто-нибудь отбросит понятие *непрерывности* и вообразит, что французский язык в один прекрасный день вышел целиком – подобно Минерве из головы Юпитера – из чрева латинского языка, то он обязательно впадет в софизм *неподвижности*. Он, естественно, будет предполагать, что между этими двумя воображаемыми скачками язык находился в состоянии покоя и *равновесия*, по крайней мере такого равновесия, которое можно противопоставить этим скачкам, в то время как в действительности ни в одном языке не существует постоянного и устойчивого равновесия.

/ [5] Таким образом, мы постулируем абсолютный характер принципа непрерывного изменения языков. Нельзя найти такого языка, который находился бы в состоянии покоя и неподвижности. Импульсы, приводящие язык в движение, совершенно невозможно подавить или обуздать, и даже такие языки, как наш, жизнь которого стала почти совсем искусственной, вынуждены поддаваться им. Тирания письменности, этого тесного корсета официального французского языка, конечно, тормозит развитие языка, но она не в силах остановить его совсем. Часто у нас нет никаких сомнений относительно того расхождения, которое прошел *настоящий* язык (я имею здесь в виду также и разговорный язык образованных людей, <язык салонов и академий [зачеркнуто]>) в результате непрекращающейся подпольной работы в живом языке, так сказать, под застывшей поверхностью классического французского языка. Например, мы нисколько не сомневаемся в том, что слова *quatre* ‘четыре’, *lettre* ‘письмо’, *chambre* ‘комната’, *double* ‘двойной’, *table* ‘стол’

и вообще все слова, оканчивающиеся на "согласный + ге" или "согласный + le", полностью исчезли из языка; только в некоторых особых условиях название цифры "4" произносится *katre* или *katr*; теперь почти всегда говорят *kat*, *k+a+t*. Также и *let*, *chamb.* / [6] Если бы в наше время какой-нибудь лингвист приехал во Францию, чтобы методически зафиксировать на письме устный французский язык, реальный и подлинный французский язык, подобно тому как методически собирают сведения о языке того или иного малайского или африканского племени или подобно тому как записывают французские говоры, этот лингвист без всякого колебаний записал бы, что в 1891 г. точной или основной формой [произношения] названия цифры "4" является *k-a-t*, *kat*; слово, означающее 'послание' или 'знак алфавита', произносится *l-e-t*, *let*. Ведь и в Женеве, как и в Бордо, Париже или Лилле, на улице или в салонах все произносят только *kat places* 'четыре места', *kat jours* 'четыре дня', *la let que j'ai reçue* 'письмо, которое я получил' и т.д. (В определенных условиях, а именно перед гласными, появляется вторая форма *letr*, *letr ouverte* 'распечатанное письмо'; но даже перед гласной начинают произносить *let ouverte*, *mettre cette let à la poste* 'отправить это письмо по почте', и вполне вероятно, что через пятьдесят—семьдесят пять лет форма *letr* станет совершенно неизвестной.)

Вот один из многих примеров <того, что происходит вопреки возрастающей роли одной из форм языка [зачеркнуто]>. Этот пример доказывает, что изменения, подобные тем, которые мы обнаруживаем во всех языках, предоставленных самим себе, в действительности продолжают происходить даже в таком языке, все условия развития которого оказываются ненормальными в результате кажущегося всемогущества письменного языка.

/ [7] — Но теперь настало время уже не ограничиваться рассмотрением нескольких отдельных примеров, а поставить общий вопрос о том, в чем же заключаются те изменения, которые происходят с таким постоянством во всех языках, какова природа этих изменений, непрерывных переделок, какими причинами они вызываются и имеют ли они одинаковый характер во всех языках.

Проведенные исследования языковой деятельности, по-видимому, позволяют уже сейчас утверждать, что в действительности сущность этих явлений 1° везде одинакова и 2° она всегда была одинаковой, поэтому было бы совершенно неверным считать, что проблема возникновения языка отлична от проблемы его изменения. Проблема выглядела бы иначе, если бы мы предположили, что когда-то языковую деятельность направляли другие силы, о которых мы не можем получить никакого представления на основе того, что мы наблюдаем сегодня в нашей речи, но такое предположение столь произвольно, сколь и неправдоподобно. Оно приписывает первобытному человеку способности или чувства, существенно отличные от тех, которые присущи нам. / [8] 3° Повсюду эти явления бывают двух видов, поскольку они обусловлены двумя разными

причинами или двумя группами причин, разумеется различных и [независимых друг от друга]. С одной стороны, существуют *фонетические* изменения, с другой стороны, изменения, обозначаемые различными терминами, ни один из которых не является вполне удачным; чаще всего используется наименование *аналогическое* изменение. Сейчас мы увидим, почему это так.

Эти два самых важных фактора языкового обновления можно противопоставить во многих отношениях, сказав, например, что первый фактор относится к физиологической и физической стороне речи, а второй фактор соответствует психической и ментальной стороне того же акта, что действие первого фактора проявляется бессознательно, а второго – осознанно. Но здесь надо всегда помнить о том, что понятие осознанности в высшей степени относительно, так что речь может идти только о двух степенях осознанности. Из них более высокую степень можно приравнять к полной бессознательности, если сравнивать ее с той степенью обдуманности, которая присуща большинству наших действий.

Эти два ряда факторов часто противопоставляют также в том отношении, что одни из них затрагивают звуки, а другие – <грамматические [зачеркнуто]> формы; в таком представлении нет ясности, поскольку формы языка и есть не что иное, как звуки, но можно сказать, что один ряд факторов затрагивает форму со стороны звучания, а другой затрагивает ее со стороны смысла. / [9] Кроме того, можно сказать, что один ряд фактов представляет собой чисто *механические* действия, в которых нельзя обнаружить ни цели, ни намерения, а другой ряд – *осознанные, рациональные* действия, в которых возможно обнаружить и цель и смысл.

Наблюдение над этими двумя рядами явлений и их анализ составляют почти единственное занятие лингвиста независимо от того, к какому языку он обращается, и решение этой задачи может продолжаться бесконечно, даже если ограничиться определенными периодами. Таким образом, я не могу претендовать на то, чтобы дать даже самое общее либо приблизительное описание или классификацию всего того, что содержится в понятии *фонетического изменения и изменения по аналогии*.

б) Аналогия и психические процессы

– Приведу сначала несколько примеров *явления аналогии*, явления сознательного изменения. Чтобы представить себе, что это такое, лучше всего послушать в течение нескольких минут, как говорит ребенок трех-четырёх лет. Его речь сплошь состоит из образований по аналогии, которые вызывают у нас улыбку, но которые обнаруживают во всей своей чистоте и наивности принцип, постоянно действующий в истории языков. Например, *venigai*. Как получается *je venigai* ‘я приду’? Для этого необходимо: 1° чтобы ребенок знал слово *venig* ‘приходить’ и связывал в своем уме идею, содержащуюся в слове *venig*, с идеей, которую он хочет

выразить. Но этого недостаточно; необходимо, 2° чтобы он уже слышал, как говорят *punir* 'наказывать' и *je te punirai* 'я тебя накажу' или *choisir* 'выбирать' и [*je choisirai*] 'я выберу'. Тогда происходит следующее: *punir*: *pu* [*nirai* = *venir* *venirai*]. Нет более последовательного, более логичного и более верного умозаключения, чем то, которое приводит к [*venirai*].

Отметим тут же одну из особенностей этого явления: в некотором смысле это не изменение, а создание нового. Но в конечном счете это всего лишь изменение, потому что все элементы слова *venirai* содержатся / [10] в существующих формах, которые подсказывает память: *punirai*, *punir* или, если угодно, суффикс *-ir*, суффикс *-irai* и соотношение их значений. Без наличия этих элементов *venirai* просто невозможно.

Таким образом, никогда нельзя создать что-либо *ex nihilo*, но каждое новообразование является всего лишь новым использованием элементов, имеющихся в предшествующем состоянии языка. Поэтому новообразование по аналогии, которое в каком-то смысле обладает крайне разрушительной силой, тем не менее всегда только продолжает цепь элементов, передаваемых со времени возникновения языков, никогда не будучи в состоянии прервать ее.

— Тут же укажем на причину, по которой все эти психические операции были названы действиями *по аналогии*, фактами *анalogии*. Этот термин был заимствован из грамматического учения древних греков, которые вкладывали в него другую смысл и точка зрения которых сильно отличалась от нашей. Но этот термин оказался удобным в том смысле, что в результате этих действий обычно восстанавливается аналогия или симметрия форм: так, *viendrai* не симметрично *punirai*. Именно с помощью *анalogии* делается умозаключение, которое лежит в основе данного явления. В общем, можно сказать, что это явление представляет собой *ассоциацию* форм в уме, обусловленную *ассоциацией выражаемых ими идей*.

— Образование новых форм по аналогии происходит более живо и более результативно у ребенка, поскольку в его памяти еще не успели накопиться готовые знаки для каждой идеи и, следовательно, ему приходится самому то и дело создавать эти знаки. И он всегда будет создавать их, прибегая к аналогии. Если бы мощностъ и четкость нашей памяти были неизмеримо больше существующих, то, возможно, новообразования по аналогии свелись бы почти на нет в жизни языка. / [11] В действительности же дела обстоят по-иному, и любой язык в любой момент времени представляет собой переплетение бесчисленных образований по аналогии, одни из которых возникли совсем недавно, другие же настолько древние, что можно только догадываться о времени их возникновения.

Попросить лингвиста привести примеры образований по аналогии — все равно что попросить минералога привести примеры минералов или попросить астронома привести несколько примеров звезд. Я говорю об этом в самом начале, чтобы потом не было никаких недоразумений относительно той значимости, которую мы придаем этим фактам: это не

исключительные и не анекдотичные факты, не *курьезные случаи* или аномалии, напротив, в них самым очевидным образом заключается суть языковой деятельности в любом месте и в любую эпоху, в них заключается ее повседневная и извечная история. — Когда-то говорили *je treuve 'я нахожу'*, *nous trouvons 'мы находим'*, подобно *je meurs 'я умираю'*, *nous mourons 'мы умираем'* Почему так? — Это можно прекрасно объяснить, но [в современном французском языке мы имеем *je trouve*]. Когда-то говорили *je lève 'я мою'*, *nous lavons 'мы моем'*, теперь мы говорим *je lave, nous lavons*. — В немецком языке претериты сильных глаголов почти всегда имеют вид *zog 'тянул'*, *wir zogen 'мы тянули'*; *lieh 'давал взаймы'*, *liehen 'давали взаймы'*; *band 'связывал'*, *banden 'связывали'*; *half 'помогал'*, *halfen 'помогали'*; *ward 'стал'*, *wurden 'стали'*. И в истории претерита мы наблюдаем, что даже самые привычные для сознания формы удивительным образом подвержены [действию аналогии]. На протяжении [веков] говорили *grand 'большой'*, ж.р. *grand 'большая'*, но *bon 'хороший'*, ж.р. *bone 'хорошая'*, потому что [*grandis* м. и ж.р.]. Уже в XI в. появляется *grande*. В современном языке: например, <*j'achète 'я покупаю'*, *nous achetons 'мы покупаем'* [зачеркнуто]>. Женщина скажет не *je me décollette*, а *je me décolte 'я декольтируюсь'*. Великолепное образование по аналогии! Ясно, что дело не в том, что так *следует* говорить (ибо говорят так не потому, что так *следует*; все, что говорится, имеет свое основание), — но ясно, что до недавнего времени говорили [*je décollette 'я декольтирую'*, *nous décolletons 'мы декольтируем'*], подобно *j'achète 'я покупаю'*, *nous [achetòns] 'мы покупаем'*. Вполне возможно, что когда-нибудь скажут *j'achte 'я покупаю'* (я уже слышал *je caschte 'я запечатываю'*). — <*récolter 'убирать урожай'*>.

/ [11a] Возьмем пример из истории глагола *sein 'быть'* в немецком языке. На протяжении веков вплоть до середины XVI в. по-немецки говорили *ich was 'я был'*, *er was 'он был'*, *wir waren 'мы были'*; между прочим, это состояние сохранилось в английском: *I was, he was, we were*. Почему? В *was* было *s*, а в *waren* было *r*, и тому были свои вполне объяснимые причины*, но я их не рассматриваю, ибо, каковы бы ни были эти причины в прошлом, они ничего не могут изменить в современном состоянии языка, о котором идет речь, и они также бессильны что-либо еще изменить в том будущем состоянии, которое возникнет на основе современного. По сути дела, *r* в *waren* является модификацией *s*, но, повторяю, это не относится к рассматриваемой проблеме. Одновременно *s was — waren*, образование которых имеет свою причину, существуют, опять же по причине, которую мы не обязаны исследовать, *ich fuhr 'я ехал'*, *wir fuhren 'мы ехали'* или же *ich gebar 'я порождал'*, *wir gebaren 'мы порождали'* В этих формах претерита *r* независимо от своего происхождения проходит по всей парадигме спряжения, и у этих форм то преимущество, что они кажутся более простыми, более логичными, хотя с исторической точки зрения у них не больше преимуществ, чем у *was — waren*. Что же здесь происходит? <Здс. имеет место всегда одно и то

же весьма поучительное явление, которое г-н Луи Авэ* предлагает представлять в виде заимствованной из математики формулы четвертого члена пропорции “wir gebaren ich gebar = wir waren x”; отсюда следует: x = ich war [зачеркнуто]».

– / [12] Я смог дать здесь лишь очень неполное представление [об этом явлении], и я рассмотрел его только на примере одной-двух его самых захватывающих разновидностей, суть которых легче всего ухватить.

в) Фонетические изменения

Теперь мы обратимся к другой причине языковых изменений, к причине фонетического порядка. По некоторым обстоятельствам, которые [невозможно здесь изложить], [эта причина] ускользает от нашего внимания и нашего сознания. Фонетические изменения существуют во всех языках: *cantare* > *chanter* ‘петь’, *campus* > *champ* ‘поле’, *cathedra* > *chaire* ‘кафедра’, *calamus* > *chaume* ‘соломина’, *vacca* > *vache* ‘корова’, <*capillus* ‘волос’>. <[*cantare*] превращается в *k'antar*. Другое явление: *civitas* > *cité* ‘город’, *se* [ntum > cent] ‘сто’>.

– Мягкое -ll-.

– Главная особенность: эти изменения стихийно охватывают все формы языка, в которых есть данный звук, и, следовательно, обладают свойством математической регулярности. Эта регулярность такова, что если нам дано латинское слово, то можно предугадать, какой вид оно примет во французском; если дано общинноевропейское слово – какой вид оно будет иметь в греческом; если дано слово [в том или ином языке – какой вид оно будет иметь в любом другом родственном языке] (если действие закона не нарушается аналогией). / [13] – Закон. – Событие. – Одним из результатов является дифференциация форм (аналогия восстанавливает, стремится восстановить симметрию).

[Продолжение во фрагменте 3285]

Третья лекция: ЯЗЫК ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ; ДИАЛЕКТЫ И ИХ ОСОБЕННОСТИ

3285 = № 1.3

[Третья лекция в Женевском университете (ноябрь 1891 г.).

Рукопись: ВПУ Женева, Ms. fr. 3951.

Ср. SM 13,39; CFS 17, 1960, 6.]

а) Язык во времени

Если теперь мысленно объединить вопросы, которые мы рассмотрели в наших первых двух лекциях, то у нас будет достаточно общий взгляд на условия существования языка во *Времени*, в связи с фактором *Вре-*

мя. Они дают нам представление о неизменных условиях, в которых находится любой язык (*idiome*) в связи с тем фактом, что 'проходит определенный период времени'. — До сих пор мы старались исключить из рассмотрения любой другой существенный фактор, кроме фактора *длительности, временной дистанции*.

Если бы возникла необходимость резюмировать основные положения, к которым мы пришли (в нашем первом очерке)* в результате предварительного рассмотрения, то я бы обязательно еще раз подчеркнул абсолютную невозможность не только какого-либо перерыва, но и любого неожиданного скачка в непрерывной языковой традиции, которая тянется с того самого дня, когда человечество заговорило. — Я бы подчеркнул ряд совершенно очевидных положений о том, что ни один язык не может умереть, если только не уничтожить его силой; — что ни у одного языка нет старости и ни у одного языка нет детства, что, наконец, никогда на земле не может возникнуть новый язык; / [2] что если уничтожить язык какого-либо народа, навязав ему другой, то этот другой язык, естественно, окажется столь же древним, как и уничтоженный. Таким образом на земном шаре всегда можно наблюдать лишь продолжение ранее существовавшего языка. Всегда будет так, что этот язык существовал ранее, пока мы не погрузимся в непроницаемый мрак совершенно доисторических эпох.

Развивая все ту же мысль, я хотел бы прежде всего напомнить о том, что никогда один язык не следует за другим; например, *французский язык* не следует за латынью. Эта воображаемая последовательность двух объектов возникает исключительно по той причине, что нам оказывается удобным дать два последовательных названия одному и тому же языку и, следовательно, произвольно представить его как два объекта, разделенных во времени. Разумеется, влияние, которое оказывают на наш разум два таких последовательных названия, настолько велико и настолько устойчиво и неискоренимо, что я вовсе не претендую, и признаюсь вам в этом честно, в течение нескольких дней развеять ваши предрассудки с помощью двух-трех примеров. Каждому лингвисту известно, что лишь в результате / [3] весьма продолжительных наблюдений над языком целого ряда текстов, которые берутся через каждые пятьдесят или двадцать лет, можно в конце концов глубоко и окончательно проникнуться осознанием абсолютной тщетности и бесполезности различных наименований, таких, как *латынь* или *французский*. Что непременно случается, когда кто-либо из лингвистов начинает оспаривать ошибочную идею о том, что латинский язык когда-то породил французский? Уверю вас, с ним полностью соглашаются, допускают, что такая концепция абсурдна, ведь всем известно, что везде и всегда *natura non facit saltus*¹. Все совершенно убеждены в том, что между двумя языками — обратите внимание на это выражение! — должен был совершиться очень длитель-

¹ Природа не делает скачков (*лат.*). — Прим. перев.

ный переход. После всего этого продвинулись ли мы вперед по сравнению с предыдущим? Ни в коей мере, потому что упорно продолжают считать, что нам заранее даны два объекта, которые, хотя и связаны между собой незаметным переходом, / [4] все же представляют собой два различных объекта, два языка, две сущности, два образования, два организма, два принципа, два понятия, две закономерности. По-прежнему представляют латынь и французский как последовательную смену кроны на одном и том же дереве с момента опадания листьев осенью до появления почек весной. С готовностью соглашаются, что переход совершается незаметно по скрытым сосудам, по которым разливается жизнь, но продолжают настаивать на том, что следует различать два отличных друг от друга периода. Таково, безусловно, распространенное представление.

Но с чем же на самом деле можно сравнить само собой разумеющееся следование французского языка за латынью? Представим себе очень длинную *улицу* в каком-нибудь городе. В городском совете может возникнуть спор о том, следует ли дать ей одно название по всей ее длине, например *Национальный бульвар*, или же лучше разделить эту улицу на две части: *Соборный бульвар* и *Школьный бульвар*, или даже на три части: Бульвар X, Бульвар Y и Бульвар Z или, наконец, на десять-пятнадцать частей с [различными наименованиями]. / [5] Раздельное существование каждой из этих частей улицы является, конечно, совершенно номинальным и фиктивным, поэтому неуместен вопрос о том, каким образом Бульвар Y становится Бульваром X, или вопрос о том, переходит ли Бульвар Y в Бульвар X *внезапно* или *незаметно*, прежде всего потому, что Бульвар Y или Бульвар X существуют не где-либо в действительности, а лишь в нашем уме. Подобным же образом только в нашем уме, а не где-либо еще обретается некая сущность, которая является французским языком в противоположность другой сущности, которая является латинским языком. Поэтому говорить, что один язык *постепенно* возникает из другого, не более уместно, чем говорить, что один язык возникает из другого *внезапно*. Главное – это понять, что мы можем дать одно-единственное наименование всему периоду в 21 век, назвав его *латынью*, или дать два наименования, назвав его *латынью* и *французским языком*, или же три наименования, назвав его *латынью*, *романским языком* и *французским языком*, или дать 21 наименование, назвав его латынью II в. до н.э., I в. до н.э., I в. н.э., II, III, IV, XII, XV, XIX вв. н.э. И не существует буквально никакого другого способа произвести деление, кроме этого совершенно произвольного и условного способа.

/ [6] Таким образом, мы отрицаем, во-первых, не только то, что некий язык может возникнуть, не имея предшественником другого языка, во-вторых, не только то, что один язык может внезапно возникнуть из другого, но, в-третьих, мы отрицаем даже то, что один язык может постепенно возникнуть из другого, поскольку ни в какой момент времени невозможно считать язык сложившимся более или менее, чем в другой момент времени. Не существует постоянных языковых особенностей,

все они преходящи и ограничены во времени. Имеются только такие состояния языка, которые представляют собой непрерывный переход от вчерашнего состояния к завтрашнему. Желание объединить некоторое число этих состояний под одним наименованием, назвав их *латынью* или *французским языком*, представляет собой ту же операцию, имеет совершенно ту же значимость, что и противопоставление XIX в. XVIII в. или XII в. Это всего лишь неопределенные ориентиры, / [7] которые не предназначены для того, чтобы внушить представление о законченном состоянии; еще менее они способны помешать представлению предшествующего и последующего состояния как едва отличимого от данного.

- Нельзя не отметить здесь, что лингвист, который занимается современным греческим языком, подобно г-ну Жану Психари*, пользуется значительным преимуществом, привилегией, которая состоит в том, что ему не приходится даже обсуждать пагубное номинальное различие, подобное различию французского и латыни. Он достигает понимания учащихся с первого же урока, когда он начинает с греческого языка VII в. до н.э. и доходит до современного греческого языка, покрыв расстояние в 2600 лет. Это возможно лишь потому, что оба объекта называются *греческим языком*, хотя они различаются между собой так же, как различаются "французский" и "латынь", а во многих отношениях даже гораздо больше. И / [8] именно сейчас, когда я имею удовольствие беседовать с вами, я убежден, честно говоря, я даже абсолютно уверен, что, несмотря на все то, что я сказал, наименования *французский язык* и *латынь* бесконечно сильнее. Они всегда или в течение долгого времени будут оказывать на ваш разум в тысячу раз более мощное влияние, чем все увещания, к которым я могу прибегнуть как лингвист, чтобы разрушить этот бумажный дуализм, который тяготеет над нами и называется *французский язык и латынь*.

Однажды придется написать специальную и очень интересную книгу о роли *слова* как основной помехи в науке о словах.

Совокупность подобных рассуждений мы резюмировали, постулируя универсальный принцип *абсолютной непрерывности* языка во времени. К этому первому принципу мы добавили второй принцип *постоянного изменения* языка во времени, которое обуславливается, напомним вам, двумя различными факторами: *психологический* фактор проявляется в "действии по аналогии", *механический, физиологический* фактор / [9] находит свое выражение в фонетических изменениях. Более того, один фактор действует совершенно независимо от второго, кроме нескольких совершенно особых случаев, чрезвычайно любопытных, но в самом деле исключительных.

б) Язык в пространстве

До сих пор мы систематически игнорировали фактор *пространства*, *географического* расстояния, которое сочетается с *временной дистан-*

цией — Мы установили, что если нам дано определенное состояние какого-либо языка в определенном месте, например в каком-нибудь глухом селении в Альпах, то, если посетить ту же местность через сто или двести лет, состояние этого языка неизбежно будет другим, даже некоторым образом при отсутствии каких-либо конкретных причин, которые могли бы способствовать изменению. Впрочем, происшедшие изменения можно будет свести к некоторому числу конкретных явлений. Но необходимо также констатировать, что если один и тот же язык распространен в данный момент на определенной территории, то результат / [10] этих неизбежных изменений через сто или двести лет не будет *одинаковым* в различных точках этой территории независимо от того, будет ли она простирается на пятьсот-шестьсот или пять-шесть лье.

Явления, которые происходят в какой-либо момент времени, всегда совершенно конкретны и определены, например изменение s в h^* , но они не одинаковы в различных частях рассматриваемого ареала; — следовательно, язык уже не будет одинаковым в различных обследуемых местностях. Если мы объединим эти географические сведения с хронологическими, то увидим, что в языке почти никогда не бывает так, чтобы элемент A через несколько веков имел рефлексом только элемент B . Мы наблюдаем, что первый элемент A через несколько веков отражается в виде $B'V''V'''V''''$. Например, если в данный момент в Женеве говорят на языке A , в Лионе, в Бурже или Париже — на том же языке A , то через двести или триста лет мы нигде не / [11] обнаружим языка, который можно было бы обозначить как B по отношению к A , но мы обнаружим язык B' в Женеве, B'' — в Лионе, B''' — в Бурже, B'''' — в Париже, и для них отправной точкой послужил один и тот же язык A . Различие $A:B$ представляет собой в идеальном виде различие во времени, но в действительности существует только различие $A:B'V''V'''V''''$, которое, будучи единственно реальным, представляет собой одновременно различие во времени и в *пространстве*.

/ [12] Таким образом, получается, что мы, так сказать, нигде не можем застать язык, который предстал бы перед нами как единый и тождественный в географическом отношении. Всякий язык, который можно только назвать, обычно является всего лишь *одной из многочисленных географических форм*, которые принимает одно и то же наречие на более или менее протяженной территории. Повсюду мы обнаруживаем диалектную дробность. Она часто завуалирована тем обстоятельством, что один из многочисленных диалектов занял преобладающее положение в качестве литературного языка, официального языка администрации или языка торговли и intercourse¹ между различными частями страны. И по причине своего господствующего положения только этот диалект дошел до нас в памятниках письменности, а на другие диалекты смотрят как на уродливые аморфные жаргоны, которые считаются результатом

¹ Общения, связи (англ.). — Прим. перев.

порчи официального языка. Наконец, часто бывает и так, что 2° язык, принятый в качестве литературного, в конце концов приводит к гибели [диалекты]. <Пример: может показаться, [что]> латинский язык, которым вы владеете, который вы знаете, взятый в своих истоках, может <показаться поверхностному наблюдателю или [зачеркнуто]> языком Италии, или по крайней мере языком Лациума. В действительности же, если мы возьмем фалисские, вольские, осские, сабинские надписи* или слова, которые можно найти / [13] у грамматиков, то мы увидим, что римская латынь, которая имела столь славные исторические судьбы, была небольшим местным диалектом, который не простирался буквально далее римских ворот. В Италии было множество других форм итальянского языка, одни из которых хорошо нам известны, такие, как умбрский или осский; о других, как о сабинском, мы имеем лишь смутное представление. — Но, заметим, римский диалект по причинам политического и литературного порядка в конце концов вытеснил все другие, не менее законные формы итальянской речи. Это заняло достаточно много времени (Помпеи), но в конце концов это случилось.

Подобным же образом, если мы захотим получить здравое представление о том, что такое современный немецкий язык в истинном объеме этого термина, то нам следует прежде всего свести официальный немецкий язык, который мы изучаем в школе, не к нулевой значимости, а к значимости одной-единственной единицы среди сотен других единиц, которые можно выделить, даже не покидая пределы немецкой Швейцарии.

— Положение французского языка относительно французских говоров совершенно такое же; то есть официальный французский язык представляет собой диалект одной [области]: Парижа и Иль-де-Франс.

/ — [14] Я мог бы, конечно, увеличивать число примеров до бесконечности. Возьмем один пример, более далекий от нас: в начале века могло показаться, что зендский язык, сохранившийся в священных книгах парсов, представляет собой язык *Ирана* Ахеменидов**. Нам известны два иранских диалекта, но существовало, конечно, множество других. — Рассматривая столь великое множество форм, <я делаю это примечание, чтобы не создать ложного представления>, было бы неверным предполагать, что мы с трудом можем в нем ориентироваться и что перед нами картина величайшего беспорядка. — Если мы возьмем каждый из конечных элементов В' В'' В''', то найдем для всех них совершенно один и тот же исходный элемент А, подвергшийся изменениям в различных направлениях, но абсолютно определенным образом. Например, tsaʒi — ʒātē 'záмок' Эти формы восходят математически к castellum: tsaʒi — tsā — ʒātē — ʒā 'záмок'; 'поле': -st > ʒ tīða.

Теперь понятно, насколько далека от истины была идея, которая господствовала в течение всего первого периода лингвистических исследований: для того чтобы один язык или *говор* стал отличным от другого, должно произойти географическое разделение; такова, например, идея

о том, что английский отличается от немецкого только потому, что [Англия отделена от континента].

/ [15] Под случаем географического *разделения* я имею в виду абсолютное отсутствие географической непрерывности; этот случай, во все не представляющий обычное условие возникновения дивергенции, является *особым случаем*, который требует отдельного рассмотрения и который я полностью исключаю из настоящего анализа.

Результат языковой изоляции определенного коллектива, вероятно, может быть двояким: с одной стороны, различия возникают быстрее, с другой стороны, эти различия развиваются в направлении, отличном от того, которое приняло бы развитие в случае сохранения коллективом контакта с основной массой. Но повторяю, этот случай если и не является исключительным, то по крайней мере требует особого изучения, и за него следует браться только тогда, когда мы будем иметь ясное представление о дифференциации, происходящей в языковом континууме.

в) Диалекты

/ [16] Если теперь мы попытаемся сочетать [и] увязать факт дифференциации во времени с фактом дифференциации в пространстве, то в каком ракурсе предстанут перед нами совершенно естественным образом явления? Пусть нам дана определенная территория в тысячу квадратных лье, на которой в данный момент говорят на одном и том же языке; через 500 лет на этой же территории будет целый ряд различных диалектов (В' В'' В'''). Но если мы разделим пополам временную дистанцию, то диалектные различия неизбежно будут иметь совершенно иной вид; то есть через 250 лет не только различные диалекты В' В'' не будут еще такими, какими они станут позднее, но они не будут еще существовать как отдельные диалекты; через 250 лет могут возникнуть, например, только два больших подразделения, а не тридцать или сорок. Кроме того, эти два больших подразделения еще могут не отличаться большим своеобразием, так что житель самого южного селения еще сможет объяснить, попав на крайний север территории.

— Такой взгляд на вещи, с одной стороны, не совсем ложный, с другой — не совсем верный. Одним из самых последних и самых важных завоеваний лингвистики, которым мы обязаны в основном г-ну Полю Мейеру из Архивной школы*, является положение о том, что в действительности диалекты не являются четкими образованиями, что *не существует* географических диалектов, но зато существуют диалектные *черты*, распределенные в пространстве. / [17] Если вначале этот принцип может показаться несколько туманным, то вскоре, я надеюсь, он станет [совершенно] ясным.

— При попытке очертить на карте границы *хорошо известного* диалекта, очевидно, необходимо указать на то, какие черты этого диалекта признаются отличительными по отношению к соседним диалектам. На-

пример, если я допускаю существование савойского диалекта, то мой первый долг — указать на то, чем этот диалект отличается от всякого другого французского диалекта, являясь вместе с тем *единым* диалектом. Таким образом, я должен приняться за изучение этих общих отличительных черт. Вначале я могу предположить, например, что сохранение латинского конечного безударного а, как в *fēna* ‘женщина’, *Өена* ‘Женева’, которое является общим признаком савойского диалекта, является также и его отличительным признаком, но, продолжая свои наблюдения, я вынужден буду констатировать, что этот признак является общим для савойского диалекта и для всего Юга Франции; вот почему этот признак не может быть отличительным. Далее я обращаю внимание на то, что на Юге Франции латинская группа *ca* не изменилась в *tsă*, *ša* или во что-либо другое; *santo* ‘пою’, в то время как в савойском она изменилась: *šătă*. Не лучше ли этот признак взять в качестве отличительного? Никоем образом, потому что этот признак обнаруживается также и на северо-востоке территории, он связывает савойский диалект с Жексом, Франш-Конте и Парижем. / [18] В таком случае я попытаюсь поискать более локальные черты; например, я могу взять явление перемещения ударения в савойском говоре: *la lná* ‘шерсть’, *la sprá* ‘мотыга’, — но тут же я убеждаюсь, что, с одной стороны, это явление затрагивает только часть Савойи, то есть оно не может быть общим признаком, с другой стороны, оно обнаруживается, во-первых, в Валэ, во-вторых, по направлению к Дофинату; таким образом, оно не может быть *отличительным* признаком. И так далее: никогда не удастся найти такой признак, ареал распространения которого совпадал бы с ареалом распространения другого; один признак связывает Савойю с Во, другой — часть Савойи с частью Валэ, третий — [часть Савойи с Дофинатом]*

В конце концов мы приходим к пониманию того, что на карте можно прекрасно очертить ареал распространения отдельных *явлений*, но попытка выделения диалектных единств была бы совершенно химерической и тщетной. — Каждая область находится на пересечении определенного числа языковых явлений, каждое из которых имеет определенный ареал распространения. Сумма признаков, которая получается в результате случайного наложения таких-то и таких-то явлений в каждой области и представляет собой, если угодно, диалект этой области. Но невозможно найти такой признак, который позволил бы отграничить данный диалект от любого другого диалекта, — если только не взять язык одного-единственного селения. / [19] В настоящее время диалектальные исследования направлены к единственной цели, а именно: очертить ареал распространения языковых фактов, но не выделить воображаемые диалектные единства. Можно с точностью до километра определить границу перехода латинского *a* в *e*: *donag* или *doner* ‘давать’, — но было бы совершенно неверно попытаться на основе этого признака или на основе других признаков разделить Францию на язык д’ок и язык д’ойль**, потому что по какому-нибудь другому признаку

можно, например, разделить Францию в другом направлении, на восток и запад. Третий признак разделит ее по диагонали от Альп до Атлантического океана и т.д. В этом отношении нет ничего любопытнее, чем Лингвистический атлас Германской империи. — Еще интереснее проследить параллельно во времени и пространстве распространение таких важных явлений, как *Wein* 'вино', *Zeit* 'время', *Haus* 'дом', *Leute* 'люди'

/ [20] Результатом этой цепочки явлений, в которых соблюдается закон географической непрерывности, является то, что диалект будет изменяться совсем незаметно, если отправиться из какой-либо местности в любом направлении. Например, савоец, который отправится в Овернь, через некоторое время достигнет границы распространения *ça* на месте латинского *ca* и услышит, например, *tsa* 'кошка', также и *tsä* 'собака', но это его не очень смутит и не будет препятствовать пониманию. Пройдя еще несколько лье, он пересечет другую границу, предположим перехода *pl* в *pł*; это также не смутит его. Но по мере того, как он будет все больше удаляться от своего родного хутора, сумма отличий от его диалекта будет возрастать и достигнет такой величины, что он перестанет понимать.

Их этих наблюдений можно сделать вывод, что обычно не существует границы между тем, что называют двумя *языками*, в отличие от двух диалектов, когда эти языки имеют одно и то же происхождение и на них говорят два соседних народа, ведущих оседлый образ жизни. Например, не существует границы между итальянским и французским языками, между диалектами, которые называют французскими, и диалектами, [которые называют итальянскими]. В нормальных условиях подобно тому, как нет отграниченных друг от друга диалектов, так нет и отграниченных друг от друга языков.

— Таким образом, если, как мы видели, понятие языка неопределенно во временном отношении, не в большей степени оно определено и в [пространственном отношении]. / [21] Говоря о том или ином конкретном языке, нет другого способа выразить свою мысль, кроме как сказать: *язык Рима в таком-то году, язык Аннеси* в таком-то году*. То есть приходится брать небольшую территорию и один-единственный момент времени.

— Но после [всего этого] возникает вопрос, связаны ли такие смежные языки одного и того же происхождения, как, например, *славянский* и *немецкий*, подобно итальянскому и французскому языкам, промежуточными диалектами, которые относились бы в равной мере и к первому и ко второму типу. Нет, и такое положение распространено почти везде в индоевропейской семье языков. Мы уже не наблюдаем плавных переходов. Но необходимо помнить, что наши знания совершенно фрагментарны. Мы не обладаем полным корпусом данных об *иллирийском** языке, у нас также нет полного корпуса данных о *фригийском** языке или о *македонском** языке, который, вероятно, связывал греческий язык со славянским. Кроме того, происходила постоянная мигра-

ция населения, волны которого могли дробить и перекрывать промежуточные типы.

– У нас есть все основания полагать, что / [22] дифференциация внутри великой индоевропейской семьи в общих чертах происходила таким же образом, как и дифференциация латинского языка. В настоящее время непрерывность сохраняется... если идти через Герат, [Мерв], Москву. – Если же мы возьмем любые индоевропейские языки, то каждый из них будет представлять собой как раз промежуточное звено между двумя соседними языками к западу и к востоку. И мы можем констатировать некоторые важные, совершенно сходные, явления. – *Непрерывность, но дивергенция.* – *Фонетика.*

**О СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ
И МЕСТЕ ЛИНГВИСТИКИ В КРУГУ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН**

Датировка данных набросков затруднена. По-видимому, они также относятся к началу 90-х гг. и, возможно, к тому же курсу, что и первые три лекции; материал, однако, выглядит менее подготовленным к обнародованию.

1. О СРАВНЕНИИ ЯЗЫКОВ

3286 = № 1.4

[Заметка об истории языков; критика выражения "сравнительная грамматика". (В небольшом конверте с надписью "Женева, «Курс»").]

Рукопись: ВПУ Женева, Ms. fr. 3951.

Ср.: CFS 17, 1960, 6.]

Название *сравнительная грамматика*, присвоенное "Курсу", который я начинаю вам читать, — впрочем, это название широко употребительно и освящено узусом — имеет, конечно, неоспоримое преимущество: оно сразу и решительно заставляет отбросить мысль о том, что речь пойдет о каких-то литературоведческих исследованиях на материале рассматриваемых языков, и оно заранее помогает сформировать состав слушателей, которые пожелают посещать этот курс для обсуждения вопросов, относящихся исключительно к самому языку. Само слово *грамматика*, неважно, обозначает ли оно *сравнительную* грамматику или *нет*, ясно указывает на то, о чем пойдет речь, и предупреждает, что литературные памятники, знаменитые или малоизвестные, которыми богат, например, греческий язык, останутся за пределами нашего рассмотрения; для нас они всего лишь памятники самого греческого языка или памятники греческого языка определенного периода.

— Во всех других отношениях можно сказать, что термин *сравнительная грамматика*, изобретенный еще в то время, когда исследования подобного рода находились в зачаточном состоянии*, нам не подходит; этот термин требует по крайней мере большого количества комментариев и оговорок.

Какова роль сравнения в истории языков? Не очень понятно, по ка-

кой причине, но в конце концов на лингвиста стали смотреть прежде всего как на компаративиста. Считается само собой разумеющимся, что астроном наблюдает и вычисляет, критик критикует, историк повествует, а лингвист *сравнивает*. Но почему лингвист обязательно должен сравнивать, почему он обречен своим ремеслом на *сравнение*? / [2] [В наше время] нетрудно увидеть, что сравнение вовсе не является для лингвиста основным и предпочтительным методом, на самом деле это крайнее средство, к которому он по необходимости прибегает в некоторых случаях. Лишь неожиданно высокая частота таких случаев придала сравнению несвойственное ему значение. — Если бы история языков наряду с историей народов не была усеяна огромными лакунами, не возникало бы поводов прибегать к сравнению. Развитие романских языков, вышедших из латыни, дает нам ряд примеров, с полной очевидностью подтверждающих это положение: 1. *patre(m)* — *père* 'отец', *tēctum* — *toit* 'крыша' 2. *fuenta* 'источник' — Лакуна. 3. *tuttus* 'весь' — Другая лакуна. <Позднее.>

— Я привел только такие примеры, которые показывают, как дошедшая до нас традиция исправляется или дополняется с помощью сравнения конечных результатов; но все-таки остаются огромные периоды, относительно которых у нас нет никаких письменных свидетельств. — В течение многих и многих веков существовала латынь, о которой у нас нет никаких непосредственных сведений, поскольку самые древние памятники латинского языка появляются только к 200 г. до н.э.; и греческий язык, который известен нам по крайней мере с 700 г. до н.э., также имеет свою предысторию. Но что же тогда сказать о славянском языке, который, будучи, конечно, таким же древним, как и греческий язык, известен нам лишь с 900 или 1000 г. н.э., то есть первые сведения о нем появляются на 1700 лет позже, чем сведения о греческом, и что сказать о литовском, который известен нам всего лишь на протяжении последних 350 лет?*

2. КРИТИКА НАЗВАНИЯ КУРСА "СРАВНИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА"

3287 = № 2

[Критика выражения "сравнительная грамматика".

Рукопись: BPU Женева, Ms. fr. 3951.

Ср.: SM 13,39; CFS 17, 1960, 6.]

Я беседовал с вами о названии учебного курса, которое звучит как *История индоевропейских языков*. В настоящее время именно такое название лингвисты склонны принять как наиболее подходящее и наиболее верное для обозначения предмета, который обычно называется *Срав-*

нительная грамматика (индоевропейских языков). Название *Сравнительная грамматика* вызывает несколько ложных представлений, самое неприемлемое из них — это мнение о том, что существует другая научная грамматика, отличная от той, в которой применяется сравнение языков. / [2] Поскольку грамматика в правильном ее понимании является не чем иным, как историей языка*, и поскольку во всякой истории много лакун, ясно, что сравнение языков иногда становится нашим единственным источником информации, настолько ценным, что оно может заменять прямые свидетельства, но в общем оно всегда представляет собой лишь крайнее средство. Итак, грамматика становится по необходимости сравнительной, когда достоверные и конкретные свидетельства отсутствуют; сравнение не характеризует какое-либо особое направление, школу или метод. / [3] Это просто единственный способ заниматься грамматикой. Поэтому мы отвергаем всякие частные определения, прилагаемые к лингвисту, как, например, *компаративист*, а также, естественно, отвергаем всякое право на существование грамматики, которая не в состоянии использовать сравнение наряду с другими законными методами исследования.

Замена термина *Сравнительная грамматика* термином *История* имеет и другое преимущество; согласно обычным представлениям, термин *сравнительная грамматика* исключает из рассмотрения современные ответвления индоевропейского языка, такие, как семья романских языков или даже семья германских языков в их новейшем развитии; ибо в этой области сравнение действительно перестает быть крайне необходимым средством благодаря непрерывности исторической традиции. Этого неоправданного разделения [можно избежать]. / [4] *[Следует текст, не относящийся к данной заметке].*

3. РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ЛИТЕРАТУРОЙ, ФИЛОЛОГИЕЙ И ЛИНГВИСТИКОЙ

3288 = № 3

[Различие между литературой, филологией, лингвистикой (две редакции)].

Рукопись: BPU Женева, Ms. fr. 3951.

Ср.: SM 13,39; CFS 17, 1960, 6.]

По общему мнению, изучение произведений литературы с собственно литературоведческой точки зрения достаточно отличается от связанных с ним вспомогательных исследований более технического характера, которые являются специальным полем деятельности *филолога*. Она среди прочего включает текстологию, критику рукописей и изданий, палеографию и эпиграфику, герменевтическое толкование авторов, лек-

сикографию, грамматику, метрику поэтических произведений и т.д. Также при случае филолог может на время стать археологом, юристом, географом, историком, мифологом и т.д., так как ему приходится заниматься вообще всем тем, что более или менее способствует лучшему пониманию духа и буквы текстов. Так что не составляет труда уяснить себе, какое место наряду с чисто литературоведческой эрудицией занимает филологическая эрудиция, или филологическая наука, тем более что классическое образование, по крайней мере в отношении мертвых языков, всегда включало в себя эти два предмета одновременно. Напротив, часто обнаруживается меньше готовности к пониманию того, что филология в свою очередь отлична от *лингвистики*.

/ [2] – **Литература и филология.** Изучение литературы в общепринятом смысле включает в себя только те объекты, которые представляют собственно литературный интерес. Таким образом, по общему мнению, оно оказывается весьма отличным от вспомогательных отраслей знания более технического характера, которые преимущественно составляют область филологии; это текстология, критика рукописей и изданий, <критика текста [зачеркнуто]>, палеография, эпиграфика, грамматика, лексикография, просодия, метрика, герменевтика, или толкование произведений, и т.д. Любой может уяснить себе как то место, которое законно отводится филологическим исследованиям, так и отличия последних от чисто литературоведческих исследований, и это тем более легко сделать, что классическое образование, по крайней мере в отношении мертвых языков, всегда включало в себя эти два предмета одновременно и знакомило нас с соответствующим их содержанием.

/ [3] На самом деле эти два предмета так редко смешивают, что скорее возникает необходимость напомнить о том, что в конечном счете они составляют единое целое, ибо филология является не чем иным, как обширным комментарием, который прилагается к литературному произведению. Именно чисто литературоведческий характер конечных целей исследования одновременно составляет смысл существования [и] обуславливает единство филологической науки, которая в противном случае включала бы в себя самые разнородные исследования. Она охватывает все, что более или менее способствует лучшему пониманию духа и буквы произведений, а это ведет к тому, что, занимаясь названными выше предметами, филолог может при случае стать по необходимости также археологом, юристом, географом, историком, мифологом и т.д. На произведениях литературы сосредоточена одновременно и деятельность филолога, и деятельность [литературоведа].

Филология и лингвистика: Если никто не смешивает литературоведение и филологию, которые очень тесно соприкасаются друг с другом, то, напротив, очень [часто путают филологию и лингвистику].

/ [4] [Следует текст, не относящийся к данной заметке].

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА (ЯЗЫКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

Данная заметка, относящаяся к 1891–1894 гг., примыкает к наброскам, написанным к книге по общей лингвистике (№ 3295 – 3296). Впервые вводится положение о языке как социальном явлении.

3292 = № 6

[Особенности языковой деятельности.

Рукопись: ВПУ Женева, Ms. fr. 3951.

Ср.: SM 13, 40; CFS 17, 1960, 7.]

Особенности языковой деятельности. Языковую деятельность постоянно рассматривают в пределах *отдельного индивида*, а это ложная точка зрения. Природа дает нам человека, *приспособленного к членораздельной речи, но без членораздельной речи.*

Язык является социальным фактом. Индивид, приспособленный для языковой деятельности, может использовать свои органы речи только при наличии окружающего его коллектива, к тому же он испытывает потребность использовать их, лишь вступая с ним в отношения. Он полностью зависит от этого коллектива; его расовые признаки не играют никакой роли (разве только в некоторых особенностях произношения). Следовательно, в этом отношении человек становится вполне человеком только посредством того, что он заимствует из своего окружения.

— Язык как социальный факт можно сравнить с *нравами и обычаями* (конституция, право, мораль и т.д.). Более далеки от него искусство и религия — проявления разума, в которых важную роль играет личная инициатива и которые не предполагают обмена мыслями между двумя индивидами. Однако и аналогия с 'нравами и обычаями' очень относительна. Главные расхождения заключаются в следующем:

— 1° Языковой деятельности, которая, как и 'обычай', является достоянием коллектива, соответствует в индивиде специальный орган, предуготовленный природой. В этом отношении данный факт не имеет аналога.

— 2° Язык по преимуществу является средством, орудием, которое предназначено для постоянного и *немедленного* достижения соответствующей цели и результата — взаимопонимания. Обычай какого-либо на-

рода часто имеют очень отдаленную цель (например, праздники) или представляют собой очень косвенное средство. И поскольку цель языковой деятельности – достижение взаимопонимания – есть абсолютная потребность любого человеческого общества в том виде, в каком оно нам известно, то из этого следует, что существование языковой деятельности свойственно любому обществу.

– Развить:

– 1° Необходимость существования языковой деятельности в любом человеческом коллективе.

– 2° Абсолютная непрерывность языка: – а) не может быть никакого перерыва. – Невозможно себе представить, чтобы какой-либо народ мог обойтись без речи в течение одного-двух дней, даже при таких потрясениях, которые ведут к приостановке любой другой деятельности; – б) языковая инициатива со стороны одного или нескольких человек невозможна прежде всего по причине действия фактора бессознательности. Можно себе представить проявление сознательной инициативы со стороны нескольких человек, но она тут же будет тормозиться тем фактом, что прекратится взаимопонимание. Если же инициатива иногда и проявляется, то она обычно представляет собой чисто лексические новообразования, и чаще всего материалы для них должны браться из общего языка. Бывают потери, но ничто не создается вновь. Все только изменяется. (Ср. у Курциуса* в методологическом разделе 5-го издания, комментарий ко второй части.) – в) сознательная инициатива всех сразу бесполезна, невообразима, не подтверждается примерами.

Таким образом, язык представляет собой традицию, которая непрерывно изменяется, но которую время и говорящие субъекты не в состоянии разрушить, если только она сама не угасает по той или иной причине. Если какой-либо народ перенимает чужой язык, принцип непрерывности сохраняется неизменным. Один язык исчезает; другой, победивший, также являет собой непрерывность. Итак, если нам дан некий язык, мы не можем сказать, как долго он будет существовать, но можно быть уверенным в том, что он восходит к самой глубокой древности, из которой он выносит свои материальные элементы, подобно ледниковой морене. Раздваивающийся ледник воистину является прекрасным объектом для сравнения с ним родственных языков. Это сравнение позволяет понять: общность происхождения, новые элементы, временные различия и отсутствие органической жизни.

МОРФОЛОГИЯ

На основании примеров сделано заключение, что этот фрагмент представляет собой вступление к курсу о греческом склонении, прочитанному в 1894/95 г. К этому фрагменту с параграфацией Ф. де Соссюра нами подключен отдельный фрагмент (№7), относящийся к тем же годам, близкий по содержанию. Обращает на себя внимание то, что морфологические части слова определены как знаки и описаны процессы, известные в терминологии В. А. Богородицкого как опрощение и переразложение.

§ 1. МОРФОЛОГИЯ И ФОНЕТИКА

3293 = №7

Морфология.

[Рукопись: *BPU Женева, Ms. fr. 3951.*

Публикация: *Geneva School Reader, p. 26–38.*

Ср.: *SM 13, 40–42; CFS 17, 1960, 7.]*

[3293.1] [§] 1. Утверждают, что морфология изучает формы языка (*langage*), в то время как фонетика изучает звуки языка (*langage*). — Подобное определение неудовлетворительно не только в теории, но и на практике, поскольку часто бывает так, что трудно понять, занимаемся ли мы морфологией или фонетикой, и мы сейчас убедимся в этом.

— Прежде всего очевидно, что фонетика, даже если ее цель — изучение звуков, должна в первую очередь заниматься формами, чтобы иметь возможность заниматься звуками. Звуки не передаются от одного поколения к другому в изолированном виде; они существуют, живут и изменяются только в составе слов. Не было так, что сначала произносили изолированное *s*, а потом вместо него стали произносить сильное придыхание. Сначала произносили *serpō*, *sedos*, а затем *herpō* 'ползти', *hedos* 'сиденье'. И если я говорю: *herpō* происходит от *serpō**, значит, я занимаюсь фонетикой, и ничем иным. Так же обстоит дело, если я говорю, что 1-е лицо глаголов на *-ω* не может происходить от старой формы 1-го лица на *-ōmi*.

— С другой стороны, морфология, которая, как считают, должна за-

ниматься только формами, иногда занимается и звуками. Например, когда я говорю, что в греческом языке *o* может чередоваться с *e*, но не с *a*: *λόγος* ‘слово’, *λέγω* ‘говорить’, но *ἔγω* ‘вести’: ведь нет **ἔγ-*, то я занимаюсь морфологией. Правда, для некоторых это называется заниматься *фонетикой*. Причина – плохое определение. Но сейчас станет совершенно ясно, что нет ничего более неверного и опасного, чем относить факты подобного рода к фонетическим фактам.

– Таким образом, не так-то просто, как иногда кажется, разделить две эти области, и если мы скажем, что одна область – изучение звуков, а другая – изучение форм, мы не получим удовлетворительной демаркационной линии.

– Однако провести эту линию крайне необходимо, чтобы избежать печальных недоразумений.

– Принцип направленности: *каждый раз, когда мы рассматриваем одну и ту же форму в разные моменты времени, мы занимаемся фонетикой, и каждый раз, когда мы рассматриваем различные формы в один и тот же момент времени, мы занимаемся морфологией*: / [2]

древневерхненемецкий	zug	zugi
современный немецкий	zug	züge*
	‘черта’	‘черты’

Сравнивать *zugi* и *züge* – значит сравнивать две формы, и тем не менее мы занимаемся при этом фонетикой, а не морфологией. – Сравнить *u*–*ü* в *zug*, *züge* – значит сравнивать два звука, и тем не менее это не относится к фонетике.

Сфера фонетики	ckwos**	‘конь’	ckwon	‘коня’
	ἵππος		ἵππου	
Сфера морфологии				

Две сферы смешиваются в ставших привычными оборотах речи:

chantre	‘певчий’	этимологически связано	с chanter ‘петь’
	„	„	cantor ‘певец’
φόρος	‘пóдать’	происходит от	φέρω ‘нести’
	„	bhoros	/[3]

Примечание: *Этимология*, которую иногда представляют как одну из отраслей науки о языковой деятельности, не являет собой упорядоченную совокупность исследований, еще менее представляет она упорядоченную совокупность фактов. Заниматься этимологией – значит использовать определенным образом наши знания в области фонетики и морфологии.

coucher	'укладывать'			
coulchier	в постель'			
collocare	'ставить'	colligo	'связывать', locare	'помещать'

Фонетика помогает углубиться в прошлое до того момента, когда слово было морфологически разложимым. Иногда этимологические исследования не выходят за пределы изменения смысла: le barreau* 'перекладина', 'места для адвокатов', 'адвокатура' – *αἴτωρ*** 'таким же образом', 'вполне', 'напрасно' и т.д./[2].

§ 2. МОРФОЛОГИЯ КАК ТЕОРИЯ ЗНАКОВ, НО НЕ ФОРМ

[3293.2] [§] 2. Это еще не точное объяснение сути морфологии. – **Определение:** *Морфология* – это наука, которая изучает звуковые единицы, соответствующие частям смысла, и сочетания этих единиц***. – *Фонетика* – это наука, которая изучает звуковые единицы, выделяемые по их физиологическим и акустическим признакам.

– *Морфологию* в действительности следует называть теорией знаков, а не теорией форм. –

а) Каким же образом получается, если следовать данному определению, что естественной областью исследований в морфологии всегда будут одновременные явления, а в фонетике – последовательные явления? – В морфологии для того, чтобы точно описать, выделить каждый знак и приписать ему соответствующую роль, абсолютно необходимо опираться на другие знаки той же системы. Слова *δοτός* 'дань' само по себе непроницаемо для морфологического анализа. Но как только мы возьмем *δοτόν* 'дань' (аккузатив), *δοτήρ* 'даритель', анализ становится возможным. И конечно же, *δοτόν*, *δοτήρ* должны принадлежать одной и той же системе.

/[3] Или: в языке звук осознается только как знак. – *Лучше*: слово *δοτός*, рассматриваемое в связи с другими существующими одновременно с ним словами, является носителем определенного смысла, который отличен от смысла *δοτήρ*, отличен от смысла *δῶσω* 'дам', *δοτόν*, и то же можно сказать о составных частях *δοτός*. Таким образом, *δοτός* является знаком и относится к ведению морфологии.

– Отношения между *δοτός*, *δοτήρ*, *δῶσω*, то есть отношения между сосуществующими формами, не могут быть объяснены фонетически. – Фонетику определенного периода можно ограничить протокольным изложением на двух страницах. Первой задачей „французской“ фонетики является дать нам представление о старофранцузском и латыни. –

б) Почему же в морфологии иногда приходится заниматься звуками? Звук может быть носителем смысла. Фонетические альтернации и изменения. / [4]

[3293.3] § 3. Всякое сближение форм, имеющих что-либо общее, ведет к их разложению: $\delta\omicron/\tau\acute{o}\varsigma \delta\omicron\tau\acute{\eta}\rho$. Возникает вопрос, чему соответствует это разложение, чем оно подтверждается. /[5] Старая сравнительная грамматика вовсе не занималась этим вопросом. Она делила слова на *корни*, *темы*¹, *суффиксы* и т. д. и придавала этому делению абсолютную значимость.

В этом было столько наивности, что, когда читаешь труды Боппа* и его учеников, воистину можно подумать, что греки с незапамятных времен носили с собой груз корней, тем и суффиксов, и вместо того, чтобы пользоваться в речи готовыми словами, они занимались их образованием. [Можно подумать], что у греков не было слова *πατήρ* 'отец', а у латинян — слова *pater*, зато был корень *ра-* 'защищать' и суффикс *-ter*, не было слова *δάσσομαι* 'дамся', а был корень *δα-*, суффикс *-σο-* и личное окончание.

Бурная реакция на такие искажения была неизбежной, и ее лозунгом был следующий совершенно обоснованный призыв: наблюдайте, что происходит сегодня в языках, в обыденной речи. Не приписывайте языку прошлых эпох никаких механизмов или явлений, кроме тех, которые обнаруживаются в живых языках.

И сегодня любое исследование по морфологии начинается с изложения принципов, которые обычно сводятся к утверждению, что

1° *корень*, *тема*, *суффикс* и т. д. являются чистыми абстракциями, что не следует думать, будто эти творения нашего разума /[6] реально существуют;

2° однако ими будут пользоваться ради удобства изложения, но, разумеется необходимо понимать, что эти термины имеют лишь относительную значимость.

Результат: читатель оказывается совершенно сбитым с толку. Ибо если установление этих категорий ничем не оправдано, тогда зачем же их устанавливать? И в частности, *почему* членение $\zeta\upsilon\gamma\acute{o}\nu$ 'ядро' в виде $\zeta\upsilon\gamma\acute{o}\nu$ *менее* ложно, чем членение $\zeta\upsilon\gamma\acute{o}\nu$?

/[6] Новая школа** в самом деле заслуживает порицания за то, что она разобралась в природе [языковых] явлений, но в определенной степени сохранила запутанный научный аппарат своих предшественников, в отношении которого легче выявить его недостатки, нежели точно определить его положительную роль. /[7]

Я хочу высказать несколько еретическое предположение. Неверно, что такие результаты членения, как *корень*, *тема*, *суффикс*, являются чистыми абстракциями. Прежде всего и до того, как заводить речь об абстракциях, необходимо иметь жесткий критерий для определения того,

В русской традиционной индоевропеистике
основы, основы на согласный) Прим. ред.

(например, гласный

что можно назвать *реальным* в морфологии. *Критерий таков*: реальным является то, что говорящие субъекты хоть в какой-то степени осознают, все то, что они осознают, и только *то*, что они могут осознать. Но в любом состоянии языка говорящие субъекты осознают морфологические единицы — то есть значимые единицы, — более мелкие, чем слово. Во французском языке мы осознаем, например, элемент *-eur*, который, будучи употреблен определенным образом, служит для выражения идеи производителя действия: *graveur* 'гравер', *penseur* 'мыслитель', *porteur* 'носилищик'. *Возникает вопрос*: чем можно доказать, что этот элемент *-eur* действительно выделяется самим языком? *Ответ*: как и в других сходных случаях, неологизмами, то есть формами, в которых активность / [8] языка и механизм его действий находят свое, неопровержимое подтверждение: *men-eur* 'вожак', *os-eur* 'смельчак', *гесомпенс-eur* 'тот, кто снова начинает'. Но те же новообразования свидетельствуют и о том, что элементы *men-*, *os-*, *гесомпенс-* тоже ощущаются как значимые единицы. Наряду с *penseur* 'мыслитель' у нас есть *pensif* 'задумчивый'. Но если верно, что в языке выделяется элемент *-eur*, с гораздо меньшей степенью уверенности можно предполагать, что в языке выделяется элемент *-if*. Почему мы так считаем? Потому что нельзя образовать слова *menif*, *osif* и т. д.

В ы в о д: Морфологический анализ грамматиста в той мере, в какой он согласуется с анализом, производимым самим языком и подтверждаемым неологизмами или образованиями по аналогии, нельзя считать результатом абстракции.

Теперь совершенно неоспоримым представляется тот факт, что говорящие субъекты всегда исходят из готового слова; то есть, когда образуют слово *oseur* 'смельчак', не говорят про себя: я соединяю *os-* и *-eur*. В действительности поступают следующим образом: / [9] *graveur* 'гравер': *graver* 'гравировать', *je grave* 'я гравировую' = *x*: *oser* 'осмеливаться', *j'ose* 'я осмеливаюсь'. — *x=oseur* 'смельчак'.

— Но позвольте вас спросить: разве грамматист производит свой анализ совсем по-иному? — Он также неизбежно исходит из готовых слов: чтобы выделить *-sis* в слове *δῶσις* 'дарение', он сравнивает его с *δοτός*, а также, например, со словом *στάσις* 'стояние, положение'. *δῶσις* 'дарение': *δοτός* 'дань'=*στάσις* стояние: *οτάτος* 'стоянка'. Следовательно, я выделяю *-σις*, *-τος* или *δο-*. Поэтому я мог бы при случае образовать *λύσις* 'развязывание, освобождение', *λυτός* 'то, что должно быть развязано, освобождено'. Кто бы мог утверждать, что чувство языка заставляет действовать говорящих именно таким, а не иным образом? *Graveur* 'гравер': *graver* 'гравировать'=*penseur* 'мыслитель': *penser* 'мыслить'. Отсюда (*oser* 'осмеливаться') *oseur* 'смельчак'.

С у щ е с т в е н н о е п р и м е ч а н и е: Важно отметить, что анализ языка может основываться на наблюдаемом соотношении форм, на таком соотношении, которое не оправдано этимологически, то есть не соответствует первоначальному соотношению этих форм. (Конечно)

общегерманское	kalbiz	мн. ч.	kalbizō
немецкое	kalb		kalbir*
	‘теленок’		‘телята’

В общегерманскую эпоху признаком множественного числа было *-o*. В немецкий период [признаком множественного числа было *-ir*]./[10] По фонетическим причинам *-ir* случайно отпало в единственном числе, но во множественном числе оно сохранялось благодаря прикрытию следующим гласным. Но поскольку в языке всегда принимаются в расчет только формы, неизбежно пришли к членению *kalb/ir*, и *-ir* было принято за признак множественного числа, хотя первоначально оно не имело никакого отношения к множественному числу. — ➤ Это неверно с исторической точки зрения, но справедливо для морфологии рассматриваемой эпохи.

Вся жизнь языка состоит из подобных недоразумений. Не надо забывать, что все то, что определяется языковым чувством говорящих, есть реальность. Нас не должно интересовать, как могло сформироваться это чувство. Морфолог *должен* членить *kalb/ir*, ибо так анализирует сам язык, и морфолог должен руководствоваться только этим анализом, который подтверждается также и новообразованиями: например, *kind-er*** ‘дети’.

Вывод: мы еще раз убедились в том, что в морфологии никогда нельзя соединить и смешивать несколько разных эпох. Морфологический анализ необходимо производить отдельно для каждой эпохи, чтобы избежать опасности смешения фонетических и морфологических фактов. Я говорю не о том, что последнее встречается редко, я лишь утверждаю, что такой подход вызывает неприятие./[11]

§ 4. РЕТРОСПЕКТИВНАЯ МОРФОЛОГИЯ

[3293.3] § 4. *Метод ретроспективного морфологического анализа или морфологической анахронии.* Замечание в конце § 3 подвело нас к пониманию той *совершенно искусственной* процедуры, которую я называю ретроспективным морфологическим анализом. Добавлю, что все мои предыдущие замечания имели единственной целью показать должным образом, в чем заключается этот анализ. Ибо в нем следует искать ответ на столь важный и щекотливый вопрос о *корнях, суффиксах, темах и окончаниях*, — вопрос, по поводу которого вам придется прочитать два десятка томов, прежде чем вы сможете найти хоть какое-то объяснение.

kalb kalbir

Если я переносу на формы IX в. то, что было верным для форм I в., если я говорю: нет, *-ir* не является окончанием множественного числа, так как в общегерманском мы имеем *kalbiz*, *kalbiz-ō*, что я тогда делаю? Я занимаюсь протогерманской морфологией на материале форм не-

мецкого языка, я занимаюсь ретроспективной морфологией. [Те, кто] полагает, что подобным образом они смогут добраться до истины, / [12] проходят мимо нее. Ибо, повторяю еще раз, для IX в. истинным является то, что осознавали немцы в IX в., и только это. Вопросы происхождения форм не играют здесь никакой роли. Таким образом, если я выделяю корень *kalbiz-* или *kalbig-* в языке IX в., то это может быть удобным для некоторых целей описания, но выделенные элементы будут соответствовать такой реальности, которой уже давно не существует.

Другой пример: в современном французском языке слова *enfant* 'ребенок', *entier* 'целый' с точки зрения языкового чутья французов не более членимы, чем слова *roug* 'для' или *moi* 'я'

В I веке фонетические соответствия этих слов *infans*, *integer* допускали членение, потому что наличие, например, слов *in-auditus* 'неслышанный' и *fāgi* 'говорить', *tango* 'трогать' и т. д. позволяет языку производить следующее разложение: *in-fans*, *in-teger*. Если я буду членить *enfant*, *en-tier**, я опять буду делать то же самое, что и раньше: / [13] заниматься латинской морфологией на материале французских форм. Но именно такая морфология лежит в основе всех греческих и латинских грамматик. И именно такой морфологией мы сами будем заниматься в половине случаев. Только вы будете должным образом предупреждены об этом и, надеюсь, будете в состоянии должным образом оценить ее.

Пример: в греческом мы членим *ἴππο-ς*, *ἴππο-ν* и т. д. (*ἴππο-* — тема). Почти с уверенностью можно утверждать, что если слово *ἴππος* как-то и членилось с точки зрения языкового чувства греков, то только так:

ἴππο-ς
ἴππο-ν

Какие доказательства? Как всегда, новообразования по аналогии: *γράμματος* 'буквы', *ῥήτορον* 'оратора' Членение *ἴππο-ς* отражает реальность индоевропейского языка, но посредством греческой формы. Напомню: *реальность* — это факт, осознаваемый говорящими субъектами. Индоевропейцы, по крайней мере самые древние, членили *ekwo-s*, *ekwo-m*. Когда мы / [14] выделяем тему *ἴππο-*, то мы опираемся на морфологическую реальность, которая существовала за две или три тысячи лет до Платона или Софокла, но перестала быть таковой для этих писателей и их современников.

Другой пример: *patercus* 'отчим' Мы членим это слово так: *patēr-cus*. Это совершенно верно для времени образования *patēr-cus* от *patēr-*, как и *villī/cus* или *vīlicus* 'управляющий поместьем' от *villa* 'поместье' Тем не менее уже для древней эпохи латинского языка членение *pater-cus* есть результат ретроспективного анализа. Соответствующее этому периоду членение должно быть *pat-ercus*. *Доказательство:* новообразование *pac-ercus* 'мачеха', которое доказывает, что выделялись элементы *pat+ercus*, а не *pater+cus*. При ретроспективном анализе происходит лишь перераспределение частей слова согласно членению, существовавшему

в наиболее древнем состоянии языка; но это членение только в ограниченном числе случаев соответствует новейшему членению* Однако может наблюдаться и полное соответствие, о чем также не следует забывать:

dō – tōr
δῶ – τῶρ [15]

Выделяя такие части слова, как корень, тема или суффикс, всегда следует иметь в виду, что мы должны брать ту далекую или близкую эпоху, когда этот анализ подтверждался единообразным языковым чувством говорящих. Для анализа можно привлекать разные эпохи, ведь если в случае с δῶ – τῶρ нам не надо углубляться в предшествующую греческому языку эпоху, то в случае с ἴππο-ς мы обращаемся к самой глубокой древности.

Морфология как настоящая наука должна первым долгом разграничить различные эпохи и как следует проникнуться духом каждой из них, чтобы не втискивать исторически засвидетельствованные формы в рамки, упраздненные несколько веков тому назад. Надо только отметить, что, действуя подобным образом, мы будем иметь очень неполное представление о генезисе этих форм. Ясно, что, если я прибегнул бы к членению pater-ergus, соответствующему языковому чувству латинян в определенную эпоху, я не заметил бы параллелизма между pater, pater-cus и villa, villi-cus (villā-cus). Таким образом, практика заставляет прибегать к анахронизму и смешению разных эпох.

§ 5. ИСТОРИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ

[3293.5] [16] <Третья лекция, 1.> § 5.

Историческая морфология. Морфологическое изменение.— Из § 4 косвенно следует, что в жизни языка есть значительное <первостепенной важности> явление, а именно *морфологическое изменение*. И что подход, который мы назвали *ретроспективной, анахронической или этимологической морфологией*, именно в том и заключается, что забвение такого явления, как морфологическое изменение, возводится в принцип.

— Морфологическое изменение нуждается в специальном исследовании, которое получает наименование *Исторической морфологии*. В ней выделяются и сравниваются отдельные эпохи, в то время как в ретроспективной морфологии они смешиваются. Историческая морфология [дает] настоящую перспективу для ряда последовательных классификаций и интерпретаций, которым подвергаются в языке одни и те же формы, а ретроспективная морфология пытается, если мне позволяют употребить этот образ, получить проекцию на одну и ту же плоскость различных классификаций, относящихся к разным эпохам.— Она будет утверждать, что вследствие изменения звука в kalb, kalbir соотношение

между смыслом и звуком стало иным по сравнению с прототипами этих форм *kalbiz – kalbizō*

Этимологическую морфологию интересует только первоначальное состояние, и / [17] она невозмутимо переносит анализ первоначального состояния на последующие периоды. – Объединение исторической и этимологической морфологии невозможно, потому что этимологическая морфология является настоящим отрицанием исторического принципа.

Теперь, если мне удалось заставить вас следовать за [моим изложением] с самого начала, напрашивается один вопрос. Поскольку существует морфологическое изменение и историческая морфология, а морфологические факты образуют последовательность, было бы неверным утверждать, что действие морфологических сил постоянно осуществляется исключительно в границах сосуществующих форм.

Напомним: в § 1 мы установили в качестве принципа первостепенной важности, что морфологические факты имеют место в кругу различающихся и *одновременных* форм, а фонетические факты – в кругу тождественных и последовательных во времени форм. Мне не составит труда показать вам, что этот принцип несколько не подрывается фактом морфологического изменения, скорее он получает от него еще одно решающее подтверждение.

/ [18] <Третья лекция, с. 3.> В чем же заключается морфологическое изменение, которое наблюдается при переходе от одной эпохи к другой?

1° в ином анализе одних и тех же форм или в различной ценности, которая приписывается им языком, или в изменении соотношения между ними. Все эти факты относятся к чисто психологической сфере, но от этого они не становятся менее позитивными фактами. Пример:

Эпоха	I	<i>βέλεσ-σι</i>	‘стрелам’ (датов мн. ч. от
Эпоха	II	<i>βέλ-εσσι</i>	<i>τό βέλος</i> ‘стрела’)

2° в создании новых форм, что является более осязаемым, более вещественным фактом:

Эпоха	I	<i>θηροί</i>	‘зверям’ (датов мн. ч. от
Эпоха	II	<i>θήρεσσι</i>	<i>ὁ θήρ</i> ‘зверь’)
		(новообразование)	

Обратимся к первому факту. Изменение, происшедшее в осмыслении языком слова *βελεσι*, осталось бы для нас тайной, если бы мы искали причину изменения в самой форме. Единственным его источником являются *сопутствующие формы*, о чем мы уже говорили. Поскольку после падения *s* элемент *-σ-* не обнаруживается в *βέλει* ‘стреле’ (датов ед. ч.), *βελέων* ‘стрел’ (генитив мн. ч.) и т. д., в языке нельзя найти никакого

указания, что надо членить βέλεσ-σι, поэтому теперь членение происходит так: βέλ-εσσι. Таким образом, переход осуществился не между βέλεс-си и βέλ-εσσι, утверждать подобное было бы полнейшим абсурдом. [19] Но, как и всегда в морфологии, толчок к изменению приходит со стороны. И здесь мы обнаруживаем основное условие любой процедуры морфологического анализа, которая должна учитывать соотношение одновременных форм в их разнообразии.

— Обратимся ко второму факту, к новообразованиям. Здесь дело еще очевиднее: ведь никто не будет устанавливать связь между θηροί и θήρεσσι. Языковой импульс, приведший к созданию θήρεσσι, шел, конечно, со стороны, (я повторяю это выражение), от βέλεσσι и т. д. Для создания θήρεσσι нужна была модель; разумеется, этой модели надлежало быть хорошо известной тому, кто пустил в обращение неологизм. Значит, это событие затронуло только одновременно существующие формы, поскольку ассоциация возникла в мозгу одного индивида, и потребовалось всего лишь четверть секунды, чтобы от βέλ-εσσι перейти к θήρ-εσσι.

/ — [20] Другой пример изменения, которое заключается в создании новобразования, вытесняющего старую форму:

<i>Номинатив мн. ч.</i>	<i>Местоимение</i>	<i>Прилагательное</i>	<i>Существительное</i>
индоевропейский	toi	klutōs	ek ₁ wōs 'кони'
готский	bai 'te'	hlūdai	wulfōs 'волки'*
[греческий]	τοί (утвердительная часть)	κλυτοί 'славные'	ἵπποι 'кони'

Конечное -οι, вначале свойственное местоимению, в общегерманском проникло в прилагательное, в греческом — в прилагательное и существительное. Очевидно, что не *klutōs являлось отправной точкой изменения, которое привело к замене этого слова формой κλυτοί. Новообразование κλυτοί немедленно заставляет обратиться к другим, причем *одновременным* формам; предыдущая эпоха не играет здесь роли, важен только момент образования новой формы.— τόν τοί = κλυτόν χ; χ = κλυτοί.

— Таким образом, язык должен был опереться на совокупность одновременных форм, чтобы создать новую форму. [21] Проводя сравнение с тем, что происходит в фонетике, вы еще лучше уясните себе истинность нашего принципа, заключающегося в том, что в морфологии всегда надо оставаться в пределах одной эпохи, даже если речь идет об изменениях.

— *Фонетическое* изменение справедливо сравнивали с лестницей, ступеньки которой отваливаются по мере того, как по ним поднимаются вверх. Чтобы k₂ oteros стало kwoteros, необходимо, чтобы k₂ oteros прекратило свое существование; чтобы *kwoteros стало πότερος 'который', необходимо, чтобы kwoteros исчезло. Запишем это так:

k₂oteros

↓

kwoteros

↓

πότερος.

Морфологическое изменение. Мы не можем написать:

ни *toi klutōs*

↓

τοί κλυτοί

ни *toi klutōs*

↘

τοί κλυτοί,

(абсурд),

ибо очевидно, что не *toi* в языке предшествующего поколения [породило *κλυτοί*]. Надо записать так:

toi klutōs

↪

τοί κλυτοί. /22

[suite 2779]

§ 6. МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЯЗЫКА (ВЫВОДЫ)

Необходимо сделать еще одно замечание по поводу морфологического изменения или морфологического движения языка. При возникновении новых форм, как мы только что видели, происходит разложение существующих форм и создание новых путем перекомпоновки материала старых форм. Интуитивно *βέλεσσι* 'стрелами' разлагается на *βέλ-εσσι*, и результат разложения используется при создании *θήρεσσι* 'зверям'. В языке формы никогда не конструируются вдруг, на пустом месте посредством действительно творческого акта. Всегда элементы новой формы заимствуются из наличных ресурсов. Но так как эти ресурсы состоят из слов, а не суффиксов, корней и т. д., созданию новых форм всегда предшествует скрытая работа по разложению старых. /{23} В какую бы глубину веков мы ни погружались, мы не обнаружим иного способа создания новых форм, допустимого теоретически. Индоевропейский язык на самом древнем этапе своего развития не мог действовать иначе, чем греческий или французский. Так что формы, которые послужили исходной

точкой для новообразований, в свою очередь могли быть созданы только на основе других форм, подвергшихся языковому анализу. Сказанное дает представление об истинном значении синтеза, которым мы собираемся заняться. Вот что я хотел бы отметить. Когда мы говорим, например: «Чтобы получить слово *bhertores* ‘носильщики’, к корню *bher-* прибавили суффикс *-tor* и окончание *-es* именительного падежа множественного числа», то мы не совсем выходим за пределы лингвистической истины. <Но и здесь заблуждения школы [ ]** (см. соседнюю страницу) > / [24]

Сейчас, я думаю, было бы гораздо полезнее порассуждать о знаменитых абстракциях старой школы и определить, что в них содержится верного и реального, нежели отвергнуть все полностью в теории, а потом вернуться к этому же на практике. Например, достаточно ввести одну простую поправку в рассматриваемый прием грамматического анализа, чтобы придать ему совершенно законный и точный смысл.

Наш синтез существенно не отличается от синтеза, производимого самим языком; только язык начинает с анализа (впрочем, так же, как и мы). / [25] Язык начал с того, что позаимствовал откуда-то – взял из уже готовых слов – и идею корня *bher-*, и идею элементов *-tor-* и *-es*, которые не были ему известны в отдельности как таковые, и, кроме того, взял общую модель их расположения и функционирования. Может быть, уже существовали такие, например, слова, как *mentores ‘мыслители’, или *wek₂tores ‘говоруны’, а также *bherō*, *bhernos* и т. д. Извлекаемые нами элементы, которые мы наделяем фиктивным существованием, ранее пребывали исключительно в составе готовых форм, и только в них язык мог найти нужные элементы.

[25] Я не могу себе представить, будто дело обстоит так, что однажды из списка корней взяли *cap-* и постановили прибавить к нему *-ere*. Конечно, *cap-* всегда существовало только как часть *lat. capere* ‘петь’, как часть *capo* ‘пою’, как часть *santo* ‘распеваю’ и т. д. Следовательно, снова встает вопрос, чему же соответствует наш анализ. В зависимости от того, окажемся ли мы в состоянии или нет ответить на этот вопрос, можно будет судить, вникли ли мы в осмысление общих фактов.

Современная лингвистика прекрасно ухватила истинную сущность явлений языка, но примечательным образом она проявила небрежение или бессилие в определении соотношения между категориями и реальными фактами языковой деятельности.

/ [26] Нет ничего проще и эффективнее, чем заявить: слова *корень* или *тема*¹ устарели; но следует хорошо понять, что это абстракции. Языку неизвестны темы, префиксы или корни. Все же нельзя отрицать, что эти термины чему-то соответствуют, и если непонятно, к чему они относятся, то мы теряем всякую ориентацию; при этом нам совершенно забывают

В традициях русской индоевропеистики этот термин соответствует *основе*, хотя используется и термин *тема*. – Прим. ред.

сказать, в каком смысле эти термины неверны или в каком смысле они оправданны, в какой мере наш анализ соотносится с позитивными фактами языковой деятельности.

[1] *Великий принцип*. Реальным в данном состоянии языка является то, что осознается говорящими, все то, что ими [осознается, и только то, что может ими осознаваться]. Следовательно,

– 1° во всяком состоянии языка говорящие осознают единицы, низшие по отношению к слову* (*sous-unités*). Например, во французском языке мы осознаем элемент *-eur*, происхождение которого не имеет значения и с помощью которого можно образовывать имена действия: *grav-eur* ‘гравёр’, *chant-eur* ‘певец’, *sauv-eur* ‘спаситель’, и благодаря этому осознанию мы можем образовать неологизмы: *os-eur* ‘смелчак’, *sabr-eur* ‘халтурщик’, *men-eur* ‘вожак’. В то же время очевидно, что мы осознаем элемент *os-*, элемент [*sabr-, men-*] и т. д.

– 2° Правда, способ, каким мы используем элемент *-eur* или *os-*, довольно отличен от того, который можно предположить на основе проведенного разложения. / [26 bis] Мы же не говорим: я соединяю элемент *os-* с элементом *-eur*. Нет. Мы всегда составляем пропорцию: je grave ‘я гравировать’ или *graver* ‘гравировать’: *graveur* ‘гравёр’ = j’ose ‘я осмеливаюсь’ или *oser* ‘осмеливаться’ х; х=oseur ‘смелчак’ Таким образом, нашей основной единицей всегда является *готовое слово*. Но это не мешает тому, что мы подсознательно производим такой же анализ готового слова, что и лингвист. Мы выделяем звук, связанный с тем или иным конкретным смыслом, как, например, *oser* ‘осмеливаться’, *penser* ‘думать’, и другой звук, назначение которого состоит в указании на определенную связь слова с этим смыслом. – В этом и заключается оправдание морфологического анализа. Если я говорю, что слово *chanteur* ‘певец’ в XIX в. разлагается на *chant+eur*, я следую чувству языка, которое находит свое проявление в новообразованиях, а если бы я сказал, что оно разлагается на *chan+teur*, то мой анализ ничему не соответствовал бы.

– 3° Но далее следует факт первостепенной важности: дело в том, что различного рода анализы воспроизводят тот анализ, который имеет место в самом языке в данный момент времени, и они не обязательно соответствуют анализу, имевшему место в предыдущем состоянии языка. / [26 ter] Среди прочих причин укажем на фонетические изменения: так, *chant* [eur, но *can* [tor ‘певец’ (или *can* [toem ‘певца’). Почему? Потому что *-atorem* смешалось фонетически с *-orem*; так что по образцу *labour* ‘пашня’, *labouger* ‘пахать’ мы устанавливаем между *chanteur* ‘певец’ и *chanter* ‘петь’ связь, которую латиняне не могли установить между *can*[tor и *can*[tare. Следовательно, все зависит от взаимоотношений между родственными формами в каждую данную эпоху Тот или иной анализ верен только для ограниченного отрезка времени.

– 4° Если же по образцу *can*[tor мы произведем членение в виде *chan*[teur, тогда получится, что мы занимаемся латинской морфологией

на материале неолатинских форм.

(Ретроспективная морфология). И это обычный случай для индоевропейских языков. В греческом языке слово *ἵππος* 'конь', если его анализировать в соответствии с языковым чувством, членится, конечно, только так: *ἵππ-ος, ἵππ-ος* 'коням' (датель мн.ч.). (Взять слово *γραμματός* 'буквам' (датель мн. ч. от *το γράμμα* 'буква')).

/ [27] Всякое фонетическое исследование сводится к рассмотрению одной и той же формы в различные эпохи, а всякое морфологическое исследование сводится к рассмотрению различных форм в одну и ту же эпоху. Первое занимается тем, что является последовательным во времени и тождественным в результате субституции. Второе занимается тем, что является различным, но зато одновременным.

сфера фонетики	*ek ₁ wos — *ek ₁ wom	bherō — bhoros
	    <i>ἵππος — ἵππων</i>	 <i>φέρω — φόρος</i>
	сфера морфологии	

Несколько выражений, которые свидетельствуют о всегда возможной путанице:

φόρος 'попутный ветер', „происходит от” *bhoros* и
φόρος „происходит от” *φέρω* 'несу' (Этот последний способ выражения совершенно недопустим.)

Или же:

chanson 'песня', „этимологически связано с” *cantio* 'песнь'
chanson „этимологически связано с” *chanter* 'петь'.

Здесь два ряда совершенно различных фактов. Поясним это на следующей схеме:

cantare 'петь'	cantio(nem) 'песнь'
chanter	chanson

Если вы передвигаетесь по горизонтали, то вы занимаетесь морфологией, сближаете неидентичные по своему составу формы.

/ [28] — II. Всякое сближение между сосуществующими формами при условии, что между ними есть нечто общее, способствует их членению:

	ek ₁ wos	ek ₁ wom
заставляет меня выделить	1° ek ₁ wo-	
	2° -s	и -m,

bheros и bhoros приводят к выделению bher- или bhor-; cantare, cano, canti: can-. Работа морфолога всегда выражается в расчленении форм языка.

[— III.] В таком случае возникает вопрос: что соответствует этому анализу в действительности? Я как грамматист разлагаю ek₁ wos на ek₁ wot's или canere на can+ere. Но что в жизни языка является реальным и осязаемым соответствием, <какое подтверждение [зачеркнуто]>, какое позитивное явление подтверждает этот анализ? Наверняка не только римляне и греки, но и индоевропейцы и все, кто мог им предшествовать, всегда пользовались только совершенно готовыми словами, то есть тем, что составляет объект нашего анализа.

/ — [29] IV. *Ретроспективный морфологический анализ.* <Из III вытекает, что [зачеркнуто]>. Морфологический анализ данной формы, который верен для определенного момента, не обязательно является таковым для другого момента, отстоящего от данного на несколько веков в прошлом или в будущем. И здесь мы сталкиваемся с первым условием всякого морфологического исследования, которое заключается в том, чтобы не выходить за пределы одной эпохи. Например,

<measure	mes-ure	'измерение'	lezyö	'глаза' XVII в.	lez yö
подобно	coup-ure	'разрез'		XIX в.	lë zyö
	bles-ure	'ранение',			(katr.zyö) ¹
	grav-ure	'гравирование'			
mensura	mens-ura	[зачеркнуто]	lieghe	'плюш' —	

<mensura [зачеркнуто]> — kalb, kalbiz

— Другой пример: чувство языка в XIX в. и намного раньше не допускало никакого членения слов enfant 'ребенок', entier 'целый', поскольку их не с чем было сравнить. Те же слова [в] I в. infans, integer были членимы с точки зрения [языкового] чувства: in-fans, in-teger. / [30] Так вот, я говорю о том, что если, основываясь на тождестве субстанции enfant и infans, я произвожу во французском членение en-fant, то чем я занимаюсь? — латинской морфологией на материале французского соответствия латинской форме. Я занимаюсь *ретроспективной морфологией*. Подобного рода морфология просто ужасна. Она прямо противоречит нашему принципу, поскольку более не опирается на языковое чувство. И следовательно, она не соответствует никаким языковым фактам.

¹ В выражении entre quatre yeux 'с глазу на глаз' *Прим. перев.*

Но именно такую морфологию вы и можете обнаружить во всех грамматиках греческого и латинского языков, и именно такой морфологией собираемся заняться и мы, с той только разницей, что вы будете должным образом предупреждены об этом и поймете, как я надеюсь, ее истинную цену.

— Мы собираемся заняться индоевропейской морфологией на материале форм греческого или латинского языка. А во многих случаях мы даже будем обращаться к *протоиндоевропейской морфологии*. Ибо наш анализ может / [31] соответствовать такому членению слова, которое уже не ощущалось в последний период общеиндоевропейского языка, но находило свое подтверждение в еще более древнем состоянии этого языка. Морфологический анализ на материале греческого или латинского языка *может* соответствовать анализу общеиндоевропейского, но, по видимому, в половине случаев его применения он не будет ему соответствовать.

Совершенно явное соответствие наблюдается, например, в следующем случае: *πέπτος* — лат. *coctus* 'вареный' Индоевропейцы могли членить это слово только так: *pek₂-tos, поскольку они говорили, с одной стороны, *pek₂o, с другой стороны, например, *klutos*. Ср. в греческом: *πέπω* 'буду варить' и т. д., *κλυτός* 'славный'. Или в латинском: *соцо* 'варить', *factus* 'сделанный' и т. д. В этом конкретном случае выделение нами корня, суффикса и т. д. будет иметь позитивную значимость, реальное значение также для греческого и латыни, а не только для общеиндоевропейского. — Но во многих случаях наш анализ греческих и латинских форм будет соответствовать такому членению, которое ощущалось первобытными людьми или их предками. / [32] Возьмем то же слово *πέπτος*. Нам необходимо ввести еще одно членение: *πέπ-τός-ς*, *сос-tu-s*. Это второе членение, конечно, не соответствует языковому чувству греков и римлян: *-o* и *-is* составляли для них неделимое целое. Если *πέπτος* и ощущалось иногда как состоящее из трех элементов, оно членилось так: *πέπ-τός-ς*; это членение противоречило языковому чувству индоевропейцев или по крайней мере самых древних индоевропейцев. Доказательством, как всегда, служат *новообразования*: в слове *ὑρακίματος* первоначально *-o-* ощущалось как независимое от окончания, а греки ощущали его как принадлежащее окончанию.

7. О ВЫДЕЛЕНИИ РАЗДЕЛОВ НАУЧНОЙ ГРАММАТИКИ

3294 - №8

[Критика разделов, выделяемых обычно в научных грамматиках.
Рукопись: ВФУ Женева, Ms. fr. 3951.
Ср. SM 13,42; CFS 17, 1960, 7.]

ХIII. Одним из самых забавных зрелищ является способ, каким выделяются разделы (*научной*) грамматики какого-либо языка. Прежде всего выделяется *фонетика* (по-немецки Lautlehre 'учение о звуках'), затем *морфология* (по-немецки Formenlehre 'учение о формах'). Вроде бы так естественно, не правда ли? Сначала звуки, потом сочетания звуков; сначала простое, затем сложное; и что самое удивительное, вроде бы все понятно! Но как фонетика может быть частью грамматики языка, если она основывается исключительно на предшествующем состоянии языка? Если бы я захотел описать фонетику языка Вульфилы* или "Песни о Роланде" и запретил бы себе выходить за пределы соответствующих эпох (как я это делаю при описании морфологии этих языков), я просто не смог бы сказать ни одного слова об их фонетике. То, что можно назвать *их* фонетикой, обращено исключительно в прошлое и находится вне их самих, так как речь идет об определенном результате, который *я сам* беру из прошлого и который не имеет никакого отношения к их устройству.

ЗАМЕТКИ К ДОКЛАДУ (СТАТЬЕ?) ОБ У. Д. УИТНИ

Доклад или статью об У. Д. Уитни (1827–1894) Ф. де Соссюр намеревался подготовить в ответ на приглашение Американской филологической ассоциации участвовать в собрании, посвященном памяти выдающегося американского языковеда (филолога). В этих заметках, датируемых ноябрем 1894 г., впервые вводится понятие семиологии и высказываются мысли о роли разных ученых в создании науки о языке*

3297 = №10

[Заметки для статьи об Уитни.

Рукописи: ВПУ Женева, Ms. fr. 3951; Ms. Cours univ. 435.

(Отрывки 10 – 16).

Публикация: 3297, 5–6, 17–18, 20, 27a–29, 24a–25a, 33a–34a, 38=

Отрывки 10–16 в CFS 12, 1954, 59–65.

Ср.: SM 13, 43–46; CFS 17, 1960, 7.]

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Объект, который используется как знак, никогда не является "одним и тем же" дважды; с самого начала необходимо рассмотреть этот вопрос или заключить предварительное соглашение, чтобы знать, с какой целью и в каких пределах мы имеем право считать объект одним и тем же. В этом заключается основное отличие объекта, используемого как знак, от любого другого объекта, и это же со всей очевидностью является источником всех других его отличительных черт. – Например, стол, который стоит передо мной, материально один и тот же и сегодня и завтра, а буква *b*, которую я пишу, так же материальна, как и стол, но она не [одна и та же в двух случаях]. / [1a–2]

Широта взглядов, манера изложения Уитни, совершенно свободная и беспристрастная, вдов не вызывают антипатии. Строить из себя реформатора по любому поводу – отвратительная манера; утверждение научной истины носит безличный характер. Публика, к которой Уитни обращался в своих лекциях, воспринимала все его положения как нечто, чему [лингвистика] учила до него всегда.

Исправление часто встречающихся ошибок, искоренение всяких абсурдных конструкций всегда было делом отдельных лингвистов. Но тогда я не побоюсь сказать, что в большинстве случаев было бы справедливым отнести это ложное мнение к большинству европейских лингвистов.

Конечно, некоторые не раз замечали, что приемы и качества полемиста, причем резкого и яростного полемиста, вовсе не были чужды натуре Уитни. Боюсь, я даже лишил бы фигуру ученого-санскритолога из Йельского колледжа одной из самых живописных ее черт, если бы не упомянул о том, как он иногда гневался; однако, без всякого сомнения, [эти воинственные наклонности объясняются необоснованными нападками на него]. / [2а] <Любой из нас мог бы засвидетельствовать Уитни, что у нас не вызывает неприязни воинственность и нетерпеливость [такого благородного характера [зачеркнуто] >. Разве можно сомневаться, что все молодые люди, которые с пользой прослушали лекции Уитни, в равной мере восприняли его самого как образец носителя этих благородных качеств? / [3-2а]

Мне представляется чрезвычайно удачной мысль Американской социологической ассоциации попросить большое число американских и [иностраных] ученых охарактеризовать ту роль, которую, по их мнению, сыграл Уитни в различных отраслях науки, которыми они соответственно занимаются. Из одного только сравнения суждений, свободно вынесенных учеными самых разных взглядов, можно извлечь урок и одновременно воздать подобающие почести тому, о ком мы все искренне сожалеем, почтить память того, чей недавний уход из жизни мы с вами оплакиваем. Вы не требуете ни от кого из тех, кто с удовольствием присоединяется к этой благородной задаче [подытожить] <Вы не обязываете никого из тех, кто присоединяется к Вам в решении этой задачи>, подытожить от имени своей науки труды Уитни, что потребовало бы и много времени и иных полномочий, нежели те, которые берет на себя часть Ваших корреспондентов. / [4-3а] В таких условиях писать легче.

2. РОЛЬ И ОСОБАЯ СУДЬБА УИТНИ

Как мне представляется, здесь важно отметить следующее. [1°] Не написав ни одной страницы, про которую можно было бы сказать, что она написана с целью внести вклад в сравнительную грамматику, он тем не менее оказал исключительное влияние на все исследования по сравнительной грамматике. Он первым по времени обосновал приципы, которые послужили методологической основой дальнейших исследований. 2° Между 1860 и 1870* гг. были предприняты *первые* попытки, которые были направлены на извлечение из суммы результатов, накопленных сравнительной грамматикой, каких-либо общих выводов относительно языковой деятельности, и которые оказались бесплодными или не имели обобщающей силы. Исключением представляется попытка Уитни, кото-

рый с самого начала был на верном пути, и теперь нам остается только терпеливо следовать ему. Он первым обобщил грамматические исследования и сумел извлечь из них вовсе не абсурдные выводы о Языковой деятельности. / [5]

Рассмотрим прежде всего эту вторую его роль, ибо очевидно, что именно в результате того, что он внушил лингвистам более здравый взгляд на общие свойства объекта, именуемого языком, они стали в свою очередь пользоваться несколько отличными от предшествующих методами в своей повседневной компаративистской практике.

Две вещи: удачное обобщение свойств языка, которое может представить интерес для всех, и разумный метод, предложенный сравнительной грамматике для [каждодневных] конкретных исследований, — являются в действительности одним и тем же.

Отрывок 10

3. НАУКА О ЯЗЫКЕ В ГЕРМАНИИ

[52] На долгое время должно стать предметом философских размышлений то обстоятельство, что в течение пятидесяти лет наука о языке, родившаяся в Германии, получившая развитие в Германии и культивируемая там великим множеством ученых, ни разу даже не попыталась подняться на такую ступень абстракции, которая необходима для того, чтобы понять, во-первых, *чем мы занимаемся*, во-вторых, чем можно обосновать законность и право на существование *наших занятий* в кругу других дисциплин. Но удивление должно вызвать также и / [6] то обстоятельство, что, когда наконец-то наша наука вроде бы вышла из оценивания, появляется вызывающий улыбку очерк Шлейхера, построения которого рушатся под тяжестью собственной смехотворности*. Лишь по той причине, что Шлейхер *попытался* высказать несколько общих соображений относительно языка, его престиж оказался настолько высок, что и сейчас нам кажется, что его фигура не имеет себе равных в истории лингвистики. Поэтому мы и видим, как некоторые лингвисты напускают на себя комически важный вид, когда речь заходит об этом большом ученом... (как будто можно утверждать, [что мы узнали от Шлейхера нечто особенное]). Насколько можно судить по имеющимся у нас сведениям, это была сама посредственность, которая не исключала, однако, претенциозности. Самым красноречивым подтверждением этого является подход Шлейхера к литовскому ударению [Конец отрывка], которым он вздумал заняться. Его роль в этой области заключается в следующем: а) он отбросил (*в примечании!*), считая его несерьезным, различие, проведенное Куршатам** по поводу [двойного ударения]; б) зато он в изобилии заимствовал у него данные, ни разу не упомянув, кому они принадлежат, и тем самым он совершенно запутал [эту проблему]. / [7]

4. О ФОНОЛОГИИ

[642] В той мере, в какой Фонология, эта особая наука, которой так и не смогли подыскать название*, — я имею в виду науку "о естественных условиях производства различных звуков органами речи" (1), — повторяю, в той мере, в какой фонология соприкасается с лингвистикой, мне следует отметить в своем письме*, что Уитни неоднократно обращался к ней и внес в нее много ценного. Впрочем, он с самого начала интересовался всевозможными тонкостями произношения, так как занимался языком Пратишакхья¹ различных Вед.

(1) С точки зрения физиологии фонология не является отдельной наукой, поскольку в ней речь идет об особом использовании органов речи с той или иной целью. То же верно с точки зрения акустики. Наконец, с точки зрения лингвистики фонология — это наука, потому что она накладывает жесткие ограничения на лингвистическую теорию. Но все-таки это *вспомогательная* наука, занимающая особое место. Поэтому можно сказать, что она занимает промежуточное положение между [физиологией и лингвистикой].

Не буду говорить о [других работах Уитни по фонологии], таких, как "Remarks on utterance of vowels", ["On the relations of vowels and consonants"], потому что я вовсе не считаю, что лингвистика должна в первую очередь интересоваться тем, [как получается то или иное звуковое впечатление и как его надо анализировать]. / [8]

5. ПОДХОДЫ К ЯВЛЕНИЯМ ЯЗЫКА

Однако Уитни принадлежит также попытка разрешить другую проблему, представляющую гораздо больший интерес для лингвистики. Хотя он и не решил эту проблему (просто потому, что упустил из виду *один*, но самый важный ее элемент, о котором у меня нет возможности говорить сейчас), его высказывания по этому поводу можно считать наиболее разумными и в настоящее время. / [9]

Впрочем, не будем строить иллюзий. Настанет день, <и мы в полной мере осознаем важность [нашего утверждения]>, когда будет признано, что языковые <ценности и [зачеркнуто]> величины, а также их соотношения могут регулярно выражаться математическими формулами. <Это не просто возможно; если бы мы сочли это невозможным, мы бы тем самым отрицали, что факты языковой деятельности могут регулярно и постоянно постигаться разумом [зачеркнуто]. > Надо отказаться от [всего, что говорилось ранее]. Это заставляет нас, даже помимо нашей воли, в значительной мере изменить нашу точку зрения от-

П р а т и ш а к х я   фонологические трактаты, прилагаемые к каждой Везде.   Прим. ред.

носителем ценности всего того, что было сказано даже самими выдающимися людьми.

Мы считаем, что последовательные попытки интерпретировать [факты языковой деятельности] представляют собой, несомненно, этапы прогрессивного развития, но это похоже на то, как если бы прогресс опытных знаний позволил бы нам предвидеть, предположить, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов [прямоугольного треугольника]. В данный момент можно сказать только, что необходимо радикально изменить основу исследований и исходить из определения прямой линии, оставив в стороне опытные данные. Хватит заниматься исследованиями и измерениями внешнего характера в стремлении постичь суть явлений. Ибо, если учесть фундаментальный характер соглашения, существующего в любой момент времени между разумом человека и знаком, то следует признать, что историческая случайность, <которая сама является постоянной величиной [зачеркнуто]>, даже если она представляет собой неизвестную переменную, способна произвести лишь такое смещение, которое можно заранее учесть, расклассифицировать при условии, что у нас есть совершенная знаковая теория. / [9a] Мы полностью погружены в априорность <в науке, которая испытывает отвращение к [предвзятым идеям]>, когда говорим, что сменяющее друг друга разнообразие языковых комбинаций (называемых языковыми состояниями), которые обусловлены случайными причинами, с полным правом можно сравнить с разнообразием ситуаций в шахматной партии. Но каждую из этих ситуаций можно описать и оценить только математическими методами или вообще никак не описывать; здесь недопустимы всякие легковесные рассуждения, основанные на внешней стороне дела, под тем предлогом, что именно внешняя сила (игрок) или историческое событие (предыдущий ход) изменили положение фигур и что в предшествующий момент положение короля или состояние слова x не было совершенно таким же, каким оно является теперь. / [10]

6. ДВОЙСТВЕННОСТЬ ОБЪЕКТА, ЛИНГВИСТИКИ

[1489] Теоретики языка до возникновения современной лингвистики и занимавшиеся ею после Боппа постоянно рассматривали язык как шахматную ПОЗИЦИЮ (у которой нет ни *прошлого*, ни *продолжения*) и ставили вопрос, какова в этой позиции ценность <потенция> соответствующих шахматных фигур. Историческая грамматика, обнаружив, что в шахматной партии есть и ХОДЫ, высмеяла своих предшественников. Со своей стороны она не желает знать ничего, кроме *последовательности ходов*, и по этой причине претендует на безошибочность своего видения партии; позиции в этой партии ее не занимают и уже давно не удостоиваются ее внимания. Мы не будем останавливаться на этих двух ошибках, о которых трудно сказать, какая из них более значительна или более

серьезна по своим [последствиям]; однако, поскольку мы вполне уверены в том, что язык можно сравнить только с шахматной партией во всем ее объеме*, то есть включающей как *позиции*, так и *ходы*, как *изменения*, так и *состояния*, характеризующие протекание этой [партии], ничто не может помешать нам ввести в сравнение довольно существенное уточнение и предположить, что действия игрока совершенно абсурдны, неразумны и подобны случайным фонетическим и другим явлениям в [языке].

Тогда возникает вопрос, / [9a] является ли природа рассматриваемого объекта, в любом случае двойственная по своей сути, более *исторической* или же более абстрактной, не подвергающейся воздействию исторических сил по причине существования некоей внутренней заданности. В шахматной игре это предварительная договоренность, которая снова и снова вступает в силу после каждого хода в партии, а в языке это совершенно неизбежное взаимодействие знаков независимо от разума, которое происходит само собой после каждого события, каждого хода.

Вот простой пример: *др.-англ.* fōt fōti* 'нога ноги'; признаком множественного числа является здесь *i*. *Сделаем один ход* и получим уже новое расположение элементов: fōt : fōēt; теперь признаком множественного числа служит противопоставление *o* *se* (независимо от нашего желания).

Но эти два вида позиций сами по себе, по своей сути никоим образом не связаны с породившим их событием, они связаны с ним не более, чем случайно возникшее соотношение в камчадальском языке¹ [ō ü (sōnk/sūnk 'в лесу/к лесу')], и не более, чем возникающая в некий момент в двух совершенно разных шахматных партиях одинаковая позиция / [10a]

<Вставить:> По этой причине мы испытывали колебания даже в определении природы языка и не могли надеяться, чтобы кто-нибудь смог определить ее, *поскольку она изначально двойственна*; в этом вся суть дела. В действительности разум не усматривает никакого сходства между *шахматной позицией* и *шахматным ходом* (который считается чем-то пассивным), как если бы он осуществлялся под руководством [внешней силы]. Кроме того, невозможно сказать, которая из этих двух сторон, совершенно отличных друг от друга, / [11] имеет решающее значение для объекта в целом и позволяет как-то его классифицировать. / [10a] <Поскольку язык совершенно ни с чем не сравним, даже приблизительно (а это как раз и является причиной многочисленных дискуссий), очевидно, что в проводимом нами сравнении можно усмотреть явную натяжку, поскольку *ценность шахматных фигур* основана исключительно на *возможностях их использования* или на их вероятной *последующей судьбе*, а не на [их соотношении в данной позиции] [~~зачеркнуто~~]> / [11]

¹ Совр. ительменский язык. – *Прим. перев.*

Мы сразу предвидим возможное возражение: с таким же правом можно сказать, что нет никакой аналогии между монархическим режимом Писистрата* и государственным переворотом, который привел к установлению этого режима; тем не менее никто никогда не сомневался в том, что оба явления с одинаковым основанием можно отнести к области истории. История народов, как и история общественных институтов и история языка, складывается из частичных или тотальных кризисов и состояний, которые нарушаются этими кризисами; это азбучная истина. / [11a]

В общем историческом процессе *состояния* и *кризисы*, [состояния и события] вовсе не абсолютно противопоставлены друг другу. Возьмите, например, момент, когда покончено с демократическим режимом и [осуществляется переход к диктатуре]. Почему это так? Потому что продолжают действовать те же факторы, те же страсти, те же интересы, те же [отношения, связи], которые <имеют закономерный характер>, <объясняют [зачеркнуто]> как кризис, так и состояние. / [12]

[В лингвистике состояния] имеют свое (внутреннее) органическое обоснование. Знание предшествующей истории *не* помогает понять или выяснить внутренние отношения между знаком и понятием в данный момент. Так, если происходит замена буквы [β на ss]**, то это, конечно, интересно, но [здесь отсутствует внутренняя связь со знанием всех перипетий этого события]. / [12a]

Если понимать слово *история* в самом широком смысле, то было бы совершенно неверным полагать, что язык является историческим объектом во многих отношениях, что его можно анализировать, привлекая [исторические] соображения, или что он в любой момент будет представлять для нас ясную картину, если ограничиться этими историческими соображениями. — В чем здесь причина? Ее нетрудно выявить. — / [13]

7. ЯЗЫК КАК ЗНАКОВАЯ СИСТЕМА И ИСТОРИЯ

Надо полагать, философы, логики и психологи оказались в состоянии объяснить нам, в чем заключается основополагающее соглашение между <УСЛОВНЫМ СИМВОЛОМ и разумом [зачеркнуто]>, понятием и символом и, в частности, независимым символом, который репрезентирует понятие. Под <условным [зачеркнуто]>, независимым символом мы понимаем <просто-напросто [зачеркнуто]> такие категории символов, важнейшим свойством которых является отсутствие *всякого рода* видимой связи с обозначаемым объектом и, следовательно, отсутствие даже косвенной зависимости от объекта в своем дальнейшем развитии. Например, если я изображу человека посредством даже грубого рисунка, [между ними можно усмотреть] связь, но если я изображу его посредством графического знака *x* или посредством фонетической фигуры *'αυτρωπος*,

[то такой символ будет независимым]. Со своей стороны историки и лингвисты объяснили нам, что язык как особая система *независимых* символов подвержен изменениям [во времени]. Но от внимания философов и логиков ускользнуло то обстоятельство, что, как только система символов становится *независимой* от обозначаемых ею объектов, она со своей стороны подвергается в результате действия фактора времени сдвигам, которые логик не в состоянии исчислить; впрочем, она сохраняет по необходимости свою [непрерывность]. / [12а] В свою очередь от внимания лингвистов ускользнуло то обстоятельство, что в данном случае предмет, являющийся объектом воздействия истории, никоим образом не подвергается обычной исторической оценке, как это имеет место, например, в отношении политических событий. Все в этом мире какой-то своей стороной соприкасается [с историей], и даже Солнечная система является всего [лишь историческим фактом]. Но из этого не следует, что [астрономия] является исторической наукой. / [13а]

«Если учесть, что сила знаков обусловлена их условной, произвольной природой, их независимостью от реальности, которую они обозначают, тогда станет ясно, что в багаже человечества это такой предмет, который нельзя сравнить ни с чем иным [зачеркнуто].» Действительное положение языка среди человеческих установлений таково, что крайне затруднительно решить, является ли он скорее историческим объектом или чем-то иным, но при нынешних тенденциях в науке безо всякого опасения можно настаивать прежде всего на неисторическом аспекте языка. / [14]

Не вызывает сомнений, что язык в любой момент своего существования является *продуктом истории*. Но еще более непреложная истина состоит в том, что в любой момент своего существования этот исторический продукт представляет собой не что иное, как компромисс, последний компромисс, на который идет разум, заключая соглашение с определенными символами, ибо без этого не было бы самого языка. Но изучение того, как разум использует символы — причем первейшим условием является их неизменность, — это целая наука, которая не имеет ничего общего с историческим анализом. Кроме того, если символ изменяется, то тут же возникает новое состояние, которое надо изучать вновь, применяя общие законы. / [14а]

8. ДВОЙСТВЕННОСТЬ ЛИНГВИСТИКИ

Уже в течение многих лет мы придерживаемся убеждения, что лингвистика является *двойственной* наукой, и эта двойственность настолько глубинное и неискоренимое ее свойство, что в действительности возникает вопрос, достаточно ли оснований для того, чтобы сохранять под единым наименованием *лингвистика* искусственное единство, которое как раз и порождает все те ошибки, все те безвыходные положения, с которыми мы ежедневно боремся, ощущая [полнейшее бессилие].

– *Прежде чем* эта фундаментальная двойственность будет признана или по крайней мере станет предметом дискуссий, мы можем допустить существование, с одной стороны, просто фантастических мнений, с другой – мнений, которые имеют то достоинство, что они не противоречат реальным фактам, побуждают к наблюдениям над ними. Однако мы не можем признать, что одни мнения более поучительны, чем другие, имеющие естественное обоснование и способные прояснить нам существо дела в положительном смысле. Это почти то же самое / [15] (при соблюдении тех же пропорций), как если бы кто-нибудь заявил, проведя серию внешних наблюдений, что квадрат гипотенузы равен квадрату катетов, помноженному на два; другой заявил бы, что между сторонами нет никакой связи, а третий заявил бы, [что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов]. Нельзя не признать, что третий человек превосходит своим результатом и своей наблюдательностью остальных, но было бы ошибкой [видеть в этом прогресс].

Между одним из этих утверждений, которое является истинным (и, заметим, поддающимся проверке), и теми, ложность которых [очевидна], нет методологического прогресса в собственном смысле слова; прогресс будет только тогда, когда мы перевернем [процедуру исследования]. Ни одно из этих утверждений не является более значимым, чем другие, потому что во всех них отсутствует истинное понятие исходной точки. / [16] Вот дом, это предмет (*chose*); зрительное впечатление, которое получает от него (которое *должна* получить от него) сетчатка моего глаза по совершенно строгим математическим законам на расстоянии ста метров, – это другой предмет. Он настолько отличается от первого, насколько можно себе представить, и только этот последний предмет воздействует на язык. Упомянутый дом может рухнуть, завалиться на одну сторону. Если я теперь сравню два состояния дома, то будет совершенно верным утверждение, что они зависят друг от друга; но в отношении двух *зрительных перспектив* было бы абсурдно полагать, что одна простирается из другой или что знание предыдущего состояния дома или предыдущей перспективы как-то помогает мне понять состояние перспективы в данный момент. Совершенно невозможно представить одну перспективу как вытекающую из другой по законам самой перспективы, хотя именно обратное [обычно] и предполагается. / [17]

9. ЯЗЫК КАК СОЦИАЛЬНОЕ УСТАНОВЛЕНИЕ

[1265] Некоторые ясновидцы заявляют: "Язык есть нечто, находящееся совершенно вне человека и имеющее собственную организацию, это некая паразитарная растительность, распространившаяся по поверхности рода человеческого" Другие говорят: "Язык есть нечто человеческое, но он подобен естественным функциям" Уитни же утверждал: "Язык есть человеческое *Установление*" (*Institution humaine*).

Это утверждение дало развитию лингвистики новое направление. [1266] Надеемся, что в будущем станут говорить: язык — это человеческое установление, но природа его такова, что все другие человеческие установления, *за исключением письменности*, могут только обмануть нас относительно истинной сущности языка, если мы будем полагаться на его сходство с ними.

[1261] В самом деле, все другие установления в различной степени основаны на ЕСТЕСТВЕННЫХ отношениях, на соответствии вещей друг другу как основополагающем принципе. Например, правовая система какой-либо нации, или ее политическая система, или даже мода в одежде, эта капризная мода, которая диктует нам форму одежды, но не может ни на секунду отступить от [пропорций] человеческого тела. Отсюда следует, что все изменения, все новообразования... всегда зависят от основополагающего принципа, который действует в данной сфере и коренится в глубине человеческой души, а не где-либо еще. / [18]

[1264] Но язык и письменность НЕ ОСНОВАНЫ на естественном положении вещей.

Ни в один момент времени не может возникнуть связь между определенным рода свистящим звуком и формой буквы *s*; подобным же образом слово *cow* (англ.) так же прекрасно обозначает корову, как и слово *vacca* (лат.)

Именно это положение неустанно повторял Уитни, чтобы лучше толковать, что язык есть просто человеческое установление. Одни только эти слова свидетельствуют о многом, а именно, что язык есть установление, *не имеющее себе подобных* (если включать в язык также и письменность), и после всего сказанного было бы верхом самонадеянности полагать, что история языка хотя бы отдаленно напоминает историю какого-либо другого установления, [Конец отрывка] что он (в каждый момент) не вводит в действие сходные психические силы.

Мы были бы не правы, если бы в связи с этим игнорировали или упомянули лишь вскользь такие два хорошо известных факта: во-первых, языковая способность локализуется исключительно в мозгу, а, во-вторых, повреждения этого органа в большинстве случаев влекут за собой потерю способности к [письму]. Поэтому именно работа клетки головного мозга позволяет нам проследивать *условные* связи. / [19]

[1263] 1° Другие установления (ГОСУДАРСТВО) сохраняют свою *односоставность*, несмотря на всяческие осложнения; напротив, в принципе невозможно, чтобы какая-нибудь языковая сущность (знак [зачеркнуто]) была *односоставной*, поскольку язык предполагает сочетание двух объектов, *между которыми нет связи*, сочетание понятия с символом, лишенным всякой внутренней связи с этим понятием.

<1°> Однако *переходы от одного состояния к другому* вызываются теми же факторами, которые действуют в [пределах отдельных состояний].

10. ЗНАЧЕНИЕ ЗАИМСТВОВАНИЙ ДЛЯ ТЕОРИИ ЗНАКА

[404] Откровенно говоря, мы с очень большими оговорками соглашаемся со всякого рода выводами, которые охотно делают из того обстоятельства, что тот или иной язык бывает вынужден заимствовать слова, подобные слову *телеграф*. Эти выводы претендуют на всеобщую значимость прежде всего потому, что молчаливо предполагается, что только очень наивные люди могут не замечать, как не только в наше время, но и в *любую* другую эпоху тому или иному народу приходится знакомиться с новыми для себя *предметами* и давать им названия. Ну и что? Какие ощутимые изменения произойдут в характере языка, если я добавлю к словарю, к наиболее материальной его части, сто или тысячу новых существительных, подобных существительному *телеграф*? Что бы там ни говорили, эти доводы не существенны.

[405] Допуская, что каждому [языку известны заимствования], мы должны прежде всего поставить вопрос, представляет ли собой проникновение в язык заимствований регулярное явление, без которого мы не поймем естественный ход языковых процессов. / [21]

[406] Если в <языке [зачеркнуто]> говоре каких-нибудь долин, затерянных в горах, проникновение чужеродных элементов сведено почти к нулю, то можно ли сказать, что этот говор лишен естественных условий бытования языка? Напротив, мы наблюдаем здесь [обычные] условия осуществления [языковой деятельности].

[407] Можно ли утверждать, что этот говор, лишенный обычных условий осуществления языковой деятельности <и не способный дать о ней представление [зачеркнуто]>, именно этот говор нуждается в тератологическом¹ исследовании, поскольку он не подвергся смещению [ ], которое представляется [неизбежным]? Мало сказать, что это [не так], но, признавая, что реально существуют только такие диалекты, которые постоянно захлестывает поток [чужеродных элементов], мы должны поставить вопрос следующим образом: являются ли эти чужеродные элементы жизненно важными для языка элементами, без которых мы не можем представить себе его непрерывное существование? Нет, не являются. Для любого, кто желает понять [истинную природу языка], эти элементы будут представлять собой побочное явление. / [21a] [Конец отрывка]

Любой язык состоит из определенного количества объектов внешнего порядка, которые человек использует в качестве знаков. <Только в [зачеркнуто]> той мере, в какой этот объект является знаком (воспринимается как знак), предполагает [наличие языковой деятельности], он имеет право быть составной частью языка. Слово *s* [altus] 'прыжок' является знаком, как и [производное от него] слово *salto* 'прыгать'. Но переход от *salto* [к *saltation*] 'прыжки, пляска', который также представляет собой явление внешнего порядка, ни в коем случае не может стать знаком. Вот

с таких позиций я и рассматриваю [значение заимствований для теории знака]. / [22]

До тех пор пока данная истина не будет излагаться на первой же странице общих трудов по [лингвистике, эта наука не будет иметь прочной основы]. [Разрабатывать лингвистическую теорию, не различая событий и состояний], так же невозможно, как невозможно изучать свойства геометрических фигур, не учитывая большой важности различения [горизонтальной и вертикальной] плоскости. / [23–22a]

11. ЕЩЕ ОБ ОЦЕНКЕ УИТНИ

– Получив 10 ноября Ваше любезное письмо*, помеченное в Брин-море 29 октября, я бы должен был немедленно ответить Вам следующее:

1° Вы оказываете мне большую честь, когда просите дать оценку Уитни *as a comparative philologist*¹. Но Уитни никогда не хотел быть *comparative philologist*. Он не оставил нам ни одной страницы, которая позволила бы нам судить о нем как о *comparative philologist*. После него остались только такие труды, в которых на основе результатов исследований по сравнительной грамматике дается более общий и всеобъемлющий взгляд на язык; в этом и заключается самая оригинальная сторона его деятельности с 1867 г.** Другой его оригинальной стороной, на которую он сам указывал при каждом удобном случае, является то, что он никогда не смешивал лингвистику с изучением [языков]. Конечно, именно об этом [вы меня и спрашиваете].

2° Когда речь идет только об общих суждениях о языковой деятельности, я не солидаризируюсь ни с одной школой вообще, ни со здравыми взглядами Уитни, ни с теми безосновательными доктринами, с которыми он успешно [боролся]. <Вот что я без колебаний написал бы Вам, если бы я вовремя получил Ваше письмо [зачеркнуто]>./ [23a] И наши разногласия настолько велики, что никакой компромисс, никакие частичные уступки невозможны, иначе мне пришлось бы писать то, что не имеет для меня никакого смысла. В противном случае я вынужден был бы просить Вас немедленно освободить меня от обязанности дать оценку трудам Уитни, даже если для этого сейчас самый [удобный] случай, [какой только может представиться]. Однако в нынешних условиях [воспользоваться им] было бы совершенно бесполезным делом. / [24] <[В человеческих установлениях, основанных на естественной связи вещей], есть [зачеркнуто]> – 1° Язык как человеческое установление. – 2° Двойственность лингвистики.

Отрывок 15

[1262] [В установлениях, основанных на естественной взаимосвя-

Как филологу-компаративисту (англ.). В переводе сохранена орфография оригинала. – Прим. перев.

зи вещей], никогда не наблюдается разрыва. Идет ли речь об одежде или о [модe], всегда после какой-нибудь экстравагантности снова вступает в свои права естественная взаимосвязь вещей, и на протяжении веков она остается руководящим принципом, нормой, несмотря на всевозможные изменения. Напротив, язык ради выполнения выпавшей на его долю функции в кругу других человеческих установлений освобожден от каких бы то ни было ограничений на выбор средств (по крайней мере таких ограничений, которые легко выявить) Поскольку полное отсутствие сходства между [знаком и понятием] имеет РАДИКАЛЬНЫЙ характер и не допускает совершенно никаких оговорок, то отсюда следует, что языковая деятельность не регулируется какими-либо человеческими нормами; человеческий разум не может постоянно корректировать и направлять ее и не делает этого. / [25] Другие [связи] диктуются разумом.

[1210] Институт брака в его моногамной форме, вероятно, более разумен, чем в его полигамной форме. С философской точки зрения здесь есть о чем поспорить.

[1212] Введение же какого-либо знака, например σ или s для обозначения звука c или знака cow или $vassa$ для обозначения понятия *корова*, совершенно *иррационально* в своей основе; иными словами, в этом случае нет таких доводов, основанных на природе вещей и их соответствии друг другу, которые можно привлечь для сохранения или для уничтожения [ ]. / [25a]

[1268] В силу того обстоятельства, что в языке никогда невозможно обнаружить даже и следа внутренней связи между звуковыми знаками и понятиями, эти знаки ведут независимую материальную жизнь, что совершенно не характерно для тех областей, в которых внешняя форма хотя бы в минимальной степени связана естественной связью с понятием. Поскольку, изучая историю обществ, мы хорошо ознакомились как раз с этими другими областями, то, опираясь на сведения о них, мы совершенно неверно судим о том, каковы должны быть свойства языка. Мы предполагаем, в частности, что они не могут существенно отличаться от свойств какого-либо иного <человеческого (общественного) [зачеркнуто]> установления. / [26]

1° Сравнительная грамматика.

2° Сравнительная грамматика и Лингвистика.

3° Язык как человеческое установление.

4° Двойственность лингвистики.

5° Уитни и школа младограмматиков.

6° Уитни как фонолог.

[166] Во всех своих трудах Уитни постоянно обращался к этой области исследований, но есть у него два пассажа, которые лучше всего позволяют быстро и точно уловить мысль [этого выдающегося лингвиста].

[168] В одной из последних глав своей книги „Life and growth of language“* Уитни говорит, что люди воспользовались голосом, чтобы выражать свои мысли посредством знаков; в равной мере они могли бы воспользоваться жестами или чем-либо иным, но им показалось *более удобным* воспользоваться голосом.

[173] Мы считаем, что <именно в [зачеркнуто]> этих двух, несколько парадоксальных строках содержится самое верное философское осмысление / [26a] языковой деятельности, которое когда-либо было сделано. Кроме того, наше повседневное обращение с фактами языка, которые мы подвергаем анализу, должно во многом выиграть на основе такого осмысления.

[174] Ведь в нем утверждается, что язык является всего лишь особым случаем знаков, которые нельзя рассматривать сами по себе. / [27a]

[3240] Возникновение того или иного способа выражения может быть обусловлено любой случайностью. Например, сочетание Hôtel-Dieu ‘центральная больница’ (которое в средние века значило именно ‘жилище Бога’) представляет собой способ выражения, совершенно идентичный древнееврейскому выражению [Sedeq Yahweh] ‘справедливость Бога’ ”Древнееврейский” способ широко употребляется во французском языке и представлен сотнями беспредложных сочетаний. В этом случае можно сказать, что старофранцузский язык, сойдя с пути, проложенного много веков тому назад индоевропейским языком, встал на путь [семитских языков].

[3241–3242] Истина же заключается в том, что простая случайность [привела к исчезновению во французском языке признака латинского генетива]; но тогда ясно, что такая же случайность могла способствовать возникновению в протосемитском языке, надо полагать, одной из самых его характерных черт: в нем нет ни малейшего следа первичных разграничений, проведенных разумом, и даже случайных разграничений.

[3246] Все происходит независимо от разума, в сфере звуковых изменений, которые быстро и полностью подчиняют разум и задают ему особое направление, обусловленное / [28] материальными свойствами знаков.

[3244] Подобным же образом такие сложные слова, как нем. *Bet-haus* ‘молитвенный дом’ и *Spring-brunnen* ‘фонтан’ (в которых первый член содержит глагольное понятие), могут быть привлечены для подтверждения того, что немецкий язык не является индоевропейским языком.

[3245] Все это не имеет никакого значения. Способ выражения обусловлен свойствами звуков; чаще всего он является результатом не только случайного и материального факта, но даже отрицательного, как, например, отпадение *a* в *beta-hûs***, которое может стать зародышем многих явлений. Едва ли стоит говорить о том, что после своего исчезновения тот или иной способ [не может иметь положительной значимости].

[3248] Но в таком случае какова же ценность той или иной классификации языков, основанной на способах выражения мысли, которые в них употребительны, и чему соответствует такая классификация? / [28a] Она соответствует лишь моментальному состоянию языков, которое беспрерывно изменяется.

[3247] Ни предшествующие состояния, ни родственные языки, не говоря уже о духе народа (*l'esprit de la race*), не имеют никакой необходимой связи со способами выражения в данном языке. Их судьба зависит от самого ничтожного изменения в гласном звуке или в ударении, которое может случайно произойти через некоторое время в этом языке.

[3280] Признавая абсурдность намерения Шлейхера представить язык как организм, независимый от человеческого разума, мы по-прежнему стремимся, не испытывая никаких сомнений, сделать из него организм в другом смысле, поскольку считаем, что индоевропейский или семитский гений неустанно заботится о том, чтобы удержать языки в одном и том же predeterminedом свыше русле. Но любые наблюдения заставляют нас проникнуться противоположным убеждением и [понять, что язык есть произвольное установление]. Значение "гения языка" равно нулю по сравнению с таким, например, отдельным фактом, как отпадение конечного *o*, которое в любой момент может революционизировать / [29] отношение между знаком и понятием в какой угодно имеющейся форме языка, [обладающей ценностью]; при этом новый способ выражения [также имеет ценность]. / [30]

13. ОБ АНТИИСТОРИЧНОСТИ ЯЗЫКА

[1484] Для объекта изучения [лингвистики] характерна двойственность, которая может показаться непонятной, если не прибегнуть к сравнению. В шахматной партии любой позиции присуще то особое свойство, что она становится независимой от предшествующих событий; иными словами, становится не "более или менее" безразлично, а *совершенно безразлично*, каким путем возникла эта позиция. Поэтому зритель, который с самого начала следит за ходом партии, не имеет ни малейшего преимущества перед тем наблюдателем, который приходит посмотреть на партию в ее критический момент. Также никто не станет описывать позицию, смешивая то, что *есть*, с тем, что *было*, даже с тем, что было всего лишь десять секунд тому назад. / [31]

[1485] Такова в точности исходная основа устройства языка. Если принять ее, то остается ответить на вопрос, в каком аспекте объект такого рода можно считать *историческим*. По-видимому, его сущность действительно не поддается никакому историческому анализу, и скорее он может стать предметом всякого рода абстрактных построений, вроде тех, которые могут возникнуть по поводу упомянутой нами шахматной партии. Но мы и дальше будем пользоваться данным сравнением, по-

сколько совершенно убеждены в том, что немного можно найти других сравнений, которые позволили бы нам так хорошо разглядеть сложную природу особого семиологического объекта*, называемого языком, <дать хотя бы предварительное определение того особого семиологического объекта, которым является язык>, и не в одном только аспекте, а с учетом его вызывающей досаду двойственности, которая никогда не позволяет охватить его целиком. / [31a]

Существование "языка" и науки о нем возможно только при соблюдении главнейшего условия: необходимо абстрагироваться от того, что предшествовало нынешнему состоянию, от того, что связывает между собой ряд эпох. Лингвистика же может существовать только при выполнении как раз противоположного условия. [Заниматься лингвистикой] — это совсем не то, что [изучать языки]. Во всяком случае, лингвистика не требует абстрагирования [от событий]. Непременным условием понимания того, что происходит или хотя бы что *имеется* в определенном состоянии языка, является отвлечение от всего того, что не относится к данному состоянию, например от того, что ему предшествовало, подчеркнем — особенно от того, что предшествовало. Но что это дает для обобщения? Обобщение невозможно [между лингвистикой и изучением языков].

/[32] Подобным же образом какой-нибудь минерал можно рассматривать с точки зрения его важности для минералогии или с точки зрения *исторических* событий, которые привели к его образованию в данной точке земного шара, в таком-то слое, в такое-то время. Но возможно ли рассматривать только *один определенный* и точно локализованный *результат*? Можно поддаться иллюзии, что нет серьезных оснований для выделения двух аспектов рассмотрения, что их выделение представляет собой довольно очевидный софизм. Разве мы не ощущаем, что перед нами один и тот же предмет? [С одной стороны], имеется физическая природа образований, [с другой стороны], их ценность. Прекрасно. Но если мы попытаемся сделать обобщение, это окажется невозможным, если по-прежнему рассматривать и генезис и сущность каждого образования одновременно. В результате становится ясным, что одна из наук является в основном *исторической* (геология), в то время как другая, хотя и находит объект своего изучения в тех же исторических событиях, является, по существу, антиисторической наукой. Она не может признать, если только не захочет прекратить свое существование, / [32a] что два фрагмента породы, различающиеся *местом*, *временем* и *условиями* своего образования, самой природой *соединения*, наконец, любыми историческими обстоятельствами, которые можно только вообразить, являются разными вещами, [если они] описываются одной и той же формулой в сфере неизменных понятий.

Мы не имеем права делать какие-то обобщения, и нет *никакого* смысла их делать, например, в отношении какого-нибудь тетраэдровидного (?) кристалла, прежде чем мы не выясним и не сформулируем

четко, будет ли идти речь об условиях формирования этого кристалла в том или ином месте – это дело *истории* – или же о том, чем он *является*, например, по отношению ко всем триромбовидным кристаллам, что не имеет никакого отношения к соответствующим условиям, времени и месту возникновения этих различных образований. Предпринимать обобщение, в котором эти два аспекта учитывались бы одновременно, – абсурдное занятие.

Именно такого рода абсурд лингвистика, / [33] как она сложилась со времени своего зарождения, хочет навязать разуму. Приведенное сравнение никоим образом не требует поправок в отношении языковых фактов, совсем наоборот. Было бы ошибкой полагать, что *иногда* можно избежать настоящей необходимости этого сравнения; ее никогда не удастся избежать даже [в целях обобщения]. Следовательно, нельзя что-либо сказать по поводу того или иного выражения, употребительного в повседневной лингвистической практике, не рассматривая *ab ovo*¹ общий вопрос о языковой деятельности. В еще меньшей степени мы можем дать оценку учению, которое, несмотря на свою рациональную основу, не принимает во внимание [двойственный характер лингвистики]. Все без исключения способы выражения, которые иногда как бы устанавливают связь между явлениями в [вертикальной] и горизонтальной плоскости, представляют собой образные выражения. Досадным является также и то, что нельзя ни обойтись без этих образов, ни решиться [принять их].

14. ОСНОВНОЙ ЗАКОН ЯЗЫКА

Отрывок 15

[1903] Или $\frac{a}{a}$, или же $a \ b / [33a]$
($a' \ b'$)

Осмелимся утверждать, что самым фундаментальным законом языка является положение о том, что *один* член никогда сам по себе ничего не значит (это прямое следствие того, что языковые символы не связаны с тем, что они должны обозначать); следовательно, $\langle a$ не в состоянии что-либо обозначать без помощи b (и оно может что-либо обозначать, только если b' придает ему ценность, и наоборот, так что нет ничего, кроме различий [зачеркнуто]) $\rangle$, а b ничего не может обозначать без помощи a . Таким образом, оба члена имеют ценность только в силу своих *отличий* друг от друга; иначе говоря, ни один член, даже ни одна его часть (я имею в виду "корень" и т. д.) не могут иметь ценности без подобного переплетения вечно отрицательных различий.

[1906] Это может вызвать удивление. Но можно ли в действительности обнаружить противоположную возможность?

[1907] Разве можно найти в языке хоть один источник положитель-

¹ С самого начала (*лат.*). – *Прим. перев.*

ной радиации, если ни один звуковой образ не соответствует больше, чем другой, тому, что он должен выражать? / [34] Совершенно очевидно даже а priori, что нет такого фрагмента языка, который основывался бы на другом исходном принципе, а не на отсутствии совпадения или на частичном несовпадении со всем остальным. Положительная форма безразлична до такой степени, что мы не имеем об этом ни малейшего представления, даже выучив пять-шесть языков с [разной грамматикой и лексикой], потому что эта степень, конечно, равна нулю.

Это имеет смысл только в зависимости от [выбора] ретроспективной или проспективной точки зрения.

[1910] Любое правило, любая фраза, любое слово, описывающее устройство языка, обязательно вызывает представление о соотношении a/b или $\frac{a}{a}$, в противном случае они вовсе ничего не значат, если подвергнуть их анализу.

Дело в том, что элементы a и b как таковые по отдельности никак не могут дойти до нашего сознания, которое всегда воспринимает только различие a/b ; каждый из этих элементов подвержен изменениям (или свободен от них), согласно законам, отличным от тех, которые мог бы навязать разум своим постоянным вмешательством.

15. ЯЗЫК И СЕМИОЛОГИЯ

Таким образом, мы возвращаемся к нашему основному положению, с помощью которого выше мы попытались выявить отличие языкового установления от других человеческих установлений, а именно: язык не подчиняется направляющей деятельности разума, потому что он с самого начала не есть результат зримой гармонии между понятием и средством его выражения. [Конец отрывка] В этом заключается основное отличие, несмотря на любые внешние сходства, от таких установлений, как / [35] религиозные обряды, формы политического правления, нравы [и обычай], не говоря уже об орудиях [труда].

[1267] У т о ч н е н и е. Общее впечатление, которое оставляют <лингвистические [зачеркнуто]> труды Уитни, заключается в том, что достаточное здорового смысла — здорового смысла человека, знакомого с [социальными явлениями], чтобы развеять все иллюзии и понять суть [проблем языковой деятельности]. Но такой взгляд на вещи нам чужд. Напротив, мы глубоко убеждены, что любой, кто вступает в область *языка*, должен сказать себе, что все возможные аналогии с земными и небесными явлениями надо отбросить. Именно по этой причине было создано столько фантастических построений по поводу языка, в том числе и то, которое разрушил Уитни, но именно по этой же причине еще можно о многом порассуждать с другой точки зрения.

/ [38a] 1° Язык есть лишь *частный случай*, описываемый Теорией Знаков. Но в силу одного только этого факта он совершенно не может

быть односложным объектом (способ существования которого наш разум может постичь непосредственно). В то же время для общей теории знаков фонетические знаки как частный случай вовсе не будут представлять в тысячу раз более сложный объект по сравнению с другими известными частными случаями, такими, как *письменность*, *шифры* и т. д. [Конец отрывка]

2° Важнейшая реакция лингвистики на теорию знаков, новые горизонты, которые она открывает [для семиологии*], заключаются в том, что лингвистика познакомила семиологию с *совершенно новой стороной знака*, а именно: она показала, что мы по-настоящему поймем сущность знака только тогда, когда убедимся, / [39] что его не только можно передавать, но что он по самой своей природе *предназначен для передачи*, 2° [неограниченное] изменение. Однако для желающего заняться теорией языка трудности возрастают в сотни раз [по причине огромного количества знаков и говорящих субъектов]. / [39a] Поскольку существует общность имени, только лишь *имени* между доступными непосредственно восприятию объектами и мифологическими понятиями, постольку можно говорить о первой категории мифологических сущностей, заслуживающей фундаментального противопоставления другим категориям в целях первичной классификации мифологических понятий.

Следовательно, имя является единственной, определяющей первопричиной не изобретения мифологических сущностей — разве может кто-нибудь добраться до основы этого явления? — а превращения этих сущностей в *исключительно* / [40] мифологические, когда они обрывают свои последние связи с землей, чтобы после многочисленных [перипетий] заселить Олимп. Пока слово *agni* одновременно обозначает — и, следовательно, смешивает — огонь в быту и бога *Agni****; пока *Djeus*** одновременно есть наименование [того или иного бога и неба], абсолютно невозможно считать *Agni* или *Djeus* фигурами того же порядка, что и *Varuna*** или *'Απόλλων***, имена которых отличаются тем, что они не обозначают ничего земного. Если в определенный момент *Agni* перестает обозначать [и то и другое одновременно], это может быть лишь результатом случайного события, которое приводит к отрыву *имен* от чувственно воспринимаемых объектов, таких, как огонь.

Это случайное событие может быть обусловлено каким угодно языковым фактом и не связано никакой необходимой связью со сферой мифологических понятий. Если *котел* получал последовательно наименования [**parium*, **pariolum* и *caldaria*], точно так же может случиться, что огонь будут называть сначала *agni*, а затем как-нибудь иначе. / [40a] Но именно в этот момент бог *Agni*, подобно богу *Zeús***, неизбежно будет возведен в ранг непостижимых божеств, подобных *Varuna*, вместо того чтобы переместиться в конечную сферу таких божеств, как *Ushas***

Итак, от чего же зависит такое важное и положительное изменение в мифологии? Всего лишь от некоего явления, которое не только имеет *чисто языковой* характер, но даже не обладает большой важностью в пов-

седневной жизни языка*

Таким образом, истина заключается не в том, что, согласно знаменитой формуле, p̄m̄ina 'божества' суть p̄m̄ina 'имена'**, а в том, что от судьбы p̄m̄ten решающим образом зависит, можно сказать, ежесекундно судьба p̄m̄ten. / [41] Теперь мы можем считать доказанным, что самая обширная категория существ, обитающих в Пантеоне каждого античного народа, ведет свое происхождение не от впечатлений, производимых реальными объектами, таких, как agni, а от беспрестанной игры эпитетов, прилагаемых к каждому имени и позволяющих в любой момент создавать столько субститутов ("[богов]"), сколько хотят [их иметь]. Это убеждает нас в фундаментальном влиянии имен и языка на создание образов. Если мы согласимся с тем, что [все дело] в слове, то оно в таком случае играет решающую роль; оно является первым подсказчиком и единственной конечной причиной возникновения нового божества, которое в один прекрасный день создается наряду с существующими. / [41a]

16. ИТОГОВАЯ ОЦЕНКА УИТНИ

Непременное значение Уитни. — Уитни не написал сравнительной грамматики. — Немецкий словарь*** в наше время. — Сравнительная грамматика не обязательна для того, чтобы быть [компаративистом]. — Но грамматика санскрита иногда [дает возможность сравнивать, например āraik]. — Уитни о слоге. — Заслуга Уитни заключается в том, что он стал довольно независим от сравнительной грамматики, [хотя он и зависел от нее], поскольку первым извлек из нее философский взгляд на язык. — Важная роль, но без претензий. — Уитни и человеческие установления. — Уитни и младограмматики. — Окончательное определение его значимости. — <Уитни о слоге [зачеркнуто]>.

— / [42] Имя Уитни настолько [широко известно], что человек, далекий от лингвистики, вероятно, с удивлением узнал бы, что такой почитаемый автор никогда не опубликовал [ничего, что было бы] непосредственно связано с [предметом сравнительной грамматики]****. <Сколько можно назвать специальными или общих книг по лингвистике, опубликованных три десятка лет тому назад, которые бы сегодня не устарели безнадежно? По правде говоря, я мог бы назвать только [книгу Уитни, „Language and the study of language“]*****. Я вовсе не хочу отрицать, что многие положения [ ]; но то, что осталось, в конце концов, [по всеобщему мнению], сегодня [пострадало от времени] не больше, чем вчера [зачеркнуто]>. / [42a]

Я полагаю, что самым лучшим и самым искренним признанием трудов Уитни, рассматриваемых в их целостности, будет констатация того, до какой степени эти труды мало пострадали от времени. Но такого рода похвала, которая не показалась бы, вероятно, банальной в [какой-либо

иной области], оказывается необычной в области собственно лингвистики. Честно говоря, какая из всех специальных или общих книг по лингвистике, опубликованных три десятка лет тому назад, сегодня не устарела безнадежно? Я ищу такую книгу и не [могу назвать] ни одной, кроме книги Уитни. Этим я вовсе не хочу сказать, что книга Уитни – последнее слово и что в ней есть все, что можно только пожелать; сам автор отверг бы такое предположение. Но то, что в ней есть, что Уитни первым сказал в 1867 г., по общему мнению, не потеряло смысла и в 1894 г. Один этот факт более поучителен, чем множество комментариев; он может служить [критерием], пробным камнем при оценке какого-либо ученого, <этого ученого>.

ЗАПИСИ К КНИГЕ ПО ОБЩЕЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В данную главу включены фрагменты, относящиеся к разным годам, но объединяемые тематикой подготавливаемой книги. В главе выделены три раздела в зависимости от времени датировки рукописи.

1. ТРИ РАННИХ ФРАГМЕНТА

Эти отрывки в значительной степени использованы издателями, но распределены по разным частям "Курса". По-видимому, они представляют собой заготовки к планируемой книге, о которой де Соссюр писал в письме к А. Мейе в 1894 г.

3295 = №9.1

[Заметки к книге по общей лингвистике

Рукописи: ВПУ Женева, Ms. fr. 3951; Ms. Cours univ. 435.

(Отрывок 9, абзацы 1–8).

Публикация: CFS 12, 1954, 55–57.

Ср.: SM 13, 42–43; CFS 17, 1960, 7.]

Отрывок 9

1) Разграничение основных понятий

⟨Необходимость переноса основных усилий при разработке теории языковой деятельности на разграничение основных понятий может быть обоснована следующим. Можно сказать, не написано ни одной строчки, в которой языковые факты не представлялись бы как *материя* [зачеркнуто]⟩.

⟨Aliter:⟩¹ Поскольку языковая деятельность никогда не проявляется в виде ⟨материи [зачеркнуто], субстанции⟩, а только в виде комбинированных или изолированных *действий* физиологических, физических, психических сил и поскольку, несмотря на это, все наши разграничения понятий, вся наша терминология, все наши способы выражения отражают это

¹ Иначе говоря (*лат.*) – *Прим. перев.*

неосознанное допущение о наличии субстанции, приходится признать, что самой существенной задачей теории языковой деятельности является прежде всего прояснение того, как мы разграничиваем основные понятия. Мы не можем согласиться с тем, что допустимо создание теории без предварительной работы по созданию определений, хотя подобный метод, по-видимому, удобен и до сих пор удовлетворял лингвистическую общественность.

Если взять в языковой деятельности нечто, являющееся одновременно самым материальным, самым простым и независимым от времени, например "группу *aka*" или "гласный *a*", предварительно освободив их от всякого смысла, от всякого представления об их употреблении, то они будут представлять собой лишь ряд физиолого-акустических действий, которые кажутся нам соответствующими друг другу. Но как только мы начинаем считать их соответствующими друг другу, мы превращаем *aka* или *a* в субстанцию. Однако мы не сможем представить себе значение этой субстанции, пока не поймем, с какой точки зрения она предстает перед нами как таковая. / [3] Мы не вправе полагать, что один аспект языка может предшествовать другим и быть важнее их, поэтому он должен служить исходной точкой исследования. Подобное право мы бы получили, если бы могли найти такой аспект, который был бы дан нам независимо от других, то есть независимо от всяких абстракций и обобщений, производимых нами; но достаточно немного поразмыслить, чтобы убедиться в том, что ни одного такого аспекта найти нельзя.

Например, может показаться, что мы имеем право взять за исходную точку фонетические фигуры, например фигуру [cantare]. Тождественность фонетической фигуры cantare, например, слову kantare в готтентотском языке представляет собой иной способ классификации фактов по сравнению с установлением тождества cantare/chanter и идентификации cantare как значащего то-то и то-то; но это всего лишь разные способы разграничений. / [4]

Ко всему тому, что нами установлено в качестве истины, мы дошли столь разными путями, что, надо признаться, не знаем сами, какой путь предпочтительнее. Чтобы изложить надлежащим образом наши предположения, следовало бы принять определенную исходную точку. Но нам важно лишь указать на ложность предположения о том, что в языке есть хотя бы единственный факт, определенный сам по себе. Поэтому в действительности не может быть никакой исходной точки, и если кто-то из читателей пожелает внимательно следить за ходом нашей мысли от начала и до конца этой книги, он вынужден будет признать, что невозможно придерживаться слишком строгого порядка изложения. Мы позволим себе три или четыре раза повторить для читателя одну и ту же мысль в разной форме, потому что / [5] в действительности нет такой исходной точки для обоснования доказательства, которая была бы предпочтительнее, чем другие.

<(Мелкими буквами)>Когда мы решаем начать исследования в облас-

ти фонетических явлений, 1° есть ли что-нибудь уже определенное в другой области? Совершенно ничего. / [6] 2° Но если все-таки есть что-то определенное в другой области, может ли оно иметь решающее значение в области фонетики? Ни в коей мере. Например, допустим, что мы знаем, как сформулировать ценность *vu*¹ в системе греческого языка и ценность *ли* 'нагой' во французском языке. Но очевидно, что фонетическая фигура *ли* существует без какой бы то ни было ценности и вне всякого языка, вне пространства и времени и независимо от каких бы то ни было обстоятельств. Мы можем даже не знать, соответствует ли она греческому или французскому слову. / [7] Она существует, потому что мы объявляем ее тождественной самой себе.

Однако мы не можем объявить эту фонетическую фигуру тождественной самой себе, не встав негласно на некую точку зрения, иначе мы с таким же успехом могли бы объявить тождественным самому себе *santāre chanter*. Таким образом, чтобы объявить о существовании *ли*, мы негласно обращаемся к суждению о тождественности, которое выносит наш слух. Подобным же образом, чтобы подтвердить единое существование *santāre* и *chanter*, мы обращаемся к другому рода тождеству, вытекающему из суждений иного порядка. Но в любом случае мы постоянно прибегаем к совершенно позитивным действиям разума; иллюзия естественной данности фактов языковой деятельности укоренилась в нас очень глубоко. / [8]

Первый способ рассуждения. Говорят: "Имеется латинское слово *santāre*". И далее следуют разные "с точки зрения...". Например, это *santāre* "с точки зрения" фонетической фигуры, каковой оно является, тождественно такому-то слову из языка кафров² или самоедов³; „с точки зрения“ регулярного развития этой фигуры оно идентично французскому слову *chanter*; "с точки зрения" его ценности в латинском языке [оно тождественно *santāre*]. Тогда становится ясным, что для последовательного рассмотрения *santāre* со стольких точек зрения, которые превращают его в совершенно разные сущности, необходимо прежде всего знать, что представляет собой настоящее *santāre*, что гарантирует его существование или хотя бы устойчивую форму его существования.

Обратимся теперь ко второму способу рассуждения. Мы, конечно, признаем, что нельзя сказать: "В латинском языке имеется *santāre*", ибо совершенно невозможно понять, о чем идет речь, не выбрав какой-то точки зрения. Поэтому мы должны выбрать/ [9] некую точку зрения, которая даст нам прочную основу. Тогда со всей определенностью можно будет заявить, что *santāre* является для нас фонетической фигурой *kan-tā-re*, а все, что мы добавим к ней, будет ее атрибутом.

¹ Название греческой буквы *ν* – "ню". – *Прим. ред.*

² Совр. языки банту. – *Прим. перев.*

³ Совр. самодийские языки. – *Прим. перев.*

Третий способ рассуждения, единственно приемлемый для нас. Ничего не дано заранее, иными словами, нет не только ничего, что заранее получает определение вне какой бы то ни было точки зрения, но также не существует такой точки зрения, которая была бы предпочтительнее, чем другие. Сначала есть только сравнительный анализ разных точек зрения. / [10] Говорить, что мы не имеем права рассуждать о латинском *cantāre* или [о фонетической фигуре *cantare*], просто смешно или, напротив, очевидно до смешного.

тождество	<i>cantāre</i>	<i>cantāre</i>
тождество	<i>cantāre</i>	<i>cantāre</i>
	смысл и употребление	смысл и употребление
тождество	<i>cantāre</i>	<i>chanter</i>

Мы утверждаем, что любые правомерные или неправомерные манипуляции с языком (исключение представляют *заимствования*, которых мы не касаемся) можно охарактеризовать с помощью установленных нами принципов. / [11]

Существуют различные виды тождеств. Это и ведет к возникновению различных классов языковых фактов. Языковой факт не существует вне какого-либо отношения тождества. Но отношение тождества зависит от принятой точки зрения, которая может быть разной; следовательно, ни один, даже мельчайший, языковой факт не существует независимо от той или иной точки зрения, которая определяет проводимые нами различения.

2) Разграничение основных понятий (2-й вариант)

3295a = №9.2

[Заметки к книге по общей лингвистике.

Рукописи: BPU Женева, Ms. fr. 3951; Ms. Cours univ. 435.

(Отрывок 9, абзацы 9–12)

Публикация. CFS 12, 1954, 57–58.

Ср.: SM 13, 43; CFS 17, 1960, 7.]

Отрывок 9

Возьмем такую фонетическую фигуру, как общегерманское *alka**, которая, передаваясь из уст в уста, превращается, например, в др.-саксон. *ðk** 'каждый'. Если мы рассмотрим конечный элемент *ðk* и исходный элемент *alka*, сможем ли мы обнаружить между этими двумя объектами подлинную связь, и если да, то какова природа этой связи? Но мы тут же замечаем, что связь между объектами предшествует [самим этим объектам].

По мере того как мы углубляемся в предмет изучения лингвистики,

мы все больше убеждаемся в справедливости утверждения, которое, признаться, дает нам богатейшую пищу для размышления: в области лингвистики связь, которую мы устанавливаем между объектами, предшествует *самим этим объектам* и служит их определению.

В других областях науки существуют заранее данные вещи, объекты, которые можно затем рассматривать с различных точек зрения.

У нас же имеются прежде всего точки зрения, верные или ложные, но всегда лишь точки зрения, и уже с их помощью СОЗДАЮТСЯ объекты* Эти созданные объекты соответствуют реальности, если исходная точка оказывается верной, и не соответствуют ей в противоположном случае; но в обоих случаях ничто, ни один объект не дан нам хотя бы на мгновение сам по себе. / [2] Это верно даже тогда, когда речь идет о самом что ни на есть материальном факте, казалось бы заранее определенном со всей ясностью, как, например, последовательность произнесенных звуков.

Рассмотрим, например, последовательность звуков *alka*, которая, передаваясь из уст в уста, становится через некоторое время *òk*, и отметим, что ради простоты изложения мы совершенно не привлекаем ценность *alka* или *òk*, хотя без нее не может возникнуть никакой языковой факт как таковой. Итак, в результате действия фактора ВРЕМЯ *alka* превращается в *òk*. В сущности, в чем заключается СВЯЗЬ между *alka* и *òk*? Если мы займемся этим вопросом, а им нужно заняться во что бы то ни стало, то вскоре увидим, что надо выяснять, в чем же заключается СВЯЗЬ между *alka* и той же последовательностью звуков *alka*, и тогда мы поймем, что такой объект, как *alka* или подобные ему, нигде не существует как первичный факт. Прежде всего существуют устанавливаемые нами разного рода отношения, например отношение между *alka* и *òk*, / [3] наводящее нас на мысль о существовании определенного вида единицы, которой пока очень трудно дать определение [и которая отличается от единицы другого вида, определяемой отношением между *alka* и *alka*].

Наш символ веры в лингвистике заключается в следующем. В других науках можно говорить об объектах "с той или иной точки зрения", поскольку есть уверенность найти твердую почву в самом объекте. Что же касается лингвистики, то мы принципиально отрицаем, что в ней заранее даны объекты исследования, что есть некие предметы, которые продолжают существовать при переходе от одного рода понятий к другому; мы отрицаем, что можно позволить себе рассматривать "предметы" с помощью разного рода понятий, будто они существуют сами по себе. / [4]

С а м ы й о б щ и й и т о г. Самый общий смысл выдвигаемых нами положений таков. В лингвистике запрещено говорить, хотя мы постоянно это делаем, о „каком-либо объекте" с различных точек зрения или об объекте вообще, потому что именно точка зрения и СОЗДАЕТ этот объект. Как только кто-нибудь прибегает к выражениям такого рода (например, *èqvos***с точки зрения фонетики, с точки зрения этимологии,

с точки зрения своих производных, с точки зрения...), мы наблюдаем явное смещение понятий, потому что *equivos* превращают в нечто, что можно рассматривать с сотен точек зрения и что, следовательно, существует независимо от всех них. Но пусть попробуют определить, что такое *equivos* независимо от той или иной точки зрения! / [5]

Я совершенно не сомневаюсь в том, что всякий раз, как вводится некое различие "точек зрения", действительная проблема заключается в том, чтобы знать, имеем ли мы дело с одними и теми же "объектами", и если это так, то это может быть только результатом самой настоящей и самой неожиданной случайности. / [6]

Материальный звук столько раз противопоставляли всему тому, что может быть ему противопоставлено, что мы опасаемся, как бы наше новое разграничение не спутали с другими. Наша же позиция совершенно ясна. Мы категорически отрицаем <и впредь будем последовательно придерживаться того же мнения во всех частностях>, что материальному звуку может быть *противопоставлено* среди прочего и понятие. Материальному звуку можно противопоставить только *сочетание звук – понятие*, но ни в коем случае не одно *понятие**

3) Язык: произвольность – условность

3296 = №9.3

[Заметки к книге по общей лингвистике.
Рукопись: ВПУ Женева, Ms. fr. 3951.]

Можно ли среди известных явлений найти нечто, вполне сопоставимое с языком? – Прежде всего необходимо заметить, что этому трудно во всех отношениях вопросу не присуща, по крайней мере для нас, та неопределенность, на которую неизбежно наталкивались все, кто хотел разрешить его, не высказав предварительно ни разу своего взгляда на сам язык.

По нашему мнению, в этом вопросе речь идет о чем-то совершенно отличном от всего того, что усматривали в нем ранее. <Вопрос на самом деле заключается в том, существует ли какой-либо факт, связанный с человеком и обществом, который бы имел условный характер. Существует ли какое-либо явление общественной жизни, которое можно выразить с помощью одной формулы, являющейся в любой рассматриваемый момент [1°] условной и, следовательно, произвольной, лишенной естественной связи с объектом, абсолютно свободной и независимой от него; 2° по своей сущности не произвольным и не свободным результатом того, что ей предшествовало в этом же роде [зачеркнуто]>. <А. Жизнь в обществе // Б. Внутренняя жизнь.> Поэтому надо добавить: 3° что это явление не может прекратить свое существование даже на сут-

ки и что каждая его составная часть воспроизводится тысячи раз за это время. / [2]

Для нас безразлично, представляет ли собой язык социальное явление или нет; мы задаем другой вопрос: можно ли в какой-либо иной области найти нечто сопоставимое с языком и симметричное ему по условиям своего существования и *изменения*?

– I В любой данный момент: [1°] язык представляет собой систему, *внутренне упорядоченную во всех своих частях*, 2° язык зависит от обозначаемого объекта, но *свободен и произволен по отношению к нему**.

– II Тот же язык <представляет собой произвольную условность [**зачеркнуто**>, является зависимым производным от фактов, которые не [образуют системы].

Заметки Соссюра, если не уточняют идею произвольности соотношения означаемого и означающего (в его более поздней терминологии), все же позволяют говорить, что в центре его интересов была прежде всего лингвистическая природа явления. Это явствует из замены двух особенностей знака – произвольности и условности, которые были установлены еще в дососсюровской науке, на одну, т. е. произвольность, так как условность предполагает связь имени с вещью. Условность находится за пределами лингвистических фактов и является внешним свойством слова, она иррелевантна для его знаковой природы. Произвольность же – это внутреннее свойство знака как связь его двух сторон. Именно поэтому Соссюр заменил позже в своих лекциях эти два свойства на одно – произвольность языкового знака, которую стал трактовать как немотивированность, как отсутствие естественной связи между означаемым и означающим.

Соссюр рассматривал произвольность как принцип, реализующий основные семиотические свойства языка и отличающий язык от прочих социальных установлений, так как с нею связана проблема изменчивости и неизменчивости знака. В противовес законам принуждения (Э. Дюркгейм) и законам подражания (Г. Тард); которые по мнению французских социологов, определяют **социальный факт** Соссюр выдвигает закон традиции, господствующий в языке как социальном явлении.

Отличие языка от прочих социальных явлений, связанное с принципом произвольности, заключено в характере развития языка, так как обе стороны языкового знака могут изменяться независимо одна от другой. Соссюровское положение о подвижном характере отношений между означаемым и означающим вошло в науку в интерпретации С. Карцевского под названием асимметричного дуализма языкового знака. Общий же вывод из рассуждений об изменчивости и неизменчивости знака сформулирован Соссюром как принцип общей семиологии.

По мнению Р. Энглера, в жизни языка одновременно проявляются два семиологических и лингвистических принципа: произвольность связи двух сторон языкового знака и произвольность означающего. При этом первая в полную силу действует в диахронической стороне языка, а в синхронической стороне, т. е. в сознании говорящих, произвольность означающего имеет производный (вторичный) характер.

Чрезвычайно важен вопрос о месте идеи произвольности языкового знака в архитектонике сосюрровской концепции. Де Мауро полагает, что произвольность является тем принципом, который лежит в основе всей теории, т. е. на его основе осуществляется идентификация ценности языковых единиц, как в плане означающего, так и в плане означаемого (см. De Mauro 1972, 421). Более того, произвольность он ставит в центр универсальных свойств всех языков, случайный же характер связи означающего и означаемого детерминируется обществом на протяжении развития отдельных языков во времени и пространстве (там же, IX).

2. СОСТОЯНИЕ И ДВИЖЕНИЕ (СТАТУС И МОТУС)

Эти заметки написаны не позднее 1897 г. Впервые вводятся типичные сосюрровские термины: синхронический – диахронический; знак; явление (факт); феномен и т.п.

1) Событие и состояние

3298 = № 11

[Статус и мотус. Заметки к книге по общей лингвистике.

Рукопись: ВПУ Женева, Ms. fr. 3951.

Ср.: SM 13, 46–49; CFS 17, 1960, 7.]

Каждый раз, когда в языке происходит некое *событие*, большое или незначительное, его очевидным следствием является то, что после этого события соотношение элементов уже не то, что до него. Если в какой-то определенный момент времени в греческом языке отпадает конечное *t*, например в слове *egnōt 'он узнал', то кажется, что это событие никоим образом не затрагивает *egnōn 'я узнал' (аорист от γινώσκω), и оно, действительно, его не затрагивает, пока мы говорим о данном *событии* или о каком-либо *событии* вообще. Но если речь идет о состояниях, становится очевидным, что соотношение *egnōn *egnōt уступило место соотношению *egnōn *egnō. Это также важное обстоятельство, может быть, даже более важное, чем само событие.

Подобным же образом – здесь не место анализировать возможные различия, – когда в древневерхненемецком *faris* становится *feris** 'едешь', это явление никак не затрагивает *faru* 'еду', но не менее важно и то обстоятельство, что из-за этого события соотношение *faru faris* уступает место новому соотношению, которое теперь приобретает вид *faru feris*. Эти вводные примеры так же годятся, как и любые другие, чтобы подойти к разграничению, которое мы считаем необходимым сделать, поскольку нельзя себе даже представить, что без него можно выработать / [1a] какие-либо общие понятия, равно как и создать какую-либо [теорию].

1° egnōn ↔ 2° egnōt	1° faru ↔ 2° faris
3° egnōn ↔ 4° egnō	3° faru ↔ 4° feris

/ [2] 1° Отсутствие в лингвистике осмысления одной из форм жизни языка: СТАТУСА. — Когда-нибудь предметом интересного ретроспективного исследования может стать вопрос о том, какими многочисленными способами удаётся смешивать эти два фундаментальных понятия: *мотус* и *статус* в языке. Во всяком случае, можно выделить два способа ошибочных действий, которые одинаково ведут к недооценке *статуса*. — Один способ заключается в том, что в результате гипертрофированного исторического сознания просто отбрасывается понятие *статус* и считается, что жизнь языка состоит исключительно из явлений, таких, как отпадение *t*, то есть она состоит из *событий*. Под тем предлогом, что такие события регулярно приводят к возникновению новых *статусов*, носители этих взглядов не придают никакого значения [состоянию].

Суть другого способа в том, что (в результате извращения исторического сознания) события выражаются с помощью формулы, которая пригодна лишь для статуса, а это есть наилучший способ все исказить и перепутать. Например, говорят так: "В древневерхненемецком *a* изменяется в *e* перед *i*: faru feris"; вместо этого надо сказать: "Имеется: а) протекающее во времени событие, заключающееся в том, что faris (а не faru) становится feris; б) вневременной факт, который заключается в том, что faru после указанного события противопоставляется feris" / [3]

Статус и *мотус*. Сколько видов языковых явлений можно выделить? Если руководствоваться нынешними или прошлыми представлениями, то может показаться, что языковые явления относятся к одному виду или же к бесчисленному множеству видов в зависимости от классификации, которую угодно принять тому или иному ученому. Мы же утверждаем, что существует только два вида явлений, а не один или три и эти виды с очевидной внутренней необходимостью зависят от самого объекта исследования, а не от выбора его принципов. — 1° Сколько видов языковых явлений можно выделить? — 2° Каким образом целый ряд явлений может остаться незамеченным по причине существования другого ряда явлений? / [4]

Статус и *мотус*. Естественна мысль о том, что языковые явления образуют одну неразрывную цепь, и чтобы разобраться в ней, необходимо лишь погрузиться в историческую последовательность явлений. / [5] 1° Сколько видов языковых явлений можно выделить? На этот вопрос [можно ответить, что языковые явления...]. / [6]

Статус и *мотус*. Все частные и общие явления, ареной которых может стать язык, либо являются частью *состояний*, каждое из которых они характеризуют в соответствующий момент времени, или же они предстают перед нами в виде *событий*.

На первый взгляд в этом нет ничего удивительного.

Почему среди десятков возможных видов разграничений в лингвистике надо придавать особое значение отграничению состояния от события, события от состояния? Разве не очевидно, что все, что есть в состоянии, содержится в предшествующем ему событии? Если мы имеем, например, *gēro gestus* (лат.) 'веду ведомый' (состояние), то разве это не случилось по причине того, что некое событие превратило *gesō в *gēō*? Вот до чего дошла лингвистика. Состояния и / [7] события для нее безразличны, они даже не разграничиваются и нигде не упоминаются как имеющие свою особую значимость.

2) Событие и состояние (продолжение)

3299 = № 12

[Статус и мотус. Заметки к книге по общей лингвистике.

Рукописи: *BPU Женева, Ms. fr. 3951; Ms. Cours univ. 435*

(Отрывки 19–20)

Публикация: 3299, 6; 19–23 в *CFS 12, 1954, 68–78.*

Ср.: *SM 13, 46–49; CFS 17, 1960, 7.*]

По-видимому, нашему разуму присуща естественная склонность [больше обращать внимание на события]. Во всяком объекте, который предполагает развитие, историческую непрерывность, временную последовательность, внимание <интерес [зачеркнуто]> само собой обращается на события и проявляет тенденцию игнорировать состояния.

Эта особенность нашего разума иногда может доходить у некоторых ученых до полного непонимания того, что такое состояние; иногда же состояниям просто не придают особого значения по сравнению с событиями, результатом которых они являются. Не нам судить о том, какие последствия эта неуравновешенность нашего мышления имеет за пределами лингвистики, в тех многочисленных науках, которым приходится, как и лингвистике, учитывать исторический фактор. <Вероятно, историки, палеографы, геологи, биологи, метеорологи и т.д. могли бы со своей стороны сказать что-либо по этому поводу, ведь очень мало таких доступных нашему познанию объектов, которым не присуща историческая непрерывность, которые не нуждаются, следовательно, в различении событий и состояний [зачеркнуто]>.

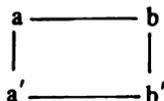
Нам надо попытаться показать, в какой мере указанная неуравновешенность вносит смуту в лингвистику, / [2] но никакой анализ не мог бы исчерпать этого вопроса, поскольку речь идет о [фундаментальном] разграничении. Легко увидеть, почему возникает эта тенденция. Событие является причиной состояния и (в каком-то смысле) объясняет его.

– [1°] Равновесие, взаимное расположение элементов никогда не из-

вестно заранее. Но даже если бы это расположение определялось перечнем возможных событий, в сущности, оно нечто иное, чем события, и, надо полагать, заслуживает [исключительного внимания]. — Сравнение с шахматной партией.

/ [3] II° Статус, рассматриваемый сам по себе. Неясность и бессодержательность идеи противопоставления звука и понятия, формы и смысла, знака и значения. (Какие выводы можно сделать, если то утверждает, что форма противопоставлена смыслу, то — что форма противопоставлена звуку, и при этом отсутствует определение формы.) / [4]

Пример допотопной формулировки правил: 1° звук *и* перед гласным переходит в *w*, — 2° звук *w* перед согласным переходит в *и*; — такое утверждение ложно, даже если исправить форму выражения и сказать: звуку *и* перед гласным соответствует звук [w], звуку *w* перед согласным соответствует звук *и*. — 3° *w* [перед гласным и *и* перед согласным являются продолжением общего прототипа*]. / [5] ↷ †

Никак нельзя заставить событие, поскольку оно объясняет состояние, *стать* состоянием. Но в большинстве наук <(случаев)> все дело ограничивается объяснением происхождения состояния, само же состояние не вызывает интереса, не играет особой роли, которая отличает его как состояние. Однако в языке именно состояния, и только они, обладают способностью к означиванию; к тому же язык без этой способности означивания неизбежно перестал бы существовать как таковой. Итак, можно видеть, что в данной области даже после того, как [поняты истоки явления], рассматриваемый объект оказывается не понятым ни с какой стороны, хотя при этом и воображают, что сумели объяснить его. / [6]

3) Лингвистика и ее два объекта

Отрывок 19

Будет лучше, если мы с самого начала внесем одно уточнение. † Мы не рассматриваем лингвистику как науку, обладающую верным принципом разграничения; с одной или двумя [оговорками] мы смотрим на нее как на науку, которая пытается объединить в одно целое два принципиально разных объекта, убеждая себя, что они образуют один-единственный объект. Самое неприятное — это то, что нашу науку устраивает это объединение, ее вовсе не тревожит смутное ощущение ложности основания этого объединения. Она не испытывает никакой неловкости перед самыми превратными концепциями, которые возникают в ней каждый день, она мнит себя настолько владеющей своим предме-

том, что без всякого труда извлекает время от времени из этого всеобщего беспорядка какие-то идеи, какие-то теории языковой деятельности и предъявляет их с полнейшим простодушием. / [7] [Конец отрывка 19]

Первое, что может вызвать удивление: — 1^о возьмем наугад любую форму: *ἔγινω* 'он узнал' (аорист). Об этой форме нельзя ничего сказать, пока она не будет противопоставлена чему-либо еще, пока не будет назван второй член, соотношение с которым надо рассмотреть <Вероятно, уже эту предварительно установленную истину не могут усвоить лингвисты традиционной школы* [которые смешивают отношения] [зачеркнуто]>. С чем же может быть соотнесена эта форма? Конечно же, с существовавшей ранее формой *εγῖν*¹, причем независимо от природы этого первого соотношения. Но разумеется, также и с формой *εγῖν*, которая относится к тому же периоду времени. —

Рассмотрим теперь природу этих соотношений. Мы смутно ощущаем, что они отличны друг от друга. Не будем требовать от лингвистики, чтобы она сперва определила второе соотношение, уточнила его, чтобы на этой основе выявить его отличие от первого соотношения, иначе воцарится полный хаос. Но давайте облегчим дело, задав вопрос из той области, которая более всего изучена в лингвистике, спросим сначала, чем характеризуется первое соотношение: *εγῖν* *εγῖν*. Лингвисты ответят нам, что это *фонетический* факт, относящийся к звукам, в то время как другое соотношение (*εγῖν* *εγῖν*) не фонетического характера, оно относится не к звукам, а к чему-то иному, что они, между прочим, не знают, как определить. Это / [8] должно быть нечто грамматическое или морфологическое <(при отсутствии всякого определения, что такое грамматика или морфология). По-видимому, это нечто связанное со смыслом, однако звуки не исключаются из рассмотрения полностью. Ведь если я, например, [буду варьировать звуки, то будет меняться и смысл] [зачеркнуто]>; это, если угодно, нечто семантическое, но, может быть, в конце концов, еще и фонетическое <(в конечном счете все эти различия не так уж важны, главное понять, что речь идет уже не о фонетике и звуках) [зачеркнуто]>. <Но здесь-то и кроется двойная ошибка [зачеркнуто]>. Так вот: нельзя сказать, что одно из двух соотношений [связано со звуками, а другое — с формами].

<Во-первых, совершенно неверно, что характеристика первого соотношения может быть сведена к звукам, ведь оно [уже морфологическое]. Не менее ложно полагать, что второе соотношение совсем не опирается на звуки [зачеркнуто]>. Пусть нас не беспокоит, что там говорит [традиционная лингвистика]. / [9]

2^о Выше мы сделали предположение, что в качестве объекта анализа можно прежде всего взять *форму*. Но следует также предположить, что

Здесь и далее Соссюром даны латинские транскрипции древнегреческих форм аориста глагола *ἔγινω* 'узнаю'. — *Прим. ред.*

в качестве первого объекта анализа можно взять сначала и *событие*, а затем и любой другой объект, поскольку мы абсолютно не в состоянии определить, какой объект в языке дан нам непосредственно для наблюдения (это фатальная неизбежность в нашей науке). В любой другой науке объекты хотя бы на короткое время предстают во всей своей очевидности; что дает возможность анализировать их и постоянно сохранять над ними власть. / [10]

[Является ли наука о языке] на этом основании частью психологии и не должна ли она от нее ждать объяснений? Но обладает ли психология собственной семиологией? Бесполезно задавать такой вопрос, поскольку, если бы психология обладала ею, языковые явления, которые она оставляет без внимания, имели бы столь решающее значение для возникновения семиологического факта, что все высказывания психологии, не относящиеся к этим явлениям, наверняка не представляли бы ни малейшего или почти никакого интереса. / [11] † Если бы кто-нибудь из лингвистов, разбирающихся в сути дела, доказал нам, что в языке можно заранее найти реальный объект, неважно какой, но предшествующий анализу, а не вытекающий из него, тогда мы не только перестали бы писать что-либо, но это [означало бы конец лингвистики]. / [12] – 1° Пусть будет дано не соотношение, а форма, то есть один-единственный элемент. – 2° Пусть будет дана не 'форма', а соотношение двух элементов абсолютно любого вида. – 3° Пусть нам дано обобщение соотношения между двумя элементами, например, в санскрите *m* перед *t* переходит (или перешло) в *n*. / [13]

4) Диахрония и синхрония

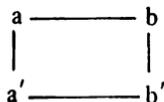
Оглавление – ДИАХРОНИЯ. Противопоставлена *синхронии*, или *идиосинхронии*. Почему же она эквивалентна *фонетике*. (ФАКТ) см. *явление*. – УСЛОВНЫЙ (знак). См. всю главу *Семиология*. В каком смысле все языковые знаки являются условными вопреки некоторым представлениям лингвистов. В каком смысле ни один знак не условен вопреки другим представлениям, которые можно найти у философов. – ЗАКОН. Ему невозможно дать определение, если только не провести различие между двумя сущностями, которые называются этим словом, Это такое слово, термин, которые можно употребить правильно лишь в том случае, если отсутствует какая-либо обязательность (идиосинхронические законы). Обозначение этим словом формулы события (диахронические законы) почти в равной мере есть необходимость и абсурд.

[147] *Происхождение языка*: бессодержательность вопроса для того, кто имеет верное представление о семиологической системе и условиях ее *жизни* уже до того, как приступает к рассмотрению условий ее *генезиса*. Ни в одном пункте генезис не отличается существенным образом от *жизни* языка, и самое важное – это понять жизнь языка.

ЯВЛЕНИЕ (Phénomène). Оно должно пониматься и как состояние и как событие, являющееся причиной состояния (и то, и другое суть явления *разного порядка*) Оно будет всегда пониматься только как событие или же превратится в гибридное понятие, недопустимое в науке Слово *факт* оказывается единственным средством выражения для того, кто хочет обозначить им и статические, и диахронические факты, не давая повода подумать, как при употреблении слова *явление*, что он имеет в виду преимущественно диахронические факты. — / [14] [Конец отрывка 21]

ИДИОСИНХРОНИЯ. Не является идиосинхроническим то, что есть фонетическое (= диахроническое). — Грамматическое = идиосинхроническое; понятие грамматического становится ясным только тогда, когда оно сводится к понятию идиосинхронического. — / [15]

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КВАДРАТ. Всевозможные соображения по поводу какого-либо языкового факта можно непосредственно изобразить с помощью простой и всегда одинаковой фигуры, состоящей из четырех членов.

Вертикальная линия обозначает время, а горизонтальная обозначает [сосуществующие ценности]. Возможные соотношения обозначаются линиями. Невозможно какое-либо соотношение между *a* и *b'* или *b* и *a'*, которое обозначалось бы диагональной линией. Если факты не рассматриваются в историческом духе, фигуру не только можно, но и должно свести к виду [*a - b*]. / [16]

Существуют только четыре принципа. Первый принцип заключается в том, что необходимо *отличать* событие от состояния. Второй принцип состоит в том, что их нужно *противопоставлять* или даже подчинять одно другому. Суть третьего принципа в том, что их необходимо *разделять*, и делать это надо настолько решительно, что возникает вопрос, [можно ли рассматривать сам язык как нечто единое]. < Наконец, четвертый принцип заключается в том, что всякое иное разграничение, не являющееся [следствием предыдущего], абсолютно незаконно и недействительно, каково бы ни было наше желание не прибегать к подобным безапелляционным изречениям, которые вызывают у нас искреннее отвращение, но которые приходится [оставить здесь] [**зачеркнуто**] >. Наконец, четвертый принцип заключается в том, что всякий другой способ классификации бесплоден до такой степени, что этого и вообразить себе нельзя. Заранее обречена на неудачу всякая [попытка обобщения]. / [17]

Мысль о том, что языковые факты можно излагать *единственным* и неизменным способом, – ложная мысль, она приводит к предположению, что сам язык есть нечто единое. Но мы отрицаем единство языка и тем самым приобретаем право представлять в каком угодно виде те два компонента, которые мы в нем обнаруживаем. / [18]

5) Произвольность (условность) языкового знака

Достаточно произнести слово *условный*, чтобы противопоставить ложные и истинные идеи [философов и лингвистов] по поводу языка. Примечательно в условном знаке то, что представители разных дисциплин, которые могли приступить к его изучению, не сомневались, что этот знак является (2^о) *передаваемым*, и тем самым он наделяется второй жизнью. Можно вполне утверждать, что эти ученые (как и широкая публика) не имеют ни малейшего понятия о ней, ведь для этого необходимо проследить [существование знаков языка на протяжении веков], [увидеть], "что границы между знаками" меняются. Таким образом, философское понятие условного знака в [своей основе] совершенно неполное. В свою очередь ложными являются представления лингвиста, поскольку он обращает внимание лишь на процесс передачи языковых знаков и на традицию, над которой властвуют механические силы, поэтому он перестает воспринимать языковой знак как по своей сути условный знак. Он приписывает ему некоторую мистическую сущность или особую сущность, < принадлежащую "языку", которая не является [*зачеркнуто*] > или зависящую от истории. [-ην-] не предназначено ни по своей природе, ни интенционально для обозначения аориста, [ср. *ἔφη* 'говорил' (имперфект) и *ἔστην* 'я стал' (аорист)]. Условность станет очевидной тогда, когда мы поймем, что любой знак основывается лишь на негативном ко-статусе. / [19]

6) Предмет и имя

[1086] В главу о *семиологии*: Большинство концепций, которые разрабатываются или по крайней мере выдвигаются философами языка, заставляют вспомнить о нашем праотце Адаме, который подзывал к себе разных животных и давал каждому имя.

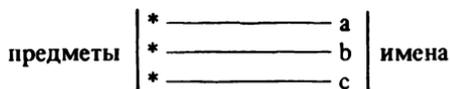
[1088] В той реальности, которую философ считает языковой, неизменно отсутствуют три элемента.

[1089] 1^о Прежде всего речь идет о положении, на истинности которого мы не считаем даже нужным настаивать; это положение о том, что имена не составляют основу языка. Лишь случайно языковой знак соответствует предмету, производящему определенное воздействие на

органы чувств, например *лошадь, огонь, солнце*, а не какой-либо идее, например *ἔθηκε* 'он поставил'. Какова бы ни была важность таких случаев, нет никаких очевидных оснований считать их типичными для языка, совсем наоборот. Несомненно, для того, кто придерживается именно такого мнения, эти случаи в некотором смысле всего лишь плохо подобранные примеры.

Но здесь мы имеем дело с некоторой имплицитной тенденцией, которую нельзя недооценивать и которой нельзя позволить повлиять на окончательное определение языка, а именно с тенденцией считать язык *номенклатурой* предметов. <Данных заранее предметов>.

[1091] *Сначала дан предмет, затем знак*; следовательно (и это положение мы всегда будем отрицать), у знака существует внешняя опора, / [20] и отношения в языке можно изобразить следующим образом:

В действительности же схему надо строить так: $a - b - c$, отвлекаясь от реальной связи $* - a$, направленной на предмет.

Если бы предмет можно было представить каким-то образом в виде вещи с прикрепленным к ней знаком, лингвистика моментально прекратила бы свое существование как таковая, от начала и до конца. Впрочем, одновременно с ней прекратил бы свое существование и человеческий разум, что со всей очевидностью вытекает из данного обсуждения. Но как мы уже сказали, это лишь попутный упрек, который можно направить в адрес традиционного способа анализа языка, когда он изучается с философской точки зрения.

— Конечно, достойно сожаления, что в качестве важнейшего компонента языка начинают привлекать *обозначаемые предметы*, которые не являются его составной частью. Но все-таки речь идет о плохих примерах, и, если вместо *ἥλιος* 'солнце', *ignis* 'огонь' или *Pferd* 'лошадь' взять что-нибудь вроде [*ἔθηκε*], тогда можно будет избавиться от искушения свести язык к каким-то внешним сущностям*.

Намного более серьезной / [22] является вторая ошибка, в которую впадают философы и которая заключается в предположении о том,

2° что, как только предмет получает имя, образуется некое целое, которое передается дальше без каких-либо происшествий!

7) Изменение знака

По крайней мере, если и происходит изменение, то оно затрагивает только имя, когда, скажем, *fraxinus* (*лат.*) становится *frêne* (*фр.*) 'ясень'

Однако изменение может затронуть и понятие: [Le bagageau 'перекладина' – 'места для адвокатов']. Здесь есть о чем задуматься, когда в отношении сочетания имени и понятия вступает в действие непредвиденный фактор, совершенно игнорируемый в философских построениях, – ВРЕМЯ. Но в этом не было бы еще ничего удивительного, ничего характерного, ничего исключительно присущего языку, если бы дело ограничивалось только этими двумя видами изменений и первым видом диссоциации, при которой понятие отрывается от знака спонтанно, независимо от того, изменяется ли последний или нет. Оба они остаются пока отдельными сущностями, по крайней мере [для поверхностного наблюдателя]

[1950] Однако характерными для языка являются многочисленные случаи, когда изменение знака приводит к изменению самого понятия; тогда сразу становится ясным, что в любой момент вовсе не существует никакой разницы между суммой различаемых понятий и суммой различающих знаков.

[1951] Два знака могут смешиваться в результате фонетического изменения*, [1953] тогда и понятия также будут смешиваться в той или иной мере (что определяется совокупностью остальных элементов).

[1954] Если в результате действия той же слепой силы происходит дифференциация знака, [1956] этой только что возникшей дифференциации обязательно приписывается некий смысл.

Приведем несколько примеров, но прежде всего укажем на полную несостоятельность взгляда на связь между понятием и знаком без учета времени, без учета процесса передачи знаков, что только и позволяет экспериментальным путем выявить ценность знака. Примеры. <Продолжение:> *Условный характер.* / [24]

† Всякий статический факт в противоположность диахроническим фактам сопровождается значением (которое является другим его фундаментальным признаком). – †И наоборот, все то, что как-то содействует созданию значения, является статическим.

† В первой части мы говорим о событиях, которые происходят с теми или иными элементами, так, как будто эти элементы меньше нуждаются в определении, чем любой другой воспринимаемый объект, будто их самих не нужно заранее определять. Но это фикция. В этом-то и заключается самая деликатная проблема лингвистики: понять, чем обусловлено существование какого-либо элемента, ибо ни один из них не дан нам как совершенно определенная сущность, если только мы не тешим себя иллюзиями, создаваемыми привычкой.

8) Виды языковых явлений

– Сколько видов языковых явлений можно выделить? Один-единственный вид или же бесконечное множество, скажет нам лингвист и

совершит свою самую основную ошибку. Есть один вид явлений, ибо все они относятся к языку и тем самым, по его мнению, проистекают из одного и того же единого целого, из одного и того же не вызывающего сомнений единства. Можно выделить бесчисленное множество видов явлений в зависимости от всех тех "точек зрения", с которых рассматриваются и классифицируются факты. Лингвист скажет, например, что в языке есть звуки и значения <(понятия)>, поэтому одни факты возникают в результате *фонетических* действий, а другие – в результате *аналогических* действий. Или же можно сказать, что есть фонетические, морфологические, синтаксические факты, может быть, еще и лексические факты. / [25]

† <Непрерывное существование формы во времени [ ] [зачеркнуто]>. – † Существование какой-либо формы в настоящий момент определяется формами, которые ее окружают (есть нечто, находящееся вне формы) и которые не зависят от нее; в самой же форме заключена лишь ее непрерывность во времени.

† – За мыслью о том, что для выявления сущности форм надо лишь "проанализировать эти формы" подобно тому, как анализируют химические вещества или производят препарирование, кроется бездна наивности и вызывающих удивление концепций. Это равнозначно тому, что (1^о) имеется два десятка разновидностей анализа, не имеющих между собой ничего общего и приобретающих ценность только после их классификации; (2^о) объект не может быть проанализирован до того, как его существование станет определенным. Таким образом, следует понять условия, в которых существует [в настоящий момент] форма.

9) Смещение состояния и события

– / [26] Во всякой науке имеются более или менее существенные, более или менее важные для анализа разграничения, которые вносят некоторую ясность и без которых факты плохо увязываются друг с другом и малопонятны. <Вероятно, только в лингвистике [зачеркнуто]> имеется разграничение, без которого факты не могут быть поняты совсем или же возникает лишь иллюзия их понимания. Без этого разграничения нельзя даже установить факты, постичь их, без него не может быть никакой определенности, не может быть [самой лингвистики].

Таковым является в лингвистике разграничение состояния и события. Тут возникает вопрос, позволяет ли это разграничение, будучи признанным и понятным, сохранять единство лингвистики, не заставляет ли оно нас видеть в языке два совершенно разных объекта, требующих создания двух наук, которые я назвал бы даже не параллельными, а [отдельными]. / [27] Лингвистика обладает неисчерпаемыми возможностями смещения состояния и события. Смещение происходит в сфере понятий, но даже если оно проявлялось бы лишь в словах, в том спосо-

бе, которым мы вынуждены обозначать факты, [это имело бы очень серьезные последствия].

– / [28] Особенности языковых фактов (соотношений) первого рода. Эти факты имеют место в отношении двух *последовательных* элементов. Они [предполагают наличие двух эпох [ ]].

3. О ТРУДНОСТЯХ ТЕРМИНОЛОГИИ

По-видимому, эти заметки ближе по времени к наброскам об Уитни, то есть к 1894–1895 гг. Однако замечание о термине “артикуляция (членение)” соответствует материалу, прочитанному в третьем курсе лекций по общему языкознанию (1910–1911 гг.).

1) О фигурах

3300 = № 13

[О трудностях терминологии. (‘Никаких фигур!’)]

Рукопись: ВПУ Женева, Ms. fr. 3951.

Ср.: SM 13, 49; CFS 17, 1960, 7.]

[96] Никаких фигур! Так, что же, одни только выражения, полностью соответствующие реальностям языка? Прекрасные намерения [ ]. Никаких фигур! Прекрасные намерения... их так легко изложить на бумаге. А что же необходимо для применения этих предписаний на практике? Очень немного, просто <называть вещи своими именами, иначе говоря, [зачеркнуто]> употреблять только такие выражения, которые полностью соответствуют реальностям языка, расклассифицированным надлежащим образом.

Например, если я вижу, что явление [Nacht/Nächte] называют *аблаутом**, кто помешает мне сказать, что это наименование – фигура языка и ничего больше, хотя всякая дискуссия по поводу *аблаута* [будет затрагивать и это явление]. Последуют протесты, разъяснения, кто-то будет смеяться. Но я вовсе не утверждаю, что я прав; единственным полезным результатом дискуссии будет то, что мне покажут, что такое *аблаут*, в чем заключается его сущность, и тогда я смогу судить о том, можно ли считать это наименование “фигурой” или нет. И так далее, с каждым термином.

[101] Запретить фигуры – значит объявить себя обладателем <всех истин [зачеркнуто]>, иначе вы окажетесь совершенно не в состоянии сказать, где начинается и где кончается метафора. Эти истины настолько очевидны, что я убежден [ ]/[2] Было бы прекрасно, если бы мы хотя бы на мгновение поняли, что те, кто клянется в этом, не имеют ни малей-

шего понятия о том, какие обязательства они берут на себя. Больше никаких фигур? Так что же, одни только термины, полностью соответствующие реальностям языка? Это значит, что абсолютные реальности языка не составляют никакой тайны для младограмматиков, что они открыли нам [все тайны]. / [3]

2) Программа младограмматиков

Программа [младограмматиков]. Предписание заниматься новейшим, современным периодом языка, чтобы хорошо понять смысл древнейших периодов, более всего могло удивить такого человека, как Уитни, который с самого начала своей научной деятельности и задолго до того, как какое-нибудь направление решило выдвинуть этот лозунг, не мыслил иной основы для лингвистики, кроме как наблюдение над фактами современного языка. Для автора "Life and Growth of [Language]", как, по-видимому, и для многих других, казались несколько смешными претензии школы, которая внезапно открыла мир живых языков и объявила об этом всем. Понятно, что среди заслуг, которые Уитни готов был признать за новой школой, он никоим образом не мог иметь в виду заслугу понимания важности проверки каждого явления на современных фактах.

Напрашивается такой вопрос: мог ли кто-либо другой, кроме Уитни, с таким же правом оспаривать если не оригинальность, то хотя бы новизну взглядов в этом пункте нового направления в лингвистике? С одной стороны, направление [младограмматиков] никогда не отрицало того, чем оно было обязано Уитни, с другой стороны, оно [способствовало прогрессу лингвистики]. Можно только [поставить ему в вину то, что оно не имело ясного представления о своем предмете, о направлении исследований].

– / [4] Встав на точку зрения, промежуточную между точками зрения Уитни и [младограмматиков], мы еще раз осмелимся повторить, что споры здесь излишни.

3) О законе

С древнейших времен в языке существуют два рода совершенно различных сущностей, которые вызывают у нас мысль о законе. Нет никаких оснований использовать термин "закон" в отношении обоих видов явлений. Напротив, было бы величайшим благодеянием для лингвистических исследований радикальным образом избавиться от этого слова. Этот термин был бы нелеп только в одном отношении, если бы он обозначал лишь фонетический закон. В действительности же он [нелеп] в тройном отношении: а) потому что в нем смешиваются следующие

вещи: явление, благодаря которому нечто существует, и явление, [благодаря которому это нечто имеет значение]; – б) потому что если выделять – какой прогресс! – соотношения [в синхронии] и к ним применять термин *закон*, то это будет просто обозначением установившегося порядка, *не имеющего никакой императивности*. В этом случае слово *закон* употребляется в смысле *формулы порядка*, подобно тому как если бы я сказал, что частицы какого-либо тела расположены по спирали. Из этого вовсе не следует, что частицы *должны располагаться* по спирали в соответствии со своей природой, если предшествующее приложение силы, которая не должна нас интересовать, не расположило их повсюду подобным образом. Из этого не следует также, что частицы *должны оставаться* расположенными по спирали, если какая-нибудь новая сила воздействует на них. Это свидетельствует лишь о полной очевидности их *расположения* по спирали в данный момент; таков их порядок, их *закон* сейчас. Следовательно, *закон* означает здесь *расположение*, существующий порядок вещей, порядок *существующих* вещей [ ]; / [5] – в) наличие императивности вроде бы несколько больше оправдывает наименование *закона* [ ].

– Возможно мнение, что если возражение против морфологического закона само по себе оправданно, тогда мало оснований говорить об оправданности фонетического закона. Именно с этим мы и не согласны. До тех пор пока мы не будем знать, имеется ли в лингвистике всего *одна* разновидность закона или же *две, три* или даже больше, нет никакого смысла ставить вопрос, являются ли законы [императивными или нет].

4) Простое выражение

3301 = № 13а

[О трудностях терминологии (простое выражение)].

Рукопись: ВПУ Женева, Ms. fr. 3951.

Ср.: SM 13, 49; CFS 17, 1960, 7.]

Поскольку каждое понятие, например слог или дифтонг, может быть помещено только в одну графу при допущении (в зависимости от объема термина) нескольких последовательных состояний, во всяком случае нескольких эпох, совершенно бесполезно бороться с [общепринятой] терминологией и продолжать наивно полагать, что только по причине неумения или неполноты словаря не находятся простые выражения. Невозможно подобрать простые выражения для того, что необходимо различать в лингвистике в первую очередь, их и не может быть. Простое выражение должно иметь алгебраический вид, или его вообще нет.

4. О ФОНОЛОГИИ, ТЕОРИИ СЛОВА И ГРАФИКЕ; СТРОЕНИЕ ЗНАКА

Эти тексты, по-видимому, представляют собой черновики лекций по теории слога, прочитанных в 1897 г., когда Соссюр обдумывал книгу по общей лингвистике, что следует из рассуждений о строении языкового знака.

1) Об артикуляции (членении)

3302 = № 14

[Об артикуляции.

Рукописи: VPU Женева, Ms. fr. 3951; Ms. Cours univ. 435.

(Отрывок 8).

Публикация: CFS 12, 1954, 55.

Ср.: SM 13, 49; CFS 17, 1960, 7.]

[177] Об артикуляции. Есть такие термины, которые, будучи изобретенными в ранний период робких начинаний, соответствуют необходимым разграничениям, и поэтому в исторической перспективе они способствовали прогрессу исследований в каждой науке. Но есть и другие термины, которые, будучи совершенно неверными или *наполовину верными* (что, конечно, еще хуже), захватили место рядом с *естественными разграничениями* и породили целый мир двусмысленностей и недоразумений.

Кроме этих двух всеми признанных категорий, которые способствуют либо мешают прогрессу той или иной дисциплины, существует третья, весьма любопытная категория. В эту категорию входят термины, которые сами по себе верны и ощущаются таковыми, но никто до сих пор не смог точно определить, в чем их важность и каково их содержание, никто не смог установить, с какими понятиями они должны соотноситься. Ощущение правильности этих терминов проистекает из того, что их употребление не создает трудностей. Так, слово *артикуляция* никогда не вызывает затруднений, даже если мы не очень ясно понимаем, что оно значит, в то время как такое, например, слово, как *согласный*, [значение которого нам ясно, вызывает затруднения]. / [2]

Зоологи, антропологи, этнологи и лингвисты наперебой рассказывают публике об *артикулированной (членораздельной) речи* как о чем-то, что должно быть совершенно ясным каждому человеку. Это свидетельствует о том, что они путают "артикуляцию" с неким церебральным явлением, таким, как "последовательность понятий", предъявляемых языку. Ведь никто из них не говорит, что под артикуляцией он подразумевает работу ротовых органов.

3303 = № 14а

[Имплозия + имплозия.

Рукопись: ВПУ Женева, Ms. fr. 3951.

Ср.: SM 13, 49–50; CFS 17, 1960, 7.]

[1983] 2) Имплозия + имплозия. Две последовательные имплозии могут быть а) двумя отдельными имплозиями или б) частями одной общей имплозии. Снова мы наблюдаем отсутствие ограничений в первой группе, которая может быть всегда реализована по нашему желанию, в то же время существует одно ограничение для второй группы, которая может быть реализована, даже если мы этого пожелаем, только в определенных условиях. И опять же эти условия зависят целиком от открытости фонем, так что можно создать *имплозивную цепочку řř*, потому что здесь открытость идет по убывающей, но не цепочку *řř*, которая в любом случае будет иметь вид *řř* (простая последовательность имплозий), даже если мы очень захотим сделать имплозивную цепочку, потому что здесь открытость идет по нарастающей.

Необходимо также добавить, что, подобно тому, как эксплозивная цепочка может состоять из **НЕСКОЛЬКИХ** фонем, а не только из двух при условии, что открытость идет, как мы сказали, *crescendo*¹, так и имплозивная цепочка может состоять из нескольких фонем при условии, что открытость идет *descrescendo*²

И если ограничение длины эксплозивной цепочки обусловлено тем, что после четырех или пяти фонем невозможно найти шестую, еще более открытую, также и ограничение длины имплозивной цепочки зависит от того, что после произнесения нескольких фонем уже невозможно найти фонему более закрытую, чем предыдущая; например, после *airřř* нельзя найти более высокую степень смыкания. Как мы уже отмечали по поводу эксплозии, все то, что следует за этим, уже не имеет никакого отношения к имплозивной цепочке; здесь речь идет о том, что может следовать за имплозивной цепочкой, сколько фонем может следовать за ней при том первейшем и обязательном условии, что существует намерение что-то произнести. / [2]

[Если бы против нашего способа представления фонетических явлений были высказаны легковесные упреки в излишней схематизации], нам стало бы смешно и захотелось бы спросить, с чего следует начать, если есть желание подвести твердую базу под фонологические разграничения. Можно ли себе представить, чтобы мельчайший [элемент, который мы смогли выделить, например эксплозия, являлся чем-то неразложи-

¹ Крещендо (ит.) – усиление звука. – Прим. перев.

² Декрещендо (ит.) – уменьшение звука. – Прим. перев.

мым]? Такова особенность фонологии, как и лингвистики вообще, такова же особенность любой дисциплины, которая имеет несчастье заниматься двумя отдельными рядами фактов и в которой только сама корреляция создает *факт, подлежащий рассмотрению*.

В другом месте мы покажем совершенную иллюзорность предположения, что в лингвистике можно выделить один ряд фактов – ЗВУКИ и второй ряд фактов – ЗНАЧЕНИЯ, по той простой причине, что языковой факт по своей сути не может состоять только из одной из указанных сущностей и для его существования необходимо наличие СООТВЕТСТВИЯ, но ни в коей мере СУБСТАНЦИИ или ДВУХ субстанций.

Подобным же образом мы утверждаем, что ни механический, ни акустический факт, каждый в своей сфере, не составляют фонологического факта, который должен быть отправной и конечной точкой нашего исследования; фонологическим фактом мы называем постоянную корреляцию механического и акустического факта.

В данном месте текста "Э–IV" приведен фрагмент 3304, который фактически целиком вошел в текст "Курса" как "Приложение к Введению. Основы фонологии" (см. С о с с ю р 1977, 75–97), хотя последовательность расположения материала изменена. Часть этого фрагмента представлена в "Курсе" в главе "Фонология" (т а м же, 70 – 74).

3) О фонологии

3305 = № 14с

[Заметки по фонологии: раствор, теория слога.

Рукопись: ВПУ Женева, Ms. fr. 3951.

Ср.: CFS 17, 1960, 7.]

[3305.1] У нас нет никакого особого влечения к фонологии, поэтому мы просим читателя поверить, что действительной целью системы, которую мы используем для личных надобностей в течение полутора десятка лет, является – восполнить отсутствие соответствующей теории у фонологов, пока они сами не соизволят заняться слогом и не преподадут нам урок. Не лингвисты обязаны восполнять пробелы фонологии. Но эти пробелы, к сожалению, таковы, что не остается другого выхода, кроме как построить с грехом пополам свою собственную фонологию.

4) Заметки о *i-j, u-w* и о естественной теории слога

[3305.2] Следующие далее замечания являются всего лишь извлечениями из законченной теории *слога*, которую мы уже давно намеревались

опубликовать. Тема эта настолько обширна, что неизбежно возникает необходимость в постоянных добавлениях и исправлениях. Однако мы являемся свидетелями жуткой ереси, которая с каждым днем все более распространяется в работах по индоевропеистике; (в них), как всем известно, пишут cekō в виде $\text{eukō} = \text{weko}$, eukō (1) – (1) Эта мания захватила всех, даже во Франции. Вот уже в течение двух или трех лет нельзя найти ни одной работы по лингвистике, будь то даже самая слабая докторская диссертация, автор которой не считал бы своей обязанностью впихнуть хоть куда-нибудь знаки $\dot{i}$ и $\dot{u}$, даже учитывая те жертвы, на которые приходится идти из-за такого типографского новшества.

По этой причине вовсе не покажется неуместным наше желание выдвинуть здесь обоснованные возражения. – 1° Проблема согласного u и гласного u , согласного i и гласного i целиком зависит от проблемы *слога*. Любой, кто имеет определенное мнение о согласном u и гласном u , но не представляет себе со всей четкостью и ясностью, что такое *слог*, бросает слова на ветер. Но приходится констатировать, что ни один учебник языкознания не дает представления о слоге. Более того, / [2] словно по воле злого рока по мере того, как фонетика становилась все более точной и более глубокой наукой, обогащаясь тонкими наблюдениями таких представителей английской и норвежской школ, как Белл*, Эллис**, Суит*** и Сторм****, она все меньше и меньше обращала внимание на условия сочетания фонем в речи, то есть на естественные, неизменные условия существования слога. – 2° Как только увидели, что не только i , $\{ü\}$, u , но и r , l , m , n обладают способностью играть роль то гласных, то согласных, раздались ликующие возгласы по этому поводу, но мы так и не поняли, [на чем основана эта способность].

5) Фонология и лингвистика

[3305.3] Поскольку необходимо внести некоторые уточнения, укажем, что мы называем Фонологией то, что обозначается известным термином *Lautphysiologie* 'физиология звуков', то есть изучение фонации, физиологии речи. Название не имеет большого значения, при условии, что фонологию всегда будут отличать от *фонетики*, являющейся частью лингвистики, более того, той ее частью, которая в наибольшей мере предполагает обращение к историческим данным. Напротив, фонология, будучи полезной для лингвистов, не является частью лингвистики и вообще не имеет отношения к историческому анализу; более того, она столь несовместима [с историческим аспектом рассмотрения, что ее следует совершенно отделить от него].

/ [2] – (1) Возникает также вопрос, представляют ли интерес фонологические данные сами по себе. Следует ли оценивать значение данных фонологии с точки зрения языка, в зависимости от их роли в языке?

В этом случае трезвая оценка сущности языка вообще <или какого-либо конкретного языка [зачеркнуто]> показывает, что знание абсолютных ценностей в языке представляет крайне незначительный интерес при условии, что противопоставление (различение) ценностей, каково бы оно ни было, строго соблюдается [ ].

[3305.4] (1) Впрочем, остается еще вопрос, который мы не хотим затрагивать, а именно вопрос, представляют ли большой интерес фонологические данные сами по себе, как это часто предполагают. Надо ли оценивать их значение с точки зрения языка, в зависимости от их роли в языке? Если да, то трезвая оценка механизма языка показывает, что важность знания абсолютных ценностей в языке совсем невелика при условии, что их противопоставление — здесь даже не имеют в виду их отличия, а только тождественность или нетождественность, то есть в конечном счете их количество, — строго соблюдается.

Противоположное предположение равнозначно неучету фундаментальных свойств обозначаемого (*la chose signifiée*) и знака, которые определяют устную речь (*le langage parlé*), как и любую другую систему знаков. Верно, что мы оставляем здесь без внимания (фонетическое) изменение знака во времени, которое представляет *второй аспект* всякого языка; только он и требует более точного знания абсолютных ценностей. Но это всегда будет давать повод для преувеличения важности отличительных признаков, которые не играют никакой роли в данном состоянии языка и имеют значение только для результатов дальнейшего развития.

Но принимая без оговорок важность второго аспекта, мы вынуждены констатировать, / [2] что три четверти изменений обусловлены *общими* для всех языков обстоятельствами, положением элементов в разного типа *естественных* окружениях, таких, как слог, от которых они не могут быть свободны; гораздо менее изменения обусловлены идиоматическим разнообразием самих элементов. Таким образом, ни с какой точки зрения мы не видим особой пользы для лингвистики в поощрении фонологов к установлению все более тонких различий в типах звуков; вряд ли это может быть источником новых знаний, отвечающих потребностям лингвистики.

6) Раствор

[3305.5] Каждый тип звуков характеризуется определенной степенью (ротовой) закрытости, которая, например, более значительна у *P*, чем у *R*, и более значительна у *R*, чем у *U*. Из этого следует, что одним из самых главных признаков, которые необходимо уточнять при описании свойств нескольких фонем, образующих последовательность (например, *keigr-*), являются уровни, или степени закрытости, в пределах которых развертывается фонационная цепь. [Тогда можно говорить об] амплитуде [цепи].

7) О передаче сонантов на письме

[3305.6] (1) В некоторых алфавитах имели место попытки применить рациональную систему обозначения, которую мы используем только для *l*, *U*, к другим типам звуков. В зендском алфавите имеются две разные буквы, обозначающие эксплозивное и импловзивное *л*. Ликийская буква, за которой, по мнению г-на Дееке*, кроется сонант *л*, по нашему предположению, обозначает просто импловзивное *л* (сонант или согласный). В персидской клинописи и в кипрском слоговом письме эксплозивное *л* по крайней мере отрицательно отличается от другого *л*; первое обозначается особой буквой, а второе оставляется необозначенным. Лишь вскользь упомянем письмо деванагари из-за проблем исторического характера, которые могут изменить смысл многих фактов — однако стоит отметить, что в этом письме эксплозивное *л* постоянно отличается от импловзивного *л*; единственным простительным недостатком этого письма является употребление третьего знака для *сонантного* импловзивного *л*.

Мы опускаем множество других примеров, которые свидетельствуют о том, что нет такой древней или недавно созданной письменности, в которой не появлялось бы иногда интуитивное стремление различать эксплозивные и импловзивные звуки.

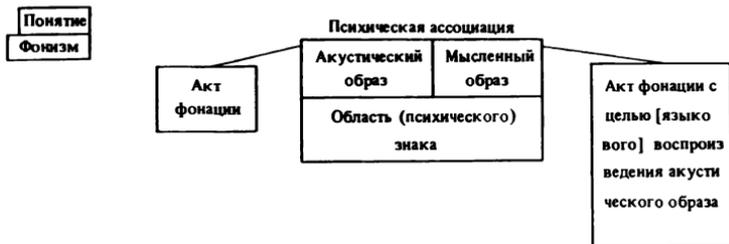
8) Акустическое впечатление и слог

[3305.7] 13° Можно ли дать определение акустическому впечатлению? Это сделать не легче, чем определить зрительное ощущение красного или синего цвета, которое является психическим и само по себе совершенно независимо от того факта, что красный цвет обусловлен проникновением в глаз светового излучения с частотой колебаний 72 000 <или с какой-либо иной частотой>.

Но является ли акустическое впечатление надежным и четким? Оно абсолютно надежное и четкое и не нуждается в посторонней помощи. Когда греки выделили буквы своего бесподобного алфавита, вы думаете, что для этого они провели целое исследование? Вовсе нет. Они просто ощущали, что *l* есть акустическое впечатление, отличное от *л*, а *л* отличается от *s* и т.д.

— 14° Но можно подумать, что выделение звуков затруднено одним обстоятельством; дело в том, что у языка есть произвольная, активная сторона, поэтому мы в любой момент можем привести в действие наши органы речи для производства языковых выражений. Что мы слышим, то мы и *говорим*. Да, господа, именно так, мы всегда говорим только согласно акустическому впечатлению, не просто получаемому нами, но восприняемому нашим разумом; оно единственное, что определяет

наши действия. Именно оно является руководящей силой, именно его достаточно учесть, чтобы понять, что будет произнесено, но, повторяю, оно необходимо для существования самой звуковой единицы, которую надо произнести. Разумеется, это обусловлено прежде всего социальным характером языка.

Акт фонации можно рассматривать как необходимый инструмент, но сам по себе он так же мало существен, как и действия красильщика, который изготавливает полотнища для морской сигнализации, чтобы вызывать ощущения зеленого, красного, черного и т.д. цвета. / [2] Я немного занимался теорией физиологии. Так вот, именно она совершенно убедила меня в том, что только акустическая форма единиц фонации имеет значение, которое я не смог верно оценить.

– 13^о Лучшим доказательством того, что только акустическое впечатление имеет ценность, является то обстоятельство, что даже физиологи никоим образом не смогли бы выделить единицы фонации без учета единиц, которые выделяются предварительно на основе акустических ощущений.

Что делает физиолог, когда разъясняет нам движения органов речи при произнесении звука *b*? Он прежде всего опирается на единство слухового впечатления, производимого этим звуком. Избрав иной путь, он совершил бы напрасную работу и даже не мог бы вообще рассуждать о звуке *b*. Рассматривая некую последовательность движений, он так бы и не понял, относятся ли они к звуку *b* или уже не к *b*, и вообще к чему они относятся; эти движения были бы лишены для него смысла и определенности, если бы акустическое впечатление *b*, и только оно, не накладывало на них какое-то ограничение. Но то же самое верно и в остальных случаях: слог может и должен иметь физиологическое обоснование, но проблема заключается лишь в том, чтобы выявить, как акустическое впечатление слога соответствует тем или иным фактам физиологии. Невозможно упорядочить и ввести в какие-то рамки факты физиологии безотносительно к чему-либо. Только акустическое ощущение позволяет нам утверждать, что в данном случае можно или нельзя выделить такую-то единицу, например слог, а в другом случае можно или нельзя выделить единицу *b*, отличную, например, от *a*.

[3305.8] Было бы наивно строить фонологию на основе предположения о том, что факты физиологии являются причиной, а акустические фигуры являются их следствием. Хотя это и верно с физической точки зрения, не менее ясно и то, что в ином аспекте именно акустические фигуры, которые нужно произнести, всегда являются *причиной* любого движения органов речи. Теперь уже невозможно оспаривать истинность как первого, так и второго положения; они равноценны и делают тщетной всякую попытку избавиться от одного из них. Остается лишь признать их взаимосвязь и уяснить себе, что последнее лежит в основе или даже является субстанцией факта ФОНАЦИИ, и именно оно позволяет отличать этот факт как от физиологического, [так и] от акустического факта.

Таким образом, приходится признать, что фонационные факты не относятся ни к ряду акустических явлений, ни к ряду физиологических явлений. По самой своей природе они представляют собой равновесие между двумя рядами явлений и образуют особый ряд фактов, который имеет свои собственные законы и единицы (1).

– (1) Если бы кто-либо из лингвистов высказал мнение, что такая концепция производит несколько странное впечатление, это бы свидетельствовало только о том, что этот лингвист никогда не задумывался над другой проблемой, которая должна интересовать его более непосредственно, а именно он никогда не задумывался над природой *языкового факта*. Подобно тому как фонологический факт (который, впрочем, ни в коей мере не является языковым фактом) постоянно основывается на равновесии [между акустическим и артикуляционным фактом, так и языковой факт основывается на равновесии между звуками и понятиями].

– Вместо того чтобы говорить о причинах и следствиях – а это значит, что тогда мы берем за основу *один* из двух рядов фактов, – мы будем говорить об эквивалентности в пределах одного интервала времени, и этим все будет сказано.

Единица фонации представляет собой ИНТЕРВАЛ ВРЕМЕНИ, в котором одновременно / [2] имеют место физиологический и акустический факты, соответствие которых признается настолько полным, что, как только вводится лишь один вид членения, основанный исключительно на слуховых впечатлениях или исключительно на работе мускулов, мы оказываемся за пределами области фонации.

– 2^о Следовательно, употребление нотации вида *ḡṛ* имеет целью включить в нее две сущности, но исключить третью. Включается следующее: это акустические фигуры *ḡṛ* и одновременно движения органов речи *ḡṛ*, < настолько слитые в единице фонации, что ни одному из фонологов не пришло в голову различить их с помощью разных букв, хотя

фонологи с достаточной смелостью переходят в пределах одной и той же фразы от физиологической единицы к акустической и к единице фонации [зачеркнуто]». Совершенно невозможно утверждать, что *ŋ* обозначает скорее один ряд фактов, чем другой, да это и не нужно; *ŋ* – это схема *фонации*, предполагающая и то и другое. Эта истина настолько очевидна, что ни одному фонологу не пришло в голову различить графически акустемы (acoustèmes) *ŋ* и механемы (méchanèmes) *ŋ*^{*}, в то время как это различие является первейшим требованием любой теории, которая не признает единиц фонации и занимается причинно-следственными отношениями.

Единственным различием является то, что в лингвистике связь, в результате которой звук вызывает в уме понятие и наоборот, является в своих истоках произвольной, а связь физиологического факта со звуком, которая изучается в фонологии, всегда является результатом действия физического закона. Но несмотря на это, сравнение остается совершенно обоснованным [ ].

[3305.9] Согласно концепции, которой мы неизменно придерживаемся, *фонационное* противопоставляется как чисто *механическому*, так и чисто *акустическому*. Речь идет о соответствии <между механемой и акустемой [зачеркнуто]>. <В этом заключается одновременно и трудность и единственный путь спасения для фонологии групп [зачеркнуто]>. Если, на наш взгляд, только на такой основе может строиться фонология, надо быть достаточно наивным, чтобы не догадаться, [что в лингвистике дела обстоят таким же образом]. Ни звуки, ни понятия не являются объектами лингвистического исследования. / [2] Никакая фонология групп не возможна, если остается невыясненным, с помощью какого рода понятий обосновывается выделение единиц и существуют ли твердо установленные понятия вообще. В действительности имеется один-единственный разряд понятий, [который основан на соответствии, равновесии двух видов фактов]. Последовательность двух фонационных отрезков, которые выделяются в звуковой цепи, неизбежно является собой одну из следующих четырех комбинаций: имплозия + эксплозия, эксплозия + имплозия, имплозия + имплозия, эксплозия + эксплозия.

[3305.10] (1) Если угодно, в фонологии механистично все, но в другой главе мы попытаемся объяснить, почему можно говорить о "механике" только при наличии двух фонем, а не *одной*; на этом, собственно, и основано понятие факта фонации.

/ [2] Общим, постоянным и непререваемым признаком фонации является наличие нескольких законов, которые определяют комбинирование фонем, ибо варьирование этих законов [ограничено], в то же время фонемы могут варьировать без всяких ограничений от одного языка к другому, что составляет случайный и локальный аспект фонации.

Между тем позволительно спросить: что можно ожидать от такого анализа? И это касается не только [лингвистики]. Создается впечатление, что именно путем все более тщательного препарирования отдельных фо-

нем [хотят достигнуть прогресса, вместо того чтобы изучать их сочетаемость в группах].

10) Комбинаторная фонология

[3305.11] **Имплозивно-эксплозивная группа.** Не существует никаких ограничений на составление таких групп *ad libitum*¹ при условии, что первый элемент [имплозивный], то есть когда задается тип *nd*, например *pa]nd[*o, где первый элемент имплозивный. Можно перебрать все типы звуков, но характер группы останется неизменным и независимым от них. Это свидетельствует о том, что разрешения (и запреты), которые лежат в основе комбинаторной фонологии, не должны в верно построенной системе принимать форму правила, которое при допущении данной исходной точки предполагало бы, что если выйти за его пределы, то в силу той же исходной данности перед нами будет совсем иной случай. Эти разрешения и запреты должны иметь форму настоящего алгебраического уравнения, которое, за исключением равновесия некоторых элементов, не учитывает, что может произойти, если выйти за указанные пределы. [Сначала надо составить уравнение], а затем уже рассматривать [частные случаи].

[3305.12] **Имплозия + имплозия. — Эксплозия + эксплозия. —** В противоположность предыдущим случаям здесь нельзя взять любые две фонемы наугад и составить из них слитную группу, если эти две фонемы имеют одно и то же направление артикуляции, иными словами, если обе они оказываются имплозивными (или обе эксплозивными). Их можно сочетать только в определенных [условиях].

— 2° Слитные группы (реализуемые лишь в указанных пределах), которые состоят из "имплозии + имплозии" [или "эксплозии + эксплозии"], не могут иметь больше компонентов, чем имеется степеней открытости].

— (1) Только те выражения, которыми мы здесь ограничиваемся, позволяют, если можно так выразиться, показать на пальцах тот очевидный и не поддающийся замалчиванию факт, что естественным выражением любой фонологической истины является *уравнение*, а не правило. На чем могло бы быть основано такое правило? На странной мысли о том, что путем изучения отдельных фонологических групп можно выявить определенное условие, которое определяет соотношение сначала в одной-единственной группе, а затем с еще большим основанием во многих других группах?

Если эти соображения неверны, то пусть кто-нибудь попытается найти это условие или комплекс условий, который можно было бы считать естественной данностью, определяющей второй компонент групп.

¹ По желанию (лат.). — Прим. перев.

[3305.13] *Группа*. Если оба рассматриваемых элемента имеют одну и ту же форму артикуляции ("эксплозия + эксплозия" или "имплозия + имплозия"), [то возможности оказываются строго ограниченными].

[3305.14] 2° Мы подходим к одной из трудностей или, по нашему мнению, к основной трудности всякой комбинаторной фонологии, если только она желает быть систематичной, а не совокупностью [разрозненных] наблюдений. Если, с одной стороны, абсолютно ясно, что мы не можем считать группу определенной, если заранее не определены ее элементы, с другой стороны, верно и то, что [их нельзя считать полностью определенными, если не известен способ их сочетания].

Некая заданная группа, то есть группа с определенными компонентами, может быть произнесена двумя способами, *слитным* и *прерывистым*, что зависит не от природы компонентов, а от способа их соединения. Заметим, что прерывистый способ не заключается во введении паузы между компонентами. В таком случае не было бы никаких трудностей, потому что не было бы самой *группы* (см. выше). Следует признать, что она сохраняется только до некоторого предела, за которым мы имеем уже отдельную фонему вне сочетания с другими фонемами.

— Мы имеем в виду то различие, которое наблюдается, например, между *ai* и *aī* (нем. *Hain* 'роша', франц. *maïs* 'маис'). В одном из этих слов обнаруживается прерывистый, а в другом слитный способ произнесения одних и тех же двух элементов (имплозивное *a* + имплозивное *i*).

В этом частном случае речь идет о группе "имплозия + имплозия", но и всякая иная группа дает повод к тем же рассуждениям. Так, из двух начальных эксплозий, имеющих в французском слове *plus* 'более', я могу образовать слитную группу, которую мы обычно и слышим в этом слове, но также я могу образовать прерывистую группу (которая будет производить впечатление вроде *p lus*, так как здесь имеется эксплозивное *p* + эксплозивное *l*) (1). — <(1) Именно в этом слове или в сходных словах можно обнаружить в сценическом произношении (особенно во Французском театре)¹ подобное эксплозивное *pl*; это представляет интерес лишь в том отношении, что свидетельствует о большой вероятности появления такого *pl* [зачеркнуто]>. — То же можно сказать и о [имплозивно-эксплозивной и эксплозивно-имплозивной группах]./[2]

Поскольку классификация групп, состоящих из одних и тех же элементов, на прерывистые и слитные ничего не говорит нам об основе этого различия, мы не собираемся скрывать, что здесь обнаруживается существенная лакуна, которую мы вынуждены обойти, продолжая свой путь. Даже если на практике пришлось бы заниматься только слитными группами (что не так уж далеко от истины), [все же необходимо иметь ясное представление о тех средствах, которыми достигается слитность].

Имеется в виду Театр французской комедии (Комеди Франсез). *Прим. перев.*

Но каждое из этих средств [основано на указанном различии]. / [3]

Разорванная эксплозивно-имплозивная группа. Чтобы получить о ней представление, надо взять начальную группу *kha-* и устранить промежуточный элемент *h* (который мы можем уподобить здесь паузе). Чтобы еще лучше разъяснить [нашу точку зрения], отметим, что в [группе *ka*], когда [мы делаем ее прерывистой, имеет место не пауза, а определенная артикуляция].

– П р и м е ч а н и е. Артикуляционный аспект фонации значит для нас не больше, чем ее физиологический аспект в противоположность акустическому. Но это такой аспект, который (идет ли речь об акустическом факте или о механическом) определяется движением органов ротовой полости в противоположность другим аспектам, будь то [акустический или физиологический], которые [являются составляющими фонационного равновесия].

[3305.15] 1° Группу можно считать полностью определенной только в том случае, если предварительно определены ее элементы; последние не могут считаться полностью определенными, только если известна [группа]. Напротив, неправильно брать два элемента, например *m + r*, если нам известны только фонетические характеристики (хотя бы и исчерпывающие), и пытаться исследовать, какие сочетания они могут [дать]. Следовательно, можно взять два момента фонации с определенными фонетическими характеристиками, например *m + r*, и <затем [зачеркнуто]> исследовать, что получится, если варьировать самыми разными способами форму артикуляции (*ṁ + ṙ*, *ṁ + ṙ*, *ṁ + ṙ*, *ṁ + ṙ*). Затем можно перейти к *m + n* и т.д. Или же предположить, что нам даны два компонента, форма артикуляции которых известна, например *x + x*, и исследовать, как будет вести себя таким образом охарактеризованная группа, если заменять типы звуков: *ñ + ù*, *ġ + ṗ*, *i + ṙ*, *ṙ + i* и др. <Затем перейти к *+* и так [далее]>. Следует предпочесть именно такой способ действий.

– 2° К сожалению, если верно, что группу можно определить, только предварительно определив ее *элементы*, не менее верно и то, что одного этого определения недостаточно. Как бы ни старались определить каждый элемент в отдельности, остается открытой возможность вариаций в *способе сочленения* двух элементов, <которые должны быть восприняты [зачеркнуто]>.

– 1° Единственным условием существования *группы* в том смысле, который мы хотим придать этому слову, является возможность констатации отсутствия паузы между двумя данными элементами. / [2] Не должно быть паузы (которая уничтожила бы "группу"), и [фонемы не должны выступать изолированно].

11) Механический аспект и о немом движении

[3305.16] (1) Имплозивно-эксплозивная группа может получиться только при наличии некоего немого движения. Исключениями являются не только здесь, но и в любом случае группы, находящиеся в особых

условиях, например характеризующиеся гоморганностью обоих элементов: $m + b$, $l + t$ и т.д. Немое движение, которое требуется для создания имплозивно-эксплозивной группы, приобретает РАЗНУЮ форму в зависимости от природы двух элементов, и мы не будем останавливаться на нем, так как соответствующий пример привели выше.

Когда мы имеем такие два элемента, как g^r , закрытость которых идет по убывающей (см. ниже), немое движение всегда будет представлять собой открывающее движение в составе первого элемента. То же самое имеет место, даже если закрытость элементов увеличивается до некоторого предела, как в группе l^g . Но в определенный момент движение [происходит между двумя элементами или в пределах второго элемента].

/ [2] – ФОНАЦИОННОЕ, механическое, акустическое. Немые движения <между элементами или в пределах элементов [зачеркнуто], явные и скрытые>. Поскольку говорящий всегда имеет намерение произвести не "некие движения", а именно те движения, которые необходимы для производства определенного ряда звуков, из этого следует, что такая фонология, которая полагает, что она может черпать принципы выделения своих единиц, их разграничения и комбинирования из наблюдений, ни к чему не ведет и вообще не является фонологией. Рассмотрим [одно уравнение]. В случае ага немое движение имеет место между двумя моментами фонации, в случае агка немое движение скрытое и происходит в пределах момента фонации, соответствующего эксплозивному k .

Этого было бы достаточно, чтобы [раз и навсегда] убедиться в том, насколько разными могут быть [артикуляции], если бы одной из первых задач фонологии было выявление того, каким образом, какими способами достигается в каждом случае [комбинация элементов]. Но [фонология игнорирует] не только [эту задачу, но и сам принцип, из которого она вытекает]. / [3]

(1) Механический аспект. В эксплозивно-эксплозивной группе, каковы бы ни были фонемы, немое движение представляет собой закрывающее движение, которое происходит в пределах ПЕРВОГО момента фонации, оно представляет собой движение, *подготавливающее* второй момент фонации. Если пренебречь немым движением, *несмотря на намерение произнести две эксплозии*, то наказанием [будет распадение группы].

/ [4] – (1) Механический аспект. Эксплозивно-имплозивная группа чрезвычайно отлична от всех других с точки зрения механики ее образования. Она является единственной группой, в которой оба момента фонации почти прямо соответствуют двум простым механическим движениям: открывание = эксплозия + закрывание = имплозия. Здесь нет осложнений в виде немых движений, кроме очень незначительного движения, подготавливающего закрытие во время эксплозии, без которого группа неизбежно превратилась бы в эксплозивно-имплозивную группу с зиянием, например g^r , вместо того чтобы произноситься без зияния.

По тем же причинам в этой группе гоморганные типы звуков уже не

находятся на особом положении; например, даже если группа состоит из тождественных типов звуков $\dot{l} + \dot{l}$, в ней нет абсолютно никаких особенностей механического свойства, которые привлекали бы большее внимание, чем особенности группы $\dot{g} + \dot{l}$ или $\dot{r} + \dot{m}$; такого не может быть ни в какой иной группе.

[3305.17] 1° Немое движение может или *нарушать* положение, которое приняли органы для производства определенного момента фонации и которое должно закончиться молчанием, потому что новый момент фонации исключает [слитность], или же *подготавливать* новое положение органов. В обоих случаях единственным источником существования немое движения и его прав на особое к нему внимание является та фонационная реальность, которую надо создать; только она является основой [этих движений].

– 1° Немое движение [не существует само по себе]. Оно не нарушает создание фонационной группы, и идея привлечения *движений* в качестве основы заставляет задуматься над тем, что же вообще лежит в основе фонологии: сами движения или их отражение в акустическом эквиваленте?

[3305.18] При анализе группы $\dot{rk}$ (например, в $ar\dot{k}$) есть основание констатировать, что эта группа не может быть реализована без открывающего движения r , которое a) должно производиться в пределах момента фонации 2 (k) и которое б) является не чем иным, как произвольным *следствием момента фонации 1* (импозивного r), *если только за этим предыдущим моментом* должна следовать [имплозия]. Какова значимость [этого движения]?

[3305.19] Способы реализации групп можно объединить в понятие "немых движений", так как движения, воспринимаемые слухом, естественно, [находят свое выражение]. / [2] 1° При установлении какой-либо группы, например $\dot{ar}$ (ara), учитываются все воспринимаемые слухом движения. Но дело не в том, чтобы найти обозначение прежде всего для этих *движений* $\langle \dot{ar} \rangle$, а не для акустических фигур a и r .

Ведь фонационному ряду присуща та особенность, что в нем никогда акустическая сторона не является менее важной, чем механическая, и наоборот. Это составной ряд, отличный от двух других рядов, которые мы рассматриваем в связи с ним. Но связующие движения [существуют только в соотношении с воспринимаемыми слухом движениями].

[3305.20] Если группа выделена с помощью нашей методики, то непосредственно даны ее слышимые элементы; также известны ее элементы, не воспринимаемые слухом; тогда по крайней мере у нас есть основание для классификации последних.

Совершенно очевидно, что неэффективное (не воспринимаемое слухом) движение, которое имеет место во время говорения, может быть только придатком действительно реализуемых в каждый данный

момент единиц; иначе мы бы говорили ради совершения мускульных движений, а не ради производства звуков. Следовательно, возможно определить все неэффективные движения, если удастся определить эффективные движения, являющиеся эквивалентами каждой воспринимаемой слухом единицы. Кроме того, нет *другого способа* изучать эти движения, поскольку в каждом случае надо прежде всего знать, что хотят произнести, а то, что хотят произнести, представлено эффективными движениями.

Далее, исследование этого скрытого движения не представляет *интереса само по себе*, если от него не вернуться вновь к воспринимаемой слухом группе. Учитывая все эти соображения, мы не только считаем законным классифицировать все группы исключительно по воспринимаемым слухом движениям, но также считали бы совершенно неверной и к тому же неприемлемой на практике систему, в которой разграничения основывались бы на движениях как таковых.

[3305.21] Я бы отдал сотни наблюдений над особенностями произношения *z* на Яве или *r* в Париже за одну заметку о механизме производства фонем и о порядке его работы. / [2] Но что может дать в этом отношении традиционный анализ? Куда он хочет завести лингвистику и до чего хочет дойти сам [ ]?

О ФОНЕТИКЕ И ФОНОЛОГИИ (ФИЗИОЛОГИИ ЗВУКОВ)

Датировка, названная Р. Годелем и Р. Энглером, относит эти наброски к (лекциям?) до 1900 г. после избрания в 1896 г. Ф. де Соссюра ординарным профессором санскрита и индоевропейских языков, когда он вел курсы по греческому языку и его диалектам (1896–1900 гг.)

1. ЭКСПЛОЗИЯ. СИСТЕМА ЗВУКОВ

3282 = № Фонология

[Папка утеряна, сохранились лишь Отрывки 1–7, копию с которых снял А. Сеше.

Рукопись: ВПУ Женевы, Ms. Cours univ. 435.

Публикация: CFS 12, 1954, 49–54.

Ср. SM 13, 37.]

3282.6

Отрывок 6

Если бы наш способ представления фонетических явлений подвергся легковесным порицаниям на том основании, что [мы занимаемся схематизацией], то мы могли бы с полным правом лишь посмеяться и выразить удивление. Разве можно себе представить, например, что сам факт наших рассуждений об *эксплозии*, в которых не уточняется, понимаем ли мы под этим термином, в сущности, механическую, акустическую или фонологическую единицу, только потому подвергается сомнению – со стороны тех, для кого оружием являются сомнения, – что при этом для удобства предполагается сходство различных видов *эксплозий*? – Если кто-нибудь потребовал бы от нас представить по-настоящему научную в общем смысле систему, тогда бы пришлось полностью пересмотреть данное нами изложение, и не только по поводу той или иной частности. Но в этой, может быть, действительно научной системе не были бы заметны те частные пункты, которые мы считали своим долгом предварительно сформулировать; и малейшая попытка перейти к изложению этой системы вызвала бы еще более

горячие протесты, чем тот безобидный схематизм, который мы здесь предлагаем.

3282.7

Отрывок 7

2. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

3289 = № 4

[Фонетическое явление предполагает наличие двух эпох.

Рукопись: BPU, Женева, Ms. fr. 3951.

Ср.: SM 13,39; CFS 17, 1960, 7.]

Обычно мы склонны предполагать, что те явления (faits), которыми занимается фонетика, должны относиться к определенной эпохе, иначе говоря, ничто не может препятствовать их отнесению к определенной эпохе, и только необходимость объяснения этих явлений вынуждает, побуждает или призывает нас в зависимости от обстоятельств обратиться к предшествующей эпохе и, следовательно, рассматривать две эпохи вместе.— В этом заключается одна из типичных ошибок современной лингвистики, систематическим разбором которой мы собираемся заняться в другом месте. Здесь же мы ограничимся утверждением, что не только требуется привлекать две эпохи для объяснения фонетического явления, то есть для формулирования фонетического закона, но две эпохи обычно необходимы и для того, чтобы возникло само это явление и, [следовательно], чтобы оно могло существовать и быть одним из тех объектов, которые мы описываем с помощью законов.

3. ФОНОЛОГИЯ (ДОПОЛН.: ЭНГЛ., с. 91 № 3290)

3290 = № 5

[Фонология.

Рукопись: BPU, Женева, Ms. fr. 3951.

Ср.: SM 13, 39; CFS 17, 1960, 7.]

640

3291 = № 5a

[Фонология.

Рукописи: BPU Женева, Ms. fr. 3951; Ms. Cours univ. 435

(Отрывок 18).

Отрывок 18

Я не считаю а priori очевидной и не нуждающейся в доказательстве истиной, что, занимаясь языком, необходимо исследовать способ, каким образуются звуки в гортани или в области нёба. Напротив, я думаю, что (всем) было бы интересно задаться вопросом, почему, собственно говоря, мы предполагаем, что это должно быть полезным, каким образом знание механизма производства звуков может способствовать в той или иной степени нашему познанию языка. Теории, которые утверждают, что коль скоро мы используем в языковой деятельности звуки, ipso facto мы должны заниматься механизмом их производства, можно считать совершенно произвольными и бездоказательными до тех пор, пока мы не убедимся, что механизм производства звуков имеет – определенное – значение для такой совершенно особой области, как языковая деятельность.

/ [2] В сущности, мы просто привыкли считать, что изучение различных звуков, которые производятся с помощью аппарата фонации, имеет первостепенную важность для лингвистики, но при этом никто нам не объяснил, почему это так, в каком смысле или с какой точки зрения. В этом заключается слабость данной науки, слабость тем большая, что собственно наукой она могла считаться только благодаря ее значению для лингвистики. Действительно, с физиологической точки зрения – скорее с точки зрения физиологии – это не наука (и с точки зрения акустики это тоже не наука), < самое большее, это применение на практике [зачеркнуто] >. Физиолог или полностью игнорирует положение и движения органов речи, соответствующие звукам *p*, *b*, или в крайнем случае рассматривает их только как некие функции определенных мускулов, не являющиеся характерными для того или иного состояния организма, не заслуживающие [особого внимания]. / [3] [конец Отрывка 18]

[189] Первостепенная важность совпадения графической афазии с лалетической¹ афазией, которое указывает на то, что фонема как единство находится в мозгу.

¹ Л а л е т и к а – наука о произнесении звуков речи. – Прим. ред.

АФОРИЗМЫ "ИТЕМ" (1).
 ЯЗЫКОВОЙ ЗНАК; ИЗОБРЕТЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ

Высказывания, собранные в этой главе, можно квалифицировать как заготовки "для будущей книги, так как все они вводятся" отметкой ИТЕМ (к тому же). Ссылка на книгу М. Бреая (1896) позволяет датировать их не ранее 1897 г., а термины семиологии ориентируют на начало 900-х гг. В этих заметках содержатся главнейшие идеи сосюрровской теории языка о знаке как члене системы языка.

1. О ПРЕДЛОЖЕНИИ И ЭЛЛИПСИСЕ

3306–3324 = № 15. 1–19

[Заметки "item"

Рукопись ВПУ Женева, Ms. fr. 3951.

Ср.: SM 13, 50; CFS 17, 1960, 7.]

[3306] В предложении все сводится, во-первых, к субъекту, во-вторых, к предикату и, в-третьих, как я полагаю, к союзу (вокативы представляют собой особый случай). Но субъект и предикат не имеют ничего общего с "частями речи, которые выделяются на основе иного принципа": – а) очевидно без всяких доказательств, что субъектом может быть существительное, местоимение, прилагательное или числительное. Но также и глагол (инфинитив), см. ниже о том, почему в инфинитиве природа глагола остается неизменной. – б) Предикатом могут быть также все указанные части речи. – в) Союз может быть выражен "союзом" или наречием. ➔ Можно вообразить себе язык, в котором прилагательное, становясь субъектом, тут же приобретает особую форму. Это ничего не меняет в логическом порядке вещей. И это объясняет также, почему нет ничего особенного в том, что *λῆγομεν* '(мы) говорим' не может быть субъектом. Достаточно, что им может стать *λῆγειν* 'говорить'. В ломаном французском языке жителей колоний слову *λῆγομεν* соответствует *pous dire* букв. 'мы говорить', а выражению *λῆγειν* *κακῶν* соответствует *dire mauvais* букв. 'говорить плохой'.

[3307] **Item.** Самым примечательным в предложении является то, что, хотя оно состоит как минимум из двух логических (понятийных)

элементов, существует возможность свести его к *одному*-единственному языковому элементу, причем соответствующее слово не поддается членению, что позволило бы отрицать эту возможность. Например, *лат. fiat!* 'да будет так!' или *sunt* '(они) суть'. Может быть, также и *Qui dit celà? – Dieu* 'Кто это говорит? – Бог'. Эллипсис (этот пресловутый эллипсис) достигает своего предела только тогда, когда не остается уже ни одного членораздельного звука и речь прекращается, уступая место чистой мысли. – Многочисленные выводы из этого. Посмотреть, [какие выводы можно сделать] ...Отметить среди прочего: способность одного слова быть целым предложением, даже при наличии знака, предназначенного для завершения предложения, например *λέγομεν* 'говорим' (неэллиптическое предложение).

[3308] *Item*. Само слово *эллипсис* обладает таким смыслом, который должен наводить на размышления*. Подобный термин, по-видимому, предполагает, что нам заранее известно, из скольких элементов *должно* состоять предложение, и мы сравниваем с ними те элементы, из которых оно состоит на самом деле, и таким образом обнаруживаем недостачу. Но поскольку смысл любого элемента может расширяться беспредельно, то становится ясно, что все наши подсчеты возможных соответствий между зным количеством идей и зным количеством элементов являются настоящим ребячеством, да к тому же они совершенно произвольны. И если, отталкиваясь от конкретного предложения, мы перейдем к общим рассуждениям, вскоре мы, по всей видимости, убедимся, что *ни одно выражение не может быть эллиптическим* по той простой причине, что знаки языка всегда адекватны тому, что они выражают, если только не признавать, что такое-то слово или такой-то оборот выражают даже больше, чем мы думали. И наоборот, всякое слово, наделенное смыслом, эллиптически, но тогда *к чему говорить об эллипсисе* (как Бреаль)**; будто существует некий предел, ниже которого все слова эллиптически. Они эллиптически постоянно, иными словами, невозможно дать точное определение [смысла каждого элемента]. Эллипсис есть не что иное, как добавочная ценность (*le surplus de valeur*).

2. ЯЗЫК И КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ. ЗНАКОВЫЙ ХАРАКТЕР СЛОВА

[3309] *Item*. Никто из современных психологов или психологов прошлого, касаясь языка или даже рассматривая его в качестве < основного [зачеркнуто] > средства передачи (*véhicule*) мысли, не имел ни малейшего понятия о его законах. Все без исключения смотрят на язык как на *застывшую* форму, и все без исключения смотрят на него как на *условную* форму; совершенно естественно, что психологи не выходят за пределы того, что я называю горизонтальным срезом языка, при этом они не имеют ни малейшего представления о социально-исторических

феноменах, которые являются < непосредственной [зачеркнуто] > причиной круговорота знаков в вертикальном измерении и не позволяют превратить их в *застывший* или *условный* язык (langage), поскольку последний является беспрерывно обновляющимся результатом деятельности социальных сил и навязывается говорящему без всякого права выбора*. – Однако только изучение фонетических изменений может помочь психологам понять сущность языка.

[3310.1] **Item.** Договор между [смой и апосмой]** условен, но этот договор можно нарушить лишь ценой уничтожения знака, поскольку его жизнь зависит от этого договора.

[3310.2] **Item.**

/ [2]

[3310.3] **Item.** Что значит возникновение нового слова и особенно трудность его введения в оборот, если не подтверждение системных связей между всеми составными частями языка? Создаются ми илионы форм спряжения или форм... но ни одна из них не представляет собой оригинального образования, произвольно почерпнутого из неизвестного источника. Не только элементы должны братья из уже имеющихся комбинаций, но все должно быть, так сказать, приготовлено для того, чтобы родилась новая комбинация***.

[3310.4] **Item.** Реальность существования отношений, связывающих между собой элементы языка, будучи психологическим фактом огромной важности, не нуждается, так сказать, в доказательстве. Именно этим и определяется язык.

[3310.5] **Item.** Надо использовать символ а не символ

[3310.6] **Item.** Если существуют априорные истины, которые нуждаются лишь в здравом смысле для своего подтверждения, то такой истиной является утверждение о том, что ни психологическая, ни фонологическая реальность в отдельности никогда не могут обусловить возникновение даже мельчайшего языкового факта. – Чтобы возник языковой факт, необходимо объединение двух рядов явлений, но объединение особого рода; попытка исследовать все его особенности сразу или предсказать заранее, каким оно будет, неизбежно обречена на провал. / [3]

[3310.7] **Item.** Символ должен не только напоминать о различии между анализом слова как носителя смысла и анализом слова вне его смысла, но и о невозможности иным способом очертить и закрепить

этот смысл, кроме как сказав: это смысл, соответствующий, например, слову *νέος* или [novus] 'новый'. Никакое описание смыслов и их синонимии не дает точное и полное представление о них; невозможно иначе определить смысл, как: тогда ценность надо представить так:

[3310.8] **Item.** Законы: 1° Универсальные законы языка, которые являются императивными (выводимыми дедуктивно). – 2° Фонетические "законы"! Они не имеют права так называться. – 3° Идиосинхронические, не императивные, законы. – Мы вовсе не желаем философствовать по поводу термина *закон*, мы просто берем его в общепринятом смысле, в том виде, в каком он употребляется всеми.

[3310.9] **Item.** Смешение закона-3 с законом-2 или законом-1 настолько распространено, что никаких примеров не хватит, чтобы устранить это недоразумение.

[3310.10] **Item.** *Подразумеваемое* в парадигме склонения. Подразумеваемое не является абстракцией. Это даже полная противоположность абстракции. Когда я заявляю, что [я] хочу абстрагировать от языкового целого *νοῦδομεν* 'подумаем' – *< hoc est¹ νοῦδομεν* [зачеркнуто] > – одну только форму (*νοῦδομεν*) *, я имею на это полное право, если мне нужно проследить фонетические изменения, которым она может [подвергнуться] Но поначалу может показаться, что тот, кто вводит *νοῦδομεν* – *< hoc est νοῦδομεν* [зачеркнуто] > – в парадигму словоизменения, наряду с *νοῦσω* 'подумаю', *νοῦдете* 'подумаете' производит ту же операцию, то есть [отвлекается] от смысла. / [4]

[3310.11] **Item.** Отличие термина *сема*** от термина *знак* и его преимущество. 1° *< Несущественное [зачеркнуто] >*. Знак может быть не звуковой. *< Но и [зачеркнуто] >* сема тоже. – Знак может быть равен непосредственному жесту, то есть быть вне какой-либо системы и *соглашения*. – *< Сема = знак, являющийся частью какой-либо системы [зачеркнуто] >*. – Сема = 1° *условный* знак, – 2° знак, являющийся частью какой-либо *системы* (также условной), – 3° [комплексный знак]. – Можно сказать так: *Сема* – это знак, обладающий различными свойствами, которые считаются характерными для таких знаков, из которых состоит звуковой язык или другой [условный и систематический язык]. Свойства, которые нужно отметить, прежде всего следующие: [непрерывность и изменчивость во времени, психологизация (комплексность и мотивированность)].

[3310.12] **Item.** В числе прочего "сема" сразу позволяет избежать отрыва звуковой стороны знака от его понятийной стороны и придания *преобладающего значения* одной из сторон. Это слово представляет *знак*

¹ Вот (лат.) – Прим. перев.

как целое, то есть и знак, и его значение, которые вместе придают знаку индивидуальность.

[3310.13] *Item*. Впрочем, нельзя сказать, что вопрос о замене слова *знак* словом *сема* имеет для нас первостепенную важность. – В действительности важнейшими понятиями являются *парасема* и *апосема**. И как только [будет признана косистематическая природа знаков, лингвистика сделает большой шаг вперед].

[3310.14] *Item*. Термин *апосема* имеет то преимущество, что его можно понимать как угодно: это может быть нечто, выделенное из *знака*, абстрагированное от него, или нечто, лишенное *собственного* значения < или всякого значения >; и то и другое одинаково понятно.

[3311.1] *Item*. Апосема является оболочкой семы, а не значения. – Сема существует не только благодаря соединению фонизма и значения, но и благодаря корреляции с другими семами.

[3311.2] *Item*. Я полагаю, что в дискурсивном ряду можно говорить об апосемах (фонетических фигурах). Дело в том, что даже на языке эмпирии мы не говорим: "вторая *форма* этого предложения" (даже когда речь идет не о логических элементах, а о словах с фонетической точки зрения).

[3311.3] *Item*. Слово *форма*** употребляется для обозначения апосемы, семы и, наконец, материальной части семы в синхронии. "Различные диалектные формы этого имени..." – здесь имеется в виду апосема. "Формы диалекта X обладают своеобразием" – вероятно, здесь имеется в виду морфология.

[3312.1] † *Item*. Как только речь заходит о языке, тут же появляется *слово* и *смысл* (или *знак* и *смысл*), как будто в них вся суть, но, кроме этого, всегда приводятся такие примеры слов, как *дерево*, *камень*, *корова* < те [имена], которые давал Адам >, то есть предлагается самое вещественное, что есть в семиологии: приводятся случаи, когда она (в силу случайности выбора объектов наименования) является просто ономастикомом. Иначе говоря, и в этом заключается особенность ономастикона в составе семиологии в целом, приводятся случаи, когда в психической ассоциации, образующей сему, несомненно, имеется *третий* элемент – осознание того, что сема соотносится с некоей достаточно определенной сущностью внешнего порядка < которая становится [зачеркнуто] >; поэтому такая сема *не подчиняется* общим законам образования знака.

[3312.2] † *Item*. Мы хотели как можно меньше касаться понятийной стороны знака; отметим все же совершенную очевидность того обстоятельства, что, если бы любое понятие (*idée*) характеризовалось устойчивостью, [его можно было бы принять за основу знака]. – Но эта неизменчивость присуща лишь географическим наименованиям. / [2]

[3312.3] † Поскольку устойчивое и неизменное понятие – вещь, по-видимому, нереальная, географические семы и имена собственные представляют исключение в том смысле, что... Точнее, [Поскольку

устойчивое и неизменное понятие – вещь, по-видимому, нереальная,] единственный шанс для [лингвиста обнаружить устойчивость дают географические семы и имена собственные]. (Основная мысль заключается здесь в том, чтобы выяснить следующее: если апосема способна существовать вне семы, то можно ли обнаружить где-либо независимое существование ментальной апосемы. Верно, что в семе "Рона" есть две апосемы, которые существуют, так сказать, параллельно. Но по сути дела, ничего подобного не может быть, потому что, если бы изменилось название реки Роны, была бы другая *сема* и, следовательно, спор по поводу апосем теряет смысл; это лучшее доказательство того, что принципиальной основой семы является избранный материальный знак.)

3. КАТАЛОГ ОСНОВНЫХ ОШИБОК (ЗАБЛУЖДЕНИЙ). ФОРМА В ЯЗЫКЕ

[3313.1] *Item.* Каталог существенных ошибок. – Заслуживают наименования *существенных* следующие ошибки по причине их < многочисленных [зачеркнуто] > последствий: 1° Ошибка, проистекающая из рассмотрения каждого знака в отдельности < в его индивидуальности [зачеркнуто] >. – Или ошибочное мнение о том, что язык, состоящий из 500 слов, представляет собой 500 знаков + 500 значений. – Или же ошибочная уверенность в том, что верно представляют феномен языка, когда позволяют себе говорить о "слове и его значении", забывая при этом, что слово окружено [другими словами, или парасемами]*.

[3313.2] *Item. Парасемы.* Для любого слова данного языка другое слово, даже если оно не состоит с ним ни в каком "родстве", является *парасемой*. Единственным элементарным свойством парасемы является вхождение в ту же психологическую систему знаков, поэтому если в результате наблюдений обнаруживается, что данный знак имеет независимое от других знаков той же системы существование < и что > для понимания данного знака <не имеет никакого значения анализ [зачеркнуто] > совокупности всех остальных знаков, то слово *парасема* становится ненужным, и наоборот, его следует сохранить, если оказывается, что данное слово не обладает полной автономностью в системе, в которую оно входит.

[3314.1] † Следует проанализировать слово *выражение* ("эта форма есть выражение того-то").

[3314.2] † Показать, что слово *член* (*terme*)¹ так же, как и слово *знак*, не смогло сохранить свой материальный смысл, и наоборот, сочетание *dans ces termes* 'в этих выражениях, этими словами' имеет буквальный смысл.

Во французском языке слово *terme* многозначно: 'член', 'элемент', 'термин', 'выражение' и др. *Прим. перев.*

[3314.3] † Впрочем, слово *член** достаточно хорошо передает тот смысл, который мы вкладываем в слово *сема*; надо еще добавить кое-что по этому поводу. Синхронное состояние складывается из определенного числа *членов* (*termi*ni), которые распределяют между собой материю, подлежащую означиванию.

[3314.4] Всякая *апосема* должна рассматриваться в *определённый момент*. То обстоятельство, что она рассматривается подобным образом в языке, позволяет называть ее именно так и не считать ее простой последовательностью звуков. Ведь она ограничена в начале и в конце.

[3314.5] † (В свою очередь *апосемой* не следует называть любую фонетическую формулу, например *-bd-*, а только фонетические формулы, которые определенное время составляли тело *семь*.)

[3314.6] † *Апосема* = труп семы. Вероятно, такое сравнение позволительно, то есть неопасно. Но все же это сравнение опасно в том отношении, что труп сохраняет свое анатомическое строение, в то время как в слове по причине действия принципа условности анатомия и физиология смешиваются. / [2]

[3314.7] † При решении трудного вопроса о принятии того или иного термина, [более или менее] извращающего [сущность языка], следует по крайней мере иметь в виду, что среди сущностей, которые получили наименование *сема*, есть и *σήματα λυγρά* 'губительные знаки' – графические семы, но мы увидели в этом сходство. (...по крайней мере мы, по-видимому, взяли самое древнее слово, которое поэт употребил для...) **

[3314.8] † В плане диахронии вопрос 'это одно и то же слово?' значит только одно: 'это одна и та же апосема?' Но в плане синхронии это совсем не так. И нет никакого противоречия в том, что в данный момент мы объявляем нечто отличным, а в дальнейшем продолжаем считать его тождественным. Ибо мы говорим, что в диахронии речь идет об одной и той же *апосеме*, но из этого вовсе не следует, что это одна и та же *сема*. Вот в чем различие. (Есть слово = апосема, и есть слово = сема).

[3314.9] † (Продолжение) Вероятно, нет смысла говорить о том, что такое одна и та же сема при переходе от одной эпохи к другой, и о том, как соизмерять семы, поскольку существование каждой семы зависит от всего ее парасемического окружения в данный момент.

[3314.10] † Мы утверждаем, что не может быть никакой морфологии без учета смысла, хотя изменение материальной формы легче всего проследить. С еще меньшим основанием, по нашему мнению, можно говорить о *семантике* вне формы!

4. ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА. СОСТАВ ЗНАКА

[3315.1] Item. Обратить особое внимание на то, что при изменении по аналогии нет изменения *апосемь*. Парадокс разрешается сразу, если

вместо того, чтобы сказать "изменение апосемы", сказать "изменение апосемы слова" или "апосемы семы" Ведь при изменении по аналогии создается новая сема, парасема (которая, естественно, обладает своей апосемой). Здесь нет изменения *части* первой семы. Изменение протекает полностью в области сем и целиком обусловлено смыслом. Это парасемическое образование, существующее наряду с парасемическими взаимовлияниями и сохранением парасем. Между тем трудно разграничить парасемическое образование и взаимовлияние, которое может полностью изменить смысл семы, но так, что при этом мы не будем считать ее другой *семой*. Однако когда изменяется "форма", мы утверждаем, что это другая *сема*. Обоснованно ли это различие?

[3315.2] **Item.** Говорящие субъекты совершенно не сознают *апосемы*, которые они произносят, как, впрочем, и *чистые понятия* (*idées pures*). Они осознают только *семя*. Это-то и обеспечивает совершенно механический характер изменения апосем на протяжении веков. / [2]

[3315.3] † **Item.** Чтобы иметь здравый взгляд на лингвистику, необходимо посмотреть на нее извне, но в то же время надо иметь некий опыт изучения изнутри наиболее впечатляющих языковых явлений. Лингвист, который является только лингвистом, и никем более, по моему мнению, не в состоянии найти верный путь классификации фактов. Постепенно психология должна практически взять нашу науку под свое покровительство, потому что она неизбежно придет к пониманию того, что язык не просто является одним из ее объектов изучения, а началом любого психологического исследования.

[3315.4] Но **Item** вовсе не это я хотел сказать; я хочу сказать, что, если бы заранее было известно, что в лингвистике имеются [*психологические*] единицы, [эта наука более не оправдывала бы своего существования].

[3315.5] **Item.** Самое важное в языке – это то, что в нем есть разграничения, есть < четко [*зачеркнуто*] > выделяемые единицы.

[3315.6] **Item.** Из чего может состоять языковая единица?

[3315.7] **Item.** Означивать (*signifier*) – это не только наделять знак понятием, но также и подбирать знак понятию. Таким образом, какое-либо различие имеет грамматическую ценность, если только оно *означено* = снабжено знаком. Собственно говоря, глагол *signifier* имеет здесь то же значение, что и в выражении *signifier à quelqu'un son congé* 'объявлять кому-либо о его отставке'¹

[3316.1] **Item.** Между языком и любым другим видом человеческой деятельности нельзя провести аналогии по двум причинам: [1°] Внутренняя пустота знаков. – [2°] Способность нашего разума опираться на элементы, сами по себе ничего не значащие. – (Но не о том я хотел сказать. Я отклонился от темы.)

Глагол *signifier* имеет во французском языке два основных значения: *начать* и *'объявлять, уведомлять'* – *Прим. перев.*

[3316.2] **Item.** О психологизации фонетических знаков. – А) Предположим, что с помощью волшебного фонаря на экран последовательно проецируются

<i>Зеленый</i>	цвет	
<i>Желтый</i>	–”–	
<i>Синий</i>	–”–	
<i>Синий</i>	–”–	(повторно)
<i>Красный</i>	–”–	
<i>Фиолетовый</i>	–”–	

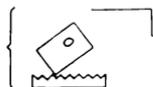
Здесь почти полностью отсутствует возможность представить сразу всю совокупность этих знаков *в их последовательности* или “как комплексную последовательность, представляющую единое целое” Далее: но все своеобразие слова в том и заключается, что оно представляет собой комплексную сему, хотя и опирается на последовательность слогов. – Б) Предположим теперь, что эти цвета не *следуют друг за другом*, а помещены рядом на одной пластинке. (< Пусть здесь будут расположены под прямым углом /зеленый/желтый/черный/ >, слева зеленый, затем желтый и т.д. до правого края.) Тогда мы получим фигуру, которая если и не является комплексно воспроизводимой для всех, то по крайней мере становится комплексной и превращается в настоящую фигуру. – В) Таким образом, для того чтобы *визуальная* фигура стала *фигурой*, понадобилось оставить принцип временной последовательности и прибегнуть к [последовательности в пространстве].

5. ПРИНЦИПЫ ЗНАКА. ЛИНЕЙНОСТЬ

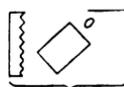
[3317.0] **Item.**

[3317.1] **Item.** Отметим тот факт, что слово имеет не слишком большую длину, поэтому оно может быть воспринято комплексно в едином акте восприятия. Этот факт наряду с временной членимостью обуславливает взгляд на слово как на псевдоорганизм, что является причиной множества неверных представлений.

[3317.2] **Item.** Следствием принципа *однонаправленности*, если иметь в виду сому, является делимость семы *на отрезки* (членение всегда происходит в одном направлении и осуществляется одинаково), в то время как, например, в „непосредственно визуальной” системе (= идеографическое письмо) членение может быть самым разнообразным:

может противопоставляться
в каком угодно смысле

~ В этом случае, видимо, необходимо сохранить в качестве спасительного средства противопоставленность двух сем, а не значение одной из сем. – Но противопоставление двух сем, таких, как *λέγομεν / λέγετε* ‘говорим/говорите’, осуществляется с помощью отрезков, которые следуют в *одном направлении* и сменяют друг друга по одному, в то время как нетрудно представить себе сотни разных систем, в которых ни то, ни другое условие не будет соблюдаться. (Трудность только в том, что мы снова обращаемся к речи, всецело полагаясь на нее, когда нам предлагают другую систему сем – *sémisme.*) / [2]

[3317.3] *Item.* Темпоральность. Чем более мы изучаем... тем больше убеждаемся в том, что именно членимость звуковой цепи на временные отрезки (*ipso facto* простая, однонаправленная членимость) одновременно создает отличительные признаки и порождает иллюзии, одна из которых заключается в том, что языковые единицы являются *организованным* целым, в то время как они просто представляют собой целое, членимое во времени и параллельно функциям, которые можно приписать каждому временному отрезку.

[3317.4] *Item.* Совершенно бесполезно пускаться в рассуждения, не поняв предварительно *природу* фактора, выбранного для особого рода семиологии, каковой является языковая семиология.

[3317.5] *Item.* Посмотреть, в какой мере слово *деталь* (в противоположность слову *кусок*) может пригодиться или не пригодиться для лингвистического анализа и для сравнений с анатомией, механикой и т.д. То же самое со словом *часть* (*membre*).* – Слово, если лишить его всякого значения, больше не имеет *частей* и даже вообще не поддается никакому членению (кроме фонетического), хотя незадолго до этого казалось, что в нем можно выделить *части*.

[3317.6] *Item.* *Инертное* слово...

[3318.1] *Item.* Необходимо всегда выражаться только так: однонаправленность *языкового знака*, чтобы пояснить, что это не общее свойство любой семы.

[3318.2] *Item.* Может быть, стоит сказать о том, что в фонетической транскрипции диакритические знаки, например *ç*, не нарушают принцип однонаправленности, потому что здесь целое рассматривается как одна сема (нет никаких *частей*). Пожалуй, действительно надо сказать что-то по этому поводу.

[3318.3] *Item.* Языковая сема является частью общей семы *однонаправленных* сем, в которую по необходимости входит всякая сема, используемая в акустической связи. Но здесь важна не акустическая связь, а однонаправленность.

[3318.4] *Item.* Ловушка. – Когда слово и т.д. изображают с помощью соположения визуальных сигналов, например , это совершенно обоснованно, но только при условии, что сигнал будет иметь вид неопределенного соположения, а не будет иметь такой, например, вид: 1° 2° и т.д. иначе возникает опасность смешения двух

рядов понятий; действительно, является примером возможной симультанности (или неоднаправленности) визуального знака – впрочем, только если он сам членим.

[3318.5] *Item*. Чтобы лучше разобраться в понятии семы, вероятно, потребуется пример разнонаправленной семы. Чтобы подойти к этому постепенно, в каком-то смысле я могу назвать разнонаправленной семой *аллегорическую картину* или любое полотно в той мере, в какой изображенные предметы предназначены для обозначения чего-то. Нельзя сказать, что вот эта картина начинается слева и кончается [справа]. /{2}

[3318.6] Если бы мы действительно захотели изобразить последовательность звуковых элементов слова, можно было бы взять экран и проецировать на него с помощью волшебного фонаря *последовательность* цветов; однако это был бы неудачный прием, потому что мы не смогли бы спрессовать последовательность разных цветов в единое впечатление; по этой причине слово, целиком написанное на экране справа налево или слева направо, в *пространственном отношении* является для нас лучшим изображением слова, < которое тем не менее имеет временной характер >. Акустическая сема в значительной мере основана на гораздо более легком запоминании акустических форм, чем визуальных.

[3318.7] *Item*. Подобно тому как музыкальная фраза разворачивается во времени, потому что мы удерживаем в памяти [последовательность нот], также разворачивается и визуальная фраза, например горная цепь. [Ноты – это моменты времени.] Но любопытно: визуальная фраза не может состоять из последовательных моментов, поэтому мы прибегаем к графической репрезентации.

[3318.8] *Item*. < В пользу термина *инертума* (*inertôme*)*. > Даже такой термин, как *сома* (*δῶμα*), если бы он смог укорениться, в скором времени стал бы синонимом термина *сема*, которому он должен противопоставляться. Здесь лингвистическая терминология отдает дань той истине, которую мы устанавливаем на основе наблюдения. По крайней мере два условия благоприятствуют превращению любого термина, подобного термину *сома*, в синоним термина *знак*: 1° Совпадение границ однонаправленной последовательности. Так что даже если под *сомой Зевс* подразумевается как раз нечто противоположное *семе Зевс...* – 2° Даже если лишить знак его смысла, то всегда разум вкладывает в знак (или в сому) по крайней мере НАМЕРЕНИЕ, которое заставляет двигаться МУСКУЛЫ и свидетельствует, таким образом, о наличии воли. – 3° *Сома* станет рассматриваться как труп, членимый на определенным образом организованные части, а это неверно. /{3}

[3318.9] *Item*. В организме функция может отмереть, а орган будет продолжать жить. Даже у трупа сохраняются органы, являющиеся предметом изучения в анатомии. В слове нет ничего анатомического, то есть нет никакого различия в составных частях, основанного на функциональных соотношениях, и от части, которая выполняла определенную функ-

цию, ничего не остается, кроме последовательности фонаций, полностью *сходных* между собой, поэтому нельзя сказать, что данная часть лучше подходит для легких слова, чем для его ног.

Принцип *тождественности предназначения*.

6. ФУНКЦИЯ ЗНАКА КАК ЕГО ЦЕННОСТЬ (ЗНАЧИМОСТЬ)

[3319.1] *Item*. Диатеза? – или диакосмия? к вопросу об устройстве языка в данный момент. – (= Идиосинхрония.)

[3319.2] *Item*. Сравнение с анатомией и физиологией. С точки зрения языка они образуют одно целое. – В самом деле, было бы ошибкой полагать, что *грамматика* есть физиология (так как изучает функции), а фонетика – или фонология? – есть анатомия. Очень полезно посмотреть, с какой стороны хромает это сравнение. Глаз не похож на руку, а легкое – на позвоночник; поэтому, даже если отвлечься от функции, для анатома все органы представляют собой *разные объекты*. Но нет никакого различия, например, между *-f* – знаком женского рода и *-f* – знаком опатива*. В лингвистике, как только мы отбрасываем условную функцию, остается один сырой материал. Именно функция, которой наделяется некий фонизм, позволяет нам на время отвести этому фонизму роль *органа*, но сам по себе он похож на все другие фонизмы и (как таковой) способен взять на себя любую функцию. – Сходные соображения по поводу *структуры* слова. Еще один из тех образов, которые, создавая иллюзию ясности, скрывают великое множество ложных и плохо изложенных мыслей. В слове нет никакой *структуры*. Как только мы отвлекаемся от смысла различных его частей, [мы имеем перед собой всего лишь произвольно выбранный отрезок последовательности звуков]. / [2]

[3319.3] *Item*. (Продолжение на лицевой стороне страницы) – Сравнение с шахматами справедливо в том отношении, что функция (ценность) является условной, но что касается *структуры*, это сравнение не годится ввиду того, что каждая фигура неразложима в отличие от такой единицы, как слово; она *не* имеет частей с разными функциями.

[3319.4] ~ Разумеется, *машина* или *механизм* не в большей мере могут быть привлечены к сравнению, чем *организм*. В них тоже есть своя анатомия и своя физиология.

[3319.5] ~ Но в этом вопросе следует обратить особое внимание на "меризм" (*членимость во времени*) частей слова; эта членимость звуковой цепи, вероятно, в большей степени, чем разнообразие звуков, способствует созданию иллюзии органических структур. Удивительной кажется, в общем, возможность членить слово с помощью черточек $\lambda\upsilon\text{-}\partial\eta\text{-}\sigma\delta\text{-}\mu\epsilon\nu\text{-}\omicron\text{-}\varsigma$ 'разорванный' (пассивное причастие наст. вр. от глагола $\lambda\acute{\upsilon}\omega$ 'нарушать, рвать').

[3319.6] ~ По этой же причине сравнение с *химическими соединениями*, верное в некоторых отношениях, ничего не говорит нашему уму.

[3319.7]~ Посмотреть, что можно извлечь из сравнения с *тактикой*, с расположением боевых рубежей.

7. ЗНАЧЕНИЕ И ЗНАК

[3320.1] *Item*. Овладеть по-настоящему знаком, следовать за ним, как за воздушным шаром в полете, будучи уверенным в его захвате, можно только тогда, когда полностью понята его природа — двойная природа, никоим образом не заключающаяся в оболочке и тем более в его духе, в том водороде, которым он наполнен и который сам бы ничего не значил без оболочки. — Воздушный шар — это *сема*, а оболочка — *сома*; такой взгляд далек от представления об оболочке как о *знаке*, а о водороде как о *значении*, когда сам *шар* оказывается ничем. Но для воздухоплователя он самое главное, как и сема для лингвиста.

[3320.2] *Item*. *Контрсома* = значение; можно ли ее рассматривать, как и сому, вне семы? Можно, конечно, если захотеть, но пока это не входит в планы ни лингвиста, ни психолога. Речь идет о том, чтобы ограничить сому и антисому *их* соответствующими *сферами*. Но сема легко ограничивается своей, целиком физической, сферой. В этом кроется причина и объяснение бенфеевских бесчинств* Антисому совершенно невозможно ограничить собственной сферой. Между этими двумя сферами заключена *сема* и *сфера семы*. / [2]

[3320.3] *Item*. † То, что другие называют значением, мы называем *парасомой*, и в отличие от сомы ее никак нельзя выделить в чистом виде и сделать объектом исследования или наблюдения. Устраним возможные недоразумения: парасома может в определенной мере стать объектом исследования, но только при условии, что мы постоянно будем вновь обращаться к семе, к различным *семам*, с помощью которых парасома присоединяется к чему-то материальному, то есть к соме, но такое исследование совершенно не походит на исследование сом, которое мы выделили в независимый раздел. / [3]**

[3320.4] *Item*. Представим себе, что во время прогулки ради забавы я делаю зарубку на дереве и при этом ничего не говорю. Человек, с которым я прогуливаюсь, удерживает в памяти представление об этой зарубке, и, несомненно, с этого момента он будет ассоциировать с ней какие-то мысли, в то время как единственным моим намерением было мистифицировать его или позабавиться.

Любой материальный предмет уже является для нас *знаком*, то есть впечатление от него мы ассоциируем с другими впечатлениями, < но наличие материального предмета представляется необходимым >. Единственной особенностью языкового знака является то, что он вызывает более точные ассоциации, чем любой другой знак, и, вполне ве-

роятно, кто-то усмотрит в этом наиболее совершенную форму ассоциации идей, которая может быть осуществлена только на основе условной сомы. / [4]

8. ОБ ИСТОРИИ ЛИНГВИСТИКИ

[3320.5] *Item*. Каких только невероятных глупостей не наговорили, просто невероятных! История лингвистики – это история постоянных сомнений по поводу роли, места, значимости, [предмета этой науки], и вместе с тем было накоплено колоссальное количество знаний об отдельных фактах, о таких фактах, о которых не имели ни малейшего представления до 1810 г.*; [ничего подобного не наблюдалось в других науках]. Затем явилось нелепое учение некоего Макса Мюллера, который представлял язык в виде царства природы, как своего рода [организм]. Неожиданно открыли для себя *древность* языка, которая под названием Непрерывности стала одним из фундаментальных завоеваний [лингвистики].

[3321.1] *Item*. Явилось < нелепое [зачеркнуто] > учение Макса Мюллера, который потребовал для лингвистики места среди *естественных наук* и допустил существование некоего "царства языка", подобного "растительному царству", изучаемому ботаниками. – Все это произносилось и выслушивалось со всей серьезностью. Но я хочу подчеркнуть, что, когда на это появилась реакция, никто не смог предсказать, каковой она будет, потому что лингвистика, хотя и имела смутное представление об истинном положении вещей, никак не могла выбрать НАПРАВЛЕНИЕ своего развития.

[3321.2] *Item*. Очень забавно наблюдать, как лингвисты поочередно высмеивают то взгляды А, то взгляды Б, потому что своим смехом они как бы хотят показать, что владеют истиной; на самом же деле именно полное отсутствие основополагающих истин до сих пор характерно для лингвистики.

9. СИНХРОНИЯ И ДИАХРОНИЯ

[3322.1] *Item*. < bonté – santé > 'доброта – здоровье'. В слове *douteux* 'сомнительный' или *amertume* 'горечь', *noirâtre* 'черноватый', очевидно, присутствуют два элемента. Но первый элемент не есть *то же самое*, что *doute* 'сомнение' или *amer* 'горький', *noir* 'черный'. Просто имеется пропорция: *douteux* 'сомнительный' *doute* 'сомнение' – *goîtreux* 'страдающий зобом' – *goître* 'зоб' и т.д. – Это один из способов объяснения понятия радикал. Хорошее сравнение: нем. *huldvoll* 'милостивый' содержит *huld* 'милость' в качестве слова, а *huldig* – только радикал, который опять же обнаруживается в *huld*. Ср. *würdevoll* 'полный

достоинства', würdig 'достойный', würde 'достоинство', *фр.* noeud 'узел' noeux 'узловатый', langueur 'томность' langougeux 'томный' (Речь здесь не об исторической проблеме, а о современном состоянии, осознаваемом говорящими.)

[3322.2] **Item.** Всегда состояние с исторической точки зрения и осознание современного состояния противопоставлены друг другу. Это два способа существования знака. Отсюда трудность, но и необходимость не смешивать их ни в чем и никогда. Они противопоставляются как два возможных состояния слова, и пока одно из них не выбрано, слово есть ничто. Каждое слово находится на пересечении диахронической и синхронической перспектив* – Это важно, если мы хотим избавиться от вечного вопроса: "это сема?", когда слово рассматривается как нечто данное известное в общих чертах. / [2]

[3322.3] Надо будет произвести подсчет всех точек зрения и "областей анализа"

10. СЛОВО И ПРЕДЛОЖЕНИЕ

[3323.1] **Item.** Если для установления элементов слова необходим анализ, то само слово не является результатом анализа предложения. Ведь предложение существует только в речи, в дискурсивном языке, в то время как слово есть единица, пребывающая вне всякого дискурса, в сокровищнице разума.

[3323.2] **Item.** Сказанное не означает, что элементы слова никоим образом не существуют как ментальные единицы, просто в любом случае слово выделяется помимо всякого анализа.

[3323.3] **Item.** Память может подсказать нам *крайне ограниченное* количество готовых предложений. Иначе и быть не может, если учесть неограниченное число возможных комбинаций довольно небольшого количества элементов. Напротив, та же память тысячами поставляет *готовые слова*. Следовательно, способность быть элементом предложения не является *первым* модусом существования слова. Можно считать, что слово существует "до" предложения, то есть независимо от него, чего нельзя сказать об элементах слова по отношению к самому слову как единице**. Впрочем, *даже в речи* во многих случаях приходится произносить отдельное *слово*, а не предложение (в числе прочего сюда относятся все вокативы). / [2]

[3324.4] **Item.** Тот факт, относящийся к области "обучения", что мы, вероятно, сначала учимся произносить предложения, а потом усваиваем слова, не имеет реального значения. Это сводится к утверждению, что всякий язык воспринимается нашим разумом сначала через речь, о чем мы уже говорили, и это по необходимости так. Как звучание слова, западая нам в душу, становится впечатлением, полностью оторванным от речи, так и наш разум постоянно устраняет из речи все, кроме слов.

Когда эта операция закончена, способ, каким было выделено слово, не имеет значения при условии, что именно эта единица считается основной.

[3323.5] *Item*. Важно отметить, что каждый раз, как наше внимание привлекает некая особенность, некий оттенок звучания, например несколько различное произношение двух слов, единственным средством разрешения вопроса является самоконтроль, уточнение *смысла* слова, которое как бы требует соответствующего произношения. Истина заключается в том, что в семе звук неотделим от остальной ее части, и мы осознаем звук только в той мере, в какой воспринимаем *всю сему*, то есть вместе со значением. Возьмем, например, слово *собака*; если я хочу удостовериться, как я [произношу его], я начинаю думать о собаке.

[3324.1] *Item*. Прилагательное, существительное, глагол не нуждаются ни в каком грамматическом знаке, чтобы существовать как прилагательное, существительное, глагол. Но если этот факт и проясняет что-то, он совсем не раскрывает природу прилагательного или природу существительного.

[3324.2] *Item*. Существует очень большое различие между такими элементами, как *субъект* и т.д., из которых состоит предложение, и "частями речи". Члены предложения могут быть не выражены никакой языковой единицей, в то время как минимальным условием существования "прилагательного" или "наречия" и т.д. является наличие соответствующей звуковой формы. Мы можем рассуждать о субъекте предложения и в то же время можем не наблюдать реально никакого материально выраженного субъекта, но нельзя рассуждать о существительном, не предполагая существования у него звуковой оболочки, что очень важно (причем нет ничего такого, что характеризовало бы эту оболочку как оболочку именно существительного). / [2]

[3324.3] *Item*. Имеются три разновидности категорий: – Обязательно выражаемые звуком: субъект, предикат. – Обязательно выражаемые звуком, но не имеющие особого для каждой категории звукового оформления: прилагательное, существительное и т.д. – Затем различия, выражаемые нечетко.

[3324.4] *Item*. Поразмышляем немного над термином "выражение различия". Он предполагает две звуковые формы и связанные с ними две ментальные формы [   ].

АФОРИЗМЫ "ИТЕМ" (2).
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СУЩНОСТИ

Заметки первых двух параграфов датируются между 1897 и 1900 гг., 3-й и 4-й параграфы можно отнести к курсам по общей лингвистике 1907–1910 гг., однако они не были помечены как таковые, поэтому включены в данную главу.

1. ЕДИНИЦЫ И СУЩНОСТИ

3325 = № 16

[Какие сущности изучаются в лингвистике?

Рукопись: ВПУ Женева, Ms. fr. 3951.

Ср. SM 13, 50; CFS 17, 1960, 7.]

Какие сущности изучаются в лингвистике? Почитайте, например, "Семантику" Бреалья, с. 29–35*; в определенный момент начинаешь понимать, что, хотя от этих *ausführungen*¹ ничего не остается в уме, в то же время они имеют отношение к вечному вопросу о том, что *происходит* с элементами языка. Но чтобы и дальше вести разговор о них, надо сначала узнать, что они собой представляют, что предполагается сущим в языке, а затем уже говорить о событиях, происходящих с наличными элементами языка. – < Ср. все же с. 40 и сл. >.

3326 = № 17

[Размышления о сущностях.

Рукопись: ВПУ Женева, Ms. fr. 3951.

Ср. SM 13, 50; CFS 17, 1960, 7.]

< 3° Размышления о сущностях [зачеркнуто] >. 3° Перечисление причин, по которым языковая деятельность является объектом, не имеющим никаких аналогий и не поддающимся *никакой классификации* со стороны лингвистов и философов. – Первая причина: Отсутст-

Рассуждений (нем.). – Прим. перев.

вие играющих заметную роль языков (langages), в которых для создания знака используется не голос, а какое-либо иное средство. – Это обстоятельство позволило даже квалифицировать звуковой язык (le langage parlé) как *функцию* человеческого организма*. Тем самым окончательно смешали то, что относится к *голосу*, и то, что относится лишь к передаче мысли с помощью знака, который может быть абсолютно каким угодно, а совершенствование языка и возникновение грамматики могут иметь место как в случае использования визуальных или тактильных знаков, так и в случае использования не менее условных знаков, производимых с помощью голоса.

2. АНАТОМИЯ И ФИЗИОЛОГИЯ СЛОВА

3327 = № 18

[Анатомия и физиология.

Рукопись: ВПУ Женева, Ms. fr. 3951.

Ср.: SM 13, 51; CFS 17, 1960, 7.]

[3327.1] *Анатомия и физиология.* Можно ли вообразить себе *анатомический* анализ слова? Нет. Причина следующая: анатом выделяет в организме такие части, которые *после прекращения* в них жизнедеятельности *тем не менее* остаются *фактами этой жизнедеятельности*. С точки зрения анатомии желудок есть вещь, каковой он являлся и при жизни с точки зрения физиологии; поэтому анатом никогда не разрезает желудок пополам, а отделяет его, следуя очертаниям, которые диктуются и устанавливаются жизнью. Они заставляют анатома обходить желудок и не дают ему в то же время возможности спутать желудок с селезенкой или чем-либо иным... Возьмем теперь лишнее жизни *слово* (его *звуковую субстанцию*): представляет ли оно собой по-прежнему тело, имеющее некую организацию? Никким образом, ни в коей мере. Действие основополагающего принципа произвольности связи между смыслом и сомой с неизбежностью приводит к тому, что то, что совсем недавно было словом *ἀποδεικτο-ς* 'указанный', оказывается всего лишь аморфной массой *a + p + o + d + e +*. – Вставить куда-нибудь: Употребляя термин *сома*, я все-таки делаю уступку, ибо *οἴμα*, хотя и обозначает мертвое тело, все же вызывает у нас представление об органе. / [2]

[3327.2] < Сначала сема? > – Сомма. Нужна именно такая нарочитая, серьезная, кричащая неэлегантность термина, чтобы устранить наконец всякую возможность возникновения извечной паронимии, которая ведет к путанице в речи между [словом (= акустический образ) и словом (= психическая ассоциация акустического образа с психическим образом)]. – И все равно я не уверен, что даже если термин *сома* будет

принят, то он не приобретет вскоре двойной смысл, характерный для термина *слово* со всеми присущими ему *неустранимыми недостатками*. – Причиной тому сама жизнь: слово живет, только [будучи формой], и оно участвует в *общей жизни* только потому, что обладает [смыслом]. – Но эта причина настолько могущественна, что почти невозможно найти такие термины, которые позволили бы разграничить форму и смысл. Я имею в виду такие термины, которые обладают абсолютной значимостью, не подвергают нас риску и не оставляют в дураках на первом же повороте пути. Ведь такие термины всегда будут заимствоваться из области препарирования живого тела, [следовательно, они всегда будут стремиться перейти от обозначения части к обозначению целого].

3. ЯЗЫК КАК СЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

3328 = № 19

[Афоризмы.

Рукописи: VPU Женева, Ms. fr. 3951; MS. Cours univ. 435.

(Отрывок 23).

Публикация: 3328.3 = Отрывок 23 в CFS 12, 1954, 71.

Ср. SM 13, 51; CFS 17, 1960, 8.]

[3328.1] X. Условием всякого языкового факта является наличие как минимум двух элементов; эти элементы могут быть *последовательными* или *синхронными*. Отсутствие второго члена*, если таковое где-либо обнаруживается, всего лишь кажущееся.

[3328.2] XI В языке, как и в любой другой семиологической системе, не может быть различия между свойствами вещи и тем, что определяет ее существование. – Если бы хоть раз обнаружили противоположное, [основания лингвистики были бы иными].

[3328.3] XII. Элементы и признаки суть одно и то же. Характерной чертой языка, как и вообще любой семиологической системы, является то, что в нем не может быть различия между тем, что отличает какую-либо единицу от других, и тем, что определяет ее существование. / [2]

[Отрывок 23]

[3328.4] XIII. Ни один закон, действующий среди сосуществующих членов, не имеет < среди них [зачеркнуто] > обязательного характера.

[3328.5] XIV. Несколько истин, на которые мы наталкиваемся [постоянно]. – Не будем называть эти заметки аксиомами, принципами или тезисами. Это просто афоризмы в самом что ни на есть этимологическом смысле слова, то есть *разграничения*¹ [То есть] < но [за-

¹ Ср. греч. *ἀφορίζω* 'разграничивать' – *Прим. перев.*

черкнуто] > границы, в которых постоянно обретается истина, с какой бы стороны к ней ни подходили [   ].

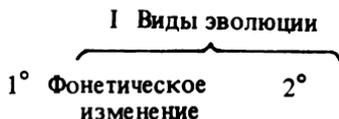
4. О ФОНЕТИЧЕСКОМ ИЗМЕНЕНИИ

3329 = № 20

[Заметки к курсу I (1907)?

Рукопись: BPU Женева, Ms. fr. 3951.

Ср. SM 13, 51; CFS 17, 1960, 8.]

Те, кто посещал [наш курс, помнят о жизни языка]. Вот, собственно говоря, на чем мы остановились. Если мы и не закончили главу о фонетических изменениях, которая, так сказать, бесконечно продолжается и никогда не заканчивается, то по крайней мере *закрыли* ее, ясно изложив то, что хотели сказать по этому поводу в начале курса

Какие же есть еще формы языковой эволюции, обусловленные иными, не фонетическими факторами? Вот что надо изучить в следующую очередь, вот каков первый сюжет, ожидающий нас. – Но прежде, чем углубляться в новую проблему, которую я предложил вашему вниманию, я думаю, было бы полезным обобщить наш взгляд на состав "фонетики" Это может быть полезным, < я бы даже сказал, благотворным > не только как повторение сформулированных нами принципов, но также и для того, чтобы перейти к нефонетическим явлениям, которые могут привлечь наше внимание. Недостаточно изучать просто звуки, надо изучать звуки в их регулярной последовательности.

Я посвящу < всю [**зачеркнуто**] > первую лекцию рассмотрению того, что входит в особую область лингвистики, называемую фонетикой, или что может входить в нее в принципе в свете тех общих истин, которые мы установили по разным поводам в первом семестре. – Сначала я буду ставить вопросы и давать примеры, действуя совершенно аналитически.

1° Занимаемся ли мы фонетикой, когда мы задаем, например, вопрос о том, является ли звук *ʃh* в английских словах *shirt* 'рубашка', *show* 'показывать' тем же звуком, что и звук *ch* во французских словах *cher* 'дорогой', *chose* 'вещь'? / [2] Ответ: в этом случае мы занимаемся чистой физиологией (то есть даже не фонетикой и ни в коей мере

не лингвистикой). Ведь здесь спрашивается, совпадает ли с физиологической точки зрения физиологический тип ξ^1 в английском слове *sirt* с ξ^2 в слове *ſer*. – Но какой более конкретный признак непосредственно свидетельствует в отрицательном смысле о том, что я не занимаюсь здесь фонетикой? То, что я не сопоставляю два последовательных элемента, один из которых является продолжением другого.

[2°] *Следующий вопрос*, [если придерживаться аналитического порядка]. Если я обсуждаю вопрос, какую значимость имеет во французском языке немое *e* в конце слова: *apporte*, *mère*, *ordre*, [идет ли речь на этот раз о фонетике?] Этот вопрос относится к грамматике или к графике и грамматике. – [3°] Если я [ ]?

НАБРОСКИ РЕЦЕНЗИИ НА КНИГУ А. СЕШЕ

Книга одного из видных учеников Ф. де Соссюра, А. Сеше, "Программа и методы теоретической лингвистики. Психология языка" (1908, 267 с.) – объемный труд, не привлечший, однако, внимания ученых, хотя ряд его положений тяготеет к сосюрским идеям. В этом свете оценки Соссюра весьма интересны.

3330 = № 21

[Заметки о книге "Программа и методы теоретической лингвистики" Альбера Сеше, 1908*.

Рукопись: BPU Женева, Ms. fr. 3951.

Ср. SM 13, 51–52; CFS 17, 1960, 21.]

Всякое исследование, которое затрагивает самые основы языковой деятельности, когда оно сопровождается последовательной методологической работой, и в то же время характеризуется глубоким знанием языков, заранее заслуживает большого уважения, потому что такое исследование может быть только результатом собственных долгих раздумий.

Здесь вы не найдете ни магистрального пути, лишь некоторые его ответвления, ни даже дорожки, по которой должны пойти исследования на первом этапе.

Как в лоне индоевропеистики, так и вне ее было сделано несколько попыток понять истинную природу объектов, которые были известны под названиями *слово, суффикс, префикс*, < предложение [зачеркнуто] > и т.д.; – за ними признавалось не только независимое существование, но и все атрибуты бытия, в том числе изменчивость во времени. Если бы я подверг рассмотрению все эти попытки, от Вильгельма Гумбольдта** до [Германа] Пауля и психолога Вундта***, то мне пришлось бы сказать, что все они доставляют материалы, которые могли бы быть использованы при постройке здания, но ни один из этих ученых не заложил фундамента этого здания. Некоторые русские лингвисты, прежде всего Бодуэн де Куртенэ и Крушевский****, были ближе, чем другие, к теоретическому взгляду на язык, не выходя при этом за пределы собственно лингвистических соображений; впрочем, эти ученые

неизвестны большинству западноевропейских исследователей.

У и т н и. Американец Уитни, перед которым я благоговею, не сказал ни одного неверного слова на те же темы, но, как и все другие ученые, он не считал, что язык нуждается в систематическом рассмотрении. Поэтому я осмелюсь сказать, что любая попытка систематизации есть нечто / [2] новое, непосредственно свидетельствующее о совершенно независимых и очень длительных индивидуальных исследованиях, которые возможны лишь при соединении лингвистических знаний с < настоящей мыслью [зачеркнуто] > < [настоящей] способностью к философской рефлексии или же со знанием нескольких дисциплин, внешних по отношению к лингвистике, чего не хватало [большинству лингвистов] [зачеркнуто] > . / [3]

Если действительно хотят создать *Психологию языка* – я не могу сказать точно, хотел ли именно ее создать г-н Сеше, – то существует настоятельная необходимость прежде всего соотнести лингвистику с другими науками, которые могут представлять для нее интерес: например, лингвистика и социальные науки, лингвистика и [филология, этнология, грамматика], – чтобы с самого начала было известно, в какой мере можно сюда привлечь и психологию. Это становится вдвойне необходимым, если лингвистику рассматривают, подобно г-ну Сеше, как простое ответвление (или < даже [зачеркнуто] > подразделение – < я оставляю в стороне [проблему истинности или ложности этого взгляда] >) индивидуальной или коллективной психологии. В таком случае можно еще более категорически требовать, чтобы был пролит свет на прямую связь между таким конкретным феноменом, как языковая деятельность, и совокупностью психических феноменов, и чтобы их не отгораживали друг от друга. / [4]

[184] Занимаясь психологией языка, г-н Сеше, по-видимому, должен был сказать что-то по поводу [182] церебральной локализации Брока и по поводу исследований патологии речи на материале различных форм афазии, которые представляют чрезвычайный интерес для оценки не только связей психологии с [лингвистикой] вообще, но в частности и с грамматикой, что также представляет важность. Я могу привести в качестве примера случаи афазии, в которых категория существительного полностью исчезает, в то время как другими категориями, устанавливаемыми на той же логической основе, большой владеет по-прежнему.

[188] Замечу в скобках, что эти факты дают самое лучшее и самое веское подтверждение той точки зрения, которую я изложил и считаю верной на основе других данных. Если она верна в том виде, в каком я ее изложил, то с учетом того известного факта, что поражение какой-либо клетки мозга приводит к нарушению языковой деятельности, можно а priori утверждать, что а) нарушается вся сигнология¹ в целом,

¹ Сосюрровский синоним к его же термину "семиология" – Прим. ред.

то есть как [внутренняя классификация (сокровищица разума), так и ее использование].

[187] Действительно, 1° на примере случаев афазии постоянно можно наблюдать, что способность произнесения [звуков] отличается от способности вызывать в памяти знаки обычного языка, что соответствует нашему утверждению.

[185] 2° Не менее важным и типичным является то обстоятельство, что нарушения устной речи самым различным образом сочетаются с [нарушениями письма]. / [5]

Естественные подразделения лингвистики согласно психической этиологии всех языковых явлений. Как можно видеть, этиология распадается на причины изменений и на обоснования состояний, которые приобретают < равновесие [~~зачеркнуто~~] > стабильность, однако автор не желает [настаивать на этом]. — Так же и для [ ]. Больше, чем лингвистика, все социальные науки, по крайней мере те, которые занимаются *ценностями*, также в конечном счете сводимы к психологии. Однако это не мешает существованию четкой демаркационной линии, разделяющей общую психологию и эти науки, каждая из которых нуждается в понятиях, не находимых ни в общей, ни даже в коллективной психологии [ ]. / [5a] Популяризаторские работы Макса Мюллера, претендовавшие на место в лингвистике, нельзя назвать безобразными лишь по той причине, что всякая наука во времена Макса Мюллера, по существу, ограничивалась перескакиванием с одного из тысячи возможных предметов изучения на другой, занималась лингвистическими анекдотами, не обнаруживая никакого серьезного стремления к заложению научных основ лингвистики и не имея о них ни малейшего понятия. / [6]

Я высказал свои критические соображения. В общем, г-н Сеше, справедливо упрекнув Вундта за игнорирование грамматики, сам недостаточно полно представляет ее проблемы. Ибо основная идея заключается в том, чтобы представить грамматический факт довлеющим самому себе, показать, чем он отличается от любого другого психологического или логического факта. Чем больше автор прилагает усилий, чтобы разрушить представляющийся ему незаконным барьер между мыслительной формой (*la forme pensée*) и мыслью, он удаляется от собственной цели, которая должна состоять в том, чтобы очертить область выражения мысли, постичь ее законы не в отношении их сходства с общими законами нашей психики, а, напротив, в отношении их специфичности и уникальности, как законы языка.

Считаю важным отметить, что это никоим образом не умаляет значения теории *вхождения одной науки в другую*, которая является, так сказать, вторым тезисом г-на Сеше по поводу общей классификации наук наряду с теми положениями, которые составляют его Психологию языка. — < Что касается психологии языка, то может показаться странным, что каждое подразделение лингвистики — даже если оно представляется

справедливым – выводится дедуктивным путем, и этот дедуктивный путь признается достаточным для целей классификации, причем не доказывается его большая оправданность по сравнению с предыдущими классификациями, основанными на опытных данных. Конечно, разные классификации согласуются между собой, но следовало бы провести формальное сопоставление по [каждому пункту] с основанными на опыте классификациями [зачеркнуто] >. – Сначала я должен еще раз сказать, что оправданное или неоправданное вхождение лингвистики в Психологию [не освобождает лингвиста от обязанности выявления того чем лингвистика отличается от психологии].

ЗАМЕТКИ К КУРСУ II (1908—1909 гг.)

Второй курс по общему языкознанию, прочитанный Соссюром в 1908—1909 гг., позволяет представить некоторые его общие идеи, использованные издателями "Курса" для компоновки книги *.

1. ДВОЙСТВЕННОСТЬ В ЯЗЫКЕ И ЛИНГВИСТИКА

3331 = 22.1

[Заметки к курсу II (1908—1909)? Виды двойственности.

Рукопись: ВПУ Женева, Ms. fr. 3951.

Ср. : CFS, 17, 1960, 8.]

[133] I° Языковую деятельность можно свести к пяти-шести видам ДВОЙСТВЕННОСТИ, или *пар сущностей*, < понимая эту двойственность в положительном смысле [зачеркнуто] >**.

II° Возможность сведения языковой деятельности к < некоторому числу [зачеркнуто] > определенных пар представляет собой важное преимущество. Языковая деятельность, как она дана нам непосредственно, предстает в виде множества гетерогенных фактов, которые образуют совокупность, *не поддающуюся классификации*.

III° Нарушить закон Двойственности невозможно. / [2]

[139] Первая пара, или первая *двойственность*: < Две психические стороны знака. >

[141] Вторая пара, или вторая *двойственность*: Индивид | масса.

Язык, который сам по себе независим от существующей в данный момент массы людей, неразрывно связан с этой массой.

Другие формы: Язык социален, или он не существует. Язык, прежде чем он навязывается индивиду, должен получить санкцию коллектива.

[241] Знак, уже сам по себе двойственный в силу внутренней ассоциации, которая его образует, и двойственный в силу своего существования в двух системах, находится под двойным управлением.

Третью пару сущностей образуют язык и речь (la langue et la parole).

[245] Язык узаконен обществом и не зависит от индивида.

[246] К Индивиду, то есть к Речи, относится:

а) Все, что составляет Фонацию, б) Все, что является сочетанием элементов. – Все, что есть Воля.

[242/3] Двойственность:

Речь	Язык
Индивидуальная воля	Социальная пассивность

Здесь впервые возникает вопрос о двух Лингвистиках.

2. УИТНИ И РОЛЬ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

3332 = № 22.2

[Заметки к курсу II (1908–1909).

Копия отрывка из книги Уитни и комментариев к нему.

Рукопись: ВПУ Женева, Ms. fr. 3951.

Ср.: CFS 17, 1960, 8.]

Whitney “Oriental & Linguistic studies”, vol. 1. New York, 1873; 200 p.

”Когда < предполагают, считают своим долгом заявить, утверждают [зачеркнуто] > настаивают на том, что основой науки о языке должна стать сравнительная индоевропейская филология, это ни в коей мере не следует понимать как желание ограничить интересы лингвистики языками данной семьи. Цель лингвистики – понять сущность языка в самом широком смысле слова без всяких ограничений, изучить человеческий язык в целом во всех его проявлениях и связях, во всех его разновидностях вместе с историей их возникновения и причинами языкового разнообразия. Исследование осталось бы незавершенным, картина языка была бы неполной, а результаты имели бы ограниченное значение, если бы наряду с языками, обладающими более высоким прест:жем, к исследованию не привлекались самые неразвитые, самые незначительные языки. Даже в самом благоприятном случае в нашем распоряжении может быть < доступной и под рукой [зачеркнуто] > лишь небольшая часть материалов, которые мы хотели бы иметь; и из этого имеющегося у нас материала мы не имеем права ничего оставлять без внимания. Также для того, чтобы лингвисты могли проследить историческое развитие различных форм человеческого языка и выявить внутренние и внешние условия их развития,

они должны иметь в своем распоряжении – им просто необходимо иметь в своем распоряжении – подлинные документы для всех периодов развития каждого языка; в действительности же мы можем наблюдать только поздние этапы изменения небольшого числа форм, по большей части даже самые последние этапы. Лингвист должен делать свои выводы на основе индукции, с помощью обязательного изучения и тщательного сопоставления / [2] более или менее разрозненных сведений. Возникла очевидная необходимость выработки того или иного метода обработки фрагментарных материалов, установления правил и принципов логического вывода в лингвистике и интерпретации < языковых [зачеркнуто] > свидетельств, определения общих линий языкового развития, которые должны затем подтверждаться или уточняться результатами дальнейших разысканий в этой области.

Однако как можно выполнить, < осуществить > эту программу, если не опираться на конкретные исследования на материале индоевропейской семьи языков? Только в пределах этой семьи можно найти почти не ограниченное количество засвидетельствованных фактов, связанных между собой разнообразными отношениями, которые можно проследить и которые позволяют увидеть взаимозависимость этих фактов. Только в пределах этой семьи можно обнаружить настоящее изобилие форм, отличающихся как своим многообразием, так и высокой степенью развития своей структуры; вместе с тем они дают возможность проследить ход этого развития и восстановить первоначальное примитивное состояние. Существуют и другие памятники человеческой речи, такие же древние, как и самые первые памятники индоевропейских языков, и даже более древние; однако эти документы в силу ряда обстоятельств обычно представляют для лингвиста несравненно меньшую ценность. Памятники египетской письменности дошли до нас из глубины древнейшей из известных нам эпох; но египетский язык занимает почти изолированное положение в кругу других языков своей семьи, и его структура настолько проста, что едва ли можно говорить об истории египетского языка.

В этом отношении его превосходит китайский язык, который также принадлежит к / [3] к тому особому типу языков, изучение которых может дать очень немного для понимания общих закономерностей развития языка.

Лишь семитская семья языков может соперничать с индоевропейской в отношении древности, а точнее, архаичности, однако семитские языки также намного отстают от индоевропейских по богатству и разнообразию источников языкового материала...”

< Я опускаю дальнейшие рассуждения на эту тему >.

”Только языки индоевропейского происхождения позволяют выделить со всей четкостью обширную область непрерывной языковой истории. Именно здесь оказалось возможным проследить весь процесс < или все стадии > роста в его многообразных проявлениях от истоков до самого совершенного из известных типов языков. – Именно в этой области было создано ядро, вокруг которого позднее сформировалась и приняла окончательный вид целая наука. Именно в этой области были предприняты попытки сделать такие

обобщения, выработать такие исследовательские методы, которые смогут найти применение при изучении семей языков, сведения о которых скудны и тем самым затрудняют их изучение... Пусть не говорят, что мы непозволительным образом скорее превозносим достоинства индоевропейских языков или скорее выказываем предосудительное пристрастие к языкам, родственным нашему родному языку, чем действительно доказываем ту истину, что вся наука о языке до сих пор основывалась, по существу, на изучении индоевропейских языков. Если материалы именно этих языков / [4] легли в основу огромного большинства лингвистических исследований, то это обусловлено только что изложенными причинами: или исторической ролью народов, говорящих на них, или, наконец, превосходством самих языков, а также литератур на этих языках. Как и в любой другой науке, в лингвистике исследователю нельзя запретить обосноваться именно в той области, в которой обнаруживаются наиболее поучительные факты, характеризующиеся наибольшим числом интересных соответствий между ними**.

Надо учесть, что этот текст написан в ответ на некоторые выступления, особенно со стороны ассириолога Опперта**, против той чрезмерной роли, которую берет на себя как нечто само собой разумеющееся индоевропеистика; поэтому тон здесь несколько полемический. Но Уитни почти во всех своих работах возвращается к той же мысли о неизбежности преобладающей роли индоевропейского языкознания, и я выбрал именно этот отрывок из его работ, потому что в нем он наиболее полно аргументирует свою точку зрения.

С другой стороны, эти мысли Уитни высказал 35 лет тому назад, и можно согласиться с тем, что за это время изучение языков других семей достигло определенных успехов; впрочем, эти успехи не стоит преувеличивать. Если, < впрочем [зачеркнуто] >, говорить об успехах, особенно хорошо можно было бы их показать на примере той семьи языков, которую Уитни не упоминает в приведенном отрывке; это урало-алтайская семья языков, в нее входят угро-финские, турецкий, татарский языки, большая часть языков Сибири и др. В этой области наблюдается определенная активность; упомянем имена Радлова*** и В. Томсена****. Думаю, что слова Уитни сохраняют свою истинность во все времена по следующей причине: тот, кто вознамерится заложить основы изучения других групп / [5] языков, тщетно будет трудиться над выполнением этой задачи, если он предварительно не ознакомится подробнейшим образом с индоевропейским языкознанием и его достижениями. Ни один лингвист никогда не сможет обойтись в вопросе методов и критического анализа фактов без богатого опыта, накопленного индоевропеистикой. Тот семитолог, который считает, что глубокое знание арабского, древнееврейского, финикийского, ассирийского, эфиопского и остальных языков, входящих в семитскую семью языков, позволяет ему заниматься историей этих языков, игнорируя принципы, установленные в индоевропеистике, потерпит полный провал, если только он не

будет достаточно гениален, чтобы самому заново проделать то, что не без труда было достигнуто в индоевропейстике за 90 лет коллективных исследований и наблюдений. Но как говорит и сам Уитни, индоевропейское языкознание имеет право наставлять другие науки не только потому, что оно по воле случая возникло ранее их, но также и потому, что по своей сложности индоевропейские языки превосходят языки других семей.

Не стоит поддаваться несколько детской иллюзии и полагать, что французский, латинский или немецкий, будучи нам близки, являются собой более простой тип языка по сравнению с древнееврейским или китайским, одно название которых всегда вызывает представление о *sumptum*¹ языковой сложности. На шкале сложности дело обстоит как раз наоборот, и то же самое можно сказать об исходном состоянии индоевропейского языка в том виде, в каком мы его воссоздаем с помощью метода реконструкции; этот язык с самого начала предстает более сложным, чем протосемитский, прототуранский или протомалайский. / [6]

Индоевропейское языкознание с самого начала имеет дело с более сложными и более разнообразными – одно с другим связано – типами языков по сравнению со множеством других языков и с этой точки зрения по праву занимает руководящее положение, как занимает его всякая наука, изучающая высшие организмы, по отношению к науке, изучающей низшие организмы. Я не буду вдаваться в подробности; очевидным образом сказанное не означает, что индоевропейское языкознание заранее предусматривает и включает в себя все возможные случаи. Я хотел лишь сказать, что в силу широты своего материала оно имеет возможность охватить гораздо больше фактов, чем любой другой раздел языкознания; и чтобы не подумали, что кое от чего можно отказаться, добавлю, что оно одновременно имеет возможность изучать исторические, или диахронические, факты и синхронические, или грамматические, факты.

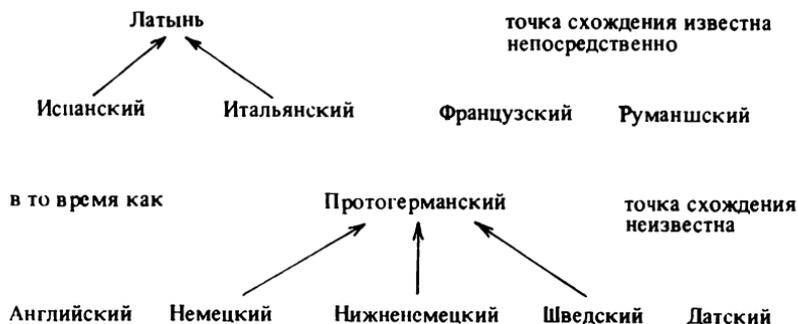
3. РОМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

[83] Если вновь обратиться к приведенным мною словам Уитни, то может показаться странным, что он не упомянул романское языкознание, такую отрасль, которая не в меньшей мере предназначена служить полезной основой для общего языкознания. Прежде всего это обусловлено тем элементарным и не требующим разъяснений фактом, что романские языки развиваются как ответвление индоевропейской семьи языков; ведь их развитие – это развитие латыни, одного из языков

¹ Крайней степени (лат.). – Прим. перев.

данной семьи, поэтому незачем даже называть их развитие *дальнейшей судьбой* или *постисторией* латыни. / [7]

Романские языки не представляют собой неожиданный эпилог развития латыни, они самое настоящее ее продолжение, подобно тому как современный немецкий, шведский или английский являются продолжением германской ветви индоевропейского. Все же отличительной чертой, присущей только языкам романской группы, и, следовательно, чертой романистики*, является то, что известен прототип испанского, итальянского, французского, руманшского¹ и т.д. языков.

Так же обстоит дело и в других подгруппах индоевропейских языков, только романские языки представляют исключение. Нигде точка схождения не представлена известным нам языком; так, в группе славянских языков (чешский, польский, русский, сербский и т.д.) непосредственно не известен славянский прототип.

В силу этого обстоятельства чисто внешнего и случайного характера положение романского языкознания при решении всех возникающих проблем оказывается исключительным. Оно отличается не только от положения лингвиста, который изучает индоевропейскую семью языков в целом, но и от положения того, кто ограничивается изучением языков какой-либо иной подгруппы, например германских языков. Это придает особый характер романскому языкознанию, делает его положение совершенно привилегированным среди других отраслей языкознания.

Именно в таком смысле можно было бы ожидать, что цитированный мною автор упомянет романское языкознание как такую отрасль, в которой достигается некий максимум точности благодаря документальным свидетельствам двоякого рода. Но в том же смысле можно было бы с полным правом отбросить этот случай как действительно исключительный; только в этой области нет необходимости прибегать к обычному методу индукции.

¹ Имеется в виду ретороманский язык Швейцарии. – Прим. перев.

4. КЕЛЬТСКИЕ ЯЗЫКИ

3333 = № 22.3

[Заметки к курсу II (1908–1909): Кельтские языки.

Рукопись: *BPU Женева, Ms. fr. 3951.*

Ср. *CFS 17, 1960, 8.*]

Кельтские языки*. – 1° Трудность установления или определения границ страны кельтов в эпоху, предшествовавшую I в. до н.э. – Как только речь заходит о кельтах, каждый, естественно, начинает думать, с одной стороны, о Галлии, с другой – о Британских островах. Но сами кельтологи, в том числе французские, пытались навязать мнение о ложности предположения о том, что названные западные страны являются основной территорией распространения этого народа. Наиболее видным ученым из тех, кто выдвинул эту модную сейчас идею, является кельтолог д'Арбуа де Жюбенвиль, профессор Французского коллежа; конкретные доказательства вы сможете найти в его двухтомной книге "Первобытные жители Европы"*** < + дата >; содержащиеся в ней выводы относительно кельтов получили большее или меньшее одобрение также и у немецких ученых. Мои краткие заметки не являются подлинным анализом этой работы.

Суть новой точки зрения: а) Утверждение, что юг Франции никогда не был плотно заселен кельтами, нуждается в проверке. Достоверно известно, что юго-восток был заселен лигурами. < Все марсельское побережье, а также довольно далеко в северном направлении >. Но кто такие были лигуры? Это другой вопрос; дальше мы покажем (если хватит времени), что часть лингвистов считают их индоевропейцами. Во всяком случае, никто не считает их кельтами; таким образом, относительно значительной части территории Франции следует с осторожностью подходить к вопросу о кельтском населении. б) Напротив, нет никаких сомнений, что значительные массы кельтского населения были распространены в Центральной Европе***.

Александр Великий

X Бойи

Дуросторум

X Вольки

Эбуродунум-Брно

Карродунум-Хорватия

Но также и по всему течению Дуная. – Название *Hercynia silva* 'Герцинский лес' кельтское. – в) Большое количество кельтских заимствований в германских языках, в особенности терминов государственного и частного права, что, по-видимому, указывает на господствующее положение

ние кельтов в германских землях. Необходимо отметить, что сегодня даже Хирт* допускает это господство. / [2]

Наиболее древние тексты армориканского¹ бретонского восходят лишь к XV в., но имеется некоторое количество более древних глосс. – Статистические данные на 1885 г. 1 300 000 человек, из которых половина одноязычна. / [3]

Характерные особенности на фоне индоевропейского: 1° Ряд *доли-тературных* этапов островного, или валлийского кельтского языка обнаруживает не только поразительные отличия от следующих этапов развития, но также и чрезвычайную верность индоевропейскому типу. Одни лишь результаты анализа древних географических названий на территории Галлии не оставляют никаких сомнений в том, что галльский язык, вероятно, занимает такое же место, что и греческий, с точки зрения индоевропейского. Его значение почти максимально, во всяком случае, оно во всех отношениях неизмеримо больше для познания индоевропейского, чем значение латыни, так как галльский язык сохранил неизменным древнее состояние. – Непоправимая беда исторического индоевропейского языкознания – отсутствие сведений о галльском языке или по крайней мере о каком-нибудь кельтском диалекте того же периода, с которым мы связываем представление о Галлии. – 2° Целостность и прозрачность кельтских названий, относящихся к [архаической эпохе] (Галлия и острова).

¹ А р м о р и к а – древнее название полуострова Бретань (Франция). *Прим. перев.*

ЗАМЕТКИ К КУРСУ III (1910 – 1911)

Третий курс по общему языкознанию в 1910/11 учебном году является основным, так как содержит достаточно развернутую концепцию теории внутренней лингвистики, которую впоследствии использовали основатели структурализма*.

1. ДЕЛЕНИЕ КУРСА

3334 = № 23.1

[Заметки к курсу III (1910 – 1911): Разделы курса и лингвистическая география.

Рукопись: ВПУ Женева, Ms. fr. 3951.

Ср. SM 13, 52; № 22, 1–3; CFS 17, 1960, 8; № 23, 1–2.]

[2844] Как я уже сказал, мы разделили наш курс на три части, и название первых двух частей различается только формой единственного и множественного числа: 1-я часть: *Языки* (*Les langues*). 2-я часть: *Язык* (*La langue*). Этого различия вполне достаточно, чтобы точно и недвусмысленно обозначить разницу в содержании двух частей. Одна из них явится своего рода обобщением другой. Если бы мы решили с самого начала подчеркнуть противопоставление содержаний с помощью заглавий 1° *Языки* и 2° *Жизнь языка* (*La vie de la langue*), такое решение было бы опрометчивым и не принесло бы пользы.

[2846] В самом деле, мы поступили бы очень дерзко, по крайней мере мне так кажется, если бы захотели сказать вторым заглавием, что все, что имеет значение для общей характеристики языка, является составной частью *жизни языка*, *биологии* или истории этого организма, которую предстоит описать. Многие явления действительно соприкасаются с жизнью или историей языка и могут рассматриваться в этом аспекте, но есть и другие явления, которые не укладываются в эти рамки. Среди прочего весь логический аспект языка зависит или может зависеть от неизменных сущностей, которые не затрагиваются случайными изменениями временного или географического порядка. Поэтому такой заголовок, как *Жизнь языка*, был бы совсем неподходящим по причине

своей излишней точности и, следовательно, излишней узости. Даже если речь идет всего лишь об одном из возможных мнений, имеются веские основания ничего не предрешать с помощью самих заголовков. *Языки* – это конкретный объект, существующий на земле и обнаруживаемый лингвистом. *Язык* – это имя, которым можно обозначить все то, что лингвист сумеет извлечь из своих наблюдений над совокупностью языков, существующих во времени и в пространстве.

2. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ЯЗЫКА

[2845] *Первая глава: Географическое варьирование языка (de la langue). Это первый факт, привлекающий наше внимание. Различные виды и степени этого варьирования.*

[2847] Множественность форм языка на земном шаре, варьирование языка, наблюдаемое при переезде из одной страны в другую или из одного района в другой, – это, так сказать, первейшее наблюдение, которое может непосредственно произвести любой человек.

[2848] Не будем пока примешивать к наблюдению над этим явлением размышления по поводу возможных причин его возникновения, будем воспринимать его как данное. Я сказал, что географическое варьирование является первым, что бросается в глаза как лингвисту, так и любому другому человеку. Если варьирование языка во времени поначалу неизбежно ускользает от внимания исследователя, то невозможно представить, чтобы от его внимания ускользнуло варьирование в пространстве.

Позднее мы рассмотрим варьирование во времени и увидим, что, в сущности, оно неотделимо от варьирования в пространстве; но, повторяю, только второй вид варьирования дан нам непосредственно. Любой наблюдатель принадлежит определенному поколению, и вначале он ничего не знает о том, каким мог быть язык до него; таким образом, он не может догадаться [о варьировании во времени]. Напротив, [факт географического варьирования обнаруживается сразу и непосредственно]. Даже дикие племена... Поэтому можно утверждать, что любой народ, даже на столь ранней стадии развития, осознает свой язык.

[2849] Контакт с аллоглоссами* Древний миф о вавилонском столпотворении свидетельствует о [вечности] этой проблемы. Самый неотесанный крестьянин, говорящий на патуа¹

[2850] Отметим попутно, в каком виде первобытные племена представляют себе обычно [факт языкового разнообразия]; это не лишено интереса. С одной стороны, это нечто, отличающее собственный образ жизни [от образа жизни соседей]. / [3]

Местный говор, наречие (*франц.*); часто с уничижительным оттенком.

Прим. перев.

[2852] Это отличительный признак, как и одежда, прическа, оружие. Вот что получает положительную оценку: привычки, но не цвет кожи, телосложение.

[2851] Слово *idioma* имеет два смысла¹

[2853] Также надо добавить, что, разумеется, каждый народ обычно гордится превосходством своего языка:

[2854] *bègues* 'заики' – *βάρβαρος* 'чужеземец', др. инд. *mléchas* 'заики'

Общей чертой даже самых цивилизованных народов является такое понимание каждого явления повседневного языка, которое полностью противоречит здравому смыслу.

[2855] И для самой лингвистики [данный факт имеет первостепенную важность]. Лингвистика существовала только тогда, когда [уделялось внимание этому варьированию]. [Другой исходной точкой является] внутренний, грамматический анализ. Греки [учитывали диалектное разнообразие]: *διάλεκτοι* 'диалекты, наречия'

Примечание: изменчивость. Грамматика и разнообразие языков мало связаны между собой.

Другое примечание. Если язык дан нам непосредственно в своем географическом разнообразии, не является ли он также средством этнической дифференциации? Эта проблема гораздо сложнее. *Этническое* = принцип варьирования во времени или относительного сопротивления варьированию во времени. Поэтому уже только по одной этой причине пришлось бы приводить различные соображения, не являющиеся непосредственно очевидными.

[2858] Второе по важности наблюдение после факта варьирования: более или менее значительная аналогия, более или менее значительное сходство или несходство. Это наблюдение гораздо легче осуществить, чем можно предполагать, учитывая отставание сравнительной грамматики. Самый неотесанный крестьянин... Любопытно... Не только диалекты, но и итальянский и французский языки.

[2859] Греки хорошо осознавали, что в латыни было множество [похожих слов].

[2860] К чему может привести это наблюдение, если проводить его научно? Если обнаруживается значительное сходство, то предполагается *родство*. Родство предполагает *генеалогию*, то есть *возврат к прошлому, к истокам*. Поэтому последовательное выявление родства во всех деталях невозможно; речь может идти только о принципе. Языковые семьи.

[2862] В свою очередь сравнение этих групп [может внушить мысль об их родстве]. Неизбежные ограничения.

[2872] Два основных случая:

Варьирование в рамках родственных связей.

Варьирование при отсутствии доказанного родства.

[2863] 1° Возможно ли выйти за [рамки этих ограничений]?

¹ 1) 'своеобразие'; 2) 'идиома' – *Прим. перев.*

Семитские – индоевропейские языки.

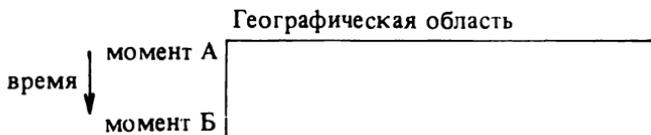
[2867] Тромбетти*.

[2865] Доказуемо и истинно.

[2875] 2° Запрещено ли всякое сравнение? Всякое историческое сравнение – да, но не всякое сравнение грамматического строя. / [5]

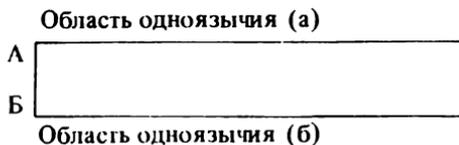
3. ЯЗЫК – ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

[2919] 1° Расщепление (diversification) первоначально единого языка. Принцип дробления на одной и той же территории. В качестве общего принципа было признано, что процесс, в результате которого язык множится, дробится на несколько языков, не обязательно связан с перемещением населения. Оно может быть интерферирующим фактором, который, так сказать, наслаивается на другие. Однако важнее всего понять, что расщепление может иметь место как при отсутствии этого фактора, так и при его наличии, что осложняет этот процесс. Если дана определенная территория, на которой в момент А распространен один язык,

то возникает необходимость констатировать и [разъяснить] два обстоятельства. Мы заранее предполагаем, что в момент Б будет наблюдаться иное состояние языка, более или менее изменившееся по сравнению с состоянием в момент А. Это следствие действия фактора *Время* или следствие принципа изменчивости языка во *Времени*.

Этот факт легко можно представить как изолированный, то есть следующее состояние в момент Б не менее одноязычно, чем в момент А.

(Результат изменения *один*.)

Но второй принцип, подтверждаемый наблюдениями, заключается в том, что изменение никогда не приводит к одинаковому результату по всей территории. Всегда так получается, что по крайней мере часть изменений идет по разным направлениям в разных пунктах территории;

поэтому изменению во Времени всегда сопутствует одновременное расщепление в Пространстве.

[6] Если существующее во Времени Пространство рассматривается в достаточно большом временном интервале, чтобы были заметны значительные языковые изменения, или, что одно и то же, если к действию времени добавляется пространственный аспект, результат всегда будет представлять собой кратное пространства и времени, то есть [дробление языка]. Разнообразие языков (*idiomes*) (*b*, *b'*, *b''*) независимо от изменения языка:

Пр и м е р. В определенный момент во всей Италии говорили на латинском языке, на довольно единообразном латинском языке. Если мы рассмотрим ту же территорию сегодня, то будет ли результатом изменения

А) единообразная латынь

Б) единообразный итальянский язык?

Никоим образом. Итальянский язык, на котором говорят в Генуе, Венеции, Флоренции, в Неаполе, [везде разный]. Конечно, наблюдаются постоянные усилия по созданию общего языка, называемого литературным итальянским языком, но он является продуктом литературного творчества и волеизъявления нации [и создан] в основном на базе тосканского диалекта.

Прямые результаты развития латинского языка настолько различны, что миланец, который захочет посмотреть в неаполитанском театре пьесу местного автора, не поймет речь актера. Идея Европы, лишенной народов.

[2951] Возникновение варьирования в пространственном континууме.

[2952] Мы предположили наличие протяженной территории, первоначально совершенно одноязычной или считающейся таковой; кроме того, мы предположили наличие постоянного и оседлого населения по всей территории. В качестве типичного случая можно взять территорию Галлии около 200 г. На ней действительно был распространен язык, который можно считать в рассматриваемый момент единообразным по всей территории как следствие римской ассимиляции; разговорная латынь в Трире, Туре или Тулузе, Женеве, Марселе в какой-то момент была идентичной.

[2953] *Первый достоверный факт, обусловленный только временем.* Имея перед собой язык в виде чистой страницы, каковым он является в начале более или менее продолжительного периода, например в 500 лет или даже намного менее продолжительного, мы можем предсказать, опуская всякие побочные явления, что этот язык уже не будет таким же, тождественным самому себе, если мы рассмотрим его в конце данного периода времени. Откуда нам это известно? Из универсального опыта. В любом случае, когда у нас есть возможность проследить историю какого-либо языка в течение двух-трех веков, мы можем установить, что пройденный путь обычно характеризуется более или менее значительными изменениями, происшедшими в языке.

[2205] Абсолютную неизменчивость нельзя обнаружить нигде. Абсолютным является только принцип движения языка во времени. Это движение осуществляется по-разному, более или менее быстро в зависимости от обстоятельств, но оно обязательно есть. Ничто не может затормозить его; вполне вероятно, что войны, гражданские смуты, национальные кризисы могут убыстрять движение языка, как это часто утверждалось, но в принципе это не важно, потому что даже в наиболее спокойные периоды истории [2206] никогда не наблюдалось, чтобы языковой поток был одинаков в двух точках, взятых выше и ниже по течению; при этом неважно, что между ними могут быть водопады. Оставившись на причинах, которые могут иногда ускорять движение языка, — значит жертвовать общезначимыми фактами ради случайных. Достаточно понять, что это движение непрерывно осуществляется естественным образом помимо всяких конкретных обстоятельств. / [8]

4. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

[2207] По правде говоря, факт этого непрерывного движения часто бывает скрыт от нас фактом существования литературных языков (*langues*), оказывающихся первым и даже единственным предметом, к которому обращается наша мысль.

[2209] Действительно, всякий литературный язык после того, как он сформировался, остается сравнительно неподвижным. Во всяком случае, через него мы не можем почувствовать в должной мере, что настоящий язык, язык, свободно бытующий в социальной массе, является объектом, изменяющимся в зависимости от времени.

[2208] Ранее мы уже отмечали в нашем курсе существование литературного языка как некоего образования, *наложенного в пространстве на другое образование* — на естественный язык. Жизнь литературного языка, наложенного в пространстве на естественный, протекает в иных условиях; мы же изучаем условия жизни только естественного образования.

[2210] В другом месте мы рассмотрим *причины*, по которым литера-

турные языки оказывают большее или меньшее сопротивление общей тенденции к изменениям в языке или же не участвуют в них полностью. Речь идет по-прежнему о том, чтобы решительно оставить в стороне факт литературного языка, и таким образом, исходя из этого, мы снова обращаемся к прямоугольнику, с помощью которого мы изображаем *одноязычную* территорию, предоставленную *свободному* взаимодействию сил¹

5. АНАЛИЗ ЗВУКОВОЙ ЦЕПИ

3335 = № 23.2

[Заметки к курсу III (1910–1911): Анализ звуковой цепи.

Рукопись: BPU Женева, Ms. fr. 3951.

Ср.: SM 13, 52; CFS 17, 1960, 8; № 23.3.]

[720] Анализ звуковой цепи во времени является эксплицитной или имплицитной исходной точкой [всякой фонологии], и создатели первых алфавитов обращались к такому анализу. Мы не в состоянии подвергнуть анализу акустические впечатления, но, взяв "акустическую речевую цепь" (*chaîne de parole*), мы сразу можем выяснить, является ли какой-нибудь ее отрезок I—I однородным на всем своем протяжении или неоднородным.

[723] Если мы будем считать каждую <единицу для [зачеркнуто]> однородным отрезком, отличающимся от двух соседних отрезков, не учитывая их длительности, то таким образом мы получим *неразложимые единицы*, из которых состоит цепь.

[725] Эти единицы, выделенные лишь на основе их *различий*, и ни на чем ином, греки стали обозначать знаками, например κΗ, при этом длительность не учитывалась.

"Мы сразу можем выяснить" – не всегда это так.

[741] Но другие народы не стали выделять неразложимые единицы <низшая ступень>; был выбран иной принцип [киприоты]*.

[743] *pa, ka, ti, do* ("слоговое письмо"). При создании письма незначительно рассматривать соответствующие артикуляторные движения. Достаточно обозначить различия в акустических эффектах.

[748] Фонолог.

Какие в точности движения голосового аппарата происходят в интервале времени T, характеризующемся акустической гомогенностью?

[751] Фонолог исходит из этого гомогенного в слуховом отношении отрезка, без чего он не смог бы выделить единицы в акустической рече-

Далее мы опускаем материал, достаточно полно представленный в "Курсе" (ч. IV, гл. 3, № 2 и сл.), со всеми схемами (см. Со с с у р 1977, 235 и сл.). – *Прим. ред.*

вой цепи. Хотя акустическая единица неразложима, тем не менее он может проанализировать [движения] . / [2]

[755] Из скольких *моментов* состоит цепь, сколько в ней [звеньев, фонем] Если речь идет о разложимых единицах, следует учитывать наличие временной последовательности, [756] то есть сложная единица всегда представляет собой отрезок цепи: *звено + звено*.

[757] Напротив, *неразложимые* звенья могут уже не рассматриваться как *звенья, моменты, а рассматриваться in abstracto*.

[758] Таким образом, возникает возможность говорить об *f*, об *i* как о типе звука *f*, о типе звука *i*.

[759] Ср. до-ре-ми.

[791]

Артикуляция { согласные
гласные: гортанный звук,
резонатор

[801] Степени смыкания ротовых органов: шесть степеней.

6. НОМЕНКЛАТУРА

3336 = № 23.3

[Заметки к курсу III (1910–1911): Номенклатура*]

Рукопись: ВПУ Женева, Ms. fr. 3951.

Ср. SM 13, 52; № 22.5; CFS 17, 1960, 8 № 23.4.]

[1085] Большинство людей смотрят на проблему языка как на проблему *номенклатуры*. В IV книге *Исхода* Адам дает имена [всему живому], и, если [угодно], это можно назвать [первой теорией происхождения языка].

7. СУЩНОСТИ И ЦЕПИ (СОЕДИНЕНИЙ ЕДИНИЦ) **

3337 = № 23.4

[Заметки к курсу III (1910–1911): Сущности и отрезки.]

Рукопись: ВПУ Женева, Ms. fr. 3951.

Ср. SM 13, 52; № 22. 6.]

[1762] *Отрезки*.

Тождества.

четырёхчасовой поезд

[1764] "война, говорю я вам, война!"

[2165] Абстрактные сущности.

[2190] Порядок – *hôtel-dieu* 'центральная больница' – *Dois-je* 'Должен ли я' – *désireux* 'желающий'.

(Опирается на отрезки.)

Генитив.

[2195] 1° опирается тем не менее на материальные единицы.

2° абстрактное = не языковое.

3° если = для сознания говорящего субъекта все конкретно.

8. ПРОИЗВОЛЬНОСТЬ ЗНАКА И ПОНЯТИЕ ЭЛЕМЕНТА – ЧЛЕНА СИСТЕМЫ

3338 = № 23.5

[Заметки к курсу III (1910–1911): Произвольность знака и понятие члена (terme).

Рукопись: ВПУ Женева, Ms. fr. 3951.

Ср.: SM 13, 52–53; № 22. 7–8; CFS 17, 1960, 8; № 23.5.]

[2105] Невозможно себе представить всю важность слова *член*. Сведение во всякой языковой системе абсолютной произвольности к относительной и составляет "систему".

Если бы язык использовался только для наименования предметов, различные его члены не были бы связаны между собой, они существовали бы по отдельности, как и сами предметы. Впрочем, элементы языка предназначены также и для обозначения материальных, видимых предметов. Например, *хлеб, булжжик*. / [2]*

[2117] **П р и м е ч а н и е.** *Основой всякого исследования* в числе прочего является *выражение*. Оно включает в себя исследование значений. / [3]

Выражение основывается в числе прочего на значении.

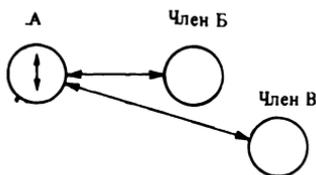
прямое	– непрямое
простое	– сложное
неразложимое	– разложимое
(синтетическое)	– аналитическое)

1° "аналитическое" выражение никогда не заключает в себе всё

2° "синтетическое" выражение

"полностью произвольное" выражение – частично произвольное выражение. / [4]

[2090] Есть элементы относительно произвольные и есть другие, абсолютно произвольные:

[2094]	vingt 'двадцать'	dix-neuf*	'девятнадцать'
[2095]	ormeau 'молодой вяз'	poirier	'грушевое дерево'
[2096]	berger 'пастух'	vacher	'пастух (пасущий коров)'
	geble 'тюрьма, застенки'	prison	'тюрьма'
	hache 'топор'	couperet	'резак'
	concierge 'швейцар'	portier	'привратник'
	jadis 'когда-то'	autrefois	'прежде', toujours 'всегда'
	souvent 'часто'	fréquemment	'часто'
	aveugle 'слепой'	parfois	'иногда'
		bossu	'горбатый, boiteux 'хромой'
	sourd 'глухой'		
	chauve 'лысый'		
	commencer 'начинать'	entreprendre	'предпринимать'
	violet 'фиолетовый'		
	lentille 'чечевица'		
	bien 'хорошо'	(bon	'хороший')
нем.	Laub 'листа'	feuillage	'листа'
	métier 'ремесло'	Handwerk	'ремесло' / [на оборотной стороне листа]
		< Laub	feuillage
			1 = feuille 2-age >
			[зачеркнуто]

- [2119] Внутренняя – внешняя ассоциация.
– система: грамматический механизм.
– "лексическая" система.
– Изолирующие – координирующие языки.
– Шкаф с ячейками. Изолированные ячейки, сообщающиеся ячейки.

[2120] Немецкий, английский,

[2121] китайский.

[2123] Эволюция. Латинский > французский.

separare 'отделять'
ministerium 'служба'

9. НЕОБХОДИМОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗМЕНЕНИЯ ЗНАКОВ

3339 = № 23.6

[Заметки к курсу III (1910–1911): Неизбежность изменения знаков; синхрония и диахрония.

[1278] Прежде чем закончить эту главу, я хочу добавить нечто вроде постскриптума, чтобы восполнить те кажущиеся пробелы, которые можно в ней обнаружить. Вероятно, вы скажете, что "Неизбежность" изменения знаков не была освещена достаточно, хотя речь все время шла об изменении. Мы действительно попытались выявить причины, которые обуславливают *непрерывность* = отсутствие свободы изменения во Времени, – мы не указали ни на какую конкретную причину изменения [знаков во времени]. < Обусловлено Временем. >

Было сказано, и я хочу еще раз это подчеркнуть, что изменение является лишь одной из форм *непрерывности*; сам факт продолжающегося существования знаков *обуславливает* их изменение. Но я признаю, что ничего не говорилось о том, почему они *должны* изменяться. И мне не трудно указать, по какой причине это не было сделано.

В самом начале я отметил, что имеются различные факторы изменения, но *результаты их действия настолько переплетены*, что было бы неразумно попытаться немедленно распутать их. Я сказал, что факт изменения в целом можно верно передать только с помощью выражения "полное *смещение соотношения* между означающим и означаемым"* независимо от того, подвергается ли изменению означающее или означаемое. Поэтому мы рассматриваем изменение в целом, не выделяя его причины и формы, ибо такое решительное разделение таит в себе опасность. / [2] Поскольку мы ставим себя в положение того, кому неизвестны заранее конкретные причины изменений, ясно, что мы не можем в то же время говорить о намерении разобраться в этих причинах.

Вопрос о *неизбежности* или *неотвратимости* следовало бы рассматривать отдельно для каждого фактора изменения; например, является ли неизбежным тот факт, что в социальной массе, подверженной действию времени, происходит фонетическое, материальное изменение знаков, изменение их акустического образа? Тот, кто поймет неизбежность этого факта, еще не даст никакого ответа, да, не даст никакого ответа и не сможет полностью объяснить причины изменений, которые являются для нас почти тайной. Он не сможет высказать своего мнения по поводу неизбежности какого-либо другого изменения, кроме фонетического; таким образом, ясно, что [эти вопросы здесь неуместны].

[1279] Пока речь идет об общих причинах непрерывности во времени, они доступны для наблюдения каждому как известные а priori. Мы лишь указали на некоторые причины, которые незаметны в силу самой их очевидности; например, тот факт, что люди ежедневно пользуются языком. Когда речь идет об изменении во времени, лучше говорить лишь об *общем смещении соотношения членов и ценностей* и отказаться от выявления а priori степени неизбежности изменения, ведь мы же отказываемся от выделения ряда конкретных причин.

[1280] Предварительно можно сослаться на тот простой факт, что всякий объект, [который] испытывает действие Времени, изменяется, следовательно, язык, или сумма соотношений [ ]. (Следовательно, язык = сумма отношений между означающим и [означаемым, бытующий в социальной массе, испытывающей воздействие времени, также изменяется].)

10. ДВОЙСТВЕННОСТЬ ЛИНГВИСТИКИ

[1301] Глава IV. (вставить, как и предыдущую главу, вперед)

Статическая лингвистика и историческая лингвистика

[1302] **Двойственность лингвистики.**

Эта глава является непосредственным продолжением предыдущей, и в то же время в ней описывается общая основа, на которую мы будем опираться в дальнейшем. Здесь нет никакого расхождения с первоначальным планом курса, который, видимо, имеется в ваших записях. Просто я выбрал другой момент для введения величины *Время*; это историческое понятие я [ввел] в третьей главе. Можно испытывать неуверенность по поводу того, когда точно следует ввести величину *Время*. Как вы увидите, строго говоря, я мог бы уделить ей внимание позже и избавить вас таким образом от вызывающего неудобства изменения порядка глав. Здесь изменяется только последовательность глав. Но именно потому, что изменяется лишь нумерация глав при сохранении неизменным их содержания, я без всяких колебаний, учитывая определенные преимущества этого, поместил раньше, чем [предполагалось], главы о последствиях действия временного фактора.

[1303] Тот факт, что *Время* способствует изменению языка, как оно способствует изменению < или модификации > чего угодно, поначалу не кажется чреватым серьезными последствиями для / [4] лингвистической науки. Необходимо добавить, что можно говорить лишь о небольшом количестве лингвистов или, может быть, даже об отсутствии таковых, которые склонны считать, что проблема *Времени* порождает в Лингвистике особые условия, создает для нее особые трудности, особые проблемы, даже является центральным вопросом и может привести к [1316] расщеплению Лингвистики на две науки.

[1304] Повторяю, если мы обратимся в другим наукам, то мы не сможем обнаружить в них никаких особых результатов, вытекающих из рассмотрения фактора *Времени* (= изменение имеющихся элементов).

[1305] Известно, что астрономия смогла установить значительные изменения на карте звездного неба за то минимальное время, которым она располагала, но нет никаких видимых причин делить астрономию на две части, делать из нее две дисциплины.

[1306] Известно, что в геологии, представляющей в некоторой степени противоположность астрономии, постоянно ведутся рассуждения о

последовательностях фактов, об изменениях во времени, но, когда в ней изучаются также определенные состояния земных недр, рассматриваемые вне времени, эти сущности не превращаются в два совершенно отдельных объекта.

[1307] Известно, что есть наука о Праве и есть История права, рассматриваемого во времени, но никто по этой причине не стал бы говорить, что История права представляет собой особую дисциплину, отдельную от Науки о праве. / [5]

[1308] Известно, что политическая история государств развивается главным образом во времени, но мы по-прежнему будем иметь дело с политической историей, если какой-либо историк, напротив, нарисует картину определенной эпохи, исключая, следовательно, изменения во времени.

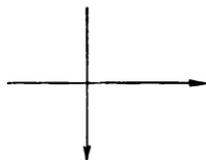
[1309] Известно, что история политических институтов исследует прежде всего состояние дел в отвлечении от фактора времени, но, если вместе с тем в ней говорится о последовательных изменениях во времени, это не означает изменения темы исследования.

[1310] Известно, что Политическая экономия (*Wirtschaftslehre*) [1318] занимается в основном равновесием между трудом и капиталом как общественными силами, а также всеми посредствующими силами.

[1311] Но тут примечательным образом, словно в результате смены декораций, мы вдруг видим следующее: в противоположность всему, что наблюдалось в вышеназванных науках, [1313] нам говорят об Экономической истории (= Политической экономии во времени) как об отдельной науке. Насколько она отдельна, если разобраться в деталях, я не берусь судить лично; достаточно указать на тот факт, что в любом университете, в том числе и в нашем, чтение лекций по Экономической истории и по Политической экономии поручается двум разным профессорами. Почему это так? [1315] Может быть < вероятно >, потому, что не отдают себе в этом полного отчета. [1316] Но это происходит по причине, которая позволит нам вскоре увидеть двойственность лингвистической науки, [1317] а именно: в Политической экономии мы имеем дело с понятием *стоимости* (ценности) (*valeur*), которая отвечает только внутренней необходимости / [6] < точнее: > уже в Политической экономии, хотя и в меньшей степени, чем в лингвистике, мы имеем дело со *Стоимостью* (*ipso facto с системой стоимостей*), ибо всякая стоимость (ценность) предполагает наличие системы стоимостей (ценностей).

[1323] Между тем весьма примечательным является то обстоятельство, что уже в первой из названных наук о стоимости, пусть даже неосознанно, почувствовали на практике невозможность заниматься двумя объектами сразу: системой стоимостей как таковой (то есть в *данный* момент) и системой стоимостей во *Времени**.

[1319] Истина заключается в том, что даже те науки, которые исследуют свойства *предметов*, выиграли бы, если бы они полнее отражали различие между двумя осями существования предметов.

Ось одновременностей
(где нельзя *исключать*
фактор Времени)

и ось последовательностей
(вещи X Время)

[1321] Когда же мы обращаемся к наукам, в которых исследуются *ценности*, различие, бывшее до сих пор почти факультативным, становится теоретической и практической необходимостью первостепенной важности. [1222] С этого момента можно запретить кому угодно учредить отдельную науку без выделения этих двух осей.

[1324] Когда мы обращаемся к наукам, в которых исследуются *произвольно устанавливаемые ценности* (семиология), а не ценности, которые коренятся в самих вещах, = произвольно устанавливаемый (языковой) знак, то необходимость различения двух осей достигает крайнего предела, так как очевидно а priori, что ценностью обладает только то, что может быть использовано сию минуту.

[1325] Любая ценность, как и языковой знак, имеет две стороны. Пока эта ценность хотя бы одной своей стороной коренится в самих вещах, например:

**земельный участок
50 000 франков**

< Стоимость определена по отношению к франку >

[1327] остается еще какая-то возможность следить за ней во времени вместе с ее колебаниями, при этом не надо забывать, что меновая стоимость (50 000 франков) также варьирует в зависимости от величины золотого запаса и т.д. [1328] Но все же конечная стоимость (ценность) здесь определяется самими вещами и чаще всего не может выйти за определенные пределы.

[1329] Напротив, в той ассоциации, которая составляет знак, с самого начала нет ничего, кроме двух ценностей, *одна из которых основывается на другой* (произвольность знака). Если бы какая-то из двух сторон языкового знака и могла существовать независимо, то это была бы понятийная сторона, понятие как основа знака. // [8]*

[1282] Мы получаем язык из языковой деятельности, отделив его от речи, и имеем такую часть, которая остается в душе говорящих, чего нельзя сказать о речи:

[1292] Когда мы обращаемся к языку, на первый взгляд ничто не мешает рассматривать его как логический объект, ибо знак произволен.

Факт наличия массы говорящих сам по себе ничего не меняет в состоянии вещей.

Будучи в этом смысле психолого-логическим, язык непосредственно не производит [такого впечатления].

[1293] Когда же вторгается фактор *Время* во взаимодействие с социальной психологией, тогда мы понимаем, что язык не свободен; говорящая масса $\times$ *Время*. / [9]¹

[1283] Определение: если из Языковой деятельности (Langage) вычесть все, что является Речью (Parole), то оставшуюся часть можно назвать собственно Языком (Langue), который состоит исключительно из психических [элементов];

[1284] язык есть психическая связь (pseud) между понятием и знаком, чего нельзя сказать о речи.

[1285] Но такой язык будет рассматриваться вне его социальной реальности, будет ирреальным, ибо для существования языка необходима масса говорящих, которая пользуется Языком. Язык пребывает в коллективной душе, [1288] и этот второй факт должен быть частью самого определения языка. Но это по-прежнему не Речь. [1289] Теперь перед нами потенциально возможный язык, но вне исторической реальности.

[1290] Поскольку языковой знак произволен по своей природе, поначалу кажется, что ничто не препятствует тому, чтобы [рассматривать его как] свободную систему, зависящую только от логических принципов и являющуюся предметом чистой науки, изучающей абстрактные отношения.

[1294] Историческая реальность или *Время*. (Масса говорящих вне *Времени*.)

[1297] (*Время без массы говорящих.*)

[1298] Масса говорящих *и* *Время*².

[1299] Язык не свободен, поскольку в нем действует принцип непрерывности или безграничной солидарности с прошлыми эпохами.

[1300] 2° Непрерывность включает в себя факт изменения, которое представляет собой смещение ценностей.

11. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ (VALEUR)

3340 = № 23.7

[Заметки к курсу III (1910–1911): *Лингвистическая ценность.*

Рукописи: BPU Женева, Ms. fr. 3951; Ms. Cours univ. 435.

Публикация: CFS 12, 1954, 70–71 (отрывок 22).

Ср.: SM 13, 52–53: № 22.11; CFS 17, 1960, 8–9; №23.7.]

Здесь приводится известная схема, воспроизведенная в "Курсе" (см. С о с ю р 1977, 110). – *Прим. ред.*

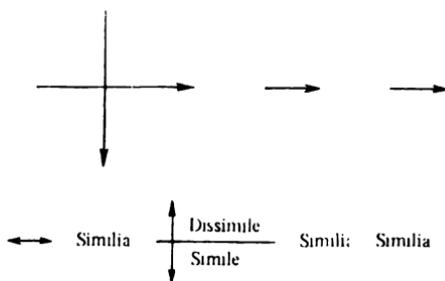
² Здесь приводится вторая схема, включенная в "Курс" (см. С о с ю р 1977 111). – *Прим. ред.*

[1864] [Ценность]* Неотъемлемым свойством всякой ценности, ее сущностью не может быть

а) только невозможность отдельного существования вне противопоставленных величин, образующих систему,

б) только обладание [элементами меновой стоимости]; лишь то и другое одновременно и в неразрывной связи друг с другом может составлять ценность.

Ценность в каждый момент своего существования полностью синонимична некоему члену, входящему в систему подобных ему членов, и в каждый момент своего существования она полностью синонимична предмету обмена. Если рассмотреть, с одной стороны, предметы обмена, а с другой – образующие систему члены, то между ними не обнаружится никакого сходства. Свойством ценности является способность соотносить эти два ряда вещей. Она соотносит их таким образом, что наш разум приходит в отчаяние из-за невозможности выяснить, разграничиваются ли эти две стороны ценности и чем они различаются. Единственным неоспоримым фактом является то, что ценность располагается по двум осям, определяется одновременно двумя осями¹

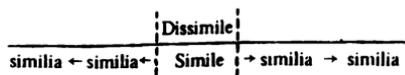
Не имеет абсолютно никакого значения то наблюдение, что все сходства в свою очередь наделены своим несходством, поэтому верная картина будет такой:

$$\frac{\text{similia} > \text{similia} > \text{similia}}{\text{similia} > \text{similia} > \text{similia}}$$

Но именно такая упрощенная схема уподобляет ценность вещи, < которая находит в ней свой образец > и допускает ложное предположение о наличии некоей абсолютной реальности. В любом случае го-

Далее в схеме: лат. similia мн. ч. от simile 'подобие, сходство', dissimile 'неподобие, несходство' Прим. ред.

дится следующая схема:

Соотношение *сходство* *несходство* совершенно отлично от соотношения *сходное* *сходные*, и тем не менее это соотношение каким-то необъяснимым образом составляет самую сущность понятия ценности.

ЗАМЕТКИ РАЗНЫХ ЛЕТ (НЕ ДАТИРУЕМЫЕ).
СЕМИОЛОГИЯ

Эти не расклассифицированные Соссюром заметки, видимо, написаны около 1908 г., так как изложение проблем семиологии близко к их трактовке в курсах по общей лингвистике.

1. ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ СРАВНЕНИИ
В СВЕТЕ ЦЕННОСТИ ЗНАКА

3341 = № 24

[Различные заметки, не поддающиеся классификации.

Рукопись: ВПУ Женева, Ms. fr. 3951.

Ср.: CFS 17, 1960, 9.]

[3341.1] Альтернатива, следовательно, различные формы – корень, взятый одновременно в $\acute{\varphi}ér-\omega$ и $\acute{\varphi}ór-\sigma$, – широта и точность – couloir ‘коридор’ – vouloir ‘хотеть’ – фонетическое условие.

[3341.2] [Это всего лишь] абстрактная схема. Но остается тот безусловно примечательный факт, что соответствие bhar [$\acute{\varphi}ér-$, $\acute{\varphi}ór-$] было подмечено даже раньше, чем возникла какая-либо теория относительно ценности a в санскрите. Тем более примечательным является тот факт, что <уже в самом начале, несмотря на эти трудности [зачеркнуто]>, задолго до создания какой-либо теории относительно ценности a в санскрите было подмечено соотношение между bhar -, bhāṅa - и $\acute{\varphi}ér$ -, $\acute{\varphi}óre$. <Можно сказать, что только один этот факт должен был привести [к истине] [зачеркнуто]>.

[3341.3] 1° Колонка В–В'. Ее НЕЗАВИСИМОСТЬ по отношению к другой колонке <в каждом слоге [зачеркнуто]>. – Первой необходимой гарантией установления ее независимости является то, что тот род фактов, которому соответствует эта колонка, не входит в одну из категорий, уже установленных для каждого слога под названием фонизма (колонка А–А'). – Но кроме этого, необходимо удостовериться, что данный ряд фактов, даже будучи *координированным*, не связан, <поскольку он еще нов для нас>, фундаментальной связью с колонкой А–А'. – Однако возможно представить себе два рода отношений, 2° Колонка В–В'.

Ее связь.— 3° Колонка В—В' Ее уникальное неравенство.— 3° Колонка В—В' и три вопроса, которые с ней [связаны]. — 5° Колонка В—В' и форма трех вопросов.— *Недопустимые операции* (первая степень). Производить операции, исходя из колонки А—А', сохраняя при этом различие между двумя колонками.— Если кто-либо, строго различая колонку А—А' и колонку В—В', попытался бы *исходить из* колонки А—А', чтобы понять арт[икуляцию?], то в свете сказанного выше его действия были бы совершенно необоснованными.

[3341.4] Закон конца слова. I. Современный порядок = Событие в прошлом.

2. СЕМИОЛОГИЯ И ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИКИ

3342 = № 24а

[Семиология.

Рукопись: BPU Женева, Ms. fr. 3951.

Ср.: CFS 17, 1960, 9.]

[3342.1] Много спорили о том, принадлежит ли лингвистика к разряду естественных или исторических наук. Она не принадлежит ни к одному из этих двух разрядов, ее место в том подразделении наук, который, если пока и отсутствует, должен существовать под именем *семиологии*. Семиология — это наука о знаках, которая изучает, что происходит, когда человек пытается передать свою мысль с помощью средств, которые неизбежно носят условный характер. Среди всех других семиологических систем семиологическая система "язык" является единственной системой (вместе с письмом, о котором мы поговорим в другое время), которой пришлось подвергнуться испытанию *Временем*. Она не просто основана на взаимной договоренности между соседями, но она основана также на традиции императивного характера, передаваемой от отца к сыну, и подвержена *случайным изменениям, которые возникают в этой традиции*. Вне этой системы ничего подобного нигде не наблюдается, не известно и не написано. <Если угодно, лингвистика есть психологическая наука в силу того, что она есть *семиологическая* наука, но психологи никогда не учитывали фактор ВРЕМЯ в своей семиологии [*зачеркнуто*]>.

Это обстоятельство прежде всего может вызвать интерес философов, но оно остается им неизвестно; никто из них не занимается тем, что происходит при передаче семиологической системы от поколения к поколению.

Напротив, то же самое обстоятельство настолько привлекает внимание лингвистов, что они в результате считают свою науку исторической или даже в высшей степени *исторической*, в то время как на самом деле она только *семиологическая* наука. Тем самым она заранее полностью

включается в психологию при условии, что психологи со своей стороны понимают, что язык – это такой объект, который имеет протяженность во времени, и они должны полностью оставить спекуляции по поводу знака и понятия, ограниченных данным моментом времени.

[3342.2] 1° В лингвистике не может быть разных точек зрения, которых можно придерживаться по своему усмотрению; есть всего только две обязательные точки зрения, вытекающие из самой природы (синхронического и метасинхронического) объекта.

2° В отношении языкового факта *элемент* и *отличительный признак* являются всегда одним и тем же. Языку, как и любой другой семиологической *системе*, свойственно не проводить никакого различия между тем, что отличает какой-либо предмет, и тем, что составляет его сущность (потому что "предметы"; которые мы имеем здесь в виду, – это знаки, и все их предназначение, вся их сущность заключаются в том, чтобы быть различными).

3° Любой языковой факт представляет собой отношение, в нем нет ничего, кроме отношения.

4° Любой языковой факт предполагает существование двух элементов, которые могут быть последовательными или синхронными.

5° У языковых сущностей нет никакого субстрата; они существуют, потому что различаются, и местоимение *они* всегда обозначает только различие.

6° Ни один закон, действующий в отношении сосуществующих членов, не является императивным. /[2]

Любой фрагмент, вырванный наугад из живой массы какого-либо языка (то есть в отличие от всего того, с чем привыкли иметь дело в лингвистике, *не* определяемый заранее выбранной точкой зрения, наверняка такой же неявной и произвольной, как и все последующие точки зрения), любой такой фрагмент языка, рассматриваемый совершенно непредвзято: 1° не может обладать единственным, точно определенным способом существования, – 2° не может обладать также неограниченным количеством способов существования в зависимости от воли каждого.

Он имеет только три способа существования: А) Он есть нечто, существующее в ПАНХРОНИИ, – Б) Он есть нечто, существующее в ИДИО-СИНХРОНИИ, – В) Он есть нечто, существующее в ДИАХРОНИИ.

И в нем не может быть абсолютно ничего, кроме разграничений, которые [могут быть проведены внутри указанных категорий]. /[3]

1° Не существует никакого Z, даже в воображении. Не существует никакого основного объекта, который позволил бы связать z-слово и z, и не существует никакого основного понятия, даже искусственно выработанного, которое позволило бы нашему разуму объединить эти два объекта в одну общую массу. Это все равно, что сказать, будто имеется общее и основное понятие, связывающее КРАСНЫЙ как данность и красный цвет (тоже как данность), который используется для отличия солдат того или иного батальона или тех или иных воинских

чинов в полку. Мы можем выразить это с помощью следующей формулы:

$$z \ // \ \overbrace{z \ \cancel{-} \ X}$$

Если определенный элемент слова обозначить Z , тогда то, чем занимается грамматика, будет иметь исключительно вид $z/\text{СЛОВО}$. Оно никогда не будет иметь вид z .

Тот, кто захочет изучить Z , будет, следовательно, изучать z само по себе (или же он ничего не будет изучать). Более того, изучив z , он еще ни в коей мере не приступит к изучению фактов грамматики. Он будет изучать факты грамматики, если будет изучать $\frac{Z}{\text{СЛОВО}}$.

Если же он захочет доказать нам, что z и $\frac{Z}{\text{СЛОВО}}$ относятся к одной и той же идеальной области Z , даже ценой <некоего [зачеркнуто]> ухищрения мысли, которое мы ему простим, мы будем решительно возражать против его тезиса, категорически отрицая, что имеется общий объект исследования z .

[3342.3] Первым универсальным свойством языка (*langage*) является то, что он существует посредством различий, *одних только различий*, и что это свойство не ослабляется даже при попытке введения в определенный момент какого-либо положительного члена. Однако вторым свойством языка является то, что совокупность этих различий чрезвычайно ограничена по сравнению с тем, какой она могла бы быть. Тридцать или сорок элементов (1) – (1). Этим мы хотим сказать только следующее: ‘сумма *различий*, которые можно получить, имея 30 или 40 элементов’ То, что эти элементы не имеют ценности сами по себе, является аксиомой. – [30 или 40 элементов] берут на себя всю работу, за редким исключением. Но все, что выходит за пределы этих 30 или 40 сущностей, не представляет никакого интереса для языка. В таком случае [ ] .

[3342.4] <Примечательно, что можно говорить о recto “лицевой стороне” и о verso “оборотной стороне” страницы, об endroit “лицевой стороне” и об envers “изнанке” одежды, но я [не могу говорить о лицевой и оборотной стороне одежды и об изнанке и лицевой стороне страницы] [зачеркнуто]>. Существуют противоположные понятия, с которыми неизбежно связан целый ряд представлений, не имеющих отношения к самому противопоставлению, поэтому, если я говорю о *лицевой стороне* и об *изнанке* одежды, тут же вокруг этого понятия *изнанки* возникают разные неожиданные ассоциации, так что *изнанка* уже не является простым коррелятом *лицевой стороны*. Если же я говорю о лицевой и оборотной сторонах листа, то такие противоположные понятия совершенно соотносительны друг с другом, поскольку нет признаков, которые особо отличали бы лицевую сторону от оборотной и наоборот. Если

я не ошибаюсь, в нумизматической терминологии идут поиски [соотносительных терминов для обозначения *орла* и *решки*].

[3342.5] Возьмем наугад какой-нибудь пример. Если писатель вместо слова *vieillesse* 'старость' употребит слово *sénescence* 'преклонный возраст', то оно наверняка сразу создаст особый эффект, то есть десятки ассоциаций, представлений, которые писатель хотел отбросить, будут отброшены, а десятки ассоциаций, которые он хотел вызвать или внушить читателю, будут вызваны и внушены. Таким образом, это слово (*sénescence* или другое) становится частью словаря, и поэтому возникает ощущение, что создается нечто новое. И действительно, создается нечто новое, поскольку творческий акт, который совершается при переходе от мысли к знаку, не имеет абсолютно никаких границ. Рассмотрим одни лишь [элементы, и мы увидим, что здесь нет творческого акта]. Если бы лингвистика была систематизированной наукой, а она могла бы стать ею без всякого труда, но до сих пор она таковой не является, одним из первейших ее положений было бы следующее: *невозможность создания синонимов* следует признать наиболее абсолютным и примечательным свойством языка при рассмотрении всех проблем, относящихся к знаку. / [2]

Трудность, возникающая при выделении общих особенностей языка, общих особенностей *знаков речи*, которые образуют язык (*langage*), заключается в осознании того, что эти знаки должны изучаться в гораздо более обширной науке, чем "наука о языковой деятельности". О науке о языковой деятельности стали говорить несколько преждевременно. О ней заговорили в тот период, когда еще никто, кроме нескольких романистов, не имел никакого представления о том, что такое ЯЗЫК вообще или даже ОДИН язык в его развитии. Первую [серьезную] попытку [создать науку о языковой деятельности находим в трудах Уитни].

[3342.6] Слово *сигнология* (*signologie*)¹ с точки зрения словообразования не более шокирует, чем слова *терминология*, *социология*, *минералогия* и другие, в которых *-логия* прицеплена к латинскому термину.

Если этот термин и кажется несколько необычным, то лишь по той причине, что наш язык находится в искусственном состоянии, и нам до сих пор не известно, надо ли произносить *gn* как в слове *signe* 'знак' или как в его латинском соответствии *signum*, но в этом виноват не автор, а сам язык, если только можно назвать почетным именем "язык" собрание орфографических условностей, лишенных всякой исторической или логической ценности. Если угодно, в теоретическом плане можно сослаться на юридический термин *cognat* 'кровный родственник', который произносится *cog-nat*, и аналогичным образом произносить *sig-nologie*, но это совершенно не важно. И тот и другой способ произнесения одинаково французские, ибо нам известно, что ни наше смягченное *n*, ни *-gn-* не соответствуют настоящему латинскому произношению *gn*, <в том виде, в каком [оно] принимается латинистами: нечто вроде

¹ См. примечание на с. 167. *Прим. ред.*

n + *n* [зачеркнуто] >. <Противопоставить слову *signologie* французское сложное слово с *-gie*>. Название *сигнология* нуждается в разъяснении. Сначала я употреблял слово *семиология*. Именно под таким названием г-н Ад. Н[авиль] в своем новом переработанном издании книги [*Классификация наук*] удостоил эту науку чести и допустил ее впервые в круг [остальных наук]*.

[3342.7] ⇨ В силу того что ни один элемент не обладает собственным *существованием* (или по тысяче других причин, ведь мы не претендуем на установление своего рода картезианской системы сущностей, которые являются очевидными во всех отношениях), становится ясным, что с еще большим основанием ни один элемент не в состоянии *изменяться*. Может только случиться, что НЕКТО заменит его на другой элемент, даже если речь идет о "фонетике"; тем самым все операции вообще и все различия между операциями основаны на природе *субституций*, к которым мы прибегаем в речи. Кто говорит *субституция*, тот исходит из предположения, что член, которому находят замену, существует... и т.д.

3. ФРАГМЕНТЫ ЗАПИСЕЙ О ПРОБЛЕМАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

1) Аналогия

3343 = № 24 б

[Событие и состояние. Аналогия.
Рукопись: *BPU Женева, Ms. fr. 3951.*
Ср.: *CFS 17, 1960, 9.*]

[3343.1] Аналогия

1° Пассивность или <рецептивность [зачеркнуто]>. Интерпретация знака есть совершенно рецептивная деятельность.	2° Координация (Усвоение).	3° Активность в соответствии с усвоенной координацией (творческий акт в смысле нового применения).
---	----------------------------	--

Любопытно наблюдать, как, несмотря на возмущающее действие диахронических событий, языковой инстинкт ухитряется извлечь из них наибольшую выгоду для [языка]. Это напоминает муравейник: если ткнуть в него палкой, брешь мгновенно будет заделана; этим я хочу сказать, что тенденция к системности или упорядоченности никогда не ослабевает. Можно отсечь от языка лучшую часть его системы, и на следующий же день мы увидим, что оставшаяся часть будет упорядочена ло-

гически в каком угодно направлении, и эта упорядоченная совокупность будет способна функционировать вместо утерянной части, хотя иногда и в совсем ином общем плане.

Необходимо понять две вещи. (Я не скажу больше того, что уже сказал; я просто выражу это иначе.) *События* в языке и языковые системы. Ни одна система не питается предшествующими событиями ни в малейшей степени. Она вызывает представление о стабильности, статичности. В свою очередь никакая *совокупность* событий, рассматриваемых в их собственной упорядоченности, не образует системы; самое большее, что можно увидеть в подобной совокупности событий, это определенное общее направление изменения, которое, однако, не связывает между собой события в качестве исходной величины.

[3343.2] Некое событие одной и той же природы может вызвать в одном случае <1> относительное, ограниченное изменение, а в другом случае абсолютное, ничем не ограниченное изменение, поскольку оно приводит к возникновению нового состояния *всех* элементов.

Это зависит всего лишь от того, является ли полученное количественное различие *первым* или не первым после предшествующего состояния. Это никак не связано с природой [самого события]. Все различие, если оно представляется важным, заключается, следовательно, не в вызывающем изменение событии, а в особенностях состояния, которое оно изменяет. Событие всегда само по себе имеет частный характер. / [2]

Итак, сходные события, тождественные по своей сущности, могут привести: к относительному и ограниченному изменению, если они затрагивают А, к абсолютному и неограниченному изменению, если они затрагивают Б, так как в последнем случае, имея результатом создание [нового элемента], они помимо нашей воли приводят к возникновению нового состояния *всех* элементов.

Частичное событие влечет за собой частичные последствия для А, но общие последствия для Б; все зависит от того, каково первоначальное состояние, на которое оно воздействует. Одно и то же частное (лучше сказать, частичное) событие влечет за собой такие следствия, которые в свою очередь могут быть общими или частичными, и это зависит исключительно от того, каково исходное состояние, на которое оказывает воздействие событие.

2) Языковые семьи и фонетические изменения

3344 = № 24 с

[Языковые семьи и фонетические изменения.

Рукопись. ВПУ Женева, Ms. fr. 3951.

Ср.: CFS 17, 1960, 9.]

Первый вопрос: Языки, не сводимые к общему типу.— В "западных" семьях языков — индоевропейской, семитской, угро-финской — родство или отсутствие родства двух языков видны невооруженным глазом; для его обнаружения достаточно поверхностного наблюдения, исключение представляют случаи, когда язык плохо известен или перенасыщен заимствованными элементами. Даже если сотни слов стали неузнаваемыми в результате фонетических изменений, основную массу слов можно узнать с первого взгляда.

Дело в том, что процессы фонетической трансформации, которые постоянно имеют место в любом языке, не выходят за определенные естественные пределы. Например, предположив худшее*, можно ожидать, что *t*, пройдя многие этапы развития, даст *l*, но у *p* шансы превратиться в *l* равны нулю независимо от диалекта, даже если изменение продолжается четыре-пять тысяч лет.

Благодаря постоянству общих условий изменений, определяемых самим устройством органов речи, можно предполагать, что сильно изменившийся язык никогда не сможет полностью сбить нас с толку относительно своей генеалогии. Однако первоначальное ядро языка может оказаться затопленным таким мощным потоком чужеродных элементов, что этот язык уже больше нельзя будет называть *индоевропейским*, *семитским* или *угро-финским* языком. / [2]

Далее, у языков трех названных семей есть то преимущество, что слова в них имеют значительную длину, которая придает сравнению основательность и точность. Мне трудно судить о том, дают ли моносиллабические языки такую же твердую основу для сравнения. Представляется очевидным, что изменение одного звука в моносиллабических языках должно иметь намного более серьезные последствия, чем в наших языках, в которых этот звук является лишь одним из шести-семи элементов слова; в языках же первого типа он является одним из двух-трех элементов слова. Это обстоятельство не позволяет предаваться излишнему отчаянию по поводу кажущейся несводимости таких двух типов языка, как аннамский¹ и китайский. Как мне кажется, условия исследования в данном случае весьма отличны от условий исследования полисиллабических типов языка.

Второй вопрос: Метод лингвистического исследования. Метод исследования, естественно, зависит от того, как представляют себе жизнь языка. Чем лучше нам известны универсальные языковые явления, которые неизбежно воспроизводятся повсюду, тем лучше мы знаем, как подойти к данному языку, как восстановить его прошлое, восходя к истокам этих явлений. / [3]

Эти явления бывают двух родов: *фонетические* и *аналогические*, материальные и психические. — 1° *Фонетическое явление*. Если нам дан некий язык и если мы наблюдаем его в течение одного-двух веков, мож-

¹ Совр. вьетнамский язык. — Прим. перев.

но быть заранее почти полностью уверенным, что за этот период времени что-то изменится в составляющей его совокупности звуков.

Далее, мы с еще большей уверенностью можем предсказать, что каждое из происходящих изменений будет подчиняться некоей закономерности; например, если *s* в таком-то слове стало *z*, то можно быть уверенным, что все *s*, находящиеся в тех же условиях, также превратятся в *z*.

Фонетическое изменение происходит с математической регулярностью и по этой причине часто называется *Фонетическим законом*.— Так, если во франц. *c* (то есть *k*) перед *a* стало *s* (на письме *ch*) в слове *chat* = лат. *cattus* 'кот', то можно заранее предсказать, что то же самое произойдет во всех сходных случаях; и действительно, мы имеем: *chaud* = *cal(i)lidus* 'горячий', *chaîne* = *catena* 'цепь', *chant* = *cantus* 'пение', *char* = *carrus* 'телега', *chair* = *caro* 'плоть', *cher* = *carus* 'дорогой', *vache* = *vacca* 'корова', *mouche* = *musca* 'муха' и т.д.

3) Префиксы или предлоги

3345 = № 24

[Префиксы или предлоги?

Рукопись: ВПУ Женева, Ms. fr. 3951.

Ср.: CFS 17, 1960, 9.]

Вопрос о префиксах и предлогах в германских языках никогда не исследовался должным образом — он мог бы стать темой большого исследования, — однако он требует разнообразных знаний. — В самом деле, эта тема связана с пятью-шестью другими темами, часть из них до сих пор остается неисследованной.

I. Этот вопрос ведет в свою очередь к постановке вопроса о префиксах и предлогах в индоевропейских языках. Со своей стороны по поводу таких частиц, как *ἄπο* 'от; с' и др., *ἐπι* 'на; над' и др., которые в настоящее время используются и как *приставки*, и как *предлоги*, я утверждаю, — 1° (в отрицательном смысле) что в индоевропейском праязыке они не были НИ ПРИСТАВКАМИ, ни ПРЕДЛОГАМИ; 2° в *положительном смысле*: что они представляют собой одиннадцатую часть речи, которая отсутствует в наших классификациях и которая иногда снова появляется в современных языках, но остается совершенно незамеченной грамматистами или логиками. — [2]

Отрицательная часть утверждения. В индоевропейском праязыке лишь в исключительных случаях, вернее случайно, могли сказать *аро-еimi 'я ухожу', но ни в коем случае никогда не говорили *аро еквōд* 'от лошади'. Не только в ведическом, но даже и в классическом санскрите такая частица, как *ара*, никогда не была предлогом: нельзя сказать *ара асвād*, *ār' ἔπιπων*; в крайнем случае можно сказать

asvad ара, но тогда частица *ара* зависит непосредственно от глагола, то есть перед нами основной случай ее употребления, который мы сейчас рассмотрим.

Во всех языках, продолжающих индоевропейский праязык, наблюдается следующее: 1° что касается типа *aro-eimi*, то подобные сложные слова возникли совсем недавно; /{3} об этом свидетельствуют сотни разного рода фактов, например *kat-ágoréiw* 'объявлять' в противоположность *paiv-ágyris* 'всенародное празднество'; – 2° что касается ара *ekwōd*, это также позднейшее образование, и первоначально сама форма *ekwōd* должна была выражать ту же мысль.

Позитивная часть утверждения. Достаточно понаблюдать за поведением частиц *ара, ава, ира, пи* в ведическом санскрите*. чтобы установить их роль в индоевропейском праязыке, в котором они не были ни предлогами, ни глагольными приставками.

Я утверждаю, 3° что эти частицы не являются также и обычными наречиями, как можно было бы подумать после сказанного; повторяю, они представляют собой настоящую одиннадцатую часть речи.

4) Звуковые чередования (альтернации)

3346 = 24 е

[Альтернации.

Рукопись: ВПУ Женева, Ms. fr. 3951.

Ср.: CFS 17, 1960, 9.]

Единство и разнообразие звука – *одна и та же буква и видоизмененная буква*

Единство и разнообразие во времени – один и тот же горизонтальный срез или два среза

разнообразие условий – подразумевается Повторение буквы (= множественность форм, в которых обнаруживается данный звук)

Фонетическое противопоставление, которое представляет собой существование [различных элементов], мыслился как переход от одной формы к другой (термины *пермутация, замена* и т.д.); этот мнимый переход в свою очередь смешивается с фонетическим изменением или фонетическим законом.

Такое смешение логического порядка неизбежно приводит к анахронизму (вместо различия двух эпох говорят об одной эпохе). Смешение исторического порядка. – *a* превращается в *i*, когда оно переходит не в начальный слог. – *лат. taseo* 'молчу' – *conticeo* 'умолкаю'. – Это неверно. Оно никуда не переходит и не изменяется. – *adamāre* 'полюбить' – Смутное, сбивающее с толку, неопределенное представление, которое, однако, [получило слишком большое распространение].

ve	tu	s → ve	teris	taceo →	conticeo	1° taceo → conticeo			
						en →	↑	↑	2° taceo — conticeo
									s
3° taceo — conticeo									
tu						taceo — contaceo			

Обороты речи, возникающие в результате рассмотрения типических, или [исходных], форм – номинатива, инфинитива, – и факт применения фонетических законов только к этим типическим формам. – *Крайняя степень*: снова становится *a* – др.-верх.- нем. *wermen* ‘согреть’, *warmta* ‘согрел’. – Умлаут в двух смыслах: дивергенция, зависящая от умлаута, и фонетический закон умлаута. – Случай, когда оба звука претерпели изменения. – В древневерхненемецком *eī* становится *ē*, когда оно оказывается перед *w*, *r* или *h*: *meist* ‘наибольший’, *mēgo* ‘больше’, *eigum* ‘владеем’ – *ēht* ‘владел’. Естественно, необходимо углубиться в прошлое и выявить фонетические законы.

1° фонетический закон	I	<i>maist</i>	<i>maire</i>
		<i>maist</i>	<i>maero</i>
2° фонетический закон	III	<i>meist</i>	<i>maero</i>
3° фонетический закон	IV	<i>meist</i>	<i>mēro</i> ¹

Таким образом, независимо от анахронии изменилось не *ei*, а *ai*, и *ai* превратилось не в *ē*, а в *ae*. Итак, не только ход изменения, но и его природа осталась неясной [ ]. – Вместо прототипа, существовавшего до начала действия фонетического закона, приводится современная форма, в которой нет и следа действия этого закона, потому что ее прототип не обладает [теми же свойствами].

§ 4. О создании кафедры стилистики (примерно 1912 г.)

3347 = № 24 f

[Доклад об учреждении кафедры стилистики.

Рукопись: BPU Женева, Ms. fr. 3951.

Ср.: CFS 17, 1960, 9.]

Кафедра стилистики. – Название *стилистика* приходится употреблять за неимением лучшего. Слова “стиль” и “стилистика”, к сожалению, порождают двусмысленность. Вот несколько поправок, которые необходимо внести, чтобы точно понять значение этих слов:

¹ Совр. нем. *meist* – *mehr*. – *Прим. ред.*

1° Слово "стиль" вызывает представление о человеке, индивиде, об индивидуальных способах выражения. (Стиль – это человек и т.д.) Стилистика же, как она представлена в работах г. Балли*, наоборот, призвана изучать языковые средства выражения в той мере, в какой они освящены узусом, в той мере, в какой они относятся к категории социальных фактов и, следовательно, обретают устойчивость независимо от индивида. Такие выражения, как *Vous ne me la ferez pas croire!* 'Так я вам и поверил!' или *Le diable m'emporte!* 'Черт побери!', относятся <непосредственно [зачеркнуто]> к стилистике, потому что в этих выражениях нет ничего индивидуального, но, с другой стороны, следует добавить, что эти совершенно расхожие обороты всегда указывают на какие-то определенные чувства, выражение которых надо изучить. Стиль связан с индивидом, а стилистика поначалу находится над индивидом в сфере языка или в социальной сфере.

2° Слово *стиль* вызывает представление о литературе или по крайней мере о чем-то *написанном*. – Стилистика, хотя и интересуется письменной речью, находит свой предмет прежде всего в наблюдениях над устной речью, в формах живой речи независимо от того, зафиксированы они или нет в письменных текстах. Стиль зависит от письма, а стилистика находит свое место преимущественно вне письма, в сфере настоящей речи. /{2}

3° Целью стилистики не является также и выработка стиля, *хотя и она по-своему полезна*. Она не является нормативной, предписывающей наукой. Стилистика претендует <и с полным основанием> на право быть чисто созерцательной наукой, которая фиксирует и классифицирует факты. – Наконец, следует тут же добавить, что она призвана выполнять эту задачу на материале какого угодно языка. Не обязательно только формулы и обороты французского языка должны служить ей материалом, как это представляет себе [г-н Балли].

Господа, хочу сказать вам, что опасность, которой действительно следует бояться в связи с учреждением кафедры *стилистики*, заключается вовсе не в предубеждениях, проистекающих из смешения стилистики с наукой о стиле, напротив, она заключается в следующем возражении: но в таком случае под именем стилистики нам предлагают все ту же лингвистику.

Да, господа, все ту же лингвистику. Только, осмелюсь вам сказать, область, которой занимается лингвистика, весьма обширна. А именно, она состоит из двух частей: одна часть ближе к *языку* и представляет собой пассивный запас; другая же часть ближе к *речи* и представляет собой активную силу, подлинный источник тех явлений, которые затем постепенно проникают в другую часть языковой деятельности. Две [кафедры на одном факультете] вовсе не излишество. /{3}

Резюме: 1° не индивидуальные, а освященные социальным узусом способы выражения, позволяющие отнести их к языковым сущностям; – 2° не обязательно явления письменной речи, но даже пред-

почтительнее явления устной речи; – 3° цель стилистики – не установление нормы, правил верного выражения мыслей, а – 4° обобщение наблюдений, выработка общей теории, применимой к разным языкам. – [Речь идет] вовсе не [о литературоведческих исследованиях], поэтому реально возможно следующее возражение: в таком случае стилистика – это та же лингвистика. Да, это действительно так, но только сфера исследований в лингвистике обширна; осмелюсь сказать, у нее достаточно забот в области более элементарных категорий, а также и в других направлениях исследований, например в области истории эволюции форм. Следовательно, надо приветствовать [создание специальной кафедры с целью] исследовать обороты языка, употребление которых мотивировано тем или иным состоянием психики. /[4]

34. В ноябре 1891 г. Соссюр вступил в должность руководителя кафедры истории и сравнения индоевропейских языков, которая была учреждена в Женевском университете специально для него, и получил звание экстраординарного профессора (см. SM, 24).

35. *Пикте Адольф* (Pictet A., 1799–1875) – известный женеvский ученый, сосед семьи Соссюров во время летнего отдыха. Автор книги "Происхождение индоевропейцев, или Первоначало арийцев: опыт лингвистической палеонтологии" (см. Pictet 1859/63).

37. Такое отождествление langue и langage является одной из ранних формулировок, многократно уточняемых в дальнейшем. Обращает внимание сходство с положениями Бодуэна о языке и языках.

38. *Мюллер Фридрих* (Müller F., 1834–1908) – автор объемистого труда Grundriss der Sprachwissenschaft (4 части, 6 томов). Vienna, 1876/88.

Парис Гастон (Paris G., 1839–1903) – основатель французской филологии, диалектолог, 4-й том его трудов (Mélanges linguistiques. P., 1906–09) включает лекции 1868 г. о диалектах Франции.

Мейер Поль (Me yer P., 1840–1917) – французский диалектолог и историк языка, публиковал статьи с описанием географии южных диалектов и их лексик.

Шухардт Гуго (Schuchardt H., 1842–1927) австрийский теоретик языкознания, романист, диалектолог, критик младограмматизма (см. Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. Перев. с нем. М.: ИЛ. 1950.)

Пауль Герман (Paul H., 1816–1921) – немецкий языковед, теоретик младограмматической школы, автор книги "Prinzipien der Sprachgeschichte", Halle/S.: M. Niemeyer, 1880 (русск. перевод: "Принципы истории языка". М.: ИЛ, 1960).

Бодуэн де Куртенэ Н. – Соссюр дает первый инициал польского имени этого языковеда: Нецислав Ян Игнаций, в России более известен как Иван Александрович; основная научная деятельность его протекала в университетах Казани, Дерпта (Тарту) и Петербурга.

Имеется в виду Жозеф Вертгеймер (1833–1908), возглавлявший кафедру общей лингвистики до 1905 г., однако нельзя согласиться с высокой оценкой Соссюра, которая является данью вежливости (см. Холодович 1977, 9).

39. *Мюллер Макс* (Müller M., 1823–1900) и *Шлейхер Август* (Schleicher A., 1821–1868) – представители натуралистического направления в языкознании середины и второй половины XIX в. *М. Мюллер* – англо-немецкий филолог, специалист по индийской филологии и мифологии, общезыковедческие взгляды изложены в книге: Lectures on the science of language. L.: Longmans, Green & Co., 1861 (русск. перевод: "Наука о языке". СПб, 1865). *А. Шлейхер* – основоположник этого направления, крупнейший представитель сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков, занимался и литовским языком; автор книг: Compendium der vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen. 1861–62; Handbuch der litauischen Sprache. 1860.

40. *Аттила* – вождь гуннов, потерпевший поражение при вторжении на Апеннины в 451 г. н. э.

42. Латынь эпохи Августа – I в. до н. э. – I в. н. э.

43. Французский язык: *Монтескье Шарль-Луи*, франц. философ, конца XVII – начала XVIII в.; *Фруассар Жан*, франц. хронист XIV в.; "Песнь о Роланде" – франц. эпическая поэма, записанная примерно в X–XII вв.

Латынь эпохи Плавта – II в. до н. э.

44. *Овеляк Абель* (Novelaque A., 1843–1896) крупный франц. ученый, полиглот, востоковед, археолог, этнограф. Автор многочисленных работ по грамматикам разных языков мира; отстаивал взгляды натуралистического направления. В книге "La linguistique" Р., 1876 (русск. перевод: "Лингвистика". СПб. 1881), которая представляет собой описание морфологических структур языков мира, определил лингвистику как науку естественную и противопоставил ее филологии как науке исторической.

Воляшок – первый искусственный международный язык, созданный в Германии *Иоганном Мартином Шлейером* (Schleier J. M., 1831–1912) в 1879 г. и широко распространившийся благодаря энергии его сторонников в Европе, но в начале XX в. прекративший существование (см. Кузнецов С. Н. Основы интерлингвистики. М.: Наука, 1982).

45. Германский язык эпохи Арминиуса (Арминия) – вождя германского племени херусков, разгромившего римлян в 9 г. н. э. в битве в Тевтобургском лесу, т.е. в эпоху формирования племенных диалектов на основе прагерманского языка.

46. О Богуславском ничего не удалось узнать, возможно, эти сведения, как достаточно любопытные, были почерпнуты из какой-либо газеты.

51. Нем. was – waren демонстрирует действие закона, установленного в 1877 г. датским лингвистом *Карлом Вернером* (1846–1896). По закону Вернера, при переносе ударения с последующего слога (с флексии) на предыдущий происходило озвончение глухого щелевого ($s > z$), затем вступил в силу закон ротацизма, т.е. перехода $z > r$ в интервокальном положении.

52. *Аве Луи* (Havet L., 1849–1925) – франц. языковед, занимался исторической фонетикой и орфографией французского языка, а также сатурновым стихом латинских поэтов.

53. Слова о первом очерке дают основания предположить, что эти тексты готовились к публикации.

55. *Психари Жан* (Psychari J.– Psychares Joannes, 1839–1929) – ученик Соссюра, занимался соотношением греческих диалектов с койне, автор книги: *Quelques observations sur la phonétique des patois et leur influences sur les langues communes*. Р., 1888.

56. Изменение $s > h$, а затем исчезновение h и удлинение предшествующего гласного имело место в старофранцузском языке в XIII в., например ст.-фр. forest 'лес' > foreht > forêt (кстати, можно указать на заимствование в английском языке этого слова в его старофранцузском облике).

57. "Фалисские, вольские, оские, сабинские надписи" выполнены на языках италийской семьи индоевропейских языков на территории Апеннинского полуострова в первые века до нашей эры.

Ахемениды – династия др.-перс. царей, правила в Иране в 558–330 гг. до н.э.

58. *Архивная школа* (École des Chartes) – высшее учебное заведение в Париже, готовят архивистов, палеографов, историков, библиотекарей.

59. Соссюр весьма интересовался взаимоотношениями и историей диалектов. Он занимался диалектной топонимикой Швейцарии и Верхней Савойи (Фр.), докладывал результаты своих разысканий на заседаниях Женевского общества истории и археологии и затем публиковал их. Интерес к литовским диалектам отражен в его письмах к И. А. Бодуэну де Куртенэ и К. Яунюсу (см. с. 242 данного издания).

Деление Франции по признаку языка д'ок (langue d'ok) и языка д'ойль (langue d'oïl) примерно соответствует отграничению совокупностей диалектов южнее р. Луары и к северу от нее. Это деление отражает средневековую манеру

изъявлять согласие, используя частицу "да", которая на юге имела ст.-фр. форму *ok* (из лат. *hoc* 'этот'), а на севере использовалась ст.-фр. *ð/oil* (из лат. *hoc + ille* 'этот он'); последнее дало совр. фр. *oui*.

60. *Аннеси* – город в Верхней Савойе (Фр.) на берегу оз. Аннеси.

Иллирийский язык, легший в основу албанского, и (древне) македонский язык, называемые палеобалканскими, были распространены на Балканском п-ве в первом тысячелетии до н.э. *Фригийский язык*, тоже относимый к индоевропейским, был распространен в Малой Азии в XII–VII вв. до н.э., оказал влияние на формирование армянского языка (см. Нерознак В. П. Палеобалканские языки. М.: Наука, 1978).

62. Термин сравнительная грамматика, по-видимому, впервые был использован французским собирателем и издателем песен трубадуров, поэтом, академиком Франсуа Рейнуаром (1761–1836), который включил в первый том своего сочинения о трубадурах "Сравнительную грамматику языков латинской Европы в их соотношении с языком трубадуров" (1816). Затем Ф. Бопп назвал свою книгу "Сравнительная грамматика ..." (1833), эта знаменитая книга ввела данный термин в научный обиход.

63. Первые памятники литовского языка относятся к XVI в.: в 1589 г. пастор Йонас Бреткуна издал сборник духовных песен, а в 1591 г. – собрание проповедей и перевел Библию на литовский язык; в 1595 г. каноник Миколаш Даушка издал "Катехизис" и в 1598 г. – собрание проповедей. Оба использовали азбуку на основе чешских и польских приемов записи.

64. В высказывании о грамматике как истории языка отражено стремление, характерное для последнего десятилетия XIX и начала XX в., противопоставить такое понимание традиционной логической грамматике. Сходные тенденции выявляются и у Г. Пауля и у Ф. Ф. Фортунатова, хотя принцип подхода к явлениям языка у них отличался от сосюрского.

67. *Курциус Георг* (Curtius G., 1820–1885) – немецкий языковед, применил сравнительно-исторический метод к изучению классических языков; учитель Соссюра, выступал в оппозиции к младограмматикам. Известность получили его труды: двухтомный „Grundzüge der griechischen Etymologie“. Leipzig: G. B. Teubner, 1858–1862; Die Sprachvergleichung in ihren Verhältnis zur classischen Philologie. Berlin, 1845.

68. Имеется в виду переход в прагическом языке: *s > h*; *sergo > hergo* (ἔργω); придыхание сохранилось в аттическом диалекте.

69. Соответствие др.-верхн.-нем. *zug* нем.-зүге демонстрирует действие закона *i*-умлаута, то есть палатализации гласного заднего ряда под действием *i* в последующем слоге, которое могло либо отпадать, либо сохраняться в виде неударного *e*.

В данном и во многих последующих примерах Соссюр дает сопоставление пра- или общиндоевропейских форм, часто использует санскритские формы.

70. Le *bagteau* 'прут, поперечина' > 'поперечина, отделяющая в суде место адвокатов' > 'сословие адвокатов' (развитие семантики).

ἄνωγς 'сам по себе' > 'он сам и его спутники'; 'только один (не посоветовавшись с народом) – у Фукидида), 'как таковой, тот же самый, подлинный' (другой путь развития семантики).

В определении морфологии Соссюр очень близок к Бодуэну, выделившему морфемы. Уже в этом курсе Соссюр четко установил знаковый характер смысловых частей слова, синтагмы (по Соссюру), которые позже А. Фрей назвал монемами, термином, принятым А. Мартине (см. его "Éléments de la linguistique générale". P.: A. Colin, 1960 – русск. перевод в сб. "Новое в лингвистике", вып. III. М.: ИЛ, 1963).

71. *Бопп Франц* (Bopp F., 1791–1867) – немецкий языковед, один из основоположников сравнительно-исторического языкознания.

"Новая школа..." – имеются в виду младограмматики.

73. В примере *kalbizo* > *kalbir* переход *z* > *r* объясняется действием закона ротацизма, имевшего место до отпадения окончания.

В древневерхненемецком слово *kind*, среднего рода, не имело окончания во множ. числе. Позже по аналогии со словами типа *kalbir* оно получает окончание *-ir* > *-er*.

74. В старофранц. языке дифтонг *-ie* восходит к вульг. лат. *e* в открытом слоге.

75. Примеры Соссюра демонстрируют те процессы, которые были определены представителями Казанской школы как *п е р е р а з л о ж е н и е*.

77. Показав членение на корень и аффикс, Соссюр сопоставляет существительное *кони* в общендоевропейском и греческом с готским словом *волки*, так как в готском языке не зафиксирован индоевропейский корень *-ekw-*.

79. Соссюр лишь изредка помечает знаком * (астериск – звездочка) формы, восстановленные для прото- или общендоевропейского.

Здесь имеется в виду школа Бопша, а "заблуждения" можно отнести к младограмматикам, полемика с которыми выступает во многих местах.

80. Выделение низших по отношению к слову единиц (*sous-unités* 'под-единиц'), термин из студенческих записей лекций соответствует бодуэновскому выделению морфем, а также анализу слова у У. Уитни и Ф. Ф. Фортунатова.

84. Вульфилла (чаще – Ульфила) – готский епископ, осуществивший в IV в. н.э. перевод Библии (Евангелий) с греческого на готский. Рукопись этого перевода, называемая "Серебряный кодекс", хранится в Упсале (Швеция) и является наиболее полным памятником готского языка.

85. О выдающемся американском языковед-е со времен Соссюра было немало написано; достаточно сказать, что французский ученый Ж. Мунен (*Mounin G.*) открывает главой об Уитни свою книгу "La linguistique du XX siècle". Р.: PUF, 1972 ("Лингвистика XX века"). В США вышло новое издание книги Уитни: *W. D. Whitney. The Life and Growth of Language*. N. Y.: Dover Publications, Inc., 1979, с предисловием Ч. Хоккета, наиболее значительные статьи и отрывки из основных работ изданы М. Сильверстейном: *Whitney on Language. Selected Writings by W. D. Whitney*. Ed. M. Silverstein. Camb., Mass. I.: MIT Press, 1971. Две статьи, посвященные Уитни, вышли у нас: *С л ю с а р е в Н. А.* Некоторые полузабытые страницы из истории языкознания (Ф. де Соссюр и У. Уитни). – В кн.: *Общее и романское языкознание*. М.: Наука, 1972; *Д о л и н и н а И. Б.* Проблемы теории языка и теории грамматики в работах У. Д. Уитни. – В кн.: *Грамматические концепции в языкознании XIX в.* Л.: Наука, 1985.

86. К этому десятилетию относятся в основном труды натуралистического направления (Шлейхер, М. Мюллер), неоднократно критиковавшиеся Соссюром, а до него в трудах Уитни. Однако работы этих ученых в области сравнительно-исторического индоевропейского языкознания ценились высоко, наряду с трудами Г. Курдиуса (см. С о с с ю р 1977, 41).

87. Небезынтересно заметить, что Шлейхера критиковал и А. А. Потебня, однако эта критика была направлена против ложного понимания связи между словом и мыслью и против демонстрации двойственности языка на примере сравнения его с кристаллом или растением (см. "Мысль и язык", гл. II).

Кураш Фридрих (*Kuršaitis F.*, 1806 – 1885) – литовский языковед, профессор литовского языка в Кенигсберге. Автор книги: *K u r s c h a t F. Grammatik der Litauischen Sprache*. Halle/S.: Buchhandlung des Waisenhauses, 1876.

88. Надо сказать, что Соссюр, так же как и Бодуэн, почувствовал необходимость расширения обширной области, именовавшейся фонетикой. Он даже использовал термин Дюфрени-Деженетта *фонология* для обозначения науки о физиологии звука, тогда как у Бодуэна в этот термин был вложен иной смысл – изучение функциональной стороны звуковых явлений на основе соотношения психического и языкового.

90. Следует обратить внимание на то, что в "Заметках..." Соссюр подчеркива-

ет сравнение языка с полной шахматной игрой, включающей и позиции и ходы, тогда как издатели "Курса", опустив это положение, ввели лишь одну его часть, т.е. сравнение состояния языка с позицией в шахматах (см. Соссюр 1977, 122), и, как отмечает Де Мауро, именно последнее начало рассматриваться как особая соссюрская идея (De Mauro 1972, 450). Разумеется, внимание к системе в синхронии является одной из фундаментальных идей соссюрской теории, но представление в тексте "Курса" обедняет ее.

90. Пример изменения древнеанглийского *fōt* *fōti*, в котором проявилось действие закона *i*-умлаута, т.е. палатализации предшествующего *o* под влиянием *i* и отпадения последнего. Дальнейшее развитие гласных корня в этих формах $\delta > \tilde{u}$, $\varepsilon > \tilde{i}$ подчинено закону "Великого сдвига гласных", действовавшему позже в XV–XVII вв.

91. Писистрат (605–527 гг. до н.э.) тиран в Афинах с 560 г. до н.э.

Буква *ß* в немецком алфавите приравнивается к двойному *s*.

Речь идет о письме от Американской социологической ассоциации с предложением написать доклад (статью?) об Уитни.

96. Имеется в виду год выхода в свет книги Уитни "Язык и изучение языка" (Language and the Study of Language. См. коммент. к с. 104).

98. Книга Уитни The Life and Growth of Language. An Outline of Linguistic Science. N. Y.: D. Appleton & Co.; L.: H. S. King, 1875 ("Жизнь и рост языка"), почти одновременно вышла в авторизованном французском переводе (La vie du langage. P.: G. Baillière, 1875). Русский перевод начал публиковаться в журнале "Филологические записки" в Воронеже за 1885–86 гг., но не был окончен.

Ближе к новонемецкому периоду долгий гласный *ū* перешел в дифтонг *au* (*ū* > *au*).

100. Обращает на себя внимание использование термина семиология как ий объект и определение языка в этом плане как явления особого рода. Весь данный пассаж в целом мог подсказать издателям "Курса" их формулировку заключительной фразы книги, сыгравшей эпохальную роль в развитии лингвистики XX в.

103. В данном месте впервые использован созданный Соссюром термин семиология для предложенной им новой науки – Теории знаков. Позже он попробовал применить другой термин, сигнология (см. с. 199 наст. изд.), а о термине семиология и о своих идеях рассказал женеvскому философу А. Навилу, который подхватил их (см. коммент. к с. 200).

Соссюр сопоставляет два разряда наименований богов: индийской мифологии – Агни (бог огня), Варуна (индуистский высший бог, создатель, правитель), Усхас – богиня Зари, и греческой – Зевс (Djeus, ст.-фр. Djeus, Dieu – высший бог, отец богов и людей, сын Хроноса), Аполлон (бог, отождествляемый с солнцем, сын Зевса).

104. Данный отрывок свидетельствует об интересе Соссюра к мифотворчеству в связи с ролью слова в этом процессе. Здесь также можно увидеть зачатки его интереса к анаграмматичности древней поэзии, проявившегося в последние годы его жизни (см. об этом: И в а н о в Вяч. 1977).

Numina sunt nomina 'божества суть имена', согласно знаменитой формуле. Имеется в виду высказывание из комедии Плавта "Перс", но в тексте комедии это звучит несколько иначе: Numen est nomen 'Бог есть имя'. Проблема имени бога прошла по всей индоевропейской мифологии, и шире, она отражена и в христианской мифологии в высказывании "не помяни имени Господа всеу" и т.п.

Упоминание о немецком словаре связано, видимо, с тем, что Уитни преподавал немецкий и французский языки, составлял учебные пособия и немецкий словарь (1877). Подходя к Уитни с соссюрской оценкой его как выдающегося теоретика языка, что, безусловно, соответствует его значимости, можно оценить ущербность траты времени на учебное пособие.

Данная на первый взгляд неясная фраза связана с тем, что Уитни, много

занимавшийся публикацией ведических текстов и написавший одну из лучших грамматик санскрита (Sanskrit Grammar. Leipzig: Breitkopf & Härtel, 1879), не уделял внимания сравнительной грамматике индоевропейских языков в классическом виде, обоснованном немецкими учеными (Бопп, Шлейхер, младограмматики).

105. Книга "Язык и изучение языка" (Language and the Study of Language. N. Y.: Scribner, Armstrong & Co. L.: Trübner & Co., 1867) представляет собой собранные и опубликованные автором лекции, которые были им прочитаны в ряде американских высших учебных заведений.

109. Имеются в виду фонетические изменения в древнегерманских языках: в позиции перед *k* выпадало *l*, за счет чего удлинялся предшествующий гласный: *a-zi-lis > alka > др.-сакс. Ѡk* 'каждый'.

110. Интересно, что уже в этих ранних фрагментах формируется один из основных постулатов теории Соссюра.

Дана гипотетическая форма восстанавливаемого общиндоевропейского слова "конь".

111. Это одна из фундаментальных идей Соссюра в области теории знака в ее первоначальном виде.

112. В этой формулировке Соссюр, по-видимому, впервые заменяет термин *с л о в н ы й* (conventionel), использованный Уитни для характеристики языкового знака, на термин *п р о и з в о л ь н ы й* (arbitraire).

113. Др.-верх.-нем. *faris > feris* по закону *i*-умлаута.

116. Имеется в виду общегерманский прототип.

117. "Традиционная школа" – Боппа, Шлейхера и др. компаративистов.

121. Polemika идет против возникшей еще в древности постановки проблемы первичности объекта и характера его наименования либо по природе (*φύσει*), либо по установлению (по положению) (*θέσει*).

122. Этот отрывок, вошедший частично в текст "Курса", иллюстрируется примерами, добавленными издателями (ср. С о с с ю р 1977, 153).

124. Соссюр иронизирует, так как соотношение гласных корня в разных формах этого немецкого слова объясняется исторически не как аблаут, а как результат действия *i*-умлаута. Однако если под определение аблаута подвести любое чередование гласных корня, связанное с грамматическими различиями, то можно было и данный случай именовать аблаутом, но это противоречило бы канонам историзма.

130. *Белл Александр Мельвилл* (Bell A. M., 1818–1905) – английский фонетист, автор книг: *The principles of Speech and Vocal Physiology*. L., 1863; *Visible Speech*. L., 1867.

Эллис Александр Джон (Ellis A. J., 1814–1890) – английский фонетист, автор книг: "Essentials of phonetics". L., 1848, и пятитомного труда, *On early English Pronunciation*" L., 1869/89.

Суит Генри (Sweet H., 1845–1912) – известный английский лингвист, автор многочисленных книг по фонетике, грамматике, диалектологии и истории английского языка.

Сторм Иоганн Фредерик Бреда (Storm J. F. B., 1836–1920) – норвежский языковед, фонетист, диалектолог автор работы: "Phonetik und Ausprache" Leipzig, 1892.

132. Ликийский язык – это язык народа, жившего на юго-западе Малой Азии; его относят к индоевропейским языкам, по новейшим данным близким к хеттскому языку (2-е тысячелетие до н.э.).

Дееке Вильгельм (Deecke W., 1831 – 1879) – немецкий филолог-классик, изучал древние итальянские, этрусские, кипрские надписи, а также надписи на древних языках Малой Азии.

135. Введенные Соссюром термины *акустема* и *механема* удивительно сходны с бодуэновскими *акусма* и *кинема*, что отчасти может быть объяснено общей тенденцией, характерной для науки конца XIX в. выделять более

тонкие и мелкие различия в языковой материи, служащей для передачи тончайших оттенков мысли и чувства. Однако, зная о знакомстве Соссюра с идеями Бодуэна, можно предположить и непосредственное влияние казанского профессора на швейцарского (см. S l i j u s a r e v a N. A. Problems of scientific connections and influence. F. de Saussure and J. Baudouin de Courteney. — In: Proceedings of the XI International congress of linguists. Bologna: Società editrice il Mulino, 1975).

143. Отрывки 1–5 и 7 включены в разные места в "Курс-Э".

146. Рассуждения о синтаксисе частей речи и об эллипсисе показывают, что Соссюру не были чужды эти проблемы, а в беседе с А. Ридлингером в 1909 г. он сказал, что "необходимо создать теорию частей речи. Это будет всеобщая грамматика (la grammaire générale)" (SM, 29). Хотя в текст "Курса" и были включены отдельные высказывания по этому вопросу (см. С о с с ю р 1977, 153–154), но не последовательно и нечетко, соссюровская критика не привлекла внимания, что, по мнению Де Мауро, достойно сожаления, так как наука пошла по линии формального анализа плана выражения (по Ельмслеву), а план содержания до работ Хомского остался в стороне (см. D e M a u r o 1972, 460). Более того, проблема эллипсиса, одна из центральных в синтаксисе, вообще выпала, а она, как видим, весьма привлекала Соссюра.

Бреаль Мишель (B r é a l M., 1832 – 1915) – крупнейший французский языковед, создатель термина с е м а н т и к а, противопоставивший эту область формализму младограмматиков и отстаивавший приоритет французской лингвистики. Еще в 1868 г. он указывал на важность языковых данных: "...в определенной мере существует расхождение между теми операциями нашего разума, которые описываются логикой и психологией, и языковыми процедурами, которые констатируются филологическим анализом, и именно мы должны вскрыть причины этих различий и раскрыть принцип их существования" (цит. по: M o u n i n G. Histoire de la linguistique des origines au XX siècle. P.: PUF, 1967, p. 218). Наиболее известны книги Бреаля: Essai de sémantique: Science des significations. P., 1897; Mélanges de mythologie et de linguistique. P., 1882. В последней одна из глав посвящена эллипсису: Les Idées latentes du langage.

147. В этом высказывании нельзя не усмотреть влияния или отблеска идей Э. Дюркгейма о принудительном характере языка для говорящих.

Термины с о м а / а п о с е м а, показывают стремление Соссюра терминологически закрепить вводимые им различия: с о м а – это означающее, акустический образ. Этот термин должен быть противопоставлен обозначению знака как целого (см. E n g l e r 1968, 47). А п о с е м а, видимо, реальное звучание слова как знака (термин не зафиксирован в "Словаре соссюровской терминологии" Энглера).

Рисунки показывают, как обрабатывалась схема отношений двух сторон языкового знака.

148. Иными словами, речь идет об отделении означаемого, что очень важно для понимания соссюровской концепции.

Вводится особый термин с е м а для обозначения условного знака как члена определенной системы; термин, представляющий знак в его целостности (см. E n g l e r 1968, 44).

149. П а р а с е м а и а п о с е м а – также предварительные термины для свойств языкового знака, которые, по-видимому, в лекциях не использовались. А п о с е м а синонимична термину с о м а, это не простое соединение звуков, а лишь такое, которое является телом для семы. П а р а с е м а включает знак в психологическую систему знаков (E n g l e r 1968, 38).

Слово ф о р м а используется в двух смыслах: а) как эквивалент означающего и даже знака и б) как элемент формирования слова, например "образование форм по аналогии" Энглер отмечает, что Соссюр колебался в определении значимости этого слова (E n g l e r 1968, 25), а Гodel считал, что Соссюр избегал употреблять это слово.

150. Обращает на себя внимание двойная возможность для слова находиться

в окружении: а) других слов – в линейной цепи и б) как парасемы в системе. Если бы эти идеи были представлены в "Курсе", то многие упреки Соссюру за нечеткость определения знака в системе и в речевой цепи были бы сняты. Эта двойственность была очевидна для него и могла быть использована в теории лингвистики речи, которую он намеревался изложить в последующих курсах.

151. Используя слово *ч л е н* (*terme*), Соссюр возвращается к более привычному словоупотреблению, ориентирующему на алгебраический характер отношений в системе языка, однако это привело к упрощению основных идей о сущности языкового знака.

Слово *с е м а* используется у Гомера в значении "отметина", у Еврипида – "знак, эмблема на щите".

154. Французское слово *те м б г е* соответствует русскому слову *ч л е н*, однако последнее использовано для передачи одного из значений слова *те г м е* (см. коммент. к с. 101), поэтому был избран русский вариант *ч а с т ь*, чтобы отделить два смысла, переданные и во французском языке двумя разными словами.

155. Данный термин не зафиксирован в "Словаре соссюровской терминологии" Р. Энглера (Engler 1968), но он соотносим с понятием инертного слова [3317.6].

156. Имеется в виду греческий язык.

157. Осталось неясным, что здесь подразумевает Соссюр; возможно, несогласие с некоторыми греческими этимологиями, предложенными Т. Бенфеем.

Имеется в виду *фонология* в соссюровском смысле физиологии звуков.

158. Дата указана в качестве переломного момента в развитии науки о языке, под которым подразумевается начало применения сравнительно-исторического метода как научного инструмента установления родства языков в трудах Ф. Шлегеля (1808) и Ф. Боппа (1816).

159. По-видимому, это первое использование терминов с корнями *диахрон-* и *синхрон-*. Де Мауро отмечает, что Соссюр был создателем термина *ди а х р о н и ч е с к и й*, а все прочие термины возникали по аналогии с ним (De Mauro 1972, 451).

Полемика идет против индийских учений, а также В. Вундта, полагавших, что слово является следствием разложения предложения. Для теории Соссюра весьма показательна идея автономности слова как единицы языка и выделения в его пределах неавтономных единиц, не случайно названных им подединицами.

161. В книге Бреая "Essai de sémantique" в специальной главе "Закон разделения" (Ch. 2. La loi de répartition) описывается процесс, вследствие которого синонимы принимают разные значения и перестают быть таковыми, например: нем. Mann – Mensch, греч. *άνθρωπος* 'человек, мужчина' – *βιὸς* 'человек как личность'; показаны ограничения на действие принципа разделения.

162. Ссылка дана на идеи М. Мюллера (см. коммент. к с. 39).

163. Упоминание кажущегося отсутствия элемента говорит о начале размышлений Соссюра о нулевых членах системы. Этот подход намечен у Уитни, разрабатывался Бодуэном и Фортунатовым. Более четко идея нулевого знака была дана в "Курсе" и отражена в студенческих записях (см. Соссюр 1977, 119, а также Saussure 1967, 192; Saussure 1972, 124).

166. Sechehaue A. Programme et méthode de la linguistique théorique: Psychologie du langage. Paris: H. Champion; Leipzig: O. Harrassowitz; Geneva: A. Eggimann & Co., 1908.

Упоминание имени В. фон Гумбольдта весьма примечательно, так как оно отсутствует в тексте "Курса", и это породило впечатление о знакомстве с идеями немецкого лингвиста из вторых рук, тем более что в описании библиотеки Соссюра нет названий трудов великого немецкого теоретика (см. Gambaга 1972). Тем не менее еще Р. О. Шор предположила, что в своем определении язы-

ка Соссюр встает в оппозицию к гумбольдтовской трактовке языка как речевой деятельности (*energeia*) (см. С о с с ю р 1933, 212). Де Мауро проводит прямую линию в определении языка как формы от Л. Ельмслева к Соссюру, а от него непосредственно к Гумбольдту как его предшественнику (см. De Mauro 1972, 463, а также: S i j u s a r e v a N. A. Essai de comparaison des conceptions de F. de Saussure et de W. von Humboldt. — In: Studi saussuriani per R. Godel. Bologna: Società editrice il Mulino, 1974).

Вунт Вильгельм (Wundt W., 1832 — 1920) — нем. психолог, занимался психологией речи, автор теории психологии народов, изложенной в книге, первый том которой посвящен языку: *Völkerpsychologie: Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte*. Vol. I. Die Sprache. Leipzig: W. Engelmann, 1900.

Показательно вторичное упоминание идей русских ученых.

170. "Введение ко второму Курсу общей лингвистики" (1908—1909) в записях студентов, прежде всего А. Ридлингера, опубликовано Р. Годелем (см. Introduction du deuxième Cours de linguistique générale. Ed. R. Godel. CFS 15, 1957).

Весьма примечательное замечание Соссюра, показывающее скорее диалектический, чем антиномический подход его к явлениям языковой деятельности, то есть языка вообще.

173. В тексте приведены переводы-конспекты книги Уитни (*Oriental and Linguistic Studies*. N. Y.: Scribner, Armstrong, 1873, p. 200—202).

Опперт Жюль (Oppert J., 1825 — 1905) — французский востоковед, ассириолог, археолог, лингвист; автор книг: *La grammaire assyrienne*. P., 1860; *Grammaire sanscrite*. P., 1858.

Радлов Василий Васильевич (1837 — 1918) — русский тюрколог, член АН в Петербурге, основоположник сравнительного изучения тюркских языков, этнограф, переводчик, применил теорию звуковых чередований Н. В. Крушевского к тюркским языкам; расшифровал (вместе с В. Тумсеном) Орхонские надписи.

Томсен Вильгельм (Thomsen V., 1842—1927) — датский лингвист, специалист по финно-угорским и тюркским языкам, автор книги "История языкознания до конца XIX в." (*E Sprogvidenskabens Historie: En Kortfattet Fremstilling*. Copenhagen. G. E. C. Gad, 1902; немецк. перевод: *Geschichte der Sprachwissenschaft bis zum Ausgang des 19 Jahrhunderts: Kurzgefasste Darstellung der Hauptpunkte*. Halle/S.: M. Niemeyer, 1927; русск. перевод — 1938 г.).

175. Этой теме посвящено специальное исследование Р. Энглера (*Saussure und die Romanistik*. Arbeitspapier 16. Universität Bern, 1976).

176. В нашей стране мало публикаций по кельтским языкам; можно порекомендовать книгу: К а л ы г и н В. П., К о р о л е в А. А. Введение в кельтологию. М.: Наука, 1989.

Д'Арбуа де Жюбенвиль Ари (D'Arbois de Jubainville H. 1827 — 1910) — французский лингвист, кельтолог и историк французского языка, автор книг: *Les habitants primitifs de l'Europe*. P., 1877; *La déclinaison latine en Gaule à l'époque mérovingienne*. P., 1872.

Соссюр называет кельтские племена: бойи, давшие название Богемии, и вольки, жившие в разных областях Средней Европы; географические названия: Эбуродунум — г. Брюнн в Австрии, Карродунум — Хорватия, Герцинский лес в районе Рудных гор (на границе Чехословакии и ФРГ). По мнению А. А. Королева, имя Александра Македонского (356—323 гг. до н.э.) упоминается в данном тексте, по-видимому, в связи с тем, что в его время кельты начали спускаться по Дунаю и вступать в первые контакты с греками, войны с которыми велись уже во времена потомков Александра Великого.

177. **Хирт Герман** (или Гирт, Hirt H., 1865—1936) — немецкий языковед, специалист по истории немецкого языка, автор двухтомного труда: *Die Indogermanen, ihre Verbreitung, ihre Urheimat und ihre Kultur*. Strassburg: K. F. Trübner, 1905/07.

178. Наиболее полная запись третьего из прочитанных Соссюром курсов была опубликована в 1959 г.: *Nouveaux documents saussuriens. Les Cahiers E. Constatin. Ed. by R. Godel. CFS 16, 1959.*

179. Термин аллогlossы разноязычие – не отмечен в "Словаре соссюровской терминологии" Р. Энглера.

181. *Trombetti Альфредо* (Trombetti A., 1866–1929) – итальянский языковед и полиглот, занимался семитскими языками, обосновывал теорию моногенеза языков, использовал методику сравнительно-исторических штудий. Автор кн. *L'unità di origine del linguaggio. Bologna, 1905.*

184. Имеется в виду кипрское слоговое письмо, надписи на котором были обнаружены в 1850 г. и в 1874 г. определены как греческие, о чем писала Р. О. Шор (см. Соссюр 1933, 224).

185. Соссюр неоднократно возвращается к критике понимания языка как номенклатуры, противопоставляя такому подходу положения о произвольности знака, о языке как форме и о ценности языковых знаков. Де Мауро справедливо отмечает, что "эта критика осталась в тени не только для издателей "Курса", но и для большей части современных лингвистов..." (Де Мауро 1972, 427); ниже он называет знаменитый треугольник Огдена и Ричардса и их последователей, противопоставляя им идеи Л. Витгенштейна и Л. Ельмслева.

Эти заметки были revisited издателями (см. Соссюр 1977, 140 и сл.).

186. На полях соссюровских заметок рукой Балли, а затем рукой Сеше отмечены их сомнения в непоследовательности излагаемых идей (см. Saussure 1967, 301)

188. В тексте "Курса" проблема связи диахронического изучения с функционированием системы в целом и со структурой знака оказалась представленной завуалированно, хотя в лекциях она была четко изложена. Ученик Соссюра С. И. Карцевский представил идею своего учителя о сдвиге отношений значающего и означаемого (см. Карцевский S. Du dualisme asymétrique du signe linguistique. *Travaux du Cercle linguistique de Prague. V. I, 1929;* русск. перевод в кн.: Звезгинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1964).

190. О возможном знакомстве Соссюра с трудами по полигэкономии см. Слюсарева 1977.

191. Замечание об автономности мышления весьма примечательно, особенно при сопоставлении его с положением о том, что "мышление, если отвлечься от выражения его словами, представляет собой аморфную нерасчлененную массу" (Соссюр 1977, 144). Думается, что Соссюр вряд ли подписался бы под этими приписываемыми ему словами.

193. Комментарии к этим "заметкам" во многом фактически совпадают с комментариями к предыдущим разделам.

200. *Навиль Аориен* (Naville A., 1845–1930) – женеvский философ, которому Соссюр излагал свои идеи по поводу особой науки о знаках – семиологии, и который тут же включил их во второе издание своей книги: *Nouvelle classification des Sciences. Etude philosophique. P.: F. Alcan, 1901,* с соответствующей ссылкой на Соссюра. Таким образом, семиология вошла в науку за пределами лингвистики и раньше, чем в нее. Уместно заметить, что параллельно с идеями Соссюра теория семиотики формировалась Ч. С. Нирсом. Вряд ли можно говорить о каком-либо знании швейцарским лингвистом идей американского философа, но мы уже высказывали предположение, что у них обоих мог быть один общий предтеча – У. Д. Уитни, положивший начало лингвистической теории знака (см. Слюсарева Н. А. Соссюр и соссюрианство. В кн.: *Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М.: Наука, 1977*).

202. Говоря о "худшем", Соссюр иронизирует, так как нигде не зафиксирован переход $t > 1$, хотя теоретически он возможен, так как оба звука переднеязычные дентальные, или дорезальные, тогда как для губно-губного такой переход неосуществим.

204. Дело в том, что санскритские частицы *apa* 'от, прочь', *ava* 'вниз, прочь', *upa* 'к, возле', *ni* 'под, вниз' были, как бы мы теперь сказали, скорее послелогам. Проблема эта дискутируется и в наши дни, особенно на материале аналитических языков, типа английского.

206. Сосюр имел в виду книгу Ш. Балли *Traité de stylistique française*. 2 vol. Heidelberg: C. Winter. Paris: C. Klincksieck, 1909 (русск. перевод: Французская стилистика. М.: ИЛ., 1961).

Н. А. Слюсарева

Часть вторая

**Воспоминания
Фердинанда де Соссюра
о юности и годах учения**

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О "ВОСПОМИНАНИЯХ"

Ф. де СОССЮРА

"Воспоминания о юности и годах учения" Ф. де Соссюра были опубликованы Р. Годелем в 1960 г. (см. Saussure 1960). Они написаны примерно в 1903 г. и должны были быть направлены В. Штрайтбергу*, который интересовался работой Соссюра над "Мемуаром о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках" и переписывался с ним по этому поводу. Р. Годель пишет, что часть материалов Штрайтберг получил еще тогда, но они были использованы позже и вошли в некролог памяти Соссюра, опубликованный в 1915 г. Однако "Воспоминания..." не включают данные, на которые ссылается Штрайтберг (см. Streitberg 1915-1966). Можно предположить, что имевшиеся в его распоряжении записи побудили его посоветовать Соссюру опубликовать свои воспоминания. Это пожелание было, видимо, выполнено, но не направлено адресату, а фрагменты записей сохранились в архиве Соссюра в Женевском университете.

"Воспоминания" интересны тем, что они раскрывают детали научной биографии Соссюра и его взаимоотношения с лейпцигскими учеными, составившими центр младограмматической школы, прославившей себя работами в области истории индоевропейских языков. Об этой школе Соссюр писал и в других заметках¹

Следует отметить, что Соссюр еще в период занятий в Женеве в 1872/73 гг. пришел к выводу о роли и соответствиях индоевропейского *a* и носовых сонантов в санскрите и греческом и полагал, что это явление представляет собой самоочевидный факт. Позже в Лейпциге он узнал, что К. Бругман опубликовал статью о носовых сонангах, которая была оценена как открытие, и, следовательно, приоритет принадлежит немецкому ученому (см. Brugmann 1876).

"Воспоминания..." отражают разочарование Соссюра и его попытку утвердить свое положение в этом вопросе. Дело в том, что немецкие лингвисты не приняли идеи, высказанные в "Мемуаре..." Идеи системного подхода к языковым явлениям опередили науку о языке того времени более чем на полвека и не были восприняты тяготеющими к агонизму младограмматиками. В этом отношении судьба двух великих

¹ См. об этом с. 79 наст. изд.

произведений Соссюра была весьма сходной, с той лишь разницей, что другие ученые (Г. Мёллер, А. Кюни) приветствовали "Мемуар..." и Соссюр узнал о признании своих заслуг в индоевропеистике, тогда как "Курс" увидел свет даже без апробации автора. Тем не менее оба произведения вошли в золотой фонд науки о языке.

Н. А. Слюсарева

ВОСПОМИНАНИЯ Ф. де СОССЮРА О ЮНОСТИ И ГОДАХ УЧЕНИЯ

(Женевская публичная и университетская библиотека,
Ms. fr. 3957/1)

(с. 1) Лейпцигский университет в 1876 и 1877 гг. являлся основным центром научного направления, которое имело счастливые последствия для индоевропейского языкознания. Это направление объединяло одновременно германистов, славистов и "компаративистов"

Результатом деятельности этого направления явилось почти полное изменение облика Сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков с методологической точки зрения, но еще более непосредственным и быстро усвоенным результатом явилось доказательство существования ряда *фактов*, которые ранее эта дисциплина игнорировала, создав себе ложное представление о состоянии фонетической системы праязыка, которое лежит в основе исследований в этой области.

Поскольку одной из книг, опубликованных в этот период, является моя книга, которую я озаглавил "Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках"¹, поскольку эта книга вышла в Лейпциге и, кроме того, я был студентом Лейпцигского университета с октября 1876 г. по июль [ ]², то всякий, кто прочтет эту книгу, совершенно законным и естественным образом предположит, что она является одним из тех плодов, хороших или плохих, которые созрели непосредственно на лейпцигской почве в 1876—(с. 2) 1877 гг.

Если это суждение [ ], то, прочитав настоящую рукопись, можно убедиться в том, что оно далеко от истины; но, несмотря на это, мысль опровергнуть такое ложное мнение никогда не пришла бы мне в голову, даже в записке частного характера. Прежде всего, меня чрезвычайно страшат всякие рассуждения о личности, когда речь идет об общих завоеваниях науки, которые не нуждаются ни в чьих именах; далее, само собой разумеется, что и раньше и теперь меня ни в коем случае нельзя упрекнуть в отсутствии истинного чувства благодарности к [ ].

Souvenirs de F. de Saussure concernant sa jeunesse et ses études. — "Cahiers Ferdinand de Saussure", 1960, 17, p. 15—25 (publ. par R. Godel).

¹ См. русск. перевод в С о с с ю р 1977. *Прим. ред.*

² Дата не проставлена. Без сомнения, имеется в виду 1878 г., потому что с начала следующего зимнего семестра (1878/79) Соссюр учился в Берлине. — *Прим. Р. Годеля.*

(с. 3) Поразмыслив над этим, я решил, что незачем было на них обижаться, так как в действительности обстоятельства были таковы, что подобный вывод напрашивался сам собой. Но, поразмыслив еще немного, я решил про себя, что если *такой вывод напрашивается сам собой*, то со временем, когда исчезнут всякие противоречия, вполне может случиться, что само мое молчание станет опасным. Вероятно, можно было себе позволить полностью исказить мой [ ] и — надо ведь все предвидеть, — выйдя за рамки вопроса о приоритете, который мне совершенно безразличен, может быть, поставить вопрос о плагиате или о сомнительности затруднительного различия своего и чужого [ ].

Предвидя эти возможные осложнения и получив письмо от г-на проф. Штрайтберга (февраль 1903 г.), которое явилось для меня побудительной причиной этих размышлений, я попросил самого г-на Штрайтберга стать временно хранителем этой рукописи, содержащей личные воспоминания.

(с. 4) Я с полным доверием вручаю рукопись моему любезному и уважаемому коллеге [ ]³

(с. 5) Когда мне было двенадцать или тринадцать лет, почтенный Адольф Пикте, автор книги “Origines eugoréennes”⁴, был нашим соседом в то время года, которое мы проводили в нашем поместье. Я часто встречался с ним в его поместье Маланьи около Версуа, и, хотя я не очень-то осмеливался приставать с расспросами к почтенному старцу, втайне от него я восхищался его книгой столь же глубоко, сколь и по-детски непосредственно; несколько глав из этой книги я основательно⁵ изучил. Мысль о том, что с помощью одного-двух слогов, взятых из санскрита, можно воссоздать жизнь исчезнувших народов — а именно такова была идея этой книги, как и лингвистики того времени вообще, — вселяла в меня несравненный по своей наивности энтузиазм; и у меня нет более приятных воспоминаний, доставляющих истинное лингвистическое наслаждение, чем те, которые и сегодня могут нахлынуть на меня, когда я обращаюсь к этой книге детства.

По правде говоря, одновременно с этим я находил и другую пищу моим лингвистическим наклонностям в библиотеке моего деда по материнской линии графа Алекс. [ ]⁶, а также в беседах с ним, так как он был большим любителем этнологических и этимологических исследований — безо всякого метода, но богатых мыслями. То же можно сказать о другой его страсти — постройке яхт на основе математического принципа; он так и не нашел этого принципа, забавляясь спуском своих яхт в воды Женевского озера, но в то время еще никому не приходило в голову строить судно на основе умозаключений. Таким образом, направленные его исследований свидетельствуют о незаурядности его ума.

³ Следует зачеркнутое начало фразы. — Прим. Р. Годеля.

⁴ См. Pictet 1859. — Прим. перев.

⁵ Интерпретация написанного сомнительна. — Прим. Р. Годеля.

⁶ Александра-Жозефа де Пурталеса (вместо имени оставлено пустое место). — Прим. Р. Годеля.

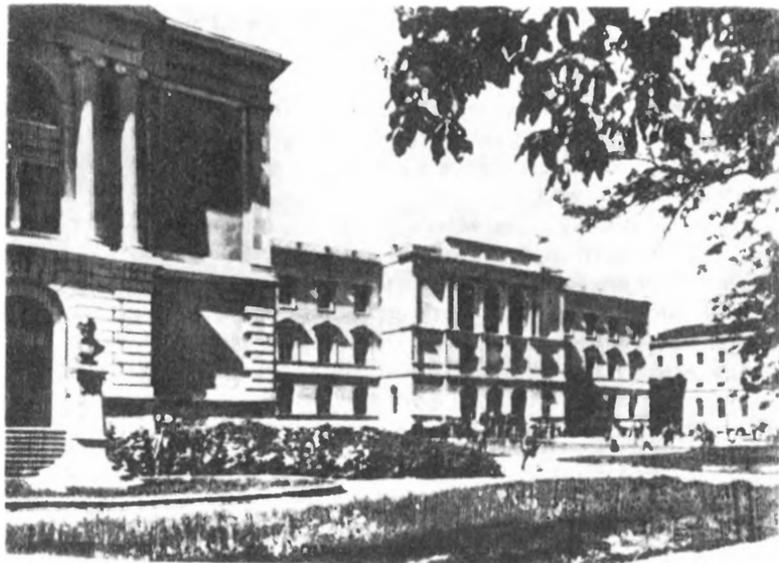
(с. 6) С тех пор страсть к лингвистике, очевидно, не давала мне покоя, так как, едва овладев азами греческой грамматики в школе, я считал себя уже достаточно зрелым, чтобы сделать набросок *Общей системы языка*, посвятив его Адольфу Пикте. Насколько я помню, эта ребяческая затея заключалась в том, чтобы доказать, будто все, что имеется во всех возможных языках, можно свести к корням, состоящим всего лишь из трех согласных (а в более древнюю эпоху даже из двух согласных), если только считать тождественными *p, b, f, v*, или *k, h, g, ch*, или *t, d, th*. Так, *R-K* являлось, насколько я помню, универсальным знаком могущества или самовластия: *rex, regis* 'король, короля', *δηρυνσι* 'сокрушать', *Rache* 'месть', *güpen* 'порицать' и т.д.; *P-N-K* было знаком удушья, дыма: *πνίγω* 'душить', *Funke* 'искра', *rango* 'вбивать', *rungo* 'жалить' и т.д.!

Замечательный ученый был так добр, что дал мне письменный ответ и написал в числе прочего: "Мой юный друг, я вижу, вы взяли быка за рога...", а затем он высказал мне ряд добрых слов, которые возымели свое действие и навсегда отбили у меня охоту заниматься универсальными системами языка.

С тех пор (1872 г.) я был совершенно подготовлен, чтобы воспринять какое-либо иное учение, если бы таковое нашлось, но в действительности я забыл о лингвистике на целых два года, достаточно пресытившись своим неудачным сочинением.

(с. 7)

2⁷

Женевский университет

⁷ В рукописи. З. – Прим. Р. Годеля.

Осенью 1872 г., не знаю зачем, я поступил в Женевский коллеж и про- вел там целый год без всякой пользы. Предлогом для поступления яви- лось то, что я был слишком молод, мне было четырнадцать с половиной лет, и, несмотря на хороший аттестат, я не мог перейти из частной школы в Женевскую гимназию; и, поскольку некоторые из моих друзей нахо- дились в том же положении, что и я, по общему постановлению наших родителей мы вместе проучились год в *Публичном коллеже*, чтобы под- готовиться к поступлению в *Публичную гимназию*, но этот год не принес никому из нас абсолютно никакой пользы.

Тем не менее в том году мне удалось открыть то, что в другом месте я, вероятно, не имел бы случая открыть. В первом или втором семестре — не могу точно вспомнить время года — мы читали один текст Геродо- та. В этом тексте встретилась форма *τετάχῃται* (3-е л. мн. ч. перфекта пас- сива от *ταδδω* 'ставить, размещать'). Эта форма была мне совершенно незнакома. В школе г-на Мартина я выучил форму *τεταχμένοι εἰσι*, которая была приведена в грамматике Хааса, безраздельно господствовавшей в этой школе и допускавшей исключительно аттические формы. Как толь- ко я увидел форму *τετάχῃται*, мое внимание, в общем-то крайне рассеян- ное, что было естественным в тот год, посвященный *повторению*, немед- ленно было привлечено к этому факту, потому что незадолго до этого я провел следующее рассуждение, которое до сих пор хранится в моей⁸ (с. 8) памяти: *λεγόμενα λέγουται*, следовательно, *τεταχόμενα τετάχῃται*; отсюда вытекает, что $N = a$. Я вышел из Коллежа, думая о том, как *n* может превратиться в *a*, и проделал ряд фонологических экспериментов, кото- рые удовлетворили меня. Повторяя эксперименты, я убедился, что действительно можно перейти от *τετάχῃται* к *τετάχῃται*, но, конечно, я даже мысленно не обозначал это *n* особым знаком (вроде *n* или что- либо подобное). Я полагал, что его отличительным свойством была по- зиция между двумя согласными (что верно с физиологической точки зрения), поэтому в греческом языке оно дало звук *a*, но все же это было обычное *n* (I).

(с. 7, на оборотной стороне листа) (I) Оценивая теперь этот случай, который ярко запечатлелся в моей памяти, я прекрасно понимаю сегодня, почему мое внимание привлекла форма *τετάχῃται*. Действительно, сегодня нам поначалу кажется, что наряду с *τετάχῃται* существует бесчис- ленное множество форм, которые на *материале греческого языка* могут привести к реконструкции носового сонанта. Но это неверно. Ни форма аккузатива *πόδα* 'ногу' или *πόδας* 'ноги', ни *ἑπτά* 'семь', ни даже *ἕσται* 'сидят' и т.д. не ясны с первого взгляда в морфологическом отношении.

⁸ В левом нижнем углу страницы написано:

Мартин	1870-72
Коллеж	1872-73
Гимназия	1873-75
Университет	1875-76

— Прим. Р. Годеля.

Только форма 3-го л. мн. ч. перфекта среднего залога является – по причине существования *тетáμεβα* – совершенно прозрачной и имеет доказательную силу в самом греческом. Форма *тетáχата* – единственная в своем роде, и озарение, которое я немедленно испытал, увидев эту форму, и которое мне самому казалось непонятным, получает объяснение, если провести надлежащий анализ.

(с. 8)

3

С 1873 по 1875 г. я посещал Женевскую гимназию. На втором году обучения, испытывая по-прежнему интерес к лингвистике, я начал заниматься санскритом по грамматике Боппа, которую я обнаружил в Публичной библиотеке; одновременно я начал изучать книгу Курциуса *Grundzüge* (2-е издание)⁹, экземпляр которой имелся в Библиотеке изящной словесности.

В то время у меня в голове возник конфликт между идеями Курциуса и Боппа. У Курциуса я нашел большое число таких примеров, как *татós* ‘растяжимый’ или *μεταός* ‘желанный’ (с. 9), которые он соотносил с корнями на -п¹⁰. Вспомнив о форме *тетáχата*, с которой я познакомился в Коллеже, я блуждал в поисках ответа на вопрос, нельзя ли это *a* объяснить с помощью носового звука. Когда, читая Боппа, я узнал, что в санскрите была гласная *r*, я моментально узрел истину, еще более ярко, чем при помощи формы *тетáχата*, сопоставив в уме *bhar-*, *bhṛtas*¹¹; так, может быть, и *tṛtas*? К сожалению, почти тут же я наткнулся на то место у Боппа в его “Грамматике санскрита” или в “Сравнительной грамматике”¹², которую мне удалось достать в 1876 г., где он утверждает, что не следует обращать внимания на *r* в санскрите и “что *φερτός* решительно свидетельствует против *bhṛtas*”. Я особо вспоминаю эту форму *φερτός*, суждение о которой Боппа произвело удивительное, ничем не оправданное действие на мое (с. 10) боязливое воображение, ставшее робким с тех пор, как я понял благодаря своему несчастному *опыту о языках*, что надо следовать авторитетам и не заниматься созданием собственных теорий.

Также в 1875 или 1876 г. я направил г-ну Бергеню** (другу г-на Леопольда Фавра, проживавшего в Женеве) просьбу принять меня в Парижское лингвистическое общество, и выслал ему из Женевы статью о суффиксе *-t-****. Когда я ее писал, то испытывал страх, обдумывая каждую строку, боясь, как бы не высказать нечто противоречащее Боппу, который стал моим единственным учителем.

⁹ Curtius G. *Grundzüge der griechischen Etymologie*. 2t. Leipzig: G.B. Teubner, 1858/62.

¹⁰ Выражаясь точнее, я не более Курциуса учитывал наличие *ε* в другой форме, но меня поражало отсутствие возможного здесь носового звука; впрочем, я находил *α*, когда имелся носовой. – Прим. Ф. де Зесюра.

¹¹ В рукописи на деванагари. – Прим. Р. Годеля.

В 1875/76 г. я потерял еще один год, так как посещал лекции по физике и химии в Женевском университете, следуя своего рода семейной традиции. У меня оставалось очень мало времени, чтобы заняться другими делами, а Женевский университет, который был создан (с. 9 на оборотной стороне листа) незадолго до этого, мог предложить желающим прослушать введение в индоевропейское языкознание лишь курс *приват-доцента Луи Мореля*. Я с благодарностью вспоминаю этот курс, хотя он являлся всего лишь совершенно буквальным воспроизведением курса Курциуса по *Грамматике греческого и латинского языков*, который г-н Морель прослушал в Лейпциге за год до этого. От Л. Мореля я почерпнул более живой материал, чем из печатных работ. Кроме того, имя Л. Мореля позволяет мне указать на точную дату рождения моей идеи о носовом сонанте и подчеркнуть ту важность, которую я придавал ей. Ибо в моей памяти четко запечатлелось, как во время прогулки после лекций мы беседовали с ним и я задавал ему конкретный вопрос: "Что говорит по этому поводу Курциус, ведь вы его слушали?"

(с. 10)

5

Итак, в октябре 1876 г. я приехал в Лейпциг¹², не имея: 1) никакого представления ни об одном из германских языков, даже о готском, и ни об одном из индоевропейских языков вообще, кроме санскрита, который я выучил самостоятельно, и классических языков [ ].

(с. 11)

6

Просматривая программу университета, я обратил внимание в числе прочего на объявление г-на Хюбшмана*, который собирался читать (совершенно приватно) курс *altpersisch* (староперсидского языка). Я отправился к нему домой недалеко от Аугустусплатца, чтобы представиться ему. Это был первый немецкий профессор, с которым я познакомился, и меня сразу обрадовала та благожелательность, с которой он меня принял. Он почти сразу же заговорил со мной об индоевропеистике и спросил меня, читал ли я появившуюся во время каникул статью Бругмана** о носовом сонанте. Я не знал даже, кто такой Бругман, что было простительным в то время, особенно для меня, и тогда г-н Хюбшман сообщил мне, что вот уже несколько недель горячо дискутируется вопрос о том, не являются ли в греческом некоторые *a* результатом из-

¹² Следует к этому добавить, что я отправился в Лейпциг *случайно*, просто потому, что мои женевские друзья Люсьен Готье, Рауль Готье, Эдмон Готье и Эдуард Фавр учились в этом городе, одни на теологическом, другие на юридическом факультете. Так как мне было всего лишь восемнадцать с половиной лет, мои родители предпочли выбрать такой город за границей, в котором меня окружали бы соотечественники. — *Прим. Ф. де Соссюра.*

менения *п*, иначе говоря, не превратились ли некоторые *п* в *а*. Я почти не поверил своим ушам, поскольку при первой же встрече с (с. 12) немецким ученым тот представил передо мной в качестве научного достижения то, что я уже три с половиной года считал элементарной истиной, о которой я не осмеливался говорить, так как полагал ее широко известной, и я робко заметил¹³ г-ну Хюбшману, что это открытие не кажется мне чем-то совершенно необычным или новым. Тогда Хюбшман подчеркнул, какую важность придают этому вопросу германисты, и объяснил мне, что в германских языках – о которых я не имел никакого представления – греческому *α* соответствует сочетание *-up-*. Выйдя от него, я купил номер “*Studien*”, в котором была напечатана “новинка”, но¹⁴ вопреки ожиданиям меня не очень потрясло то, что я прочитал. В этот момент я не мог точно соизмерить [...].

7

По идее я должен был бы усердно заниматься в Лейпцигском университете, чтобы выучить все то, чего мне не хватало (с. 13) в области конкретных знаний. Но вопреки этому мои занятия протекали вяло. Собственно говоря, я посещал только курс лекций по *славянским языкам и литовскому языку* Лескина, по *древнеперсидскому* – Хюбшмана и частично курс лекций по *кельтским языкам* Виндиша¹⁵. Я ни разу не посетил лекций по санскриту, за исключением двух лекций вводного курса, читавшегося Остгофом*; я совсем не бывал на лекциях по готскому или по грамматике какого-либо германского языка, зато я посещал лекции Брауне** по истории немецкого языка.

Что касается лекций по сравнительной грамматике, то я [ ].

1. Я регулярно ходил на лекции Курциуса и, помнитесь, сделал даже два *Vorträge* (доклада) на его семинаре, членом которого я, впрочем, не был (один *Vortrag* с финалях, например *τόκα – τότε*, и другой *Vortrag* о не замеченном другими аблауте *λάβειν λέ-λάβα* и *δάμνι-μι : δάμνᾱ-μεν*).

2. Я посетил (1876?) первые лекции одного из курсов Остгофа но не помню какого. Вскоре после этого Остгоф покинул Лейпциг.

3. Прослушав в 1877 г. первые лекции курса Бругмана, я прервал свои занятия¹⁶ по причине, указанной ниже¹⁷.

¹³ Текст вымаран. Соссюр оставил я ему (вместо я заметил). – Прим. Р. Годеля.

¹⁴ Первоначальный вариант, зачеркнутый: “и в этот момент я неожиданно понял, что в конце концов мои идеи ничем не хуже тех, которые благосклонно воспринимаются публикой, и я не побоялся бы даже при отсутствии всякого элементарного знания индоевропейских языков исследовать их с аналитической точки зрения по мере выучивания каждого языка” – Прим. Р. Годеля.

¹⁵ Записи, сделанные Соссюром на лекциях по кельтским языкам, сохранились. – Прим. Р. Годеля.

¹⁶ Первоначальный вариант, зачеркнутый: “я установил, подготавливая уже свой мемуар о гласных, что по нескольким пунктам то, что я собирался напечатать [ ]”. – Прим. Р. Годеля.

¹⁷ Здесь следовало бы поместить параграф ба 7а, который дается ниже (с. 17). – Прим. Р. Годеля.

(с. 14) Если я довольно редко, и даже чересчур редко, посещал университетские аудитории, о чем я позднее не раз сожалел, то не в большей мере я был связан с *пивными* (kneipisants) и не *пивными* кружками, члены которых обычно группировались вокруг молодых академических лидеров лейпцигской лингвистической школы. Об этом я тоже сожалею, но это было так естественно, ведь я был иностранцем, родным моим языком был французский, к тому же мне было только девятнадцать лет, и мне было нелегко проникнуть в общество докторов наук; наконец, я был настолько привязан к нашему маленькому сообществу, которое образовалось из женеvских студентов в Лейпциге, что должен признать, что [ ].

Однако у меня было и огромное преимущество: в Лейпциге я был коротко знаком со студентами Теодором Баунаком¹⁸ и Рудольфом Кёгелем¹⁹, их талант уже тогда предвещал тот блистательный успех, которым они сегодня пользуются. Кроме того и прежде всего, я был лично знаком с г-ном Бругманом; я уже собирался рассказать о его приветливом характере, как вдруг до моего сознания дошло, что это мое сочинение частично пишется для того, чтобы доказать, что я ничего не украл у г-на Бругмана. Он, конечно, простит меня за это, так как знает (с. 15), как все было на самом деле [ ].

Мои дружеские отношения с г-ном Бругманом, хотя я и ценю их выше всего, не такого рода, чтобы рассказывать о них здесь.

Поэтому я оставляю эти отношения в стороне и расскажу о наших научных связях. Для них весьма характерны следующие три обстоятельства, которые имеют то преимущество, что воспоминания о них у меня совершенно четкие.

1. Когда в 1877 г. я сделал на семинаре у Курциуса упомянутое выше сообщение о регулярной альтернации *ā* и *ǣ*, г-н Бругман не присутствовал при этом, но на следующий день, встретив меня во втором университетском дворе (большом дворе), он подошел ко мне и дружеским тоном спросил меня, выказывая явную заинтересованность (далее следуют точные слова Бругмана): "Ob noch *weitere* Beispiele als *stātor: stātus und mäter päter*²⁰ wirklich für diesen Ablaut vorliegen?" (Имеются ли в действительности другие примеры на этот аблаут, кроме *stātor* 'спаси-

¹⁸ Т. Баунак опубликовал в соавторстве с братом Иоганнесом исследование, озаглавленное "Die Inschrift von Gortyn" Leipzig, 1885 (156 с., 1 вкладка в конце книги), экземпляр которого с дарственной надписью получил Соссюр. Прим. Р. Годеля.

¹⁹ Ученик Царнке* и Брауне Р. Кёгель послал Соссюру две свои публикации: Ueber das keronische Glossar, Studien zur ahd. Grammatik, Halle 1879 (192 p.); Gegen Nasalis sonans, Gram. Studien (Festschrift Eckstein), Halle, 1881 (26 p. in-4°). – Прим. Р. Годеля.

²⁰ Видимо, я дал еще третий пример, но не могу его вспомнить. Прим. Ф. де Соссюра.

тель': stātus 'состояние' и māter 'мать': pāter 'отец'?) Если сегодня рассказать о том, как г-н Бругман спросил, есть ли другие примеры на аблаут (с. 16) $\bar{a} : \check{a}$, кроме трех приведенных, рассказчика обвинят в чудовищной выдумке. Но это только доказывает, до какой степени современное поколение неспособно судить как о состоянии разработки проблем в 1877 г., так и о конкретном вкладе того или иного исследователя. Нет ничего проще, чем открыть, например, "Грамматику"²¹ Густава Мейера, который первым игнорировал мои работы, и выписать аблаут $\check{a} : \bar{a} : \bar{o}$; $\check{a} : \bar{e} : \bar{o}$; $\check{a} \bar{o} \bar{o}$, и ввиду полной очевидности фактов вообразить, что никто и не утруждал себя их поисками; поэтому, повторяю, очень характерно, что в 1877 г. сам г-н Бругман не знал в точности, много ли можно подобрать примеров на один-единственный *фрагмент аблаута* $a : a$, который ему казался даже принципиально новым (все, что касается *о*, бесспорно и взято из моего Мемуара).

(с. 17)

ба

7а (Вставить выше)

В моем "Мемуаре о гласных" нельзя найти никакого следа (кроме одного примечания, о котором я скажу позднее) того факта, что мне был известен носовой сонант раньше, чем Бругману. Зачем же поднимать этот непонятный вопрос, который даже не является вопросом о возможном приоритете одного из нас? По странному стечению обстоятельств уже в 1876 г. я опоздал на несколько недель, вовсе не расстраиваясь из-за этого; но когда я писал в 1878 г., время было упущено, и я не мог решительно требовать установления приоритета, поскольку я не сделал этого сразу. Заметьте, что я не требую его и теперь, разве только для того, чтобы доказать, что в чисто интеллектуальном плане, не представляющем интереса для широкой публики, мое описание носового сонанта было осуществлено независимо ни от кого.

Мне удалось достичь большего в "Мемуаре о гласных", и я помню, что писал его с некоторой душевной болью, которая является лучшим свидетельством тех обстоятельств, в которых я над ним работал. Я написал следующее: "...благодаря работам Бругмана и Остгофа мы узнали о сонантах η и ζ "²², прекрасно осознавая, что я лично не нуждаюсь в работах Бругмана или Остгофа. Но я разрешил проблему следующим образом:

1. Есть полное основание, чтобы отказаться от повторного рассмотрения вопросов о приоритете или оригинальности. Пусть будет хуже тому, кто не успел опубликовать свои результаты первым, и было бы дурным тоном продолжать этот разговор.

²¹ Meyer G. Griechische Grammatik. Leipzig: Breitkopf & Härtel, 1880 (Bibl. idg. Grammatiken).

²² Ср. Mémoire... p. 6; p. 42, n. 1.

2. Без всякой поддержки извне я пишу такой труд, который обязательно будет подвергнут критике по всем пунктам и без всяких церемоний, что ясно а priori. Не будем с самого начала без всякой пользы для себя вызывать недоброжелательство, создавая впечатление [ ]²³

Давайте уступим им не наполовину, а целиком этот носовой сонант, потому что я действительно не смог бы привести в доказательство ни одной даты публикации, а я честно придерживаюсь принципа даты публикации.

Об этом я и написал. Я всегда рассматривал свой Мемуар как бы состоящим из двух частей, одинаково оригинальных, за исключением факта отожествления латинского *or* с *r* (и это также явилось одним из оснований еще решительнее приписать всю заслугу Бругману и Остгофу).

(с. 18)²⁴ Что же касается меня, мне довольно неприятно, что методический принцип аналогии уже не рассматривается более как открытие Лейпцигской школы. Примечательно, что я намеревался оставить без внимания этот пункт, считая бесполезным притязание на первенство совершенно так же, как и в случае с носовым сонантом, но, поскольку я решил один раз написать сухую правду, я должен признать это благодеяние со стороны [ ] лишь очень косвенным образом.

Для моего развития как лингвиста, как и, надо полагать, для развития многих других лингвистов, имеет значение тот факт, что удивительным мне показалось не явление аналогии, а ФОНЕТИЧЕСКОЕ явление, когда я узнал о его существовании. Ведь надо заниматься лингвистикой без всякого намека на способность к наблюдению или размышлению, чтобы с самого начала ставить на одну доску такое явление, как фонетический закон который реально недоступен личному опыту и аналогическое действие, которое каждый человек осознает с детства совершенно самостоятельно. Все это свидетельствует о крайнем упрямстве (moutonnièreté) немцев.

²³ *Сосюр написал, а затем зачеркнул, что мы хотим что-то оторвать от заслуг немецких ученых. Прим. Р Годеля.*

²⁴ Последняя страница тетради, следующая за шестью пустыми. *Прим. Р Годеля.*

221. *Штрайтберг Вильгельм* (Streitberg W. 1864–1925) – немецкий индоевропеист, германист, издатель журнала "Indogermanische Forschungen" (совместно с К. Бругманом). Автор "Urgermanische Grammatik". Heidelberg: C. Winter, 1896.

227. Соссюр упоминает две грамматики Ф. Боппа – "Граматику санскритского языка" и знаменитую "Сравнительную грамматику санскрита, зенда, армянского, греческого, латинского, литовского, старославянского, готского и немецкого языков" (см. В о р р F. Kritische Grammatik der Sanskritsprache in kurzerer Fassung. Berlin: Nicolai, 1834; Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Send, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Litauischen, Altslawischen, Gotischen und Deutschen. Berlin: F. Dümmler, 1833).

Бергенъ Абель (Bergaigne A., 1938–1888) – французский языковед, занимался восточными языками, автор одного из учебников санскрита и ряда работ по сравнительной грамматике индоевропейских языков.

Статья Соссюра "О суффиксе -t-" была опубликована в "Мемуарах парижского лингвистического общества" (MSLP), т. 3, 1877.

228. *Хюбшман Генрих* (Hübshmann G., 1848–1908) – немецкий языковед, занимался персидским, армянским и другими восточными языками, автор известной книги: Persische Studien. Strassburg: K. J. Trübner, 1895.

Бругман Карл (Brugmann K., 1849–1919) – основоположник младограмматической лейпцигской школы. Статья "О носовых сонантах в индогерманском праязыке", выводы которой почти совпали с предположениями Соссюра, была опубликована раньше, чем "Мемуар" Но швейцарский языковед сделал на основе своих выводов гораздо более широкие обобщения о всей системе гласных (см. Brugmann K. Nasalis sonans in der indogermanischen Grundsprache. – In: "Curtius Studien zur griechischen und lateinischen Grammatik", 9. Leipzig, 1876).

229. *Остгоф Герман* (Osthoff H., 1847–1909) – основоположник младограмматической школы, известный индоевропеист, вместе с К. Бругманом издавал знаменитые "Морфологические исследования" (вышло шесть томов: Morphologische Untersuchungen. Leipzig: S. Hirzel, 1878–1910).

Брауне Вильгельм (Braune W., 1850–1926) – известный немецкий индоевропеист и специалист по истории немецкого языка и по готскому языку.

230. *Царнке Фридрих* (Zarnke F. 1825–1891) – немецкий специалист по истории немецкого языка.

Н. А. Слюсарева

Часть третья

**Из эпистолярного наследия
Фердинанда де Соссюра**

**О ПИСЬМАХ Ф. ДЕ СОССЮРА
К И. А. БОДУЭНУ ДЕ КУРТЕНЭ И
КАЗИМЕРУ ЯУНЮСУ¹**

В Ленинградском отделении Архива АН СССР хранятся два письма Ф. де Соссюра к И. А. Бодуэну де Куртенэ, относящиеся к 1889 г.²; письмо к К. Яунюсу находится в Государственной библиотеке в Каунасе³. В них отражен интерес швейцарского лингвиста к акцентологии в литовском языке, которая в то время привлекала многих ученых (Ф. Ф. Фортунатов, А. Лескин, А. Бещенбергер, К. Бругман, Г. Хирт и др.), так как давала возможность разъяснить некоторые проблемы индоевропеистики.

Изучение фактов литовского языка позволило Ф. де Соссюру и Ф. Ф. Фортунатову установить закон передвижения ударения с корня слова на окончание при определенных условиях. Хотя Ф. Ф. Фортунатов считал, что действие этого закона распространяется и на славянские языки, исследования последнего времени (В. М. Иллич-Свитыч, Хр. Станг, В. А. Дыбо и др.) показали, что "данный закон следует считать чисто литовским явлением" и что "мы можем возвратиться к фонетической интерпретации Ф. де Соссюра как полностью соответствующей характеру интонаций в литовском" (Дыбо о 1977, 594).

В конце XIX и в начале XX в. расширяется интерес к истории национальной культуры, публикуются записи литовских народных песен, различные тексты, представляющие говоры разных областей Литвы. Все эти материалы были использованы лингвистами, хотя некоторое затруднение представляло отсутствие единообразия в орфографической записи живой народной речи, особенно при фиксации ударения и интонации. Многие ученые отправлялись в Литву для записи литовских говоров (И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. Ф. Фортунатов, А. Бещенбергер, К. Бругман и др.). Был в Литве и Ф. де Соссюр, что позволило ему самому услы-

Первый вариант части этой вступительной статьи был опубликован в журнале "Baltistica", 1970, т. VI (1), и перепечатан в "Cahiers Ferdinand de Saussure" 27, 1970/72.

² Архив И. А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. 102, опись 2, № 292.

³ Государственная республиканская библиотека Литовской ССР. Рукописный отдел. Фонд 23-4, листы 12-14.

шать фонетические своеобразия живой литовской речи⁴

Данные литовского языка использовались Соссюром еще при подготовке "Мемуара о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках" (см. С о с с ю р 1977), где было установлено соответствие между литовским *ir* и индо-греко-латинским *ro-ra*. Литовскому языку были посвящены еще три статьи Соссюра, две из них – о литовской акцентуации в 1894 и 1896 гг. (см. С о с с ю р 1977), а в третьей рассматривалась проблема конца слов и синкопы гласного в некоторых окончаниях (1894)⁵. Напомним, что, говоря словами Н. В. Крушевского, Соссюр сделал "из морфологии путеводную нить при исследованиях фонетических" (К р у ш е в с к и й 1880, 5), а В. М. Иллич-Свитыч подчеркнул, что "он применил метод внутренней реконструкции при анализе литовских акцентуационных парадигм имени и создал неуязвимо по своей аргументации схему, объясняющую различие места ударения в разных акцентуационных парадигмах" (И л л и ч - С в и т ы ч 1963, 10).

Еще в Париже в 1888/89 г. Соссюр присоединил к читаемым им лекциям по сравнительной грамматике германских, а также латинского и греческого языков курс грамматики литовского языка, к которому он вернулся и в Женеве в 1901/02 г. По инициативе Соссюра в Париже стали проводиться исследования литовского языка (под руководством А. Мейе, Р. Готье и др.).

Письма Соссюра к Бодуэну и к К. Яунюсу относятся к периоду интенсивной работы над литовскими материалами. В июне 1889 г. на заседании Парижского лингвистического общества Соссюр сделал доклад о литовском ударении, который лег в основу его первой статьи, опубликованной лишь в 1894 г. в Мемуарах этого общества. В том же 1894 г. на X конгрессе востоковедов в Женеве Соссюр сделал доклад о литовской акцентуации, который лег в основу статьи, вышедшей в свет в 1896 г.; В. А. Дыбо назвал эту статью шедевром сравнительно-исторической реконструкции (Д ы б о 1977, 586).

Соссюр в своих статьях широко использовал труды А. Лескина, К. Бругмана, Ф. Куршата, Ф. Ф. Фортунатова, А. Беценбергера, а также оригинальные тексты на литовском языке XVI в. (Бреткуна, Даукши, Ширвида) и своих современников – А. Барановского, К. Яунюса, пастора Якоби и других литовцев, которые публиковали свои наблюдения в Сообщениях литовского литературного общества⁶ и в других местах.

Письмо к Казимеру Яунюсу Соссюр написал на латинском языке, полагая, что он может быть не понят, если использует какой-либо другой

⁴ Вопрос о времени посещения Соссюром Литвы остается открытым: по некоторым данным, он был там в 1879/80 гг., по другим – в 1888/89 гг., (см. De M a u r o 1972, 331, а также "Cahiers Ferdinand de Saussure" 1976, 30).

⁵ "Об именительном мн. ч. и родительном ед. ч. в склонении с основой на согласный в литовском языке" (см. S a u s s u r e 1922).

⁶ "Mitteilungen der Litauischen literarischen Gesellschaft", выходивших в Гейдельберге с 1883 г.

язык. Опасения Соссюра были необоснованны. К. Яунюс (1849–1908), или Казимир Иосифович Явнис, как его звали в России, был широко образованным человеком, языковедом, получившим духовное образование. С 1899 г. Яунюс был профессором Петербургской Духовной Академии, где преподавал латинский, греческий и древнееврейский языки. Он занимался описанием литовских говоров, а его труды – “Интонация гласных звуков литовского языка” (1900) и “Грамматика литовского языка” (1908–1916) – получили широкую известность, последняя книга была издана с переводом на русский язык, выполненным К. Бугой, и отредактирована Ф. Ф. Фортунатовым. В предисловии к ней академик Э. Вольтер писал про Яунюса, что “его красноречие и научность вызывали среди членов нефилологического общества при Петроградском университете живой интерес и горячее сочувствие” (Я в н и с 1908–1916, VII).

Яунюс много занимался доказательством гипотезы генетического родства семитских и индоевропейских языков, прекрасно знал лингвистическую литературу на западноевропейских языках. Он был избран почетным доктором сравнительного языковедения Казанского университета. А. Лескин назвал Яунюса “первым гениальнейшим лингвистом-литовцем”, такую же оценку дал ему и Бодуэн де Куртенэ в некрологе его памяти.

Яунюс ответил Соссюру, но в архивах последнего этот ответ не сохранился, хотя в рукописях Яунюса есть черновик (без упоминания имени адресата) письма, которое, судя по содержанию, предназначалось Соссюру⁷

Публикуемые письма Соссюра показывают, что он использовал при подготовке своих статей множество оригинальных материалов и что его метод анализировать явление на фоне широкой системы позволил ему уточнить ряд диалектных черт, порой искаженных в непоследовательной записи. Эти письма дают нам возможность заглянуть в творческую лабораторию ученого и увидеть, что ее “оборудование” было весьма совершенным для того времени. Соссюр был знаком не только с литовской литературой, выходившей на Западе, но и с изданиями литовских народных песен, опубликованными братьями Юшкевичами (J., A. Juška) в Петербурге и в Казани. Проанализировав сборники Юшкевичей (около 6000 песен, 3 тома!), он усомнился в чистоте фиксации акцентуационных схем, то есть провел гигантскую работу по их сличению, а также по сопоставлению разных записей одного и того же диалекта, проследил видоизменение одних и тех же форм в разных диалектах, не говоря уже о сравнении со свидетельствами других индоевропейских языков. Соссюр анализировал материал весьма тщательно и глубоко, чему свидетельством служит такой факт: в статье о литовском склонении он ссылается

⁷ Текст письма опубликован в Сборнике рукописного наследия К. Яунюса (см. J a u n i u s 1972).

на труды пастора Якоби из Клайпеды (см. Saussure 1922, 521), а в письме к Бодуэну (№1) высказывает сомнение в чистоте его литовского произношения. Догадка Соссюра была верна, так как, действительно, Якоби был полулитовец и образование получил в Германии. Тонкость наблюдений Соссюра тем более поражает, что, по его собственному свидетельству, он знал литовский язык скорее теоретически. Однако, поняв общий ход развития индоевропейских языков и необходимость рассматривать язык как систему взаимосвязанных и взаимообуславливающих явлений, Соссюр смог прийти к частным выводам об особенностях литовских диалектов. Он всюду подчеркивал необходимость системного рассмотрения явлений языка; например, в той же статье о литовском склонении он писал, что при любом анализе "следует исходить из принципа, что ценность формы (la valeur d'une forme) находится целиком в тексте или черпается из него, то есть из совокупности морфологических, фонетических и орфографических условий, которые ее окружают и разъясняют" (Saussure 1922, 514). Из писем явствует, что Соссюру была известна и редакторская работа Бодуэна над литовскими материалами.

Письма к Бодуэну свидетельствуют также о личном знакомстве двух знаменитых ученых, которое имело место в декабре 1881 г., когда Бодуэн посетил Париж в связи с его избранием в члены Парижского лингвистического общества.

Н. А. Слюсарева

16 octobre 1889
Genève (Suisse).
Rue de la Cité n° 24.

Monsieur

Je ne sais si j'ai pu espérer que vous ayez gardé le souvenir de l'occasion pour moi très agréable que j'eus de vous rencontrer à Paris il y a sept ans, et vous me trouvez peut-être bien indiscret de venir m'adresser à vous pour obtenir certains renseignements qui me manquent, dans un travail que j'ai entrepris sur la langue lituanienne?

Je tiendrais à savoir, et vous êtes je crois à même de me dire immédiatement ce qu'il en est,

ПИСЬМА Ф. ДЕ СОССЮРА
К И. А. БОДУЭНУ ДЕ КУРТЕНЭ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

16 октября 1889 г.
Женева (Швейцария)
ул. Сите, № 24

Monsieur,

Не знаю, вправе ли я надеяться, что Вы сохранили воспоминание об очень приятной для меня нашей встрече в Париже семь лет тому назад*, и, может быть, Вам покажется весьма нескромным с моей стороны, что я обращаюсь к Вам с просьбой прислать некоторые необходимые мне сведения для работы по литовскому языку, которую я предпринял?

Мне важно знать следующее, и я думаю, что Вы сможете сразу сообщить мне ответы на такие вопросы:

1° Являются ли Антон и Ян Юшкевичи**, с которыми Вы знакомы, литовцами по национальности и говорят ли они (или говорили, так как первый из них умер) на литовском как на своем *родном языке*? А также является ли диалект Велюоны***, где Антон собирал народные песни, их *родным диалектом*?

2° Каково происхождение и родной язык Шлюпаса****, который опубликовал несколько текстов в "Mitteilungen der Litauischen Literarischen Gesellschaft" ("Сообщениях литовского литературного общества")? Между прочим, я был бы также очень Вам признателен, если бы Вы мне сообщили, публиковал ли Шлюпас в русских журналах *акцентуированные* литовские тексты, ибо сейчас я как раз занимаюсь акцентуацией, и мне вообще было бы очень полезно знать, содержатся ли в русских изданиях, которые, к сожалению, почти нам неизвестны, какие-либо важные источники по литовской акцентуации, будь то публикации Шлюпаса или любого другого автора?

3° Может быть, Вы знаете, хотя речь идет уже не о России, является ли пастор Якоби из Мемеля***** немцем или литовцем по национальности? Я предполагаю, что он немец, но в "Mitteilungen", говоря о литовском, он употребляет выражение *musu rygimtosios Kalbos*¹ 'наши родные языки' и другие подобные выражения, которые свидетельствуют о том, что он хочет выдать себя за чистокровного литовца.

4° Антон Барановский***** из Ковно не опубликовал продолжение своих "Ostlitauische Texte" (Востоchnолитовских текстов"), изданных в Веймаре в сотрудничестве с Гуго Вебером. Но я не знаю, может быть, позже он опубликовал какой-нибудь текст или статью в России?

¹ В современной орфографии: *musu gimtosios kalbos* букв. 'наши прирожденные языки'. — Прим. перев.

Таковы вопросы, которые я неоднократно задавал себе, не имея возможности ответить на них, и, повторяю, я был бы крайне Вам признателен, если бы Вы прислали мне эти сведения.

Примите мои заверения в искреннем
к Вам уважении
Ферд^д де Соссюрю
Женева, Сите, 24

ПИСЬМО ВТОРОЕ

9 декабря 1889 г.

Monsieur,

Я уже давно упрекал себя за то, что все еще не ответил на Ваше любезное письмо от 4 ноября, как вдруг получаю от Вас новое послание от 24-го числа, которое совершенно смутило меня, так как из него следует, скольких трудов Вам стоило добыть нужные мне сведения. Благодаря Вашей необыкновенной любезности у меня теперь полная ясность по нескольким вопросам, от выяснения которых мне, вероятно, пришлось бы отказаться, если бы не Ваша помощь. Если только сегодня я нашел возможность выразить Вам свою признательность, то благоволите отнестись эту задержку на счет постоянных поездок в Париж и по Швейцарии, которые мне пришлось совершить в течение месяца. Меня не было в Женеве три недели, и это последнее обстоятельство объясняет также, почему я получил Ваше последнее письмо с восьмидневным опозданием (по причине тех формальностей, которые влечет за собой отсутствие адресата заказного письма).

Г. Кантель* был так любезен, что предложил мне свои услуги, и торопясь воспользоваться его разрешением, я напишу ему сегодня же, чтобы узнать подробности о Фред. Куршате** и т.д. Опять же благодаря Вам я смог с ним связаться.

Меня особенно заинтересовало Ваше сообщение о братьях Юшкевичах. Очевидные факты заставили меня усомниться не только в том, что их акцентуация верно отражает акцентуацию в диалекте Велюоны, но даже в том, что в таком виде она вообще существует в каком-либо ином диалекте; это вызвало у меня сомнения относительно их принадлежности к литовской национальности. Вы утвердили меня в моем мнении о подлинности их акцентуации, и в то же время Вы объяснили мне этот феномен подробностями их биографии, которые позволяют считать Юшкевичей полулитовцами***

Единственное, что мне еще хотелось бы выяснить ради полноты сведений, это вопрос о том, были ли в рукописях Антона Ю. (которые Вы, вероятно, видели) расставлены акценты или же они были просто добавлены его братом в посмертных публикациях, например в Sivotbinis

Dájnos. Однако я не хотел бы исключительно ради удовлетворения своего любопытства заставлять Вас снова брать на себя труд написать мне об этом подробно; если у Вас найдется минутка свободного времени, напишите пару строк на почтовой открытке, для меня этого будет достаточно.

Я безгранично счастлив тому, что Вы не считаете, будто я поступил слишком нескромно, обратившись к Вам, и тому, что извлек из этого для себя большую пользу; я радуюсь случаю снова вступить в контакт с выдающимся ученым, которого мы по-прежнему хорошо помним в Париже. Разрешите еще раз выразить Вам огромную благодарность и вместе с тем чувства самого искреннего уважения.

Женева, Ферд^д де Соссюр

Я написал канонику Яунюсу, задав ему несколько вопросов относительно акцентуации, но не надеюсь получить от него ответ. Может быть, он решил, что я сыграл с ним злую шутку, написав письмо по-латыни, но, к сожалению, я не знаю ни русского, ни польского, совершенно недостаточно знаю литовский, чтобы свободно писать на нем, и я не был уверен, будет ли понято мое письмо на французском или немецком языке.

ПИСЬМО Ф. ДЕ СОССЮРА
К КАЗИМИРУ ЯУНИЮСУ
ОТ 23/XI 1889 г.

*Genavae Helvetiuorum
(Genève, Suisse.
rue de la Cité, n° 24)*

Vir preclare, Reverende Canonice,

De accentibus linguae Lituanicae cum libellum scribere coepissem, multa ego, et ea necessaria, per negligentiam grammaticorum omissa desiderabam; itaque valde cupiebam ex ipso Lituorum ore, si posset fieri, id quod verum esset audire atque perdoceri. Necnon in urbe Parisiorum complures ex Lituanâ gente homines inveni: quorum vero fere omnium loquelam ita Polonicâ pronuntiatione adulteratam esse intellexi, ut vix quid auxilii ex eis sperandum esset.

Interea vir egregius nobis amicus Baudouin de Courtenay, professor in universitate Dorpat me per litteras certiolem fecit, Te, vir ornatissime, auctorem atque judicem optimum esse Lituanici sermonis inter viros doctos Vestrae civitatis, et hortatus est ut ad Te scriberem. A quo tanto viro Tibi commendatus, quanquam Tibi ignotus, abs Te consilium petere his letteris audebam.

Plura, si per Te licebit, quaesiturus aliquando, haec ante omnia Te jam hodie rogem:

1. Quae Tus sit de accentibus apud Juškevitium sententia?

2. Quibus in dialectis recta duorum tonorum (gestossen, geschliffen) distinctio conservetur?

Non solum enim in Žemaičū partibus sed etiam meridiem et orientem (Wilkowiszky, Popely, — Kowno?) in certis plagis illud discrementum perturbatum esse videtur.

3. Quânam in syllaba ponas accentum, dicens: *jaunūsius* vel sū *jaunūju*, sū *jaunūja*?

An *jaunūsius*, sicut in *jaunus* (*vyrus*)? An *jaunūsius*? Utrumque legisse memini.

De *greitūsius* nulla est quaestio (*greitūs*).

Item:

4. Quânam in syllaba audiatur accentus, si dicas:

pamestūsius pīnigus

vel: *paprastūju* būdū

Certissimum est dici: *pāmostus* pīnigus, et: *pāprastu* budu, sed adjecto pronomine fortasse mutatur accentus: *pamestusius*?

5. Quânam in syllaba sedeat accentus optativi

keisczau (vel-cza)

keistumbei (vel-tumai)

keistū
keistumbime (vel-tume)
būczau būtumbei butu

Scribit Kurszätius *kēlstū*, būtū, Baranowskius autem *būtū*.

De prima persona et de secunda nihil cognovimus praeter Kurszatianam doctrinam (*būczau* etc.).

6. Ubi accentus in locativis trisyllabis hisce:

szimè pininge stòv ābrozas karāliaus
akrūtē (vel *akrente*) *séd moteriszké*
Nemūne daūg žuviū
Katile vandū. – *obūle* kirmelē
szimè veikale. – *eržile* daūg sylōs.
prakarte ganà szēno. – *vanage*. –
vabale. – *reikale*.

7. Et in eorundem vocativo:

Exempli gratia: *obūle* tū esì visū vāisiū valdžausias.

Tū mano vāltas *dobile* (= *dobilēli*).

Nemūne! *vabale!* *eržile!* *ēžere!* *vanage!* *patale!*

8. Ubi ponas accentum casū instrumentali femininorum trisyllaborum:

E.g. sū *svetima* moteriszke
sū *plasztaka*. sū *adata*
sū *apkaba*. sū visà *Lėtuva*.
sū *gatava* rankà. sū ragana.

Num ubique idem est accentus ac in accusativo pluralis
svėtimas, *plāsztakas* etc.?

9. In participiis praesentis:

verczās, *mokās*. *szokās*. *bėgās*. *augās*.
pūlas. *girdīs*. *turīs*. *galīs*. *gulīs*. *stovīs*.

10. *Qualis* sit accentus (*gestossen* an *geschliffen*) in verbo
jis stojas, mēs *stojamēs*; et *ubi* situs sit
accentus ejusdem verbi prima persona *stojūs*.

Jam metuo ne benevolentia Tua et patientia Tua abusus sim. Excusatio sit mihi summum nostrum in linguam Lituanicam studium.

Hoc etiam postremum abs Te petere cogor, quum sim Polonicae et Russicae linguae ignarus, ut vel Latina vel Theodisca, vel Francisca lingua mihi respondendo utaris, gratissimam autem Lituanicam epistolam acciperem, praesentim quae fuerit accentibus instructa.

Servus Tuus Ferdinand de Saussure
in Schola Parisiensi
"des Hautes Etudes"
Comparativae Grammaticae Magister
Adr. rue de la Cité, 24
Genève
(Suisse)

Славный муж, уважаемый каноник!

Когда я начал писать небольшое сочинение об ударении в литовском языке, я хотел выяснить многое и то необходимое, что было опущено грамматиками по небрежности; поэтому я очень стремился услышать и уяснить, насколько возможно, из уст самих литовцев, истину. Но в Париже очень многие из литовцев – люди пожилого возраста; их речь, как я понял, до такой степени искажена польским произношением, что едва ли можно было надеяться на их помощь.

Между тем выдающийся муж, наш друг Бодуэн де Куртенэ, профессор Дерптского университета, известил меня письмом, что Ты, превосходнейший муж, являешься среди ученых Вашего государства знатоком и судьей по вопросам литовской речи, и убедил меня написать Тебе.

По рекомендации такого почтенного мужа, хотя я Тебе и незнаком, я осмелился этим письмом спросить о Твоем мнении. О многом, если будет на то Твое позволение, я собираюсь Тебя когда-нибудь спросить, но сегодня прежде всего я хотел бы у Тебя спросить следующее:

1. Каково Твое мнение об ударении у Юшкевича?

2. В каких диалектах сохраняется прямое (естественное) различие двух тонов (*gestossen, geschliffen*)¹?

Кажется ведь, что это различие нарушено не только в областях Жемайтии, но даже в некоторых зонах к югу и к востоку (Вилковишки, Попелы – Ковно?).

3. На какой слог Ты поставил бы ударение в словах: *jaunūsius sù jaunūju* или на *sù jaunāja*?

Или *jaunusius*, как в *jaunus (vyrus)*? или *jaunūsius*? Я, помню, читал одинаково (и так и так).

По поводу *greitūsius* вопрос ясен (*greitūs*).

Также:

4. На каком слоге слышно ударение, если говорить:

pamestūsius pinigus

или: *paprastūju būdū*

Правильно говорить: *pamestus pinigus* и: *paprastu būdū*, но с местоимением, может быть, ударение меняется: *pamestūsius*?

5. На каком слоге остается ударение в опативе

keisczau (или – *-cza*)

keistumbei (или – *tumai*)

keistū

keistumbime (или – *tume*)

¹ Ударение – акутовое и циркумфлексное. – Прим. ред.

būczau būtumbei butu

Куршат пишет: *kēistu, būtū*, но Барановский: *būtū*. О первом и втором лице мы ничего не знаем, кроме учения куршатианского (*būczau* etc.).

6. Где стоит ударение в трехсложных локативах такого рода:

*szimė pininge stoṽ ābrozas kar̃liaus
akrūtē (или akrente), no moteriszke
Nemune daũg žuviũ
Katile vandũ. – obũle kirmelė
szimė veikale. – eržile daug sylõs
prakarte ganà szẽno. – vanage.
vabale. – reikale*

7. И в вокативе тех же слов:

Например: *obũle tũ esi visũ ṽaisiũ valdžausias
Tũ mano ṽaltas doBILE (= doBILELI).
Nemũne! vabale! eržile! ežere! vanage! patale!*

8. Где бы Ты поставил ударение в инструменталисе трехсложных слов женского рода?

Например: *sũ svetima moteriszke
sũ plasztaka. sũ adata
sũ apkaba. sũ visà Lėtuva.
sũ gatava rankà. sũ ragana.*

Не употребляют ли то же самое ударение и в аккузативе множественного числа *svėtimas, plāstakas* etc.?

9. В причастиях настоящего времени:

*verczas, mokas. begas. augas. szokas.
pũlas. girdis. turis. galis. gulis. stovjs.*

10. Какое ударение (*gestossen* или *geschliffen*) в глаголе *jis stojas, mēs stojamēs* и где ударение в первом лице *stojũs*.

Боюсь, что я уже злоупотребил Твоим расположением и терпением. Пусть меня извинит мое горячее стремление к изучению литовского языка.

И вот о чем под конец я вынужден просить Тебя, так как я не знаю польского и русского языков, ответить мне или на латинском, или на немецком, или французском языке, но самое большее удовольствие доставило бы мне письмо, написанное на литовском языке, особенно с расставленными в нем ударениями.

Твой слуга Фердинанд де Соскур, магистр
сравнительной грамматики в Парижской высшей
школе

Адрес: улица Сите, 24; Женева, Швейцария

**ЧЕРНОВИК ПИСЬМА КАЗИМЕРА ЯУНЮСА
Ф. ДЕ СОССЮРУ***

Ученейший и Славнейший Муж!

Трудно выразить, сколько я получил радости от Вашего письма, и не знаю, как отблагодарить Бодуэна де Куртенэ за ту великую милость, что он соблаговолил Вас со мной познакомиться¹.

Я уже несколько лет тружусь над литовскими звуками и немало трудных вопросов выяснил, но есть еще немало загадочных вещей, которые никак не могу ясно изложить. Поэтому, видя, что Вы, величайший языковед нашего времени, стали заниматься литовскими звуками, я твердо надеюсь, что наша фонетика и индоевропейское сравнительное языкознание благодаря Вашим исследованиям премного выиграют. Таким образом, ясно, что я очень провинился бы перед своим народом и наукой, если бы Вам не ответил на десять вопросов, которые Вы мне прислали. Также мне приятно Ваше требование, чтобы, отвечая Вам, я писал бы по-литовски и отметил слова особыми знаками, или слоговыми интонациями. Но есть и затруднения. Вы могли заметить, что мое правописание своеобразно: ни Куршайтис, ни Шлейхер так не писали. Хотя мне не следует бояться затруднить Вас своим правописанием, не зря немцы называют Вас пронциательным (*scharfsinnig*), все же целесообразно коротко пояснить мое правописание.

Поэтому я сначала скажу несколько слов о буквах *у* и *ш*, а затем объясню этимологический и диалектологический законы правописания; далее впервые опишу основы литовских звуков и их знаки (буквы, — *Прим. ред.*), или слоговые интонации, наконец, поочередно отвечу на Вами поставленные 10 вопросов.

1. Литовцы уже давно начали употреблять знак *у*, происхождение которого правильно отгадал К. В. Смит в своей работе "De locis, quibusdam grammaticae linguarum balticarum et slavonicarum — Part. I" (1857), отметив: *orta est haec scriptura ex ij* 'правильным является написание *ij*' (р. 9).

По правде говоря, читая Святое писание под названием: „*Naujas Istatimas Jezaus Christaus... Iszugulditas par kunigaykszi Giedrayti Wilniuje,*

При переводе с литовского языка на русский по возможности сохраняются языковые особенности оригинала. (*Прим. перев.*) Кроме того, в тексте словосочетание "знаки (для) звуков" заменяется часто словом "буква" — *Прим. ред.*

1816“, я нашел такое написание слов в следующих местах: Math. XII, 22. *iszgijde* (=išgŷde), XXVI, 74. *pragijde* (=pragŷdo), *ib.* 75. *pragijs* (=pragŷs); Marc. III, 15. *gidijmo* (gŷdymo), XIV, 68. *pragijdo* (=pragŷdo); Luc. V, 17 *iszgijdimo* (=išgŷdymo), XIII, 19, 21. *kurij* (=kurŷ =kurŷn), XXI, 21. *szalijse* (=šalysé), XXII, 56. *kurij* (=kurŷ=kurŷn), *ib.* 60. *pragijdo* (=pragŷdo); Ioan. I, 45. *kurij* (=kurŷ=kurŷn), IV, 14. *kuriji* (=kurŷ=kurŷn); Act. Ap. XIII, 6. *zijni* (=zŷni), V, XXIII, 8. *iszpazijsta* (=išpažŷsta (išpažŷsta), XXIV, 6. *kurij* (=kurŷ=kurŷn), XXV, 16. *kurij* (=kurŷ=kurŷn). Rom II, 18. *pažijsti* (=pažŷsti=pažŷsti), XII, 7. *mokijme* (=mŷkŷmę). 1 Cor. XV, 31. *kurij* (=kurŷ=kurŷn). 2 Cor. XII. 17. *nekurij* (=ne-kurŷ=ne-kurŷn). Apoc. XII, 2. *pagimdijtu* (=pa-gimdŷtum).

Из приведенных примеров следует, что литовцы для долгого *i* употребляли два *ii*, но затем под влиянием латинских *atrijs*, *filijis* и других подобных слов, которые так писали еще в начале этого столетия, сочетание букв *ij* орфографически трансформировалось в букву *u*. Чтобы кто-нибудь не перепутал ее с греческой или славянской буквой *у*, я пишу *ч*, поставив вверх ногами латинскую букву *h*. Хотя я беспокоюсь, что такое правописание, отягощенное множеством букв, не получило бы по-арабски пестрого вида, для обозначения долгого *и* я пишу *ш*, то есть вверх ногами перевернутую букву *т*² например: *tūrēti* (tenere), *šukūti* (subsultum currere), которые при таком написании нельзя будет спутать с глаголами: *turēti* (habere), *šukūti* (pectere).

2. Чтобы литовское правописание было поистине научным, надо обязательно соблюдать этимологический и диалектологический законы.

А. Литовскому языку свойствен следующий закон произношения: перед глухими согласными употребляются только глухие, а перед звонкими — только звонкие. Шлейхер правильно говорит в своем „Сравнительном языкознании“ (Comp.⁴; § 191, 5*): „Die Schrift hat diesen sich von selbst ergebenden Lautwechsel unbezeichnet zu lassen, um nicht durch phonetische Schreibung die Etymologie, Zusammengehörigkeit, und somit auch die Funktion der Worte unnötigerweise zu verdunkeln“³.

Но этот этимологический закон надо употреблять в более общем виде. В нашем языке во многих случаях исчезла гласная *i*; это мы наблюдаем при сравнении прилагательного *aũg-šta-s* с инд. *ḡ-iṣṭha-s* и во многих подобных примерах. Иногда сам литовский язык в коротких словах сохранял звук *i*, который в соответствующих местах в более длинных словах исчез. Так, числительное *trij-ūn* (=трицѣн, tri-um) еще содержит *i*, тогда как в том же самом падеже более длинные слова **avijūn*, **kir-*

² В дальнейшем тексте буквы, введенные Яунюсом, везде заменены на *у* и *и*. — Прим. издателя С. Скродяниса.

³ „Это написание оставляет неотмеченным такое самостоятельно возникшее звуковос соответствие, чтобы посредством фонетической записи не затемнять без надобности этимологию (то есть морфологическую структуру. — Прим. ред.), общее происхождение, а также функцию этих слов“ (в оригинале — на немецком языке).

mijūn и другие такого же типа, потеряв гласный *i*, превратились в avjūn (ovium), kirmjūn (vergium). Этот *i* ясно произносится после *p, b, t, v*, но с другими согласными он сросся в один так называемый смягченный согласный. По старой привычке такие слова, как pōsju, akjūn, Куршайтис пишет pōsiū, akiū, но пишет также и aviū, kirmiū, чтобы правописание было одинаковым („Der Gleichformigkeit wegen“⁴, – говорит он в учебнике литовского языка § 87)*. Такое однообразие было возможно в старое время: не имея буквы *j*, надо было писать ioiu (=jōju), aviu (=avjūn), akiu (=akjūn), но после введения буквы *j* надо было писать kiūrju, kirmjūn, avjūn и этимологически также pōsju (*nōstijūn-nagium). Как мы пишем difbti, lípdamas, хотя говорим difpti, líbdamas; аналогично и местоимения jós, jóms, когда мы их пишем в формах прилагательного gerós-jos, geróms-joms, нельзя передавать как ios, ioms и писать geriósios, geróms-ioms.

Куршайтис писал на диалекте и ясно произносимое *-j-* мог передать как *i* и писать kiurpiu и т. д., рассуждая, как сказано в поговорке: “Если черт отобрал топор, пусть забирает и топорище”. Но Шлейхер предпочитал этимологически обоснованную орфографию, и ему нужно было с такими словами, как avjūn, kirmjūn, в которых до сих пор ясно слышится *j*, согласовать и такие слова, в которых оно уже ясно не слышится, и писать pōsju, gerósjos, gerómsjoms, sjūtas (=инд. sjūtas), kjaūnè (ср. инд. kjavanas) и т. д., так как такого написания требует их происхождение. Ведь и “diesen sich von selbst ergebenen Lautwechsel”⁵, каждый читатель поймет и таким образом написанные слова и сможет легко отличить их от таких слов, как išjōti, užjōti, в которых согласные и полугласную *j* следует произносить отдельно.

Необходимость этимологического написания наблюдается в таких словах, в которых оказались рядом два родственных согласных, вследствие чего один из них исчез (см. § 132 “Литовского языкознания” Куршайтиса)** Восточные аукштайты*** (укмергцы, зарасайцы и др.) сохранили полные слова, как: kivrja-kotis, dal'gja-kotis, žvákje-galis, atá-drėkis, которые у других литовцев соответствуют kirv-kotis, dal'g-kotis, žvak-galis, át-drekis. В разговорной речи из *gk, kg* и вторичного *td* сначала возникли *kk, gg, dd*, потом *k, g, d* (ср. жемайт. lau-káktis < lauk-kaktis < *lauka-káktis = λευκο-μέτωπος и образовались неполные (усеченные) слова dal'kotis, žvágalis, ádrekis, которые этимологически следует писать: dal'gkotis, žvággalis, átdrekis. Наконец, в противоречии с принципом своего правописания на произносительной фонетической основе, Куршайтис пишет átdrėkis (“Литовско-немецкий словарь”, с. 25), átdūsis. В слове ádūsis, жемайт; ádūksis гласная *a* читателю может показаться без этимологической основы: так именно показалось и Брюкнеру****, кото-

⁴ Вследствие их подобия (нем.) Прим. ред.

⁵ Такое самостоятельно возникшее звукоосоответствие (нем.) цитата из ранее приведенного отрывка. Прим. ред.

рый наш át-dūksi (ср. жем. at-sidūksēti) вывел из dūks-(auti) („Die slav. Fremdwörter im Lit.“, S. 48⁶).

Б. Важным и нужным является также диалектологический закон правописания. Литовский язык разветвился на наречия (dialectos), поднаречия и диалекты (говоры). Сегодня одно и то же древнее произношение в одном наречии выглядит так, в другом — иначе, подчиняясь произносительным законам; отдельные и своеобразного вида высказывания приобрели такой же вид, как и те, с которыми они различались в древности по происхождению. Поэтому сегодня структуру своих слов видит по-научному только тот литовец, который знает, как они выглядят в других литовских диалектах. Примером пусть будет предложение в моем диалекте: *jis tañ daiktą – rūdė rūdė* (hank rem in olla putrefaciebat), в котором оба и произносятся одинаково. Однако при сравнении с диалектами тельшайцев и каунасцев сразу видно, что *ū* второго *rūdė* является настоящим долгим *ū*, которое все литовцы произносят одинаково, тогда как *u* первого *rūdė* тельшайцы произносят как дифтонг *ou*: *rōūdė* (in olla), а каунасцы как дифтонг *uo*: *ruōde*. Поэтому, исходя из общего диалектологического правописания, это предложение надо писать так: *jis tañ daiktą rūdė rūde*, и каждый литовец согласно своему родному диалекту и обычаю, когда найдет написанное *rūde*, будет читать: *ruōde*, *ruōdi*, *roāde*, *roudė*, *rūdė*. Из этого становится ясно, почему большие знатоки и исследователи литовского языка говорят: „Eine litauische Dialektologie ist die notwendige Grundlage einer richtigen litauischen Schreibweise“ (Ostlitauische Texte, herausg. von A. Baranowski u. H. Weber, p. X)⁷ Если мы хотим писать согласно произношению на диалекте, надо употреблять следующие знаки: *ī, ū,; añ, aň, eñ, eň, iñ, uñ; a, e, ĩ, u: (tj, dj?)*, о которых скажу несколько слов.

ī, ū. Самое характерное свойство литовских диалектов — это произношение гласных *ī* и *ū* в таких словах, как: *riūmū, liūmū*. За небольшим исключением, одни говорят *riemūb, liemūb*, другие *reimūo, leimūo*, третьи — *rumū, lumū*. Подобные факты есть и в Сербии: одних сербов называют *ĕkāvci*, других *īkāvci*, третьих *ījekāvci*, так как старинную гласную *ĕ* (**Ѣ**) первые произносят как *ĕ*, вторые как *ī*, третьи, как *īĕ* (см. M a s i n g. Die Hauptformen des Serbisch-Chorwatischen Accents, S. 56)⁸. Также и мы своих соплеменников можем называть: *Lietūvjai, Léitūvjai, Lūtūvjai* в зависимости от того, как они произносят слово *Lítuvá* и производные от него *Lítūvis* или *Lítūvininkas*⁸ По признаку этих трех диалек-

⁶ „Славянские заимствования в литовском языке“ (B r ü c k n e r A. Die slavischen Fremdwörter im Litauischen. Weimar, 1877).

⁷ „Литовская диалектология является необходимым основанием литовского произношения“ (Восточнолитовские тексты, изданные А. Барановским и Г. Вебером, 1882. См. прим. к с. 242). — *Прим. ред.*

⁸ В современной диалектологической классификации в жемайтском наречии различаются доуниинский, дуниинский и донинский диалекты в соответствии с произношением дифтонга *uo* в слове *duona* 'хлеб'. — *Прим. перев.*

тов Каунасскую губернию делили на три части: от границы Курша, проведя черту через Крнопай, в трех милях на запад через Шяуляй в сторону Расяняя, и далее на запад в сторону Тауреге до границы с Пруссией — Lietúvjai живут на востоке. Если провести черту от границы с Пруссией через Швекну, Юдренай в сторону Тверая и Варняя и затем через Рауденай до выше проведенной черты, то Leitúvjai живут на севере и на западе, точнее говоря, в Тельшяйском уезде, или волости и в части Шяуляйского и Расяняйского уездов; Lutúvjai — на юге и востоке, точнее говоря, в большей части Расяняйского уезда, в части Шяуляйского уезда и в части Прусского края (Ш л е й х е р. Учебник лит. яз., с. 33). На месте буквы *ī* Шлейхер употребляет *ē*, буква, которая не указывает ни на произношение, ни на этимологическое происхождение. Отделив пилкалнишкшцев, которые *ī* произносят как *e^a*, все остальные литовцы произносят *ī*, так или иначе употребляют гласную *i* как *ie*, *ei*, *u* и исключают шлейхерову *ē*; далее, *ī* является наиболее близким для гласной *i* (*snīgas snīgti*), но из *ē* эта связь невыводима. Короче, Шлейхерово *ē* совсем не подходит и годится не более, чем написание *x* вместо гласной *ī* (*spxgas : snēgas : snīgas*). Значительно лучше обозначение *ie* Куршайтиса: в правописании на базе одного диалекта, если надо написать литовские слова этого диалекта *diená, liēti* и т. д., то в правописании на диалектах этот знак *iē* несколько не лучше *ei* в *Lietúvjai*. Куршайтис утверждает, что „die normale Aussprache ist eigentlich die, das man das *iē* mit einem kurzem *i* anlautet, nach *é* übergeht und damit schliesst“ (Лит. яз., § 58)⁹, но причиной такого утверждения является себялюбие: *suum cuique pulchrum!*¹⁰ Наше *i* соответствует индоевропейским дифтонгам *ai, ei, oi*, и поэтому можно было бы сомневаться по поводу нормального произношения; сравните — *lëit. tei(=tī), peimou = pīmou*); *dëiveris (= dīveris, или dīveris)* с греческими: *τοί (гомер.)*, *πομῆν, δαῖρ* (<*daivēŕ).

Не хвала своего диалекта и других не браня, надо было придумать такую букву, которая объединила бы литовские диалекты, как уже у каноника Даукши* в *Postilla* употреблявшаяся буква *ū*. Такую букву мы находим в „Сравнительном языкознании“ Шлейхера *ī* (*Comp.⁴, S. 105*). Оттуда одолжив значок и подобрав к нему диалектный смысл, я уже давно пишу: *līmū, pīmū*, и т. д. Для тех, кто употребляет *ū*, само правописание требует, чтобы использовалось и *ī*. Десять лет тому назад Г. Вебер** писал Шлефнеру*** „die Schreibung *ī* für Schleichers *ē*, Kurschats *ie*, nehme ich unbedingt, da sie rationeller ist“¹¹

añ, gñ, eñ, eñ и др. Старый *n* в середине слова перед полугласными *j, v, l, m, n, r* и щелевыми согласными *s, š, z, ž* в одних диалектах исчез, в других произносится еще слабый носовой *ñ* без примыкания языка к

⁹ Для нормального выговора характерно начинать произношение *ie* с короткого *i*, которое переходит в *ē* и завершается (нем.). — Прим. ред.

¹⁰ Каждому свое (кажется) красивым (лат. поговорка). — Прим. перев.

Написание *i* для шлейхеровой *ē* и куршатовой *ie* я принимаю безоговорочно, так как оно рационально (нем.). — Прим. ред.

нёбу; в тех случаях, когда *a* и *e* перед *ŋ* сохраняют чистый оттенок, мы пишем *aŋ*, *eŋ*, например: *šaŋšta* (scabie obducitur), *geŋšta* (extinguitur), но если они получают более темный оттенок, как *a* между *ð* и *ẽ* или как *e* между *ẽ* и *ĩ*, тогда мы пишем *aŋ̄*, *eŋ̄*, например: *aŋ̄sá* (-лат. *ansa*), *aŋ̄sôtas* (-*ansatus*). На конце слов прабалтийский *n* везде исчез, например: *sú gerá* из старого *su- *geran*, реликты которого до сегодняшнего дня в Литве сохранились в сложных прилагательных: *sú geran-ja*. Следует при-
 нять во внимание диалекты вялюнишкцев и панемуншкцев, сохранивших это *šé*, *laúkan*; *šę*, *laúk!* (*canis, foras!*), *šę= κβον*, но греческое *õ* из именительного падежа перешло на место *e* в вокативе. Во многих диалектах *n*, восходящий к *m* сохраняется в конечном слоге в ударной позиции, например: *tŋn*, *šunŋn*, *trijŋn* = греч. *τῶν, κυνῶν, τριῶν*, а в безударной позиции *n* (< *m*) исчезает, например: *vŋgu* (*viogum*). Этот конечный *n* в моем диалекте произносится, как настоящий *n*, например: *kuŋŋn* и *augštŋn*; но, зная, что другие литовцы говорят: *kuŋú*, *augštyn*, согласно правописанию диалекта, пишу *kuŋŋn* так же, как *taŋŋ*, *apaŋŋ*, *katraŋŋ*. Мы пишем *a*, *e*, *i*, *u* там, где ни один литовец не произносит ни *n*, ни *ñ*, например: *vilka*, *piva*, *geŋj*, *ávj*, *sŋpnj*, *pí menj* и т. д.

Так как Куршайтис не дифференцировал правописание, прусские литовцы родные слова пишут согласно диалектному произношению. Приведем несколько примеров: Куршайтис в „Литовско-немецком словаре” пишет: *atõdõgjai* (с. 27), тогда как такого слова не существует, а есть слово *atõdõgjai* (*Sommerroggen*), которое *Leituvjai* произносят *atoŋdõgõ*, *Lytuvjai* – *atõdõgõ*, а *Lietuvjai* – *atuõdõgjai*. Там же мы читаем: *lemu* (225), *lèpiù* (227), тогда как есть литовские слова: *lĩmu*, *lĩprjú*, которые произносятся в *leit.* – *lèimoú*, *lèipú*, в *lyt.* – *lymú*, *lyrú*, а в *liet.* *liemuó*, *lierpjú*. Так много таких неточностей, что их „даже и на шкуре бычка не запишешь”.

Перевел с литовского К. Гаршва

242. Видимо, Соссюр ошибся на год, так как его знакомство с И. А. Бодуэном де Куртенэ состоялось в декабре 1881 г., когда последний посетил Париж в связи с избранием его членом Парижского лингвистического общества (см. В с п v e n i s t e E. Documents pour l'histoire de quelques notions saussuriennes. CFS, 21, 1964).

Юшкевич Антон Васильевич (Juška Antanas – Juskiewicz Antoni, 1819–1880) этнограф, языковед, был ксендзом в разных районах Литвы, где собирал народные песни (6000 песен), записывал свадебные обряды, составил "Литовский словарь с толкованием слов на русском и польском языках" (вып. I. СПб., 1897). Этим публикациям помогал его брат Иван Васильевич (Jonas Juška – Jan Juskiewicz, 1815–1886), который окончил Харьковский университет и преподавал в России в школах Петербурга, Казани и др. городов историю, географию и классические языки. По совету И. И. Срезневского занялся литовской диалектологией и с 1878 по 1883 г. в Казани под редакцией Бодуэна де Куртенэ издал три тома литовских песен, собранных его братом, и другие материалы. Труд братьев Юшкевичей был неценным вкладом в изучение литовского фольклора и диалектов.

Велёна Велюона (Veliuona) – населенный пункт к западу от Каунаса на р. Неман. Данные говора Велены привлекали многих лингвистов, так как он относится к западноаукштайтскому диалекту, легшему в основу литературного литовского языка. Вилковишкис (теперь город) и местечко Попелы также лежат к востоку от области распространения жемайтских говоров.

Шлюпас Иван (Šliupas Jonas, 1861–1944) – врач, общественный деятель, собирал и публиковал литовские сказки и песни, автор первой книги по истории литовской литературы (1890 г.) и ряда книг по истории Литвы.

Пастор Якоби (Jakobi – Jakobis Karolis Rudolfas, 1835–1902) прусско-литовский языковед, получил образование в Кёнигсберге, так как он относится к западноаукштайтскому диалекту, легшему в основу литературного литовского языка. Вилковишкис (теперь город) и местечко Попелы также лежат к востоку от области распространения жемайтских говоров.

Епископ Антон Барановский (Baranowski Antoni, 1835–1902) – известный литовский поэт, этнограф и языковед; в 1862 г. окончил Петербургскую Духовную Академию, в 1867/84 гг. профессор духовной семинарии в Конно, собирал литовские народные песни. Наиболее известны его труды: „Ostlitauische Texte“. Weimar, 1882 (в сотрудничестве с Г. Вебером), „Руководство по литовскому языку“ и „Заметки о литовском языке и слове“ СПб., 1898, а также его письма к И. А. Бодуэну де Куртенэ и Г. Веберу. Посмертно вышла его книга „Litauische Mundarten gesammelte von A. Baranowski. Herausgegeben von F. Specht“. Bd. 1–2. Leipzig, 1920/22.

На труды А. Барановского ссылались все, занимавшиеся в конце XIX в. литовским языком, в том числе и Ф. де Соссюр.

243. *Кантель Г.* (Kantel H. – более точные данные не удалось установить). Был учителем в Гильзиге, принял участие в деятельности Литовского литературного общества, в начале 90-х гг. был секретарем этого общества.

Куришат Фридрих (Kuršaitis F., 1806–1885) известный литовский языковед, профессор литовского языка в Кёнигсберге. Автор „Грамматики литовского

языка" и ряда словарей: K u r s c h a t F. Grammatik der litauischen Sprache mit einer Karte des litauischen Sprachgebiets und einer Abhandlung über litauische Volkpoesie, nebst Musikbeilage von 25 Dainosmelodien. Halle/S., Buchhandlung des Weisenhauses, 1876; Wörterbuch der litauischen Sprache, 3 t. Halle/S., 1870-1883. Ему принадлежит также ряд статей по разным проблемам литовского языка. В 1849 г. он впервые описал систему литовских акцентуационных парадигм. Соссюр ссылался на труды Куршата, но полемизировал с ним, так как он пользовался прусско-литовским диалектом; против ряда его выводов возражали также такие знатоки родного языка как А. Барановский и К. Яунюс, что отмечено и в письме последнего Соссюру.

Подозрение Соссюра было верным. Ф. Ф. Фортунатов в предисловии к „Литовскому словарю А. Юшкевича“ (вып. I, СПб., 1897) писал об ошибках в количестве и качестве гласных, месте ударения и о том, что Иван Юшкевич усугубил эти ошибки, так как вносил „исправления“ в соответствии со словарями Шлейхера и Куршата.

249. Черновик письма К. Яунюса Соссюру был опубликован С. Скродянисом в сборнике „Рукописное наследство К. Яунюса“ (Kalbininko Kazimiero Jauniaus rankraštinių palikimas. Vilnius, 1972), а в переводе на французский язык в „Соссюровских тетрадах“ (CFS, 28, 1973). Черновик не подписан, нет даты, нет указания места, нет и обращения по имени, однако аутентичность адресата сомнений не вызывает. В ответе Соссюру Яунюс обратил внимание на обозначение ударений и на специфику произношения в разных местностях Литвы. Можно сделать вывод, что перед нами лишь вводная часть его письма, а остальное, то есть обещанные ответы, либо затерялись, либо, что вероятнее, не были включены в черновик, так как требовали конкретных указаний по пунктам. К сожалению, в архивах Соссюра письмо Яунюса не обнаружено.

Тем не менее, сам факт переписки женевакого корифея с языковедами тогдашней России весьма примечателен и свидетельствует о широте диапазона научных интересов и связей Соссюра, а также о тщательности его работы над языковым материалом.

250. Имеется в виду труд А. Шлейхера Schleichner A. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen: Kurzer Abriss einer Laut- und Formenlehre der indogermanischen Ursprache. Weimar, 1861/62, 4 ed., 1876.

251. Имеется в виду „Грамматика литовского языка“ Куршата.

Имеется в виду тот же труд Куршата.

Аукштайтское наречие, наряду с жемайтским, является одним из основных в Литве; далее перечисляются говоры отдельных мест Литвы.

Брюкнер Александр (B r ü c k n e r A., 1856 – 1939) – крупный польский филолог, славист. Имеется в виду его труд: Die slawischen Fremdwörter im Litauischen. Weimar, 1877.

252. См. M a s i n g L. Die Hauptformen des serbisch-chorwatischen Akzents nebst einleitenden Bemerkungen zur Akzentlehre insbesondere des Griechischen und des Sanskrit In: Mémoire de l'Acad. Imp. des Sc. de St. Pétersbourg“, VII sér. XXIII, n 5, 1876.

253. *Даукиша Миколаш* (D a u k š a M.) – каноник, в 1589 г. издал „Катехизис“ один из первых памятников литовского языка, использовав азбуку, заимствованную у чехов и поляков. Сочинение „Postilla“ опубликовано в 1599 г.

Вебер Гуго (W e b e r Hugo) – немецкий языковед.

Шефнер Фрэнц Антон (S c h i e f n e r F. A., 1817–1879) – русско-немецкий лингвист, член АН в Петербурге, преподавал в Петербургском университете, специалист по восточным языкам (монгольским, тюркским, кавказским), а также по угро-финским. Перевел „Калевалу“ на немецкий язык, совместно с П. Усларом составлял грамматику кавказских языков.

Балли, Сеше 1977 Балли Ш., Сеше А. Предисловие к первому изданию. – В кн.: Соссюр 1977, с. 35–38.

Барт 1989 – Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.

Бернштейн 1976 – Бернштейн С. И. Реферат о книге де Соссюра. – „Изв. АН СССР“. Серия лит. и яз., т. 35, № 5, т. 35.

Будагов 1988 – Будагов Р. А. Портреты языковедов XIX–XX вв. М.: Наука, 1988.

Дыбо 1977 – Дыбо В. А. Работы Ф. де Соссюра по балтийской акцентологии. – В кн.: Соссюр 1977, с. 583–597.

Зализняк 1977 – Зализняк А. А. О „Мемуаре“ Ф. де Соссюра. – В кн.: Соссюр 1977, с. 289–301.

Иванов Вяч. 1977 – Иванов Вяч. Вс. Об анаграммах Ф. де Соссюра. – в кн.: Соссюр 1977, с. 635–638, 646–647.

Иллич-Свитыч 1963 – Иллич-Свитыч А. М. Именная акцентуация в балтийском и славянском языках. М.: Наука, 1963.

Йордан 1971 – Йордан Й. Романское языкознание. М.: Прогресс, 1971.

Крушевский 1880 – Крушевский Н. (В). Лингвистические заметки. – „Русский филологический вестник“, XX, Варшава, 1880.

Лернер 1989 – Лернер К. Б. Социальная природа языка и процесс языкового взаимодействия. Тбилиси: Мецниереба, 1989.

Мартине 1963 – Мартине А. Основы общей лингвистики. – В кн.: „Новое в зарубежной лингвистике“. М. ИЛ, 1963.

Семиотика 1983 Семиотика М.: Радуга, 1983.

Сеше 1965 – Сеше А. Три соссюровские лингвистики. – В кн.: Звинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях, ч. II. М.: Просвещение, 1965, с. 60–84.

Слюсарева 1960 – Слюсарева Н. А. Рец. Godel 1957. – „Вопросы языкознания“, 2, 1960.

Слюсарева 1971 – Слюсарева Н. А. К выходу в свет критического издания „Курса общей лингвистики“ Ф. де Соссюра. – НДВШ, Филологические науки, 4, 1971, с. 56–64.

Слюсарева 1973 – Слюсарева Н. А. О новом критическом издании „Курса общей лингвистики“ Ф. де Соссюра. – „Филологические науки“, 4, 1973, с. 90–96.

Слюсарева 1974а – Слюсарева Н. А. А. Мейе как глава социологической школы французской лингвистики. – В сб.: „Лингвистика и методика“, вып. 6, М., 1974.

Слюсарева 1974б – Слюсарева Н. А. Рец. Коегнер 1972а и Коегнер 1972б. „Вопросы языкознания“, 3, 1974.

Слюсарева 1975 – Слюсарева Н. А. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. М.: Наука, 1975.

Слюсарева 1977 – Слюсарева Н. А. Соссюр и соссюрианство. – В сб.: „Философские основы зарубежных направлений в языкознании“. М.: Наука, 1977, с. 63–124.

Соссюр Ф. де 1933 – Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М.: Соцгиз, 1933.

Соссюр 1977 – Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.

Структурализм... 1975 – Структурализм: „за” и „против”. Сборник статей. М.: Прогресс, 1975.

Тоддес, Чудакова 1981 – Тоддес Е. А., Чудакова М. О. Первый русский перевод „Курса общей лингвистики” Ф. де Соссюра и деятельность Московского лингвистического кружка. – В сб.: „Федоровские чтения 1978”. М.: Наука, 1981, с. 229–249.

Тронский 1977 – Тронский И. М. Ритмический закон Ф. де Соссюра. – В кн.: Соссюр 1977.

Ульман 1962 – Ульман С. Дескриптивная семантика и лингвистическая типология. – В сб.: „Новое в лингвистике”. Вып. II. М.: ИЛ, 1962, с. 17–44.

Холодович 1977а – Холодович А. А. О „Курсе общей лингвистики Ф. де Соссюра”. – В кн.: Соссюр 1977, с. 9–30.

Холодович 1977б – Холодович А. А. Ф. де Соссюр. Жизнь и труды. – В кн.: Соссюр 1977, с. 650–674.

Чикобава 1966 – Чикобава А. С. К вопросу о путях развития современной лингвистики. – „Вопросы языкознания”, 4, 1966.

Шор 1927 – Шор Р. О. Кризис современной лингвистики. – В кн.: „Яфетический сборник”, т. V. Л., 1927, с. 32–71.

Энгельс 1966 – Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., Политиздат, 1966.

Явнис 1908–1916 – Явнис К. И. Грамматика литовского языка, Пг., 1908–1916.

Bloomfield 1924 – Bloomfield L. Comptes-rendu du Cours de linguistique générale de F. de Saussure. – „Cahiers F. de Saussure”, v. 21, 1964 („Modern Language Journal”, v. 8, 1924).

Buysens 1961 – Buysens E. Origine de la linguistique synchronique de Saussure. CFS, v. 18, 1961.

Candaux 1974/75 – Candaux J.-D. Ferdinand de Saussure linguiste à quatorze ans et demi. – „Cahiers F. de Saussure”, v. 29, 1974/75, p. 7–12.

Centenaire... 1978 – Pour le centenaire de la publication du *Memoire* de F. de Saussure. – „Cahiers F. de Saussure”, v. 32, 1978.

Dauzat – Dauzat A. La philosophie du langage. Paris: Flammarion, 1912.

De Mauro 1967 – De Mauro T. Notizie biografiche e critiche su F. de Saussure. – In: F. de Saussure. Corso di linguistica generale. Bari: Laterza, 1967, p. 285–355.

De Mauro 1972 – De Mauro T. Introduction. Notes biographiques et critiques sur F. de Saussure. Appendice. Addenda. Notes. – In: Saussure 1972; p. I–XVIII, 319–389, 390–394, 395–404 (Рец. Слюсарева 1973).

Derossi 1965 – Derossi D. Segno e struttura linguistici nel pensiero di F. de Saussure. Trieste, Udine; Del Bianco, 1965.

Engler 1959 – Engler R. CLG et SM; eine kritische Ausgabe des Cours de linguistique générale. – In: „Kratylos”, Jahrgang IV, H. 2. Wiesbaden, 1959.

Engler 1968 – Engler R. Lexique de la terminologie saussurienne. Utrecht/Anvers: Spectrum, 1968.

Engler 1975 – Engler R. European structuralism: Saussure. „Current Trends in Linguistics”, v. 13: Historiography of Linguistics. Paris–La Haye: Mouton, 1975; p. 829–886.

Engler 1976a – Engler R. Bibliographie saussurienne. – „Cahiers F. de Saussure”, v. 30, 1976, p. 99–138.

Engler 1976b – Engler R. Saussure und die Romanistik. Bern: Universität Bern: 1976.

Engler 1977 – Engler R. Bibliographie saussurienne 2. „Cahiers F. de Saussure”, v. 31, 1977; 279–306.

Engler 1979 – Engler R. Bibliographie saussurienne 3. – „Cahiers F. de Saussure“, v. 33, 1979, p. 79–145.

Engler 1986 – Engler R. Bibliographie saussurienne 4. – „Cahiers F. de Saussure“, v. 40, 1986, p. 131–200.

Gambarara 1972 – Gambarara D. La bibliothèque de F. de Saussure. Genava, t. XX, 1972; p. 319–367.

Godel 1957 – Godel R. Les sources manuscrites du Cours de linguistique générale de F. de Saussure. Genève: Librairie Droz, 1957, 283 p. (рец. С л ю с а р е в а 1960).

Godel 1958/59. Godel R. Nouveaux documents saussuriens. Les cahiers E. Constantin. – „Cahiers F. de Saussure“, v. 16, 1958–59.

Godel 1966 – Godel R. F. de Saussure's theory of language. – „Current Trends in Linguistics“, ed. by Th. Sebeok, III: Theoretical Foundations. La Haye: Mouton, 1966, p. 479–493 (v. „Cahiers F. de Saussure“, v. 38, 1984, p. 83–97).

Grammaire... 1846 – Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal. Paris, 1846 (l'éd. 1660) русск. перевод: Арно А., Лансло Юл. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. М.: Прогресс, 1990.

Greimas 1956 – Greimas A. L'actualité du saussurisme. – „Le Français Moderne“, n° 3, 1956.

Harris 1987 – Harris R. Reading Saussure: A critical comment on the „Cours de linguistique générale“. London: Duckworth, 1987.

Jakobson 1969/71 – Jakobson R. Saussure's unpublished reflections on phonemes. – „Cahiers F. de Saussure“, v. 26, 1969/71.

Jaunius – Jaunius K'. Kalbininko Kazimiero Jaunius rankrastinis palikimas (ed. S. Skrodianis). Vilnius, 1972.

Koerner 1972a – Koerner K. Bibliographia Saussureana, 1870–1970. Metuchen, N.Y.: The Scarecrow Press, Inc., 1972.

Koerner 1972b – Koerner K. Contributions au débat postsaussurien sur le signe linguistique: introduction générale et bibliographie annotée. Den Haag: Mouton, 1972.

Koerner 1973 – Koerner K. Ferdinand de Saussure. Origin and development of his linguistic thought in western studies of language. Braunschweig: Vieweg, 1973.

Koerner 1988 – Koerner K. Saussurean studies / Etudes saussuriennes. Genève: Ed. Slatkine, 1988.

Kukenheim 1962 – Kukenheim L. Esquisse historique de la linguistique française et de ses rapports avec la linguistique générale. Leiden: Univ. Pers. 1962.

Meillet 1913 – Meillet A. Ferdinand de Saussure. Notice. – „Bulletin de la Société de linguistique de Paris“, v. XVIII, n° 61, 1913 (v. Saussure 1915/62, p. 71–85).

Mounin 1968 – Mounin G. Saussure ou le structuraliste sans le savoir. Paris: Ed. Seghers, 1968.

Otto 1954 – Otto E. Stand und Aufgabe der allgemeinen Sprachwissenschaft. Berlin: W. von Gruyter, 1954.

Pictet 1859/63 – Pictet A. Les origines indoeuropéennes, ou les Aryas primitifs: Essai de paléontologie linguistique, 2 vols. Paris: Cherbuliez, 1859/63.

Saussure 1915/62 – Saussure Ferdinand de. 1857–1913. Morges, 1962.

Saussure 1922 – Saussure F. de. Recueil des publications scientifiques de F. de Saussure. Genève, Lausanne, Heidelberg, 1922.

Saussure 1954 – Saussure F. de. Notes inédites de F. de Saussure. – „Cahiers F. de Saussure“, v. 12, 1954.

Saussure 1959 – Saussure F. de. Course in General Linguistics. N.Y., London: Philosophical Library, 1959.

Saussure 1960 – Saussure F. de. Souvenirs de F. de Saussure concernant sa jeunesse et ses études. – „Cahiers F. de Saussure“, v. 17, 1960, p. 12–25.

Saussure 1967 – Saussure F. de. Cours de linguistique générale. Edition critique par Rudolf Engler, fascicule 1, 2. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1967; p. I–XII, 1–316 (рец. Слюсарева 1971).

Saussure 1968 – Saussure F. de. Cours de linguistique générale. Edition critique par Rudolf Engler, fascicule 3. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1968, p. 316–515 (рец. Слюсарева 1971).

Saussure 1972 – Saussure F. de. Cours de linguistique générale. Paris: Payot, 1972, p. I–XVII, p–510.

Saussure 1974 – Saussure F. de. Cours de linguistique générale. Edition critique par Rudolf Engler, tome 2, fascicule 4. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1974, p. I–IX, 1–51.

Saussure 1978 – Saussure F. de. Essai pour réduire les mots du grec, du latin et de l'allemand à un petit nombre de racines. – „Cahiers F. de Saussure“, v. 32, 1978, p. 73–101.

Sechehaye 1916 – Sechehaye A. La methode constructive en syntaxe. – „Revue des langues romanes“, LIX, 1916.

Sechehaye 1917 – Sechehaye A. Les problèmes de la langue à la lumière d'une théorie nouvelle. – „Revue philosophique“, année 42, t. 83 (4), n° 7, Paris, 1917.

Streitberg 1915/1966 – Streitberg W. Ferdinand de Saussure. Indogermanische Forschungen, Jahrbuch 2, 1915 (In: Portraits of Linguists. Bloomington & London: Indiana Univ. Press 1966).

Wells 1947 – Wells R. De Saussure's system of linguistics. – „Word“, v. 3, n° 1. N. Y., 1947.

В указателе отражена терминология, употребляемая Соссюром в "Заметках по общей лингвистике". Ее отличительной особенностью является неустойчивость, вариативность как со стороны формы, так и со стороны значения, при этом однозначная ее передача на русский язык не всегда возможна. Задачей указателя является показать по возможности все варианты терминов как в переводе, так и в оригинале, поэтому после русских терминов в круглых скобках даны их французские соответствия. Этой же цели служат перекрестные отсылки. В квадратные скобки заключены факультативные части терминов, имеющие пояснительный характер. Варианты терминов даются через косую черту. Частеречные варианты (существительные и прилагательные) отделяются запятой; тильда в развернутых статьях заменяет только заглавное существительное. Страницы, содержащие наиболее важные сведения о том или ином термине, выделены полужирным шрифтом. Пояснения даются курсивом.

- Аблаут (ablaut) 124 (см. тж. *Умлаут*)
 Абстракция, абстрактный (abstraction, abstrait) 71, 79, 87, 90, 107, 148, 186
 Акт (acte):
   ~ фонации (~ phonatoire) 133, 135
   ~ языковой (~ linguistique) 41
 Акустема (acoustème) 135 (см. тж. *Механема*)
 Акустический образ (image acoustique) 162, 188
 Акустический эффект (effet acoustique) 184
 Акустическое впечатление (impression acoustique) 132, 133, 184
 Аллоглоссы (alloglosses) 179
 Алфавит (alphabet) 132, 184
 Альтернация [фонетическая] (alternance [phonétique]) 70, 195
 Анализ (analyse) 76, 79, 80, 82, 83, 98, 118, 123, 159
   ~ абстрактный (~ abstraite) 39
   ~ анатомический слова (~ anatomique du mot) 162
   ~ исторический (~ historique) 39, 99, 130
   ~ морфологический (~ morphologique) 72, 73, 77, 80, 81, 83
   ~ ретроспективный (~ retrospective) 74 (см. тж. *Синтез*)
 Аналогия, аналогический (analogie, analogique) 49–52, 55, 123, 200
 Анахронизм (anachronisme) 204
 Анахрония (anachronie) 205
   ~ морфологическая (~ morphologique) 73 (см. тж. *Диахрония, Идиосинхрония, Панхрония, Синхрония*)
 Антисома (anti-sôme) 157 (см. тж. *Апосома, Контрсома, Парасома, Сома*)
 Апосома (aposème) 149–151, 152
   ~ ментальная (~ intellectuel) 149 (см. тж. *Парасема, Сема*)
 Апосома (aposôme) 147 (см. тж. *Антисома, Контрсома, Парасома, Сома*)
 Артикуляция (articulation) 127, 139, 196
 Аспект языка (côté du langage) 107, 131 (см. тж. *Сторона*)

- Ассоциация (association) 157, 191, 199
 ~ внешняя (~ externe) 187
 ~ внутренняя (~ intérieure) 170, 187
 ~ идей (~ d'idées, des idées) 50, 158
 ~ психическая, образующая сему (~ psychologique du sème) 149
 ~ форм (~ de formes) 50, 77
- Афазия (aphasie) 167, 168
 ~ графическая (~ graphique) 144
 ~ лалетическая (~ lalétique) 144
- Буква (lettre) 132, 204
- Варьирование языка (diversité/variation de la langue) 179, 180, 182
 ~ во времени (variation dans le temps) 179, 180 (см. тж. *Дифференциация языков во времени, Фактор времени*)
 ~ географическое/в пространстве (diversité géographique/ variation dans l'espace) 179 (см. тж. *Дивергенция языка в пространстве, Дифференциация языков географическая, Фактор географический*)
- Величина языковая (quantité du langage) 88
- Возникновение/происхождение языка/языков/языковой деятельности (origine du langage/des langues) 45, 48, 50, 118, 185
- Вокатив (vocatif) 145, 159
- Выражение (expression) 124, 150, 168, 186
 ~ простое (~ simple) 126
 ~ различия (~ d'une différence) 160
 – языковые средства выражения (les moyens d' ~ de la langue) 206
- Гласный (voyelle) 130 (см. тж. *Дифтонг, Согласный, Сонант*)
- Говор (parler, patois) 48, 57, 95 (см. тж. *Диалект, Наречие, Язык*)
- Говорение ([exercice de] la parole) 37, 140
 – способ говорения (manière de parler) 43 (см. тж. *Речь*)
- Говорящий [субъект] (sujet parlant) 67, 72–75, 80, 103, 139, 152, 186
- Грамматика, грамматический (grammaire, grammatical) 62, 64, 117, 119, 156, 162, 165, 167, 180, 198
 ~ историческая (~ historique) 89
 ~ научная (~ scientifique) 84
 ~ сравнительная (~ comparée) 39, 62–64, 71, 86, 87, 96, 97, 104, 180
- Группа [фонационная] (groupe [phonatoire]) 136–138, 139–141
 ~ имплозивно-эксплозивная (~ implosivo-explosif) 136, 138, 139
 ~ слитная vs. прерывистая (~ continu vs. discontinu) 136, 137
 ~ эксплозивно-имплозивная (~ explosivo-implusif) 138, 139
 ~ эксплозивно-эксплозивная (~ explosivo-explosif) 139 (см. тж. *Имплозия, Эксплозия*)
- Движение [артикуляторное] (mouvement [articulatoire]) 133, 134, 138–141, 144, 184, 185
 ~ немое (~ muet) 138–140
 ~ неэффективное vs. эффективное (~ ineffectif vs. effectif) 140, 141
 ~ открывающее (~ ouvrant) 140
- Движение [языка во времени] (marche/mouvement [de la langue dans le temps]) 41, 45–47, 183
 ~ морфологическое (~ morphologique) 78 (см. тж. *Мотус*)
- Двойственность, двойственный (dualité, double):
 ~ лингвистики (~ de la linguistique) 89, 90, 92, 93, 96, 97, 101, 171, 189
 ~ объекта лингвистики (objet double de la linguistique) 99, 100, 170

- Диакосмия (diacosmie) 156
 Диалект (dialecte) 40, 56–60, 95, 149, 180 (см. тж. *Говор, Наречие, Язык*)
 Диатеза (diathèse) 156
 Диахрония, диахронический (diachronie, diachronique) 118, 119, 151, 159, 197 (см. тж. *Анахрония, Идиосинхрония, Панхрония, Синхрония*)
 Дивергенция [языка в пространстве] (divergence [de la langue dans l'espace]) 41, 58, 61 (см. тж. *Варьирование языка географическое, Фактор географический*)
 Дискурс (discours) 159 (см. тж. *Говорение, Речь*)
 Дискурсивный ряд (le discursif) 149 (см. тж. *Говорение, Дискурс, Речь*)
 Дистанция в временнйя (distance chronologique/dans le temps) 53, 55, 58,
 Дифтонг (diphthongue) 126 (см. тж. *Гласный, Согласный*)
 Дифференциация языков (différenciation des langues) 58, 61
 ~ во времени (~ dans le temps) 58 (см. тж. *Варьирование языка во времени, Фактор времяя*)
 ~ географическая/в пространстве (~ géographique) 45, 58, (см. тж. *Варьирование языка географическое, Дивергенция языка в пространстве, Фактор географический*)
 Договор между сомой и апосомой (contrat entre le sôme et l'aposôme) 147 (см. тж. *Соглашение*)
- Единица [языковая] (unité [linguistique/du langage]) 80, 110, 133–135, 139, 141, 152, 154, 156, 159, 160, 184
 ~ акустическая (~ acoustique) 135, 142, 185
 ~ звуковая (~ de son) 70, 133
 ~ значимая (~ significative) 72
 ~ материальная (~ matérielle) 186
 ~ ментальная (~ mentale) 159
 ~ механическая (~ mécanique) 142
 ~ морфологическая (~ morphologique) 72
 ~ неразложимая (~ irréductible) 184
 ~ психологическая (~ psychologique) 152
 ~ сложная (~ composite) 185
 ~ физиологическая (~ physiologique) 135
 ~ фонации (~ phonatoire) 133–135
 ~ фонологическая (~ phonologique) 142
 Единство языка во времени (unité de la langue dans le temps) 47
- Жизнь языка (vie de la langue) 40, 50, 82, 114, 118, 178
- Заимствование (emprunt) 95, 96, 109
- Закон/закономерность (loi [régulière]) 36, 42, 52, 54, 92, 101, 102, 118, 125, 126, 134, 135, 143, 146, 148, 149, 163, 168, 196, 197, 203
 ~ диахронический (~ diachronique) 118
 ~ идиосинхронический (~ idiosynchrone) 118, 148
 ~ морфологический (~ morphologique) 126
 ~ универсальный (~ universel) 39
 ~ физический (~ physique) 135
 ~ фонетический (~ phonétique) 125, 126, 143, 148, 203 205
- Закрывание (fermeture) 139 (см. тж. *Закрытость, Открывание, Открытость, Раствор, Смыкание*)
- Закрытость [ротовая] (fermeture [buccale]) 131 (см. тж. *Закрывание, Открывание, Открытость, Раствор, Смыкание*)
- Звено (chaînon) 185 (см. тж. *Цепь звуковая, Цепь речевая*)
- Звук [произнесенный] /звучание (son [vocal]) 68–70, 75, 80, 84, 88, 94, 97, 98, 110, 111; 116, 117, 123, 129, 132, 134, 135, 139, 141, 144, 146, 156, 159, 160,

164, 168, 202, 203–205

– звук имплозивный (~ implosif) 132

– звук эксплозивный (~ explosif) 132 (см. тж. *Тип звука, Фонема*)

Звучание см. *Звук*

Зияние (hiatus) 139

Знак [условный] (signe [conventionnel]) 50, 70, 85, 89, 90–92, 94, 95, 97–99, 102, 103, 116, 118, 120, 121, 131, 146–150, 152, 154, 155, 157, 159, 162, 168, 170, 184, 188, 191, 192, 196, 197, 199, 200

~ визуальный (~ visuel) 162

~ грамматический (~ grammatical) 160

~ графический (~ graphique) 91

~ звуковой/фонетический (~ vocal) 97, 103, 148, 153

~ тактильный (~ tactil) 162 (см. тж. *Произвольность, Символ, Условность*)

Значение (signification) 116, 122, 123, 129, 149, 150, 154, 157, 160, 186 (см. тж. *Смысл*)

Идея (idée) 49, 50, 121, 146 (см. тж. *Мысль, Понятие*)

Идиосинхрония (idiosynchronie, idiosynchronique) 118, 119, 156, 197 (см. тж. *Анахрония, Диахрония, Панхрония, Синхрония*)

Изменение [языковое] (altération/changement/modification/transformation [linguistique/de la langue]) 47–49, 50, 52, 56, 77, 90, 94, 112, 121, 122, 152, 168, 183, 184, 188, 192, 201, 202

~ аналогическое/по аналогии (changement analogique/par analogie) 49, 151

~ звуковое (mutation des sons) 98

~ знаков (altération des signes) 188

~ морфологическое (changement morphologique) 75, 76, 78

~ сознательное (transformation intelligente) 49

~ фонетическое (altération/changement/modification/mouvement/transformation phonétique) 49, 52, 55, 70, 77, 80, 122, 131, 147, 148, 164, 202–204

~ языка во времени (transformation de la langue dans le temps) 41, 55 (см. тж. *Движение языка во времени*)

Изменчивость языка (mutabilité de la langue) 47

Имплозия (implosion) 128, 135–137, 139, 140 (см. тж. *Группа, Цепочка имплозивная, Эксплозия*)

Имя (nom) 103, 104, 120–122

~ собственное (~ propre) 149, 150

Инертома (inertôme) 155

Инерции принцип (principe d'inertie) 45

История, исторический (histoire, historique) 35, 39, 40, 41, 90–92, 99, 100, 114, 196

История языка/языков (histoire de la langue/du langage/des langues) 39–42, 46, 49, 51, 63, 64, 91, 94, 178, 207

Исходная точка [исследования] (point de départ) 93, 107 (см. тж. *Точка зрения*)

Категория (catégorie) 71, 79, 160

Квадрат лингвистический (carré linguistique) 119

Классификация языков (classification des langues) 99

Комплектность [знака] (recolligibilité [du signe]) 148

Контросома (contre-sôme) 157 (см. тж. *Антисома, Апосома, Парасома, Сома*)

Корень (racine) 71, 73, 75, 78, 79, 83, 101, 195 (см. тж. *Радикал*)

Корреляция (corrélation) 129, 149 (см. тж. *Отношение, Связь, Соотношение*)

Ко-статус (co-status) 120

Масса [говорящих] (masse [parlante]) 44, 170, 191, 192

- Масса социальная (masse sociale) 183, 188, 189
 Материя/материал (matière) 106, 151, 156 (см. тж. *Субстанция*)
 Меризм (mérisme) 156
 Механема (méchanème) 135 (см. тж. *Акустема*)
 Момент фонации (moment/instant phonatoire) 138–140, 185 (см. тж. *Фонция*)
 Морфология (morphologie) 68, 69, 70, 71–75, 77, 80–84, 117, 149, 151
   ~ историческая (~ historique) 75, 76
   ~ ретроспективная/анахроническая/этимологическая (~ rétrospective/anachronique/étymologique) 73–76, 81, 82
 Мотивированность [знака] (motivation [du signe]) 148
 Мотус (motus) 113–115 (см. тж. *Движение языка во времени*)
 Мысль (pensée/idée) 98, 99, 146, 157, 162, 168, 196, 199
   ~ чистая (pensée pure) 146 (см. тж. *Идея, Понятие*)
- Наречие (idiome) 37, 40, 56 (см. тж. *Говор, Диалект*)**
Неоднаправленность визуального знака (non-unispatialité du signe visuel) 155
 (см. тж. *Однаправленность языкового знака, Симультианность визуального знака*)
 Неологизм (néologisme) 72, 77, 80 (см. тж. *Новообразование*)
 Непрерывность [языка] (continuité [de la langue]) 47, 61, 67, 148, 158, 188, 192
   ~ во времени (~ dans le temps) 41, 42, 55, 188 (см. тж. *Традиция языковая*)
   ~ географическая/в пространстве (~ géographique/dans l'espace) 41, 60
 Несовпадение (non-coïncidence) 102 (см. тж. *Несходство, Различие, Сходство*)
 Несходство (dissimile) 193, 194 (см. тж. *Несовпадение, Различие, Сходство*)
 Новообразование (innovation/création nouvelle) 50, 77, 94
   ~ по аналогии (formation nouvelle par analogie) 50, 73, 74, 79, 80, 83 (см. тж. *Неологизм, Образование по аналогии*)
 Номенклатура (nomenclature) 121, 185
- Обобщение (généralisation) 37, 38, 87, 100, 101, 107, 118, 119, 178, 207
 Обозначаемое (chose signifiée) 131
 Оболочка звуковая (enveloppe vocale) 160
 Образование (produit) 100, 101, 183 (см. тж. *Результат*)
 Образование парасемическое (création parasémique) 152
 Образование по аналогии (formation analogique/d'analogie) 49, 50, 72 (см. тж. *Неологизм, Новообразование по аналогии*)
- Объект:**
   ~ наименования, обозначаемый ~ (objet désigné) 91, 92, 112, 149
   реальный объект, воспринимаемый чувствами (objet) 103, 104
   объект исследования в разных науках (chose, objet) 41, 42, 65, 100, 110, 111, 115, 118, 156
   язык и его элементы как объект исследования (chose, objet) 42, 53, 55, 82, 87, 90, 92, 99, 103, 109, 110, 114, 116–118, 122, 123, 135, 143, 157, 197
   *– объект, используемый как знак (objet) 85, 94, 95, (см. тж. *Предмет*)*
- Однаправленность [языкового знака] (uni-spatialité [du signe linguistique]) 153, 154 (см. тж. *Неоднаправленность визуального знака*)
 Означаемое (signifié) 188, 189
 Означающее (signifiant) 188, 189
 Окончание (désinence) 71, 73, 79, 83
 Ономастикон (onymique) 149
 Организм, органический (organisme/chose organique/être organisé, organique) 39, 44, 54, 91, 99, 156, 158, 178
 Отношение (rapport/relation/fil) 91, 94, 110, 146, 192, 197 (см. тж. *Корреляция, Связь, Соотношение*)
 Открывание (ouverture) 139 (см. тж. *Закрывание, Закрытость, Открытость, Раствор,*

Смыкание)

- Открытость [фонем] (aperture [des phonèmes]) 128, 139 (см. тж. *Закрывание, Закрытость, Открывание, Смыкание, Раствор*)
- Отрезок [фонационный] (tranche [phonatoire] /espace/morceau) 135, 153, 154, 184–186
- Панхрония (ranchronique) 197 (см. тж. *Анахрония, Диахрония, Идиосинхрония, Синхрония*)
- Парасема (parasème) 149, 150, 152 (см. тж. *Апосема, Сема*)
- Парасома (parasôme) 157 (см. тж. *Антисома, Апосома, Контрсома, Сома*)
- Период (période) 49, 54, 76, 83, 125 (см. тж. *Эпоха*)
- Пермутация (permutation) 204
- Письменность/письмо (écriture) 44, 47, 94, 103, 132, 168, 184, 196 (см. тж. *Язык письменный*)
- Подразумеваемое (sous-entendu) 148
- [Под-единица (sous-unité). См. прим. к с. 80]
- Понятие (idée) 91, 94, 97, 99, 100, 102, 110, 111, 116, 122, 123, 127, 134, 135, 149, 150, 152, 191, 192, 197, 198
- ~ глагольное (~ verbale) 98
- ~ мифологическое (~ mythologique) 103
- ~ чистое (~ pure) 152 (см. тж. *Идея, Мысль*)
- Порядок [элементов] (ordre [des éléments]) 185, 196
- Предикат (prédictat) 145, 160
- Предлог (préposition) 203, 204
- Предложение (proposition/phrase) 145, 146, 149, 159, 160, 166
- Предмет:
- ~ анализа/исследования (objet d'analyse/matière) 35, 36, 39, 41, 45, 92, 100
- ~ [материальный] (chose [matérielle]) 93, 110, 121, 157, 190, 197
- ~ обозначаемый (objet [désigné]) 95, 120, 121, 186 (см. тж. *Объект*)
- Префикс/приставка (préfixe) 79, 166, 203, 204
- Признак [отличительный] (caractère) 122, 154, 163, 197
- ~ диалекта (~ distinctif dialectal) 58–60
- Приставка см. *Префикс*
- Причина [языковых изменений] (cause [des transformations linguistiques]) 44, 48, 49, 51, 52, 56, 134, 183, 188
- Произвольность [знака], произвольный ([l'] arbitraire [du signe]) 92, 99, 111, 112, 120, 162, 186, 191, 192 (см. тж. *Условность*)
- Происхождение языка см. *Возникновение языка*
- Противопоставление (opposition) 90
- ~ сем (~ des sèmes) 154
- ~ фонетическое (~ phonétique) 204
- ~ ценностей (~ des valeurs) 131
- Психологизация фонетических знаков (psychologisation des signes vocaux) 148, 153
- Равновесие [фонационное] (balance [phonatoire]) 134, 135, 138
- Равновесие см. *Состояние равновесия*
- Радикал (radical) 158 (см. тж. *Корень*)
- Развитие прогрессивное языка (développement progressif de la langue) 44 (см. тж. *Движение языка во времени, Эволюция языковая*)
- Различие (différence) 101, 102, 160, 184, 197, 198 (см. тж. *Несовпадение, Несходство, Сходство*)
- Раствор (aperture) 129, 131 (см. тж. *Закрывание, Закрытость, Открывание, Открытость, Смыкание*)
- Реальность, реальный (réalité/donnée, réel) 72, 73, 74, 80, 110, 120, 125
- ~ психологическая (~ psychologique) 147

- ~ фонологическая (~ phonologique) 147
- ~ фонационная (~ phonatoire) 140
- Результат [изменения] (produit) 63, 84, 100, 111 (см. тж. *Образование*)
- Речь (parole/langage/le discursif) 49, 130, 146, 154, 159, 171, 191, 192, 199, 206
  - ~ артикулированная/членораздельная (parole articulée/langage articulé) 36, 66, 127
  - ~ обыденная (langage de tous les jours) 71
  - ~ устная (langage parlé/oral) 131, 168
  - ~ человеческая (parler humain) 38, 42 (см. тж. *Дискурс, Дискурсивный ряд, Язык, Языковая деятельность*)
- Родство [языков] (parenté [des langues]) 180, 202
- Рождение языка (naissance de la langue) 42–45, 53 (см. тж. *Смерть языка*)
- Ряд [фактов] (ordre [des faits]) 135, 140, 147
  - ~ физиологический (~ physiologique) 134
  - ~ акустический (~ acoustique) 134
  - ~ фонационный (~ phonatoire) 140 (см. тж. *Факт*)
- Связь (lien, rapport, relation, noeud) 80, 91, 94, 109, 110, 121, 135, 192
  - ~ внутренняя (corrélation/lien interne) 94, 97
  - ~ естественная (rapport naturel) 111
  - ~ произвольная (rapport arbitraire) 135
  - ~ условная (rapport conventionnel) 94 (см. тж. *Корреляция, Отношение, Соотношение*)
- Сема (sème) 148, 149–155, 157, 159, 160, 162
  - ~ акустическая (~ acoustique) 155
  - ~ графическая (~ graphique) 151
  - ~ комплексная (~ colligible) 153
  - ~ однонаправленная (~ uni-spatial) 154
  - ~ разнонаправленная (~ multi-spatial) 155 (см. тж. *Апосема, Парасема*)
- Семантика, семантический (sémantique) 117, 151
- Семиологический объект (sémiologie) 100
- Семиология (sémiologie) 102, 103, 118, 120, 149, 154, 191, 196, 200
- Сигнология (signologie) 167, 199, 200
- Символ [условный/независимый] (symbole [conventionnel/indépendent]) 91, 92, 94, 101 (см. тж. *Знак*)
- Симультанность визуального знака (simultanéité du signe visuel) 155 (см. тж. *Неоднаправленность визуального знака*)
- Синоним; синонимия (synonyme; synonymie) 147, 199
- Синтез (synthèse) 79 (см. тж. *Анализ*)
- Синхрония, синхронический (synchronique) 118, 126, 149, 151, 159 (см. тж. *Анахрония, Диахрония, Идиосинхрония, Панхрония*)
- Синхронное состояние (synchronisme) 151
- Система, системность (système) 70, 92, 112, 148, 154, 170, 186, 187, 190, 192, 193, 200, 201
  - ~ знаков (~ de signes) 131, 150
  - ~ сем (sémisme) 154
  - ~ семиологическая (~ sémiologique) 118, 163, 196, 197,
- Слово (mot) 55, 70–72, 74, 78–80, 82, 104, 108, 123, 146, 147, 149–151, 153–156, 159, 160, 162, 163, 166, 197, 198
  - ~ инертное (~ inerte) 154
  - ~ сложное (composé) 98 (см. тж. *Структура слова*)
- Слог (syllabe) 104, 126, 129–131, 133, 153, 195
- Случайность, случайный (accident/hasard/fortuité, accidentel) 40, 89, 90, 98
  - ~ историческая (accident historique) 89
- Смерть языков (mort des langues/décès de la langue) 42, 43, 53 (см. тж. *Рождение*)

языка)

Смещение (déplacement) 89

~ соотношения между означающим и означаемым (~ du rapport entre signifiant et signifié) 188

~ соотношения между членами и ценностями (~ du rapport entre des termes et des valeurs) 188

~ ценностей (~ des valeurs) 192

Смыкание (fermeture) 185 (см. тж. *Закрывание, Закрытость, Открывание, Открытость, Раствор*)

Смысл (sens, idée, signification) 49, 70, 80, 107, 109, 116, 117, 122, 133, 146–149, 151, 152, 155, 156, 160, 162, 163 (см. тж. *Значение*)

Событие [языковое] (événement [linguistique]) 40, 52, 90, 91, 96, 100, 113–116, 118, 119, 122, 123, 196, 201

~ диахроническое (~ diachronique) 200

~ историческое (~ historique) 100

Согласный (consonne) 127, 130, 132 (см. тж. *Гласный, Дифтонг, Сонант*)

Соглашение (convention) 148

~ между разумом и знаком (contrat entre l'esprit et le signe) 89

~ между символом и разумом (convention entre un symbol et l'esprit) 91 (см. тж. *Договор между собой и апосомой*)

Создание нового (création) 50

Сокровищница разума (trésor mental) 159, 168

Сома (sôme) 147, 153, 155, 157, 162

~ условная (~ conventionnel) 158 (см. тж. *Антисома, Апосома, Контросома, Парасома*)

Сонант (sonant) 132 (см. тж. *Гласный, Согласный*)

Соответствие (correspondance) 129'

Соотношение (rapport) 90

~ между смыслом и звуком (~ entre l'idée et le son) 75, 76

~ между формами (~ des formes) 76, 77

~ ценностей (~ des valeurs) 88

~ элементов/членов (~ des éléments/des termes) 102, 113, 117–119, 124, 126, 136, 189, 195 (см. тж. *Корреляция, Отношение, Связь*)

Состояние [языка] (état [de langue/du langage] /ordre) 42, 43, 50, 51, 55, 56, 72, 76, 80, 83, 89–92, 94, 96, 100, 113, 114–116, 119, 123, 126, 131, 159, 168, 181, 201

~ законченное (ordre de choses fini) 55

~ равновесия (état d'équilibre) 47 (см. тж. *Статус*)

Союз (conjonction) 145

Способ выражения (procédé [du langage]) 39, 98, 99

Сравнение (comparaison) 62–64, 181, 202

Срез горизонтальный [языка] (tranche horizontale [de la langue]) 146, 204

Статус (status) 113–116 (см. тж. *Состояние*)

Стилистика (stylistique) 205, 206

Стиль (style) 205, 206

Сторона (côté):

– две психические стороны знака (deux côtés psychologiques du signe) 170

~ знака звуковая (~ vocal du signe) 148

~ знака понятийная (~ idéologique/conceptuel du signe) 148, 149, 191

~ речи психическая/ментальная (~ psychologique/mental de la parole) 49

~ речи физиологическая/физическая (~ physiologique/physique de la parole) 49 (см. тж. *Аспект языка*)

Структура слова (structure du mot) 156

Субстанция [звуковая] (substance [phonique]) 82, 106, 107, 129, 162, (см. тж.

Материя)

- Субституция (substitution) 200
 Субъект (sujet) 145, 160
 Суффикс (suffixe) 71, 73, 75, 78, 83, 166
 Сущность [языковая] (entité [de langue/linguistique]) 94, 122, 161, 197, 198
 ~ абстрактная (~ abstraite) 185
 Схема фонации (schème phonatoire) 135 (см. тж. *Фонация*)
 Сходство (simile) 193, 194 (см. тж. *Несходство*)
- Тема (thème) 71, 73–75, 79**
 Термины, терминология (termes, terminologie) 62, 71, 79, 80, 106, 118, 124–127, 155, 160, 162, 163, 199
 Тип звука (espèce) 131, 132, 136, 138–140, 185 (см. тж. *Звук, Фонема*)
 Тип физиологический (espèce physiologique) 164
 Тождество, тождественность, тождественный (identité, identique) 41, 81, 82, 107–109, 131, 151, 185
 Точка зрения (point de vue/manière d'envisager) 102, 107–111, 123, 159, 197 (см. тж. *Исходная точка исследования*)
 Традиция [языковая] tradition [de la langue] 46, 53, 63, 64, 67, 120, 196 (см. тж. *Непрерывность языка во времени*)
- Умлаут (umlaut) 205 (см. тж. *Аблаут*)
 Упорядоченность (ordre) 200
 Употребление (emploi) 107, 109
 Уравнение (équation) 136, 139
 Условность, условный (conventionnalité, conventionnel) 92, 111, 112, 118, 120, 146, 147, 151 (см. тж. *Произвольность*)
 Устойчивость [языка] (fixité [de la langue]) 42
- Факт (fait) 129**
 ~ акустический (~ acoustique) 129, 134, 138
 ~ аналогии (~ d'analogie) 50
 ~ артикуляционный (~ articulatoire) 134
 ~ грамматический (~ grammatical) 168
 ~ исторический (~ historique) 40
 ~ лексический (~ lexicque) 123
 ~ механический (~ mécanique) 129, 138
 ~ морфологический (~ morphologique) 73, 76, 123
 ~ семиологический (~ sémiologique) 118
 ~ синтаксический (~ syntactique) 123
 ~ социальный (~ social) 66, 206
 ~ статический vs. диахронический (~ statique vs. diachronique) 119, 122
 ~ физиологический (~ physiologique) 133–135
 ~ фонации/фонационный (~ phonatoire) 134, 135
 ~ фонетический (~ phonétique) 69, 73, 76, 117, 123
 ~ фонологический (~ phonologique) 129, 134
 ~ языка/языковой/языковой деятельности (~ linguistique/de langue/dc langage; chose linguistique/de la langue) 39, 40, 41, 43, 59, 69, 76, 79, 80–82, 88, 98, 101, 106, 107, 109, 110, 114, 118, 119, 120, 123–125, 129, 134, 147, 163, 170, 197, 206 (см. тж. *Ряд фактов*)
- Фактор [языкового обновления] (facteur [de renouvellement linguistique]) 49, 94**
 ~ времени (~ Temps) 41, 42, 46, 47, 52, 53, 56, 60, 92, 181–183, 189–192, 196, 197, 204 (см. тж. *Варьирование языка во времени, Дифференциация языков во времени*).
 ~ географический/пространства (~ de la distance géographique/de l'espace) 41, 55–61, 181, 182 (см. тж. *Варьирование географическое, Дивергенция*)

- языка в пространстве)
 ~ механический/физиологический (agent mécanique/physiologique) 55
 ~ психологический (agent psychologique) 55
 Фигура [языка] (figure [de langage]) 103, 124, 125
 ~ акустическая (~ acoustique) 134, 140
 ~ визуальная (~ visuelle) 153
 ~ звуковая/фонетическая (~ vocale) 91, 107–109, 149
 Фонация (phonation) 130, 134, 135, 138, 156, 171 (см. тж. *Момент фонации, Схема фонации*)
 Фонема (phonème) 128, 130, 131, 135–137, 141, 144, 185 (см. тж. *Звук, Тип звука*)
 Фонетика, фонетический (phonétique) 41, 61, 68–70, 77, 81, 84, 108, 117–119, 130, 143, 156, 164, 165, 200 (см. тж. *Фонология*)
 Фонизм (phonisme) 149, 156, 195
 Фонология, фонологический (phonologie, phonologique) 88, 128, 129, 130, 131, 134, 135, 139, 140, 156
 ~ групп (~ des groupes) 135
 ~ комбинаторная (~ combinatoire) 136, 137 (см. тж. *Фонетика*)
 Форма [языка] (forme [de la langue/de langage]) 36, 49–52, 68–79, 81–83, 97, 102, 116–118, 123, 146–148, 149, 152, 163, 195, 204
 ~ акустическая (~ acoustique) 133, 155
 ~ визуальная (~ visuelle) 155
 ~ грамматическая (~ grammaticale) 49
 ~ звуковая (~ vocale) 160
 ~ материальная (~ matérielle) 151
 ~ ментальная (~ spirituelle) 160
 ~ мыслительная (~ pensée) 168
 Формула (formule) 100, 111, 126
 ~ порядка (~ d'un ordre) 126
 ~ математическая (~ mathématique) 88
 ~ фонетическая (~ phonique) 151
 Функция (fonction) 154–156

 Ценность (valeur) 76, 88–90, 99, 100, 101, 108, 110, 119, 131, 148, 152, 156, 168, 188, 190–195, 198
 ~ абсолютная (~ absolue) 131
 ~ добавочная (surplus de ~) 146
 – система ценностей (système de valeurs) 190
 Цепочка импловзивная (chaînon implusif) 128 (см. тж. *Имплозия*)
 Цепочка экспловзивная (chaînon explosif) 128, (см. тж. *Эксплозия*)
 Цепь звуковая/фонационная (chaîne phonatoire/sonore) 131, 135, 154, 156, 184 (см. тж. *Звено*)
 Цепь речевая (chaîne de parole) 184, 185 (см. тж. *Звено*)

 Части речи (parties du discours) 145, 160
 Частица (particule) 203, 204
 Часть (partie, membre, élément, subdivision) 74, 75, 79, 101, 112, 147, 152, 154–156
 Член (terme) 101, 117, 119, 150, 151, 163, 186, 188, 193, 198, 200
 ~ положительный (~ positif) 198 (см. тж. *Элемент*)
 Члены предложения (termes de la phrase) 160
 Чувство языка/языковое чувство (sentiment de la langue) 72, 73, 75, 80–83

 Эволюция [языковая] (évolution [linguistique]) 164, 187, 207 (см. тж. *Движение языка во времени, Мотус*)
 Эквивалентность (équivalence) 134
 Эксплозия (explosion) 128, 135–137, 139, 142 (см. тж. *Группа, Цепочка экспло-*

живая)

- Элемент (élément/terme) 50, 72, 78–80, 90, 102, 109, 113, 115, 118, 122, 124, 128, 131, 137–140, 146, 147, 158–161, 163, 165, 186, 189, 197–199, 200, 201, 204 (см. тж. *Член*)
- Эллипсис (ellipse) 146
- Эпоха (époque/date) 40, 43, 45, 71, 73–77, 80–82, 84, 100, 124, 126, 143, 190, 204 (см. тж. *Период*)
- Этимология/этимологический (étymologie, étymologique) 69, 70, 72
- Явление [языковое] (fait/phénomène [linguistique/de la langue/ du langage]) 59–61, 79, 101, 103, 114, 118, 119, 122, 123, 125, 126, 143, 152, 168, 202
~ аналогическое (fait analogique) 202
~ фонетическое (fait vocal/phonétique; phénomène/événement phonétique) 90, 108, 128, 142, 143, 202 (см. тж. *Факт*)
- Язык (langue/langage/idiome) 35–47, 50, 53, 54, 60, 66, 67, 87, 89, 90, 92–98, 100, 102, 111, 112, 116, 119–123, 133, 144, 146, 147, 152, 156, 159, 162, 163, 170, 171, 178–181, 186, 191, 192, 196, 198, 199, 206
~ дискурсивный (langue discursive) 159
~ древний; мертвый (langue ancienne/morte) 45
~ естественный (langue naturelle) 183
~ звуковой (langue vocale/langage parlé) 148, 162
~ искусственный (langue artificielle) 44
~ литературный (langue littéraire) 56, 57, 183, 184
~ официальный (langue officielle) 56, 57
~ письменный (langue écrite/écriture) 43, 48 (см. тж. *Письменность*)
~ родной (langue/idiome maternelle) 43, 44
~ живой (langue vivante/langage vivant) 47, 71 (см. тж. *Речь, Языковая деятельность*)
- Языковая деятельность (langage) 34–41, 48, 51, 66, 67, 69, 87, 95–98, 101, 106, 107, 108, 144, 161, 170, 191, 192, 198, 199, 206 (см. тж. *Речь, Язык*)

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Фердинанд де Соссюр. Заметки по общей лингвистике.
Перевел с франц. Б. П. Нарумов

<i>Н. А. Слюсарева.</i> О заметках Ф. де Соссюра по общему языкознанию. <i>Вступительная статья</i>	. 7
<i>Р. Энглер.</i> Предисловие редактора французского издания	. . . 29
<i>Н. А. Слюсарева.</i> Предисловие редактора русского перевода	. 32
ГЛАВА I. Три лекции в Женеве, 1891 г.	. 34
1. Первая лекция. Место лингвистики среди гуманитарных наук, ее предмет; сравнительная грамматика и история языков	. 34
2. Вторая лекция. Изменение языков во времени – звуки и формы; аналогия и психические процессы	. 46
3. Третья лекция. Язык во времени и пространстве; диалекты и их особенности	 52
ГЛАВА II. О сравнительной грамматике и месте лингвистики в кругу филологических дисциплин	. . . 62
1. О сравнении языков	. 62
2. Критика названия курса "Сравнительная грамматика"	. 63
3. Различия между литературой, филологией и лингвистикой	. 64
ГЛАВА III. Особенности языка (языковой деятельности)	. 66
ГЛАВА IV. Морфология	. 68
§ 1. Морфология и фонетика	. 68
§ 2. Морфология как теория знаков, но не форм	. 70
§ 3. Морфологический анализ	. 71
§ 4. Ретроспективная морфология	. 73
§ 5. Историческая морфология	. 75
§ 6. Морфологическое движение языка (выводы)	. 78
§ 7. О выделении разделов научной грамматики	. 83
ГЛАВА V. Заметки к докладу (статье?) об У. Д. Уитни	. 85
1. Вводные замечания	. 85
2. Роль и особая судьба Уитни	. 86
3. Наука о языке в Германии	. 87
4. О фонологии	. 88
5. Подходы к явлениям языка	. 88
6. Двойственность объекта лингвистики	. 89

7. Язык как знаковая система и история	91
8. Двойственность лингвистики	92
9. Язык как социальное установление	. 93
10. Значение заимствований для теории знака	. 95
11. Еще об оценке Уитни	. 96
12. О знаковом характере языка	. 98
13. Об антиисторичности языка	. 99
14. Основной закон языка	101
15. Язык и семиология	102
16. Итоговая оценка Уитни	104
ГЛАВА VI. Записи к книге по общей лингвистике	106
1. Три ранних фрагмента .	106
1) Разграничение основных понятий	107
2) Разграничение основных понятий (2-й вариант)	109
3) Язык: произвольность – условность .	111
2. Состояние и движение (статус и мотус)	113
1) Событие и состояние	113
2) Событие и состояние (продолжение)	115
3) Лингвистика и ее два объекта	116
4) Диахрония и синхрония	118
5) Произвольность (условность) языкового знака	120
6) Предмет и имя .	120
7) Изменение знака	121
8) Виды языковых явлений	122
9) Смещение состояния и события	. 123
3. О трудностях терминологии	124
1) О фигурах	124
2) Программа младограмматиков	125
3) О законе	125
4) Простое выражение .	126
4. О фонологии, теории слога и графике: строение знака	. 127
1) Об артикуляции (членении)	127
2) Имплозия + имплозия	128
3) О фонологии	. 129
4) Заметки о <i>i, j</i> , <i>u, w</i> и о естественной теории слога	. 129
5) Фонология и лингвистика	130
6) Раствор	131
7) О передаче сонантов на письме	132
8) Акустическое впечатление и слог	132
9) Фонация и языковой факт .	134
10) Комбинаторная фонология	. 136
11) Механический аспект и о немом движении .	138
ГЛАВА VII. О фонетике и фонологии (физиологии звуков)	. 142
1. Эксплозия. Система звуков	. 142
2. Фонетические изменения	. 143

3. Фонология (Дополн.: Энгл., с. 91 № 3290)	143
ГЛАВА VIII. Афоризмы „ТЕМ“ (1). Языковой знак; изобретение терминологии	145
1. О предложении и эллипсисе	145
2. Язык и конвенциональность. Знаковый характер слова	146
3. Каталог основных ошибок (заблуждений). Форма в языке . .	150
4. Единицы языка. Состав знака	151
5. Принципы знака. Линейность	153
6. Функция знака как его ценность (значимость)	156
7. Значение и знак	157
8. Об истории лингвистики	158
9. Синхрония и диахрония	158
10. Слово и предложение	159
ГЛАВА IX. Афоризмы „ТЕМ“ (2). Лингвистические сущности	161
1. Единицы и сущности	161
2. Анатомия и физиология слова	162
3. Язык как семиологическая система	163
4. О фонетическом изменении	164
ГЛАВА X. наброски рецензии на книгу А. Сеше . .	166
ГЛАВА XI. Заметки к курсу II (1908–1909 гг.)	170
1. Двойственность в языке и лингвистика	170
2. Уитни и роль индоевропейского языкознания	171
3. Романское языкознание .	174
4. Кельтские языки	176
ГЛАВА XII. Заметки к курсу III (1910–1911 гг.)	178
1. Деление курса .	178
2. Географическое варьирование языка .	179
3. Язык – пространство и время	181
4. Литературный язык	183
5. Анализ звуковой цепи .	184
6. Номенклатура .	185
7. Сущности и цепи (соединений единиц)	185
8. Произвольность знака и понятие элемента – члена системы . .	186
9. Необходимость исторического изменения знаков	187
10. Двойственность лингвистики	189
11. Лингвистическая ценность (valeur)	192
ГЛАВА XIII. Заметки разных лет (не датируемые). Семиология.	195
1. Об историческом сравнении языков в свете ценности знака	195
2. Семиология и предмет лингвистики	196
3. Фрагменты записей о проблемах исторической лингвистики	200
1) Аналогия	200
2) Языковые семьи и фонетические изменения	201
3) Префиксы или предлоги .	203
4) Звуковые чередования (альтернации)	204
§ 4. О создании кафедры стилистики (примерно 1912 г.).	205
Комментарии. Составила Н. А. Слюсарева .	208

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Воспоминания Фердинанда де Соссюра о юности и годах учения.

Перевел с франц. Б. П. Нарумов

<i>Н. А. Слюсарева</i> . Несколько слов о "Воспоминаниях" Ф. де Соссюра	221
Воспоминания Фердинанда де Соссюра о юности и годах учения	223
Комментарии. Составила <i>Н. А. Слюсарева</i> .	233

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Из эпистолярного наследия Фердинанда де Соссюра

<i>Н. А. Слюсарева</i> . О письмах Ф. де Соссюра к И. А. Бодуэну де Куртенэ и Казимеру Яунюсу	237
Письма Ф. де Соссюра к И. А. Бодуэну де Куртенэ. <i>Перевел с франц. Б. П. Нарумов</i> .	242
Письмо Ф. де Соссюра к Казимеру Яунюсу от 23/XI 1889 г. на латинском и русском языках. <i>Перевела с латинского В. Д. Савукова</i>	245
Черновик письма Казимера Яунюса к Ф. де Соссюру. <i>Перевел с литовского К. Гаршва</i>	248
Комментарии. Составила <i>Н. А. Слюсарева</i> .	255
Литература.	257
Предметный указатель. Составил <i>Б. П. Нарумов</i>	261

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ПРОГРЕСС»
выпустила из печати

Зарубежная лингвистика. I. — Пер. с англ.

Сборник «Зарубежная лингвистика. I» содержит избранные работы I и VII выпуска «Нового в лингвистике» (М., 1960 и 1975), издания, положившего начало большой серии работ зарубежных лингвистов, пользовавшейся широкой популярностью. Многие выпуски этой серии сразу по выходу в свет становились библиографической редкостью. В настоящий сборник, состоящий из четырех разделов, включены работы о *методе глоттохронологии*, предложенном для установления датировки того или иного языкового факта американским языковедом М. Сводешем (первый раздел). Второй раздел посвящен *гипотезе Сепира — Уорфа*, предлагавшей интересные мысли, касающиеся проблемы взаимоотношения языка и мышления. Третий раздел — *Проблемы социальной лингвистики*. Четвертый раздел включает статьи по глоссематике — лингвистической теории датского ученого Л. Ельмслева.

Книга может быть адресована историкам языкознания, лингвистам всех специальностей, а также этнографам, психологам, философам.

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ПРОГРЕСС»
выпустила из печати**

Зарубежная лингвистика. II. — Пер. с англ.

Сборник «Зарубежная лингвистика. II» содержит избранные работы IV, V и XVII выпусков серий «Новое в лингвистике», «Новое в зарубежной лингвистике». Настоящее издание состоит из трех разделов: *Лингвистические направления, Языковые универсалии, Теория речевых актов и ее приложения*. В первый раздел вошли статьи Ч. Фриза, Г. Хойера, Х. Спанг-Ханссена; во второй — работы Дж. Гринберга, Ч. Осгуда, Дж. Дженкинса. Третий раздел представлен статьями Дж.Р. Серля, Д. Франк.

Книга может быть адресована лингвистам всех специальностей, психологам, философам, специалистам по моделированию общения.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ПРОГРЕСС»
выпустила из печати

Зарубежная лингвистика. III. — Пер. с англ., нем., фр.

Сборник «Зарубежная лингвистика. III» содержит избранные работы VI, X и XII выпусков серий «Новое в лингвистике», «Новое в зарубежной лингвистике». Настоящее издание посвящено двум языковедческим темам: *Языковые контакты* и *Проблемы семантики*. В сборник включены работы У. Вайнрайха, А. Мартине, Ч. Филлмора, Г. Скрэгга, Дж. Гринберга и др.

Книга может быть адресована лингвистам всех специальностей, психологам, философам, социологам.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ПРОГРЕСС»
выпустила из печати

Вильгельм фон Гумбольдт
Избранные труды по языкознанию. — Пер. с нем.

Вильгельм фон Гумбольдт (1767—1835) — выдающийся немецкий мыслитель-гуманист — является создателем теоретических основ науки о языке. Сборник его трудов, изданный в 1984 г. и ныне переиздаваемый, содержит работы, в которых затрагиваются важнейшие проблемы общезыковедческого и философского характера, по сей день являющиеся предметом оживленных дискуссий. Многие поставленные В. фон Гумбольдтом задачи и высказанные им идеи еще не получили разработки в современном языкознании; они потребуют новых усилий грядущих поколений ученых-мыслителей, и не одних только лингвистов.

Книга предназначена для лингвистов, литературоведов, философов, этнопсихологов и лиц, занимающихся проблемами теории и философии культуры.

Фердинанд де Соссюр
Заметки по общей лингвистике

Редактор русского текста *В.Д. Мазо*
Младший редактор *Р.И. Алимova*
Художник *В. Кулешов*
Художественный редактор *С.В. Красовский*
Технический редактор *Н.Е. Лазарева*
Корректор *О.Е. Косова*

ИБ № 20285

ЛР № 060775 от 07.03.97. Подписано в печать 13.08.2001. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Пресс-роман. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 17,5.
Уч.-изд. л. 18,82. Тираж 1000 экз. Заказ № 71. Усл. кр.-отт. 17,5. Изд. № 49921

ОАО Издательская группа «Прогресс»
119992, Москва, Zubовский бульвар, 17

ОАО Издательская группа «Прогресс»
Отпечатано в цехе оперативной полиграфии
119992, Москва, Zubовский бульвар, 17

ISBN 5-01-004715-2

9 785010 047153